

**СКАЗАНИЯ
РУССКАГО НАРОДА.**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ СЪ ТЪМЪ, ЧТОБЫ ПО ОТПЕЧАТАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНО
БЫЛО ВЪ ЦЕНСУРНЫЙ КОМИТЕТЪ УЗАКОНЕНОЕ ЧИСЛО ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ. С. ПЕ-
ТЕРВУРГЪ, МАЯ 11 ДНЯ, 1838 ГОДА.

Цензоръ Петръ Корсаковъ.

Въ типографии Сахарова.

СКАЗАНИЯ

РУССКОГО НАРОДА,

СОВРАНИТЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

Санктпетербургъ

1844.

Соизвѣште выслушать, люди добрые, слово вѣстинное, приголубьте рѣчию лебединое словеса немудрья, какъ въ стары годы, прежніе, юны люди старые. А и то-то родимые, бывыи вѣти мудрые, вѣти мудрые, народъ все православный. Жицва-то старики не по нашему, не по наиселу, по землорскому, а по своему, православному. А жити-то, жити-то было все привольное, да раздолбое. Вставали раныи раненіко, съ утренней варей, умывались клюевою водой со бѣлою росой, молились всѣмъ святымъ и угодникамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшитою, созывали сиурѣ вѣрнико на добры дѣла. Старики ради ради, молодые служили; старики придумывали крѣпкія душушки, молодые бывали во посыпушкахъ. Молодыя молодицы правили дѣлкомъ, красныя девицы зашивали вѣнки на Семикъ день; старыя старушки судили, ради и сказки сказывали. Бывали радости великія на великъ день, бывали бѣды со кручинами на великое сиротство. А это было, то бывало поросло, а это будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ младамъ долгое жити-е, а родной сторонѣ долгъ того.

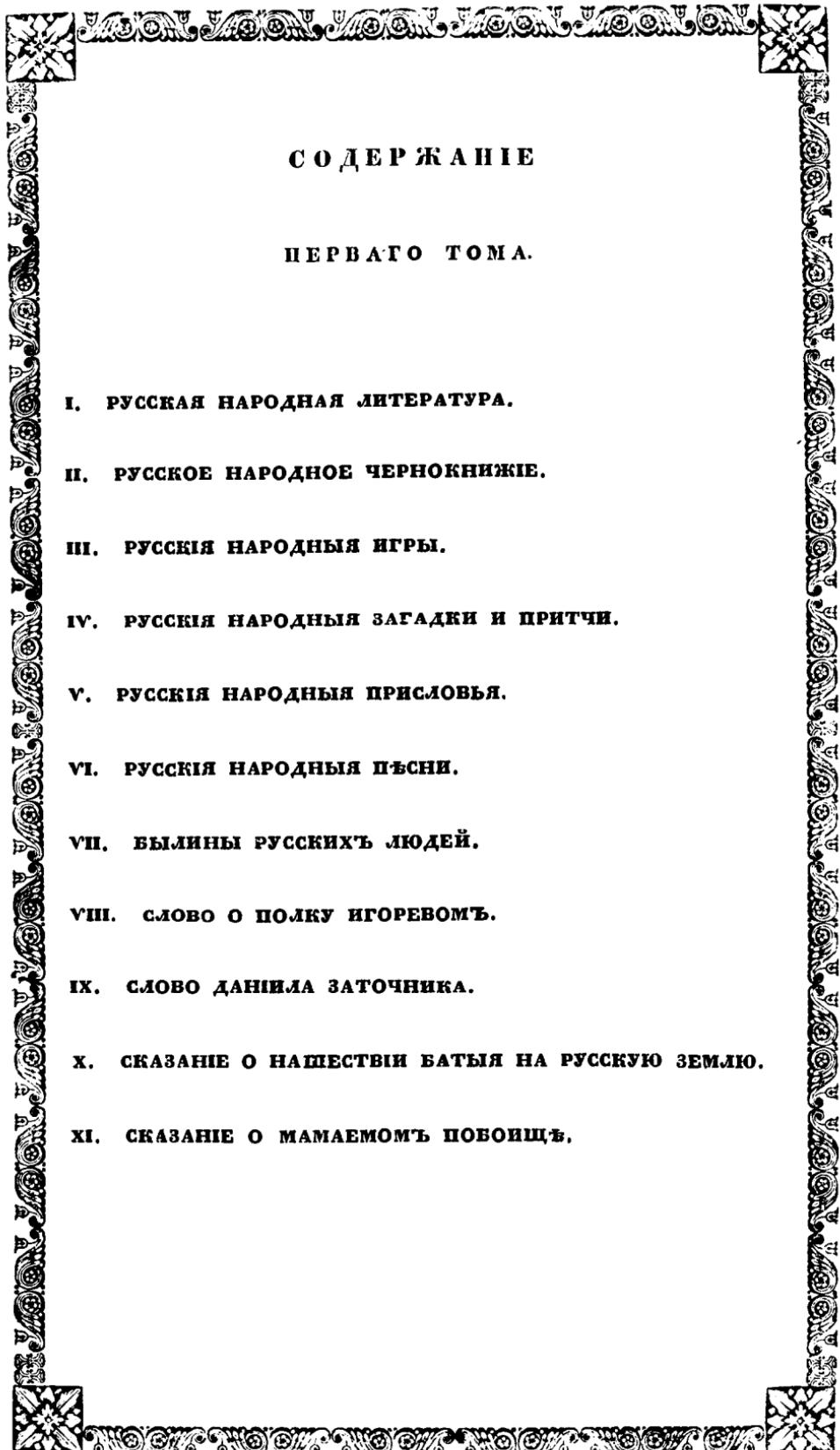
Р О Д Е Н Й

и

М Р Е А Й А М Ъ

ПОСВЯЩАЮ МОЕ СОБРАНИЕ.

Первое мое слово обращаю к просвещеннымъ соотечественникамъ. Горжусь, какъ Русской, участиемъ моихъ соотечесвий въ собраний родныхъ преданий, и творчеству, это мой обетъ, данный родинѣ съ юныхъ лѣтъ, исполненъ при ихъ содѣствии. Съ радостию произношу имена моихъ соотечесвий, посвѣтившихъ меня своимъ участиемъ, и вспоминаю за родину, это могу сказать Русское спасибо! Дорогихъ поддѣлъ: А. Н. Оленину, А. Ж. Востокову, Кн. В. Ф. Одоевскому, Н. П. Воскобову, Н. П. Яковлеву, А. Н. Касперину, В. Г. Анастасьеву, А. В. Терещенко, В. А. Акилову, Г. С. Попову, Ю. Н. Бартеневу, В. Н. Далю, Н. А. Калачеву, Г. Н. Паришину, Н. Ф. Афремову.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

- I. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.
- II. РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЧЕРНОКНИЖИЕ.
- III. РУССКИЯ НАРОДНЫЯ ИГРЫ.
- IV. РУССКИЯ НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ И ПРИТЧИ.
- V. РУССКИЯ НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВЬЯ.
- VI. РУССКИЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.
- VII. ВЫЛИНЫ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.
- VIII. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.
- IX. СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА.
- X. СКАЗАНИЕ О НАШЕСТВИИ БАТЫЯ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ.
- XI. СКАЗАНИЕ О МАМАЕМОМЪ ПОВОИЩЪ.

Благословите, братцы, старину сказать,
Чтоб бы старину стародавнюю,
Чтоб бы в старые годы, прежние,
Все это времена первоначальныя.

СЛОВО КЪ РУССКИМЪ ЛЮДЯМЪ.

О Бояне, соловію старого времена! Абы ты сіа пльны ушеноіаъ, скача
слави по мыслену древу, летая умомъ подъ облаки, синяя славы оба полы
сего времени... Чили вѣспѣти было вѣщей Бояне, Ведесовъ виуче!

Въ исторіи Русскаго народа доселе изображали только одну
Русь историескыи общественныю, забывая Русь семеиную, мо-
жетъ бытъ, единственную въ жизніи сѣверныхъ народовъ. Кто
опишетъ наль Русскую жизнъ? Же чююши гужевеми? Мы одни
можемъ вѣрно изобразить свою жизнъ, представить свой бытъ
со всѣми измѣненіями; этого Россія ожидаетъ только отъ Рус-
скихъ. Жи одинъ гужевемецъ не пойметъ восторговъ нашей
семеиной жизніи: они не разогрѣютъ его воображенія, они не
пробудятъ такихъ воспоминаній, какими наполнится Русская
грудь, когда ся бытъ совершаєтся во огю. Отъ этого-то наши
родные наивы такъ сладко говорятъ Русской душѣ о родинѣ
и предкахъ; отъ этого-то наши бытныи такъ умилъно воспоми-
наютъ о горѣ Дядовскомъ; отъ этого-то наши сказки такъ умопи-

но радуютъ насъ своимъ роднымъ языкомъ; отъ этого-то наши игры такъ утѣшаютъ молодежъ послѣ тяжкихъ трудовъ; отъ этого-то на наши свадьбы такъ рѣзво веселится наша душа мужающиихъ поколѣній; отъ этого-то въ съвѣтъныхъ повѣріяхъ нашего народа отражается общая міровая жизнь. Всё это составляетъ нашу народность и въ этомъ вѣнчается вся Русская семейная жизнь.

Напрасно думали, что только одни записки Лѣтописцевъ могутъ служить основаніемъ для истории Русского народа. Развѣ наши пѣсни, наши сказки, наши былины, наши повѣрія были выражениемъ другихъ народовъ? И будто Русскій можетълюстъ думать? Нетъ! Онъ знаетъ, что все это было въ его родной сторонѣ, что все это высказывалось нашими предками, и обо всемъ этомъ забывають говорить въ исторіяхъ Русского народа. Если бы гукасеменъ спросилъ: что вѣль осталось отъ вашей старой семейной жизни? Мы бы съ гордостью пригласили его на Русскія Святыни въ старинный боярскій домъ, и тамъ, указывая на разг҃уль народныхъ фантазий, сказали бы ему: Вотъ ея памятники! Вотъ наша старая Русская жизнь! Было время, когда всемъ этия дороюши, когда все это любили, когда все это берегли, какъ сокровище. Образованіе Европейцы восхищались нашими пѣснями; но можно ли ихъ восторгъ сравнить съ нашимъ восторгомъ? Они въ нашей народной поэзіи слышали только отголоски, выставившіе изъ восторженной души; но они не могли постигать наши былины, создаваемыя вдохновеніемъ и восторгомъ въ полномъ наслажденіи семейной жизни.

Много погибло на нашей земли родныхъ преданій, драгоценныхъ для истории, незадѣвенныхъ для потомства. Нраса

Русских князей, враги неправды и злодевы, витязь отважный, судьи виновное—Мстислав Удальцово красуется в нашей истории и славится памятью во боязнях народных. Историки об этих боязнях не знают. Мы переводим ведорные повести, а не хотим вспомнить о думы Ивана-Свера, думы неподражаемой. Какая-то непостижимая сила сберегла для нас память эти часы пущей словесности: Песнь о Полку Игоревом и Сказание о Куликовской битве. Если бы народные былины были изданы, то вторно все непонятные слова в Песни о Полку Игоревом сроднились со нашими понятиями, и тогда, может быть, постыдились бы говорить, что память Боянов не бывала, что эта песнь есть современное наше произведение.

Вспомните добрые Русские мудри, это наши предки любили места, где они родились, где жили их отцы, где стояли груды за родину. В старину в вученых словах славилась родина, славилась смиренна, славилась речка, близ которой жил вальд свою подъду дядь и прадядь. Речки: Волховъ, Москва, Волга, Ока, Донъ, Дунай, Днепръ—незабыты Русьими. Червое воображение, олицетворивъ богатырскую отвагою подъдные берега речекъ, произвело прелестные народные создания. Песнь о Донъ имеетъ свою неподражаемую оригинальность, свою виновную самобытность, свою первобытную поэзию, свою историю. Волховъ, девчольвый свидетель великихъ событій, воскрешаетъ забытые народы. Ока грустно припоминаетъ о народахъ Татаръ, стисняетъ грудь письмоизвца и тяжелымъ вѣжомъ навещаетъ бывшее страданіе отечны. Волга, утомившая окончку безисленныхъ племенъ, памятна письмами и разбоями. Въ сказахъ Днепровскихъ славится дворъ великаго Владимира, его могучие богатыри, его отважные походы. Дунай говоритъ

намъ о другихъ, забытыхъ Русскихъ походахъ. Это веъ оглашается и доселе въ разныхъ селеніяхъ; но обѣ этиомъ немногое напечатано.

Все я первый принимаюсь за описание Русской семейной жизни; наши археологи чужое проходе меня успѣли взыскать лестное одобрение отъ соотечественниковъ. За долго до меня много было приготовлено Русскихъ изысканий; но еще долгое представляется надежда въ будущемъ

Въ Сказанияхъ Русского народа я пытавъ все то, что было собрано мною во время путешествія по губерніямъ Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской и Московской. Въ эти счастливые дни моей жизни, изучая Русскую семейную жизнь, я внимательно вслушивался во всѣ разсказы поселенцевъ, съ тщательностью записывалъ всѣ народныя преданія и новія, со словъ самихъ рассказчиковъ. Ихъ этихъ-то записокъ представляю на судъ Любезнымъ Соотечественникамъ Сказания Русского народа. Сознаюсь, что мои изысканія далеки отъ полноты, которая должна бы находиться въ подобныхъ собранияхъ. Это я самъ виджу больше другихъ, и знаю, что для совершенно полнаго описания Русской жизни надо бѣдствовать всю Русскую землю и неутомимые труды многимъ людей.

Благосклонное вниманіе къ моимъ трудамъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ доставило мнѣ возможность продолжать предпринятое изданіе въ обширномъ объемѣ. Съ надеждою на это вниманіе, распространяю планъ и въ Сказанияхъ Русского народа представляю Русскую семейную и общественную жизнь во всѣхъ видоизмененіяхъ. Вотъ программа, по которой я рѣщаюсь нынѣ издавать Сказания Русского народа:

• ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ВЪ СЕЙ КНИГЪ ИЗЛАГАЮ СОВРЕМЕННЫЯ ПОНЯТИЯ О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ НАШИХЪ ПРЕДКОВЪ, МИѢНИЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII И XIX ВѢКОВЪ О РУССКОЙ НАРОДНОСТИ. МИѢХОТЬЛОСЬ ЭТИМЪ ОБОЗРЕНИЕМЪ ПОКАЗАТЬ: КАКЪ СМОТРѢЛИ ПРЕЖДЕ НА РУССКУЮ НАРОДНОСТЬ? КАКЪ ДУМАЛИ ОБЪ НЕЙ САМЫЕ РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ? ЧТО БЫЛО СДѢЛАНО ДО МЕНЯ РУССКИМИ АРХЕОЛОГАМИ ДЛЯ НАШЕЙ НАРОДНОСТИ?

КНИГА II. ОЧЕРКИ СЕМЕЙНОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

ВЪ СЕЙ КНИГЪ ПРЕДСТАВЛЯЮ: 1. *Русское народное Чернокнижие*, 2. *Русская народная Иеры*, 3. *Русская народная Загаѣки и Притчи*, 4. *Русская народная Присловья*. Соединяя въ одной книге ЧЕТЫРЕ РАЗНОРОДНЫЕ ПРЕДМЕТА О ЧУДНОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ, я ПРЕДПОЛАГАЛЬ, что этимъ однимъ могу сколько нибудь обьяснить заповѣданныя и явныя тайны нашей народности.

КНИГА III. РУССКИЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Здѣсь собраны пѣсни: 1. *Соятогныя*—подълюдныя, игорныя и обрядныя; 2. *Хороводныя*; 3. *Плясовыя*; 4. *Свадебныя*; 5. *Семейныя*; 6. *Разгульныя*; 7. *Едалия*; 8. *Солдатския*; 9. *Казацкия*; 10. *Историгеския*; 11. *Обрядныя*; 12. *Колыбельныя*. Для объясненія присоединены къ нимъ: *Варіанты*, *Сравнінія* съ другимъ Славянскими пѣснями, *Примѣгія и Объясненія*. Представляю будущимъ археологамъ рѣшить: кому въ Славянскомъ мірѣ принадлежитъ первенство пѣснопѣнія Русскимъ, или Сербамъ?

КНИГА IV. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЪ СЕЙ КНИГЪ СОБРАНЫ: 1. *Былины Русскихъ людей*; 2. *Слово о полку Игоревомъ*; 3. *Слово Даниила Затогнника*; 4. *Сказаніе о нашествіи Батыя на Русскую землю*; 5. *Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*. Здѣсь вмѣщаются вся наша древняя ЛИТЕРАТУРА, СОХРАНЕННАЯ ВЪ ПИСЬМЕННЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ. Самобытность ея уже болѣе не подлежитъ сомнѣнію: одна только наша мнѣческая историческая школа сомнѣвается въ ней.

• ТОМЪ ВТОРЫЙ.

КНИГА V. СТАРЫЕ СЛОВАРИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ВЪ СЕЙ КНИГЪ ПРЕДСТАВЛЯЮ: 1. *Словарь Лаврентія Зизанія*, 2. *Лексиконъ Намѣи Берынѣы*, 3. *Сказаніе о неудобѣ понимаемыхъ рѣгахъ*. Такимъ образомъ въ одной книге будеть соединена вся наша древняя ЛЕКСИКОГРАФІЯ. Начало нашихъ СЛОВАРЕЙ мы находимъ въ спискахъ Болгарскихъ. *Сказанія*

о неудобопонимаемых ругахъ и Азбуковникахъ были продолжениемъ и дополнениемъ Болгарскихъ списковъ. Въ словаряхъ Зизанія и Берынды мы видимъ одно нарѣчіе Бѣло-Русскія и Кіево-Переяславскія. Все это началось съ X вѣка и кончилось XVII—въ 1627 году.

КНИГА VI. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СВАДЬБЫ.

Въ свѣй книгѣ представляю: 1. *Русскія Древнія свадьбы*, 2. *Русскія Городскія свадьбы*, 3. *Русскія Сельскія свадьбы*. Соединяя въ одну книгу древнія и современныя свадьбы, я имѣлъ одну цѣль: указать, что дѣялось на свадьбахъ въ старину и что видимъ теперь? что было у нашихъ предковъ и что осталось намъ отъ стараго? Въ свадьбахъ болѣе всего сохраняется наша народность; и потому-то каждая черта древности, сохраненная пами, должна быть безцѣнна.

КНИГА VII. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ГОДОВЩИНА.

Въ сей книге представляю: 1. *Дневникъ народныхъ примѣтъ и повѣтій*; 2. *Народные градинки и увеселенія*. Таинственный міръ нашихъ предковъ, ихъ безусловныя вѣрованія въ непостижимо-чудные предметы помѣщены въ народномъ Дневнике. Въ народныхъ праздникахъ сохранилась наша стародавняя старина, міръ первобытный нашихъ предковъ, разгульная жизнь многочисленныхъ Славянскихъ племенъ. Мне казалось, что самый удобный-ший способъ для изображенія сего мира есть годовой Дневникъ.

КНИГА VIII. ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ сей книге напечатаны тексты путешествій: 1. игумена Даниила, 2. лѣгенда о игуменѣ Евфросиніи, 3. іеродіакона Зосимы, 4. Московскаго гостя Казанца Василия Гагары, 5. Трифона Коробейникова, 6. иноха Іоны, 7. Арсенія Суханова, 8. діакона Арсепія Селунскаго, 9. Антонія архіепископа Новгородскаго, 10. старца Леопілія, 11. Новгородца Стефана, 12. діакона Пенатіл, 13. дѣлка Александра, 14. иноха Симеона Суздалскаго, 15. Тверскаго купца Аѳанасія Пицкитина, 16. Ивана Петрова и Бурнаша Яльгева, 17. Ивана Петлиніа, 18. Федора Байкова. Такимъ образомъ въ одной книге найдемъ впечатлія нашихъ предковъ въ продолженіи VI вѣковъ при взглядеъ на чужія земли. Путешествія и записки путешественниковъ были любимыми занятиями нашихъ отцовъ.

ТОМЪ ТРЕТЬІЙ.

КНИГА IX. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГІЯ.

Въ сей книге представляю тайныя народныя сказанія: 1. о Водяныхъ, 2. Домовыхъ, 3. Льшихъ, 4. Огненныхъ Змѣяхъ, 5. Выхряхъ, 6. Русалкахъ, 7. Вѣдьмахъ, 8. Кикиморахъ, 9. Коровей смерти, 10. Гугукахъ, или Вампирахъ, или Игошъ, 11. Лихорадкахъ и 12. о Мертвцахъ.

КНИГА X. СЛОВАРИ РУССКИХЪ ОВЛАСТНЫХЪ НАРѢЧИЙ.

Въ сей книгѣ представлю Словари нарѣчій: *Велико-Русскаго, Бѣло-Русскаго и Мало-Русскаго.*

Велико-Русское нарѣчіе раздѣляется: на 1. *Московское, 2. Новгородское, 3. Суздальское и 4. Заволжское.*

Московское нарѣчіе составляютъ: 1. *Московское, 2. Тульское, 3. Рязанское, 4. Калужское, 5. Тверское и 6. Владимицкое.*

Новгородское нарѣчіе составляютъ: 1. *Новгородское, 2. Архангельское и 3. Онѣжское.*

Суздальское нарѣчіе составляютъ: 1. *Суздальское, 2. Прославское, 3. Ко-стромское, 4. Галицкое и 5. Муромское.*

Заволжское нарѣчіе составляютъ: 1. *Волоцкое, 2. Пермское, 3. Устюж-ское, 4. Сибирское, 5. Оренбургское, или языкъ ходебщиковъ.*

Мало-Русское нарѣчіе раздѣляется: на 1. *Киево-Переяславское, Слободское и Волынно-Подольское.*

Киево-Переяславское нарѣчіе распространено по всему Запорожскому и Черноморскому краю.

Словари Бѣло-Русскаго нарѣчія представлены въ трудахъ Визанія и Берыпды.

КНИГА XI. РУССКИЯ НАРОДНЫЯ ОХОТЫ.

Въ сей книгѣ будеть представлено обозрѣніе: I. *ОХОТЪ ПТИЧИХЪ:*

1. *Гусиной, 2. Плутушей, 3. Соловиной, 4. Голубиной, 5. Жавороногой, 6. Перепе-логной, 7. Соколиной, 8. Кинареегной, 9. Чижиной, 10. Скворцовой; II. *ОХОТЪ ЗВЬРИПЫХЪ:* I. *Медвѣдь, 2. Заяц, 3. Лисей, 4. Волгей, 5. Собагей.**

III. *СОКОЛНИЧИЙ УСТАВЪ.*

КНИГА XII. СКАЗАНІЯ О РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ ВРАЧЕВАНІИ.

Въ сей книгѣ представляю: 1. *Старыя оракулѣнія запеки; 2. обозрѣніе Рус-скаго народнаго легенія.*

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИГА XIII. РУССКАЯ НАРОДНАЯ СИМВОЛИКА.

Здѣсь представляю народныя сказанія о Природѣ. Мнѣнія и понятія на-шыхъ предковъ—о Физикѣ и Астрономіи любопытны. Здѣсь мы встрѣчаемъ преданія Греческия и Записи Западныхъ писателей. Послание старца Фило-оеда къ Дѣяку Мпсирю о Астрономіи и Астрологіи, возраженіе Максима Грека на Коперника—на Николая Нѣмчина прелестнаго Звѣздогетца принадле-жать къ категоріи Русскихъ сочиненій.

КНИГА XIV. ЛѢТОПИСЬ РУССКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.

Въ сей книгѣ будуть представлены: 1. *состояніе Русскихъ книогранициз; 2. Каталоги библіотекъ; 3. Указатель извѣстныхъ рукописей; 4. Указанія о перево-*

захъ съ Греческаго языка; 5. Рукописи: Болгарскія, Сербскія, Афонскія, Цареградскія, и Славяно-Русскія. Безъ сего обозрѣнія никогда не можетъ быть приведена въ извѣстность Русская литература до XVIII вѣка. Здѣсь начало нашей Филологии и Археологии.

КНИГА XV. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПОВѢРІЯ И ПРИМѢТЫ.

Повѣрія и примѣты передавались въ Русскихъ семействахъ изъ рода въ родъ. Однъ изъ нихъ наши коренные Русскія, другія перешли изъ Греціи. По спискамъ Болгарскихъ рукописей мы узнаемъ, что некоторые Греческія повѣрія и примѣты переходили къ намъ не прямо изъ Греціи, но чрезъ Болгарию.

КНИГА XVI. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Въ сей книгу представляю: текстъ Русскихъ Пословицъ, сведенный по старымъ рукописямъ и вывшимъ печатнымъ изданіямъ. Наши Пословицы составляютъ блестящее украшеніе народности, и темъ больше они для насъ должны быть драгоценны, что сохранины въ устахъ народа. Предки наши чтили свои Пословицы, какъ мудрыхъ руководителей.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

КНИГА XVII. ЛѢТОПІСЬ ДРЕВНІХЪ ИСКУССТВЪ И ХУДОЖЕСТВЪ

Въ сей книгу представляю обозрѣніе: 1. о Русскомъ пѣніи, 2. о искусстве Иконописанія: Греческаго, Московскаго, Повгородскаго, Устюжскаго или Строгановскаго и Фрлжскаго. 3. Разборъ Персональниковъ или подпиниковъ. 4. Рисунки, сохранившиеся въ древнихъ рукописяхъ. 5. Зданія: Храмы, монастырскіе ограды, Кремли, 6. Оружія, 7. Гробницы, 8. Дворцы и Терема.

Сюда принадлежатъ: 1. Митрополита Павла: Сказание о нотномъ гласобольшапіи, и о литерныхъ Знаменныхъ поимкахъ, и о Знамени нотномъ; извѣщеніе о согласившихъ поимкахъ вкратцу изложенныхъ, со изящнымъ намѣреніемъ требующимъ учитися пѣнію; наука всея мусики, аще хощени разумѣти Киевское знамя и пѣніе согласное и чинно сочиненное. 2. Посланіе Изографа Иосифа къ Царскому Изографу Симону Федоровичу о доброписаніи Икономъ; 3. Евфросина сказание о Ересяхъ въ знаменныхъ книгахъ; 4. Повѣсть Продіона Иконника; 5. Николая Димитриева: идея грамматики Мусикийной.

КНИГА XVIII. ЛѢТОПІСЬ СЛАВЯНО-РУССКІХЪ ТИПОГРАФІЙ.

Въ сей книгу представляю обозрѣніе съ 1491 по 1700 годъ типографій:

1. ВЕЛИКО-РУССКИХЪ: 1. Московской духовной, 2. Александровской слободы, 3. Иверского монастыря, 4. Верхней или при дворной.

II. МАЛО-РУССКИХЪ: 1. Киевской Печерской, 2. Киевской Соболи, 3. Черниговской, 4. Новгород-Северской.

III. ВѢЛО-РУССКИХЪ: 1. Витенской, 2. Ело, 3. Могилевской, 4. Кутепинской.

IV. ВОЛЫНСКИХЪ: 1. Заблудовской, 2. Несвижской, 3. Острожской.

Для состава сводной Родословной книги у насъ есть безчисленные источники въ рукописяхъ, источники, до которыхъ еще не касалась археологическая рука. Такъ въ одной Императорской Публичной библиотекѣ находится 15 списковъ [изъ Толст. рук. только 13], въ Румянцовскомъ музей 4, въ Воскресенскомъ Ново-Иерусалимскомъ монастырѣ 3, въ моей библиотекѣ 3 [изъ коихъ одинъ боярина Ромодановского]. Съ этими 25 списками смѣло можно приступать къ дѣлу и приводить въ исполнение предположенный планъ.

КНИГА XXVI. ЛѢТОПИСЬ РУССКОЙ НУМИЗМАТИКИ.

Всю лѣтопись Русской Нумизматики раздѣляю на два отдѣла: на древній и новый. Въ первомъ отдѣлѣ обозрѣваю монеты: *Велико Княжескія, Городскія, Уѣзжіе, Княжескіе и Царскіе*. Во второмъ отдѣлѣ представляю: современное состояніе Русской Нумизматики въ XIX столѣтии.

КНИГА XXVII. ОБРАЗЦЫ ВЕЛИКО-РУССКИХЪ, БѢЛО-РУССКИХЪ И МАЛО-РУССКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Образцы Областныхъ Нарѣчій представляютъ Русский языкъ совершенно въ другомъ видѣ. Можетъ быть, наше потомство будетъ счастливѣе насъ, когда успѣеть составить Грамматики Областныхъ Нарѣчій. Русскія Областныя Грамматики будутъ верхомъ совершенства Русскаго языка, будутъ торжествомъ Русскаго народа предъ всѣмъ міромъ. Въ эти только счастливые дни сознаются Европейцы, что такого совершеннаго языка, каковъ Русскій, во всѣхъ его видопрѣмененіяхъ, не было и не будетъ на земномъ шарѣ. До тѣхъ поръ пускай они клевещутъ на Русский языкъ и на всю нашу ЛITERATURU.

КНИГА XXVIII. СЛАВЯНО-РУССКАЯ МИОЛОГІЯ.

Единственное основаніе нашей Славяно-Русской Міоологии составляютъ нѣсколько словъ Нестора и народныя преданія. Зато это основаніе, самое вѣрное и прочное—не много имѣло поборниковъ. Одни міоографы думали дополнять нашу Міоологію—выдумками, другие переносили боговъ изъ всѣхъ Славянскихъ поколѣній. То и другое было несправедливо. Отъ однихъ и тѣхъ же причинъ въ нашей Міоологии мы видимъ всякой сборъ чуждыхъ ей основаній. Въ наше время пора уже оставить все это. По какимъ-то темнымъ и превратнымъ догадкамъ вздумали обвинять нашихъ предковъ въ многожизніи. Со всѣмъ не кстати съ Міоологіей смѣшивали и Демонологію. Наше обозрѣніе Міоологии будетъ основано на Несторѣ и Русскихъ преданіяхъ. Выдумки, предположенія и додаки представляемъ другимъ.

КНИГА XXIX. РУССКИЕ РАЗРЯДНЫЕ СПИСКИ.

Съ Разрядными списками я рѣшаюсь тоже предпринимать, что и съ Родословными книгами. И эти списки также должно издавать критически, въ сводномъ составѣ, раздѣляя ихъ по книженіямъ и царствованіямъ. Разряды и Дворцовая записки въ составѣ своемъ составляютъ одну и ту же кате-

ГОРЮ. КЪ НИМЪ ПРИМЫКАЮТЪ НЕРАЗДѢЛЬНО—СПОРЫ О МѢСТИЧЕСТВѢ. РАЗРДНЫЕ СПИСКИ Я РАЗДѢЛЯЮ НА 4 ОТДѢЛА. ВЪ ОТДѢЛЪ ПЕРВАГО ВЗОЙДУТЬ: РАЗРДЫ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ, ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ: ИОАННА III ВАСИЛЬЕВИЧА И ВАСИЛЯ ИОАННОВИЧА. ВЪ ОТДѢЛЪ ВТОРАГО ПОМѢСТЯТСЯ РАЗРДЫ ЦАРСКИЕ: ЦАРЕЙ ИОАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА И ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА. ВЪ ТРЕТЬИЙ ОТДѢЛЪ ПОМѢСТЯТСЯ РАЗРДЫ ЦАРСКИЕ: ЦАРЯ БОРИСА ФЕОДОРОВИЧА И ВАСИЛЯ ИОАННОВИЧА; ПОТОМЪ РАЗРДЫ ЛЖЕДМИТРИЯ И МЕЖДУ-ЦАРСТВІЯ. ВЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ ВОЙДУТЬ РАЗРДЫ ЦАРСКИЕ: ЦАРЕЙ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА, АЛЕКСІЯ МИХАИЛОВИЧА И ФЕОДОРА АЛЕКСІЕВИЧА. КЪ КАЖДОМУ ИЗЪ СИХЪ РАЗРДОВЪ БУДЕТЬ ПРИЛОЖЕНО ОВОЗРѢНИЕ МѢСТИЧЕСТВѢ.

КНИГА XXX. ПРИЛОЖЕНИЯ И УКАЗАТЕЛИ.

ВЪ СЕЙ КНИГѢ БУДУТЬ ПОМѢЩЕНЫ *Приложение и Указатели* ко всвмъ 29 книгамъ *Сказаний Русскаго народа*.

Невъ срединѣ Русской земли выношу вѣмъ, мои добрые соотечеси, нашу вавіотную народность. Я не ходилъ за нею ни на Востокъ, ни на Западъ; она сама откликнулась мнѣ на родной земль, она сама заговорила со мной роднымъ языкомъ, она сама рассказала мнѣ тѣдныя былины о родинѣ и предкахъ. Живѣя тысягамѣтніхъ былинахъ вся Хусь воскресала предо мною. Это была чуже не книжная исторія, выкроенная по тѣсту въ жарскомъ, повѣсть гуждая Русскому уму и Русскому сердцу; это была исторія родная на мѣ по мысли и слову, повѣсть про Русскую землю, про Русскихъ людей. За этою-то народностью ходилъ я по городамъ и селамъ, по домамъ и по поламъ. Вспомните, это скоро настанетъ тысягамѣтіе нашей народности; вспомните, сколько она въ эту тысячу лѣтъ претерпѣла гоненій. Тыли страшныя години на нашей родной землѣ, когда Русский отстаивалъ свою народность. Золотомъ и трудами платилъ онъ Сорману и Татарину, Французу и Испанцу за свою вѣру, за свой языкъ, за могилы своихъ отцовъ. Вспомните свою народность и сохраните ее для себя самихъ, для своего потомства.

Н. Сахаровъ.

4. Стратинской, 5. Четвертинской, 6. Погаевской, 7. Луцкой, 8. Рахмановской, 9. Супрасльской, 10. Уневской, 11. Буйницкой, 12. Кременецкой. V. Галицкихъ: 1. Краковской, 2. Галицкой, 3. Крыловской, 4. Германской, 5. Львовской СТАВРОПИГИАЛЬНАГО БРАТСТВА 6. Львовской Слезки 7. Львовской Ивана Феодорова МОСКОВИТТИНА 8. Львовской Войтеха Мельгевского, 9. Львовской Иосифа Шумлянского; VI. ЗАПАДНЫХЪ: 1. Венецианской, 2. Прагской, 3. Болградской, 4. Любансской, 5. Амстердамской, 6. Римской. VII. ЮЖНЫХЪ: 1. Зетской, 2. Цетинской, 3. Скафари, 4. Мнаешской, 5. Еро-Владской. 6. Дельской, 7. Тереговицкой, 8. Яской.

КНИГА XIX. ЛѢТОПИСЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЪ СЕЙ ЛѢТОПИСИ БУДЕТЬ ИЗОБРАЖЕНА НАША ЛИТЕРАТУРА ПО СОХРАНИвшЕМСЯ ПАМЯТНИКОМЪ до 1700 ГОДА.

КНИГА XX. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

ЗДѢСЬ БУДУТЬ НАПЕЧАТАНЫ ТЕКСТЫ НАРОДНЫХЪ СКАЗОКЪ И УКАЗАНІЯ НА УМЫШЛЕННЫЕ ПЕРЕДѢЛКИ НАШИХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ. ВЪ СКАЗКАХЪ ВАЖЕНЬ ДЛЯ НАСЪ ЯЗЫКЪ САМОБЫТНЫЙ, ЧИСТО РУССКИЙ. МОСКОВСКИЕ ИЗДАТЕЛИ ПЕЧАТАЮТЪ ЛУБОЧНЫЯ ИЗДАНИЯ СКАЗОКЪ СЪ СВОЕВОЛЫНЫМИ ВСТАВКАМИ И ПЕРЕДѢЛКАМИ. ЭТО ЧЕРНОЕ ПЯТЛО ДЛЯ НАШЕЙ НАРОДНОСТИ МЫ ДОЛЖНЫ УНИЧТОЖИТЬ ИЗЪ НАШЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ, ЕСЛИ НЕ ЖЕЛАЕМЪ ПОДВЕРГАТЬ СЕВЯ СУДУ ПОТОМСТВА, ЕСЛИ МЫ ЕЩЕ ДОРОЖИМЪ СВОИМЪ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ.

ТОМЪ ШЕСТЪЙ.

КНИГА XXI. ЗАПИСКИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

ПОСЛЪ ЛѢТОПИСЕЙ, ПОСЛЪ ВСТАВОКЪ ВЪ ХРОНОГРАФАХЪ, ПОСЛЪ ПОВѢСТЕЙ ЗВЛОУМЫШЛЕННЫХЪ, ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКОВЪ СОСТАВЛЯЮТЪ ЕДИСТВЕННОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ДЛЯ ИСТОРИИ. САМО СОВОЮ РАЗУМѢТЬСЯ, ЧТО КРИТИКА ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДОЛЖНО ОЦѣНИТЬ ПХЪ ДОСТОИНСТВО, УКАЗАТЬ СТЕПЕНЬ ИХЪ ВЪРОЯТНОСТИ. ДЛЯ ВРЕМЕНЪ ГРОЗНОГО МЫ ИМѢЕМЪ ЕДИСТВЕННОГО КУРБСКАГО, ДЛЯ МЕЖДУЦАРСТВІИ ПАЛИЦІНА И ФИЛАРЕТА, ДЛЯ АЛЕКСІЯ МИХАЙЛОВИЧА КОШХІНА, ДЛЯ ФЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА ПОЧТИ НАКОГО; ПО ЗА ТО СЪ ВОЦАРЕНІЯ ПЕТРА НАЧИНАЕТСЯ НЕПРЕРЫВНЫЙ РЯДЪ ЗАПИСОКЪ. ЭТОТЪ РЯДЪ ЗАПИСОКЪ Я ПРЕДПОЛАГАЮ ИЗДАВАТЬ.

КНИГА XXII. ОБОЗРѢНІЕ ДРЕВНІГО РУССКОГО ПРАВА.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ ПРАВО, НАЧИНАЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО ПОМОКОНОПА ДО СУДЕБНИКА ЦАРЯ ІОАНИА ВАСИЛЬЕВИЧА, ТРЕБУЕТЬ СТРОГАГО КРИТИЧЕСКАГО ОСМОТРА. ТРИ ВЪКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ: *Русская Правда*, *Уложение* и *Судебникъ*, СОСТАВЛЯЮТЪ ТОРЖЕСТВО РУССКОГО ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЯ, ОТДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА. ЗА НИМИ ИДЕТЬ ВЕЗЧИСЛЕННЫЙ РЯДЪ ГРАМАТЪ—ПРАВО ОТДѢЛЬНОЕ, НЕСВЕДЕНОЕ ДОСЕЛЪ ВЪ ОДНО ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. ТАКОВЫ ГРАМАТЫ: *Жалованыя*, *Губчесыя*, *Процессыя*, *Крестныя*, *Лъготныя* и *Тарханыя*, *Пастольныя*, *Опас-*

ныя, Отписныя, Правыя и Безсудныя, Приставныя, Дерноватыя, Разжетныя, Ск.гатныя, Губныя, Судныя, Шертыныя, Бставныя, Таможенные Договорныя. Историческо-критическое обозрение древнего Русского права въ продолженіи VII столѣтій будетъ моимъ изслѣдованиемъ.

КНИГА XXIII. ОБОЗРЕНИЕ РУССКИХЪ ГЕРБОВЪ И ПЕЧАТЕЙ.

Гербы Русские составляютъ двѣ отдельныя категории, различныя по своему происхождению и появлению. Къ первой принадлежать гербы Дворянскіе, ко второй Городскіе. Гербы Дворянскіе требуютъ своего критического разложения по отдельнымъ гербовникамъ. Гербы дворянскіе раздѣляю на IV разряда: 1. *Русский*, ии откуда незапимствованный, 2. *Русский смѣшанный*, 3. *Польский*, 4. *Племецкий*. Городскіе гербы раздѣляю на два разряда: 1. на *Старинный*, до XVIII вѣка, 2. на *Новый*, запимствованный или съ полковыхъ знаменъ или составленный по топографической мѣстности. Печати Русскія осматриваю въ четырехъ отдельныхъ видахъ: какъ печати *Государственныя*, *Владыгныя*, *Посадничьи* и *Дворянскія*.

КНИГА XXIV. РУССКИЯ НАРОДНЫЯ ОДЕЖДЫ.

Въ сей книгѣ буду обозревать: 1. *одежды древнія*: *Царскія*, *Боярскія* и *Горожанскія*. 2. *одежды современныя*: *Кокошки*, *Капки*, *Шубейки*, *Растегаи*, *Городки*, *Тыльгертайки*, *Сарафаны*, *Шапки*—*Мурманки*, *Кораблики*, *Рожнецы*; *Кафтаны*, *Зипуны*, *Редишки*, *Холоѣники*, *Шубы*, *Шугаи*, *Шушуны*.

ТОМЪ СЕДМЪЙ.

КНИГА XXV. РОДОСЛОВНАЯ КНИГА РУССКИХЪ ДВОРЯНСКИХЪ РОДОВЪ.

Многочисленные списки старыхъ Родословныхъ книгъ досель не были изданы критически, въ сводномъ изданіи. Всѣ наши Родословные книги раздѣляются на четыре главные разряда. Въ составъ первого разряда входятъ: книги, составленные въ царствование Царя Иоанна Васильевича; въ составъ втораго—видимъ книги, исправленныя при Царѣ Михаилѣ Оеодоровичѣ; третій разрядъ состоять изъ Бархатной книги; въ составъ четвертаго входятъ: книги семейныя—сборники, составленные изъ родословія избранныхъ годовъ. Первый разрядъ хотя самый важный, не составляетъ еще основанія книгъ Родословныхъ, равно какъ и Бархатная книга. Въ редакціи первой мы видимъ только начало огромнаго дѣла; въ редакціи второй находимъ приготовленіе къ созданию полнаго дворянскаго родословія. Объ замѣчательныхъ редакціяхъ, какъ неполныхъ, не могутъ служить руководителями для родослововъ. Надобно изъ всѣхъ четырехъ разрядовъ составить одно сводное изданіе; потомъ это сводное изданіе должно свѣрять съ Летописями, Разрядными списками, со всѣми досель известными актами. Послѣ этого только можно смыло приступать къ историческому описанію дворянскихъ годовъ.

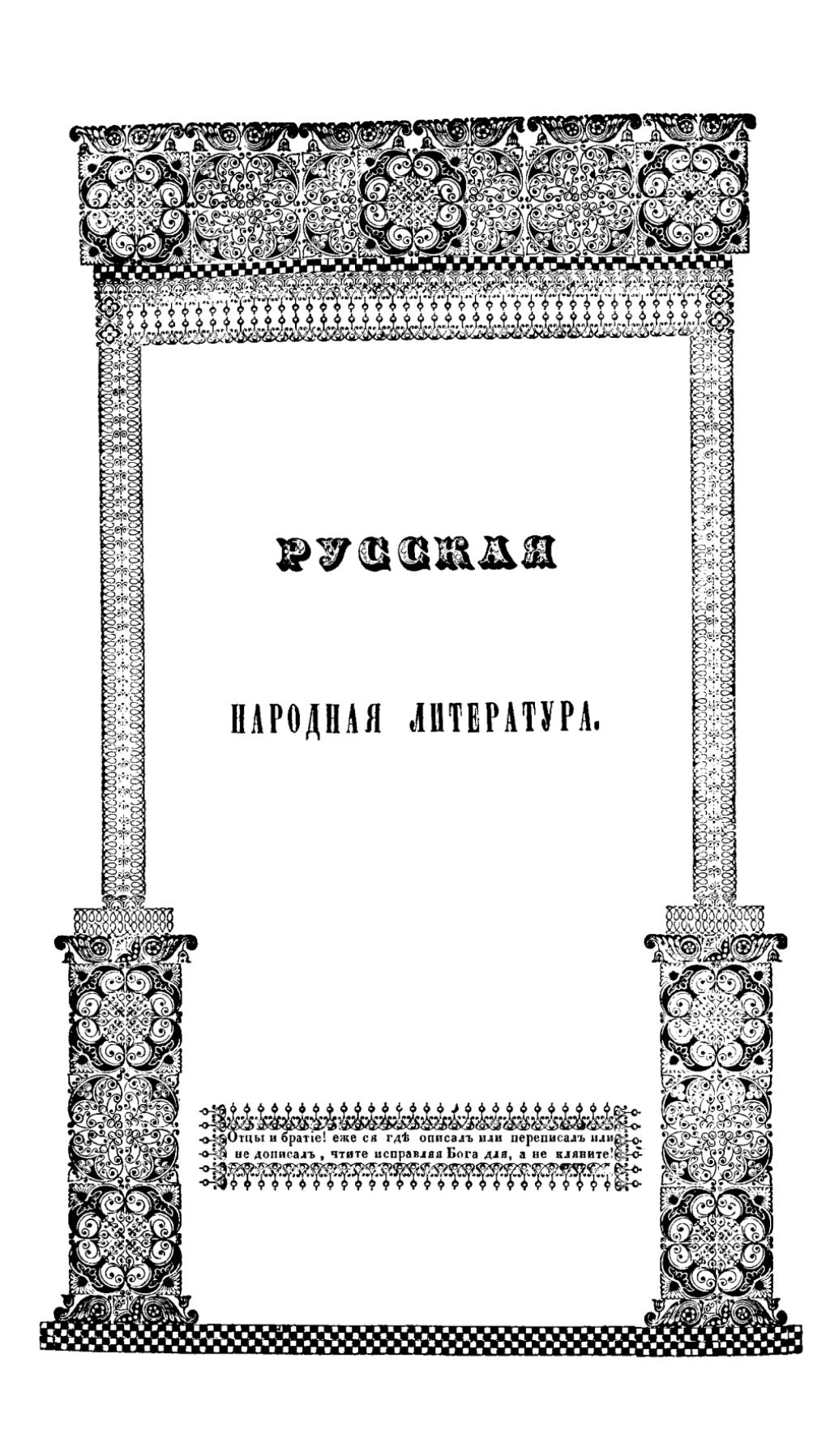
РУССКАЯ

НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

LVGKALO HAPOLA.

DRAGAHLU

REHUTA REPBAH.

РУССКАЯ

НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

— Отцы и братие! еже си гдѣ описанъ или переписаъ иль не дописаъ, чтите исправля Бога для, а не кляните!

Русскія древности, столь близкія нашему сердцу, были любимыми занятіями многихъ почтеныхъ соотечественниковъ. Для нихъ старая Русская жизнь, сохраняющаяся въ народныхъ сказаніяхъ и обычаяхъ, была единственномъ цѣлію всѣхъ изысканій. Не уже ли мы и теперь будемъ безмолвны, когда видимъ съ какою готовностю и самоотверженіемъ Русскіе и чужеземцы посвящаютъ этому лучшіе годы своей жизни, не обрѣщая вниманія—будутъ ли ихъ занятія оцѣнены современниками? Рано или поздно прервется это молчаніе, эта невнимательность. Мы постигаемъ, что все собранное неутомимыми трудами этихъ почтенныхъ тружениковъ, составляетъ «борникъ самыхъ любопытныхъ свѣдѣній, неистощимый запасъ для будущихъ дѣтей, драгоценный для чтищихъ свято въ своемъ сердцѣ Русскую землю».

Не принимая на себя смѣлости равняться въ своихъ изысканіяхъ съ трудами предшественниковъ, и представляяя болѣе свои занятія на строгій судъ соотечественниковъ, осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе о всѣхъ сочиненіяхъ, выданныхъ Русскими и чужеземцами единственно только по однѣмъ сказаніямъ. Начинать обозрѣніе о каждой книгѣ, о каждой журнальной статьѣ отдельно — было бы не кстати и неумѣстно; это составило бы только пустой обзоръ, ничего необъясняющій, замѣчанія на избранные предметы, ничего неоткрывающій. Въ наше время уже довольно много сдѣлано по стройнаго и важнаго, мы имѣемъ предметы болѣе или менѣе обработанные. Вотъ почему представляю свое обозрѣніе въ формѣ исторической, осматривая каждый предметъ въ трудахъ многихъ писателей. Опасаюсь одного только, чтобы подъ избраннымъ мною названіемъ: Русская народная Литература — не признавали мои сужденія за произвольныя и опрометчивыя, за рѣшиимость выше силь моихъ, за желаніе поставить на видъ одного себя. Цѣлью слѣдуетъ похождя для себя никакого спихожденія отъ людей, сочиненія которыхъ были избраны мною для обозрѣнія. Знаю, что мои замѣчанія сказаны безпредвѣстно, съ однѣмъ только желаніемъ открыть истину, указать на труды, заслуживающіе полную признательность соотечественниковъ, я увѣренъ въ правотѣ своей, не прошу извиненій, которыхъ никогда и ни чѣмъ не вымолиши для своихъ недостатковъ, но готовъ и защищать себя отъ несправедливыхъ обвиненій. Не думаю также, чтобы было нужно защищать избранный предметъ. Смѣшно было бы до пошлости отвергать нападенія на существование Русской народной Литературы, когда есть сотни сочиненій, изданныхъ по одному и тому же предмету.

Русская народная Литература будетъ состоять изъ двухъ отдѣлений. Въ обозрѣніе первого будуть входить:

1. Славяно-Русская Мифология.
2. Пѣсни Русского народа.
3. Русские народные праздники.
4. Пословицы Русского народа.
5. Русскія народныя свадьбы.
6. Сказки Русского народа.

Второе отдѣление единственно посвящается на обозрѣніе Русскихъ областныхъ Нарѣчій. Этотъ предметъ, еще непочатый въ Русской Литературѣ, приводить въ изумленіе своимъ величиемъ. Неистощимость Русского языка, коренные Русскія формы выраженій, мѣстный выговоръ словъ — открываютъ въ нашей отчизнѣ людей съ особенными нарѣчіями, языкъ Славянскій почитаемый доселе забытымъ. Такъ въ однѣмъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ языкъ нашихъ лѣтописей живымъ и дѣйствующимъ, въ другомъ видимъ первозданную Русскую народную поэзію во всей цѣлости, неиспорченную, необозраженную. Тогда увидать, что такъ безщадно терзаемая Пѣсни о полку Игоревомъ окроется чисто Русскимъ произведеніемъ, тогда всеѣ непонятныя въ ней слова, почитаемыя забытыми, чужими, представляются дѣйствующими, нашими; тогда мы не будемъ переселять это произведеніе изъ одного мѣста въ другое, или усвоять его другому Славянскому поколѣнію.

Не беру на себя отважной дерзости представлять грамматики Русскихъ областныхъ нарѣчій; это трудъ гигантскій, труда многихъ людей и многихъ годовъ; я единственно принимаю на себя показать особенности: а) Велико-Русскихъ Нарѣчій: Новгородскаго, Московскаго, Суздальскаго, Владимірскаго; б) Мало-Русскихъ: Полтавскаго, Харьковскаго, Кіевскаго; в) Бѣло-Русскихъ по старымъ памятникамъ; представляю Словари областныхъ нарѣчій; покажу сравнительныя сказанія каждого изъ нихъ.

ОТДЕЛЕНИЕ I.

СЛАВЯНО-РУССКАЯ МИОЛОГИЯ.

История Славяно-Русскихъ миоографий представляетъ одно изъ рѣдкихъ явлений въ Русской Литературѣ, явление, исполненное разнообразныхъ вымысловъ, певѣроятныхъ догадокъ,ничтожныхъ предприятий. Начиная съ Нестора—до нашихъ временъ—мы насчитываемъ болѣе десяти Русскихъ миоографовъ; но, при всемъ томъ, смыло можемъ сказать, что наша Литература не имѣтъ еще Славяно-Русской Миоологии. Кажется, что все это происходило отъ того, что наши миоографы впадали въ рѣшительный крайности, уничтожавшія всѣ ихъ предприятия. Для подтверждения нашихъ словъ указываемъ на эти крайности.

1. Усвоеніе Славяно-Русской Миоологии естьхъ другихъ богоевъ Славянскихъ поклоній.

Писатели собирали все, что только находили у иностранныхъ писателей оеъ этихъ богоахъ, безъ всякаго различія. Все чужое, не наше, приписывали Русскимъ, нашимъ предкамъ. Изъ этого вышло, что всѣ доселъ извѣстныя миоографіи не только не достигли своей цѣли, но еще лишили насъ и иностранцевъ полнаго довѣрія къ Русской Археологии.

2. Открытие происхождения Славянскихъ богоевъ въ Миоологииъ другихъ народовъ.

Здѣсь выставляютсяничтожныя догадки за историческую истину. Можетъ ли быть довѣріе къ такимъ трудамъ?

3. Филологическая разысканія.

Писатели доказывали Славяно-Русскихъ миоовъ въ именахъ богоевъ всѣхъ

языческихъ народовъ. Здѣсь проявляются отчаянныя крайности, и удивительное незнаніе Славянскихъ племенъ. Несомнѣнно, что этотъ источникъ заслуживаетъ особенное вниманіе; но онъ тогда только получаетъ свое достоинство, когда мы рѣшительно знаемъ происхождение народа. Но, кто памъ сказалъ, и кто скажетъ—откуда произошли Славяне? Знавши это, мы бы знали: какихъ боговъ перенесли Славяне въ новое жилище изъ своей родины.

4. Безусловное спровоцованіе въ источники.

Здѣсь рѣшительно мы не замѣчаемъ исторической критики. Всѣ наши миоографы, кроме г. Строева, какъ бы согласились допускать всякое вздорное извѣстіе за правду. Стоить только сравнить источники историческо-критически, пересмотрѣть—откуда кто и что бралъ, и мы тогда вполнѣ узнаемъ ихъ достоинство. Наши миоографы вѣрятъ Стрыйковскому, но не вѣрятъ Длугошу, изъ сочиненія котораго выписывалъ Стрыйковский; вѣрятъ Гизелю, но не вѣрятъ Стрыйковскому, изъ сочиненія котораго Гизель составилъ особенную главу о идолахъ въ Киевскомъ Синопсисѣ. Всѣ знаютъ, что сказаніе Нестора есть вѣроятнѣйшее, и притомъ ближе всѣхъ по времени Славянамъ язычникамъ, но ему не вѣрятъ, а вѣрятъ позднѣйшимъ, которые списывали Нестора и прибавляли свое.

5. Произошло ли дополненія.

Писатели выдумывали миоы, убѣждали въ существование небывалыхъ Славяно-Русскихъ богоевъ. Болѣе всѣхъ этимъ отличается миоографія Григорія Глинки.

Основание Славяно-Русскихъ миѳографий составляютъ двѣ отдельныя системы: *Многобожіе и Семибожіе*.

Первая система, основанная на многобожіи, образовалась въ миѳографіяхъ: *Гизеля, Полова, Чулкова, Глинки, Кайсарова*.

Иннокентій Гизель, архимандритъ Киево-Печерскаго монастыря, составляя Киевскій Синопсисъ изъ трудовъ *Феодосія Софіоновіка*, Игумена Киево-Михайловскаго Золотоверхаго монастыря, придалъ особенную статью: *о идолъхъ*. Описание этихъ идоловъ составляетъ первую Русскую миѳографію, изложенную по иностраннымъ писателямъ. Источники, руководивши Гизеля, были: сочиненія — Кромера, Гваньини, Стрыйковскаго. Сближаясь съ этими писателями, онъ забылъ, что писалъ Несторъ, и къ Славяно-Русскимъ богамъ привыкалъ: *Позеніда, Ладо, Лелл, Полелл, Ладу, Купалу, Коляду, Услада* или *Ослада*. Его описание Перуна, наполненное выдумками противъ Нестора, представляетъ образчикъ чужеземныхъ внесений:

«Во первыхъ постави (Владиміръ) пачальнишаго кумира, именемъ *Перуна*, бога грому, молнии и облаковъ дождевыхъ, на пригорку высокомъ, надъ Буритовыми потокомъ, по подобию человѣческу. *Тулование* бѣ его отъ дерева *хитросиль и мъслъ гено*, главу имуще слану отъ сребра, *уши златы*, нозъ *желѣзны*, *въ рукахъ держащъ камень*, по подобию Перуна пылающа, *рубинами* и *карбункулами* украшено; а предъ нимъ огнь *всегда горяше*. Аще бы по нерадѣнію жреческому ключилося огню угаснути, того жреца, аки врага бога своего, смертию казняху..... Первыйшаго бога или идола Перуна повелъ (Владиміръ) къ конскому хвосту привязати и блещи во Днѣпъ, приставивши двадесять паличниковъ, да віють его палицами, не яко чувственное дерево; но да поругаются бѣсомъ, иже чрезъ него народъ человѣческій прельщаше. Привлеки же его къ берегу, ввергши въ Днѣпъ. И заповѣда Владимири, да нигдѣ же пропустить его къ берегу, дондеже минетъ пороги; нижая же пороговъ

изверже его вѣтъ, подъ едину гору велику, яже и донынѣ Перунъ гора нарицається. Носить же ся и сія повѣсть еще отъ старыхъ людей, яко нѣкого идола, егда вѣкопша нѣци съ горы утопити въ Днѣпъ, биющъ его нещадно, бѣсь въ томъ идолъ восклицаше, рыдая зло. Вверженный же онъ болванъ въ Днѣпъ, поплывъ внизъ, а невѣрши людіе идуще брегомъ, плакаху и зваху, глаголюще: «Выдѣбай нашъ господарю боже, выдѣбай, си есть — выплытай. Идолъ же той выдѣбаль или выплывалъ тамо на брегъ... Но и тамо егда невѣрши людіи хотиху взяти того идола, вѣрни же притехше, камень къ нему привязаху и утопиша идола.»

«Вторый идолъ бысть *Воло* богъ скотовъ.

«Третій *Позеніда*, иши же прозваху его Нохвистъ, нѣци нарицаху *Вихромъ*, исповѣдающе бога быти воздуха, ведра и безгодія,

«Четвертый идолъ *Ладо*, сего имѣлъ бога веселія и всякаго благополучія, жертву ему приношаху готовящіяся къ браку, помошю *Лада*, мняще себѣ добroe веселіе и любезно житіе стяжати.

«*Лелл* и *Полелл* отъ древнійшихъ идоло-служителей почитаху пже нѣкіиъ боговъ, ихъ же богомерзкое имя и допынѣ по нѣкимъ странамъ на сонмицахъ игралищныхъ пѣніемъ *Лелемъ* и *Полелемъ* возглашають.

«*Ладо*, матерь *Лелеву* и *Полелеву*, поюще: *Ладо, Ладо, идоли ветхую прелестъ давольскую на брачныхъ веселіяхъ руками плашуще и о столъ биюще, воспѣваютъ.*

«*Купало* пятый идолъ, его бога плодовъ земныхъ быти мняху, и ему прелестно бѣсовскою омраченныя благодаренія и жертвы въ началѣ жнитвы приношаху.»

«*Коляда* шестой идолъ, богъ праздничный, ему же праздникъ велий мѣсяцъ *Декемврій* въ 91 день составляху.

«Развѣ тыхъ бѣсовскихъ кумиръ, еще иные идолы миози ваху по имени: *Услада*,

или *Ослагз*, *Корша* или *Хорез*, *Дашуба* или *Дажуб*, *Стриба* или *Стрибог*, *Семарага*, или *Семараг*, и *Мокошь* или *Макошь*, имъ же въсомъ помраченіи людіе, аки богу жертвы и хваленія воздаваху. Сія же мерзость во всемъ государствѣ Владимиrowомъ по повелѣнію его содѣвахуся.

Послѣ Гизеля явился Поповъ съ своею міоографіею. Его сочинение: *Краткое описание Славянского баснословія*, изданное въ 1768 году, было вторично перепечатано въ 1772 году, въ Досугахъ или Собраний сочинений и переводовъ, въ первой части. Ось источникахъ нашей Міоологии онъ писалъ въ своеемъ предувѣдованіи.

«Матерю, составляющую сюю книжку, выбиралъ я изъ разныхъ книгъ, содержащихъ Россійскую Историю, какія имъ или какія могъ сыскать для прочтения, также изъ простонародныхъ сказокъ, пѣсень, игръ, и оставшихъ нѣкоторыхъ обыкновеній. Я не вездѣ приводилъ Авторовъ, для того, что ни себя, ни другихъ тѣмъ не хотѣлъ отяготить; ибо ученымъ и любопытнымъ и безъ того они извѣстны; а притомъ сіе сочиненіе сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для важныхъ историческихъ справокъ, а больше для стихотворцевъ, нежеля для историковъ.»

Слѣдовательно: источники остались извѣстны только одному Г. Попову; но въ самомъ описаніи баснословія онъ ссылается на *Ломоносова*, *Эжина*, *Тредіаковскаго*, *Мавро-урбина*, *Стурлезона*, на *иностранныхъ писателей безыменныхъ*, и на такой-то *Пльмецкой баснословный Словарь*. Сочинение Попова до 1815 года было руководствомъ для Русскихъ и иностранныхъ міоографовъ. Чулковъ буквально списалъ всѣ его описания въ свой *Словарь*, Глинка и Кайсаровъ повторили въ другомъ видѣ сочинение Попова. Леклеркъ во всемъ основался на ѿго въ Славянскомъ баснословіи. Напрасно Болтнѣ и другие вооружались противъ этого. Писатели ничего не хотѣли знать. Желаніе Попова дѣйствительно сбылось: Херасковъ его описания внесъ въ свою поэму: *Владимиръ*, а стихи Хераскова Глинка внесъ въ свою міоографію, какъ

единственный исторический источникъ. Кайсаровъ съ негодованіемъ говорилъ о Поповѣ: «Г. Поповъ представилъ краткой чертежъ Славянской Міоологии. Хотя этотъ чертежъ такъ кратокъ, что содержитъ только въ двухъ печатныхъ листахъ, однакожъ въ немъ находится довольно пустаго. Авторъ не упоминаетъ даже объ источникахъ, изъ которыхъ онъ почерпалъ, считая это безполезнымъ дѣломъ.» Замѣтимъ: всѣ извѣстные источники Кайсарова находятся въ сочиненіи Попова, только со многими прибавленіями.

Къ міоографии Гизеля Поповъ привилъ 36 боговъ, такъ, что его Славянское баснословіе составилось изъ 51. Описания боговъ Попова замѣчательны выдуманными прибавленіями. Вотъ его описанія:

«Свѣтовидъ, Святовидъ, а также и Святовичъ, богъ солнца и войны, почтился и имѣлъ храмъ на островѣ Ругенѣ, въ Славянскомъ городѣ Ахромѣ. Каждый годъ Ахронскіе жители, какъ мужчины такъ и женщины, приносили во храмъ подати по пенязю. Истуканъ Святовидовъ былъ прѣогромнаго величины; сотворенъ изъ дерева крѣпкаго, о четырехъ лицахъ, на подобіи фонаря, такъ что отъ всякия страны образъ его видѣнъ былъ: можетъ быть, это значило четыре времена года (стр. 201.).»

«Перунъ у другихъ Славянскихъ народовъ *Перкуна*, начальнѣйший Славянскій богъ, почтился производителемъ всѣхъ воздушныхъ явлений и дѣйствій, какъ-то: грома, молніи и облаковъ, дождя и прочаго; притомъ же нарицали его строителемъ громострѣлянія. Когда еще Святый В. К. Владиміръ, помраченъ быть твою идоло-служенія, тогда воздвигъ сему Перуну въ Киевѣ и прочимъ божествамъ истуканы и повелѣвъ приносить имъ жертвы, что было въ лѣто 6468/980. Послѣдня ему Добрыня, дядя его, находившійся въ Новгородѣ намѣстникомъ, воздвигъ также въ округѣ Новгородской премноожество кулировъ, и принуждалъ силою, находившимся между пзыгниками Христіанъ поклоняться имъ и жертвовать. Въ Киевѣ же храмъ Перуновъ стоялъ въ дворѣ теремнаго

надъ Бурчовыемъ потокомъ, на высокомъ холмѣ. Кумиръ его вырезанъ быъ изъ *менюгаго дерева*, голову имѣлъ серебряную, усы и уши золотыя, ноги желѣзныя, въ рукахъ держаль камень, на подобіе пытавшаго *молин*, придававшій отъ древнихъ Юпитеру, рубинами и карбункулами *украшенную*. Огнь пыталь предъ симъ идоломъ непрестанно; а когда случилось оному, по нерадѣнію жреческому, угасть, то сжигали онаго жреца, какъ врага божескаго. Въ жертву приносили ему не только воловъ и павлинокъ, но единородныхъ своихъ дѣтей; и также имѣли иные обычан, обривъ голову и бороду свою, жертвовать ему своими волосами. Индѣ посвящали ему лѣса и рощи, въ которыхъ запрещалось рубить подъ казнь. Имя его Перунъ значить на *древль-Славянскомъ языке*: *Громъ*, которое дано ему какъ производителю онаго.

Сколько здѣсь произвольныхъ прибавлений въ описаніи одного Перуна! Гизель списалъ Стрыйковскаго и Гвальпини, и прибавилъ свое. Поповъ списалъ Гизеля, и прибавилъ также въ свою очередь. Время, въ которое жилъ Поповъ, цѣль, избранная имъ — *увеселять* — спасаютъ его отъ критики.

Въ 1782 году Чулковъ издалъ: *Словарь Русскихъ Суевѣрій*, передѣланный имъ въ удивительное собрание, подъ драгимъ заглавиемъ: *Аббевія Русскихъ суевѣрій, идолорѣбъ, колдовства, шеманства и проч.* Сочиненіе Чулкова, выдаваемое за Русское народное описание, было вмѣстнаго съ всѣхъ Суевѣрій — Русскихъ, Калмыцкихъ, Камчатскихъ, Тунгусскихъ, Татарскихъ, Икутскихъ, словомъ всего того, что онъ могъ гдѣ либо выписать. Быниски Чулкова подражательны до послѣдней возможности; онъ выписалъ буквально, подражая всему, сокращая мало, прибавляя своего еще менѣе. Въ Русской Миѳологии путеводителемъ его былъ Поповъ. Какъ вѣрный его послѣдователь, онъ принялъ въ Славянскую Миѳологію многобожіе. Въ его сочиненіи не было избранной цѣли: это смѣсь *всѣхъ вселгынъ*, бывшая въ его время въ большемъ употребленіи. Приводимъ эти подражательные выписки въ сра-

вненіе съ Поповымъ, Кайсаровымъ и Глинкою:

Поповъ.

(стр. 69.)

Чулковъ.

(стр. 183.)

«Волоты. Сіе страшилища, по сказанію Ломоносова, то же значатъ, что чили въ Славинѣ то же, что у Грековъ Гиганты; иконы же у Грековъ Гиганты, имѣя уже получали жертвы.»

Кайсаровъ.

(стр. 66.)

Глинка.

(стр. 124.)

«Волоты сравниваются съ Греческими Гигантами. Удачно ли сравненіе, не смѣю решить.»

«Волоты исполнены немѣрной величины и силы. Изъ сказокъ древнихъ видно, что сверхъ силы, имѣли они еще даръ неизвѣстности.»

Поповъ.

(стр. 189.)

Чулковъ

(стр. 191.)

«Догода Славенскій Зефиръ, котораго признавали богомъ производителемъ тихаго и приятнаго вѣтра и ясныя погоды.»

«Догода, Славянскій Зефиръ, котораго признавали богомъ производителемъ тихаго и приятнаго вѣтра и ясной погоды.»

Кайсаровъ.

(стр. 139.)

«Погода или Догода былъ богъ прекрасной погоды, приятнаго вѣтерка. Это Славянскій Зефиръ.»

Глинка.

[стр. 105.]

«Догода. Вотъ милое божество, противоподложное свирѣпому Позвиду. Младый, румяный, русокудрый, въ васильковомъ вѣнѣ, съ голубыми по краямъ позодоченными крыльями бабочекъ, въ среброблестящей голубоватой одеждѣ, держащей въ рукахъ шипокъ, и улыбающейся па цѣѣты, летя надъ опыми и поливая ихъ, есть Славянскій богъ пріятнаго весенняго времени, тихій, прохладный вѣтерокъ, Догода. Онъ имѣлъ свои храмы, и ему жертвовали цѣѣтами, пѣснями и плясками.

Чулковъ, кромѣ явной подражательности Попову, замѣтно старался быть и самобытнымъ. Онъ въ своей Миѳографіи къ Славяно-Русскимъ богамъ прибавилъ: *Догудако, Догомовей, Лихорадка*; уничтожилъ: *Чулко морское, Тонб*; и передѣлалъ: изъ *Лга-бла* — *Лялан-баба*, изъ *Леля* — *Лельо*, изъ *Спильный* богъ — *Кроплкій* богъ; убѣвила отъ *Ладо-Лада*, отъ *Стриба* — *Стрибоевъ*; дополнила: къ *Пія-Піаиз*, къ *Позвиду Вихрь*, къ *Тригліа-Триглава*.

В 1801 году, профессоръ Дерптскаго Университета, г. Григорій Глинка издалъ въ Мятавѣ свою миѳографію: *Древнія религіи Славянъ*. Сочиненіе Глинки было совершенно отличное отъ предшествовавшихъ. Онъ, принявши мнобожіе, наполнилъ свою миѳографію невѣроятными выдумками, никогда несуществовавшими въ Русской Литературѣ. Его введеніе, объясняющее причины дополненій, изумительно для исторической критики.

«Изображенія, дѣла, самыя даже названія всіхъ извѣстнаго народа суть склонъ онаго (стр. 6). Описывая произведения фантазіи или мечтательности, я думаю, что не погрѣшу если при встречающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ — буду дополнить собственnoю поѣдѣ древнію стать фантазію. (стр. 8). Я переселяюсь въ пространнныя разнообразныя области фантазіи древнихъ Славянъ, по нимъ стану собирать всецѣльныя мечтательныя идеи и малыя ихъ частицы, и, и послѣднія сообразуясь ихъ устроенію, дополнить материалами сего царства, по законамъ соображенія или мечтания [стр. 10]. Хотя происхождение боговъ или Феогонія Славянская для насъ не сохранилась; чemu въ свое время конечно надлежало быть; однако же изъ свойства боговъ, или лучше естественныхъ вещей, или дѣяній и явлений, можень заключать о мечтаемомъ о нихъ происхождении. Впрочемъ, къ гисторіи разсудка Славянскаго народа можетъ отнести то, что *ихъ вѣра изъ многихъ языческихъ есть гисторія*. Ибо ихъ боги суть естественные дѣйствія, благотворешемъ своимъ имѣющія на человѣка влиянія и служащія къ страху и казни беззаконія, равномѣрно какъ природныя свойства и совершенство обоженныхъ. Сіе проникнуль творецъ Владимира [Херасковъ] [стр. 15].

Миѳологію Славяно-Руссовъ распредѣлилъ г. Глинка въ слѣдующихъ видахъ: 1) *Превыспренніе бои*, обоженные существа въ земли находящіяся; 2) *Земные бои*, коихъ свойства отвлечены отъ земныхъ полезныхъ произведеній, для жизненныхъ человѣка потрѣбъ; 3) *Пренсподѣніе*

бои, кои изображаютъ собою месть и казнь, послѣднюю за беззаконіемъ и порокомъ; 4) *Водяные бои*, коихъ власть простирается надъ водами. 5) *Духи*, 6) *Полубои и богатыри*; 7) *Озера обоженные*; 8) *Рѣки*. Къ прежнімъ миѳографіямъ онъ привавилъ новыхъ боговъ: *Животь, Родомысл, Ясса, Водовники, Стѣни, Лизуны, Курлы, Черты, Бѣсы, Рудотокъ, Пльмень, Славянъ*; измѣнилъ — пѣз Семагра *Зинцерла*, изъ Волхвъ сдѣлалъ еще другаго *Волховецъ*; отнялъ: отъ Даждь-бога — *Дашуба*, отъ Услада — *Осладъ*; уничтожилъ: *Дѣтинецъ, Змой, Имага, Роши, Туро*.

Источники, служившіе основаніемъ древней Религіи Славянъ, не показаны сочинителемъ; но видно изъ примѣровъ, что лучшими образцами были сочиненія Хераскова. Онъ, описывая боговъ, приводить изъ Владимира [Хераскова]. Такъ у него описанъ Перунъ на стр. 22, 25 и 26, и другие. Въ честь Перуна г. Глинка написалъ особенный гимнъ, сочиненный имъ на древнюю стать. Исторія Литературы обязана сохранить примѣры этого рода, поучительные для насъ, современниковъ, удивительные для потомства. Скажемъ откровенно: г. Глинка не зналъ Русскихъ древностей, и изъ самыхъ словъ видно, что ему не были извѣстны наши старые, письменные памятники. Иначе бы онъ не рѣшился писать подобные гимны. Приводимъ его:

«Боги велики; но страшенъ Перунъ;
Ужасъ наводить тяжела стона;
Какъ онъ въ предшествии молнией сво-
ихъ,
Мракомъ одѣянъ, вихрьми повить,
Грозныя тучи ведеть за собой.
Ступить на облакъ — огни изъ-подъ пять;
Ризой махнетъ — побагровѣрть твердь,
Взглянетъ на землю — естрапещеть зе-
мля;
Взглянетъ на морѣ — котломъ закинуть,
Клонятся горы былинкой предъ нимъ.
Страшне, свой гневъ ты отъ насъ от-
врати!
Бросивъ горстъ граду во тысячу мѣръ

Только ступи, ужъ за тысячу верстъ;
Лишь отъ пяты его облакъ зардѣтъ;
Тяжка стопа гуль глухой издала,
Кой горы, жоге п землю потрясъ,
И лишь сверкнуло возкрае гизъ.

Вотъ древность Русская, которою угощали въ 1804 году Русскую улицу. Кому неизвестна пучать Пѣсни о Полку Игоревомъ, Русской Правды, Древнихъ Славянскихъ Руновъ, которыхъ, когда-то вздумали было составлять и дополнять прибавками во вновь изобрѣтенныхъ пергаменныхъ спискахъ. Но, тогда было такое время, и одна только Исторія можетъ передать потомству о подобныхъ продолжахъ.

Описания другихъ боговъ, съ своими прибавками, взяты г. Глинкою изъ Гизеля, Попова, Чулкова, и вездѣ съ прибавлениемъ Херасковыхъ стиховъ, какъ единственного факта. Свѣдѣнія о богѣ: Царь Морской — взяты изъ Ломоносовой Пѣтриады, а въ увѣрение приложены и его стихи. Въ заключеніе сочинитель прибавилъ дивное созданіе — Храмъ Свѣтовида. Читая это описание, невольно спрашиваешь себя: не ужли г. Глинка, издавшій въ 1804 году свою миѳографію, считается еще современникомъ Рюрика, Олега, жреца Боговѣда? Приводимъ это описание, выдуманное на древнюю статью:

«Марцана еще покоялась въ объятіяхъ водъ; часы стерегли входъ и выходъ изъ Солнцева дома, и пристноюный Свѣтовида на златомъ ложѣ покоялся въ объятіяхъ Трпглы, какъ Рюрикъ съ Олегомъ восходилъ на священный холмъ, где возносится храмъ Свѣтовида. Храмъ величественный и достойный бога славимаго въ немъ. Первовсвященникъ Свѣтовида, Боговѣдъ, сопутствующий жрецами грядеть ему во срѣтеніе. Рюрикъ приступаетъ къ вратамъ храма, не удивляется, видя ихъ затворенными. Храмъ былъ огромностию въ 1460 шаговъ. Двѣнадцать огромныхъ яшмовыхъ столповъ Коринфскаго чина поддерживаютъ наявъсъ его кровли; оглавия ихъ были изъ поздненой мѣди. Триста шестьдесятъ оконъ и

двенадцать вратъ его заключались мѣдныи затворами. При каждыхъ дверяхъ стояли два жреца съ трубами [стр. 131].»

Почти въ одно и то же время съ Миѳографіею Глинки появилась въ Геттингенѣ другая, г. Кайсарова: *Versuch einer slavischen Mithologie von Andreu vom Kaysarow. Göttingen, 1807.* Эта миѳографія была издана въ Русскомъ переводе въ 1807 году, а въ 1810 году вторично перепечатана въ Москвѣ, подъ названіемъ: *Славянская и Российская Миѳология.*

Сочиненіе Кайсарова обращаетъ особенное внимание только по указанію источниковъ, но не по внутреннему достоинству. Здесь то же допущено многобожіе, тѣ же внесены выписки изъ Гизеля, Попова, Чулкова, съ выдуманными дополненіями, съ прибавлениемъ чужеземныхъ понятій, о которыхъ прежніе миѳографы не имѣли свѣдѣнія. Наша Славяно-Русская Миѳология отъ этого сочиненія не только не усовершенствовалась, но еще болѣе затмилась.

Чужеземные источники, служившіе основаніемъ его миѳографіи, суть: сочиненія Адама Бременскаго, Гельмольда, Крапицуса, Сакса, Длатоша, Кромера, Монфокона, Кранцеля, Шедія, Вагнера, Росса, Гроскуса, Маша. Ось Русскихъ онъ говорилъ: «Въ Россіи все совершенно пропало, или по крайней мѣрѣ до сихъ порь не обнаружилось. Можетъ статься, кой что скрывается еще въ углу какого нибудь монастыря, по кому до того нужда?» (стр. 5) Въ самой Россіи, въ отечественной исторіи, около 988 года, когда Владимирий Великий ввелъ Христіянскую вѣру, говорили обыкновенно не сколько словъ о нашихъ богахъ, и очень недостаточно. Какъ историки наши не имѣли вниманія останавливаться за синь предметомъ, то упоминали они большею частию объ однихъ только именахъ Славянскихъ боговъ (стр. 43). Кромѣ сихъ, хотя и недостаточныхъ источниковъ, есть у насъ, Россіяне еще два посторонние источника, состоящие въ наименахъ пѣсняхъ и такъ называемыхъ народныхъ сказкахъ... На многихъ пѣсняхъ остался отпечатокъ сѣй древности; иныя же изъ нихъ происходятъ,

ВЪРОЯТИО, ИЗЪ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ВРЕМЕНЪ, ПОТОМУ ЧТО ВЪ НИХЪ УПОМИНАЮТСЯ ЧАСТО ИМЕНА НѢКОТОРЫХЪ РУССКИХЪ БОГОВЪ. ПРОСТОНАРОДНЫЕ СКАЗКИ СОСТАВЛЯЛИ ВЪ САМОМЪ ДѢЛѢ БАСНИ, А ДРУГІЯ НЕВОЛЫШЕ РЫЦАРСКИЕ РОМАНЫ.

ЖАЛЬ ОЧЕНЬ, ЧТО Г. КАЙСАРОВЪ НЕ ПОЗАБОТИЛСЯ О РУССКИХЪ ИСТОЧНИКАХЪ: МЫ ИМѢМЪ ВЪРНОЕ СВѢДѢНИЕ ВЪ СКАЗАНИИ НЕСТОРА И ВЪ ПѢСНИ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ. КРОМЪ ЭТИХЪ СВѢДѢНИЙ МЫ НЕ ПРИЗНАЕМЪ ДРУГИХЪ ЗА РУССКІЯ. ГДѢ НАШИ ДРЕВНІЯ РУССКІЯ ПѢСНИ? — МЫ ИХЪ НЕ ИМѢМЪ. ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ НЕ ЕСТЬ ВСЕОБЩАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ: ОНА ДЛЯ НАСЪ НЕ БОЛЬШЕ КАКЪ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА, ПОДОБНАЯ САГАМЪ. НЕ УЖЕ ДЛЫ МЫ ДОЛЖНЫ ПОЧИТАТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ ИЗВѢСТНЫЙ ПРИПѢВЪ КЪ ПѢСНІ: «О ДИДЪ-ЛАДО!» ДИДЪ НИКОГДА НЕ БЫЛЪ БОГОМЪ СЛАВЯНО-РУССОВЪ: ЭТО ПОЗДНІЙШІЯ ВЫДУМКИ ЛЮДЕЙ, НЕПОНИМАВШИХЪ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВЪ: ДИДЪ-ЛАДО. ПѢВЕЦЪ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ ЗАСТАВЛЯЕТЪ ЯРОСЛАВНУ НАЗЫВАТЬ СУПРУГА СВОЕГО: *ЛАДОЮ*. ВЪ ОДНОЙ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ПѢСНІ ПОЕСТЬСЯ: «У МЕНЯ ЛАДО ЗМѢЯ СКОРОСПѢЯ:» ЗДЕСЬ ЖЕНЩИНА ГОВОРІТЬ О СВОЕМЪ МУЖЕ. ВЪ ДРУГОЙ ПѢСНІ СКАЗАНО:

«НЕ УТАЙ, МОЛОДОЕ, ДА ЧТО ПЕРВА ЛАДА?
ОЙ ДИДЪ И ЛАДО! ДА ЧТО ПЕРВА ЛАДА? —
КАКЪ ПЕРВА-ТО ЛАДО, ЗОЛОТЪ СЪ РУКИ
ПЕРСТЕНЬ,
ОЙ ДИДЪ И ЛАДО! ЗОЛОТЪ СЪ РУКИ ПЕР-
СТЕНЬ.

НЕ УТАЙ, МОЛОДОЕ, ДА ЧТО ДРУГА ЛАДА?
ОЙ ДИДЪ И ЛАДО! ДА ЧТО ДРУГА ЛАДА? —
ДРУГАЯ-ТО ЛАДА КУНЬЯ СЪ ПЛЕГА ШУБА,
ОЙ ДИДЪ И ЛАДО! КУНЬЯ СЪ ПЛЕЧА ШУБА.
НЕ УТАЙ, МОЛОДОЕ, ДА ЧТО ТРЕТИЯ ЛАДА?
ОЙ ДИДЪ И ЛАДО! ДА ЧТО ТРЕТИЯ ЛАДА?
А ТРЕТЬЯ-ТО ЛАДА ДРУГЪ МИЛОЙ СЕРДЦЕ-
НОЙ,
ОЙ ДИДЪ И ЛАДО! ДРУГЪ МИЛОЙ СЕРДЧЕ-
НОЙ.

ВЪТЬ И СТАРАЯ ПѢСНЯ, ГДѢ ЛАДО ВЫСКАЗЫВАЕТСЯ ЯСНО. РУССКІЯ СЛОВА: *ла, ла* — *ла-дитъ* ИМѢЮТСЯ СОВЕРШЕННО ДРУГОЕ ЗНАЧЕНИЕ. НЕ ВЪ НИХЪ ЛИ ИСКАТЬ ПРОПРОХОЖДЕНИЕ ВЫДУМАННЫХЪ БОГОВЪ ДИДЪ-ЛАДО? ТАКЪ, ВЪРОЯТИО, ИЗЪ ПѢСЕННОГО ПРИПѢВА: *Ле-ли*,

Люти — СОСТАВИЛИ — *Ле-ли*. *Дидъ* въ МАЛО-РУССКОМЪ НАРѢЧІИ ОЗНАЧАЕТЬ: *нѣрдъ*, *старикъ*. У НАСЪ НѢТЬ И СКАЗОКЪ, ИЗЪ КОТОРЫХЪ МОЖНО БЫЛО БЫ ПОЧЕРИНУТЬ СВѢДѢНИЯ О СЛАВЯНО-РУССКИХЪ БОГАХЪ. ВСѢ НАШИ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ РАЗДѢЛЯЮТСЯ НА ДВА РАЗРЯДА: НА *Русскія* И *Чужеземныя*. ВЪ НАШИХЪ РУССКИХЪ СКАЗКАХЪ НѢТЬ НИЧЕГО О БОГАХЪ, ИЗВѢСТНЫХЪ НЕСТОРУ, А О ЧУЖЕЗЕМНЫХЪ НАМЪ И ГОВОРИТЬ НЕЧЕГО: ЭТО НЕ НАШЕ. ЧУЖІЯ СКАЗКИ ИМѢЮТСЯ СОБСТВЕННОЕ СВОЕ ДОСТОИНСТВО ВЪ ДРУГОМЪ РОДѢ. ВЪРОЯТИО, Г. КАЙСАРОВЪ НЕ ЗНАЛЪ, ЧТО ВЪ НАШИХЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЯХЪ ЕСТЬ СВѢДѢНИЯ ТОЛЬКО О ПЕРУНѣ И ВЕЛЕСѢ.

СОЖАЛІЯ О ХУДОМЪ СОСТОЯЩІИ СЛАВЯНО-РУССКОЙ МИФОЛОГІИ, Г. КАЙСАРОВЪ ГОВОРИТЪ: «ТАКОВА БЫЛА СУДЬБА НАШЕЙ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГІИ, КАКЪ Я ПРИНЯЛЪ НАМѢРЕНИЕ И СЪ СВОЕЙ СТОРОНЫ ПОМОЧЬ ЕЙ НѢСКОЛЬКО... ОДНА ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ КЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ВСЪМЪ ЧАСТЬМЪ ЕЯ ПОБУДИЛИ МЕНЯ НАПИСАТЬ СІИ НЕ МНОГІЯ СТРАНИЦЫ... Я СО ВСЪМЪ НЕ ДУМАЮ, ЧТОБЫ ОКАЗАТЬ ЧРЕЗЪ ТО ВЕЛИКУЮ УСЛУГУ; МНѢ ПРИНАДЛЕЖИТЬ ТОЛЬКО НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ И ТРУДЫ ВЪ ПЕРЕБРАНИИ ПѢКОТОРЫХЪ ФОЛІАНТОВЪ... АЛФАВИТНЫЙ ПОРЯДОКЪ ИЗБРАЛЪ Я КАКЪ СПОСОБНІЙШІЙ ДЛЯ ЛЕГЧАЙШАГО ОБОЗРѢНІЯ. ВООВЩЕ, ЭТО НЕ СОБСТВЕННАЯ МИФОЛОГІЯ, А ТОЛЬКО ОДИНЪ ОПЫТЪ ЕЯ (СТР. 46, 47, 216).»

МИФОГРАФІЯ Г. КАЙСАРОВА ВМѢЩАЕТЪ ВЪ СЕБѢ ЕЩЕ ОТДѢЛЬНЫЕ СТАТЬІ: 1) ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИЗОБРАЖЕНИЕ БОГОВЪ, 2) ХРАМЫ, 3) ПРАЗДНЕСТВА, 4) СУДЬБА СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГІИ. МНОГОБОЖІЕ СЛАВЯНО-РУССОВЪ У Г. КАЙСАРОВА СОСТОИТЬ ИЗЪ 57 БОГОВЪ. ОНЪ, ВЪ СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, ПРИБАВИЛЪ: *Воды*, *Горыны*, *Лубыны*, *Кашей*, *Кро-до*, *Поренугъ*, *Поревитъ*, *Ругевитъ*, *Соятиборъ*, *Флинцъ*, *Ютра-Богъ*; ПЕРЕДВАЛЪ ИЗЪ ЧУЛКОВА НІАМЪ — *Ніанъ*; ПРИБАВИЛЪ КЪ *Проно-Прово*; КЪ *Догода* — *Логода*; УНИЧТОЖИЛЪ *Туръ*, И НЕ ПРИЗНАЛЪ БОГОВЪ ДОПУЩЕННЫХЪ ГЛІН-КІЮ, ВЪРОЯТИО, ПОТОМУ ЧТО НЕ ЗНАЛЪ О СУЩЕСТВОВАНІИ ЕГО МИФОГРАФІИ. САМОЕ ОПИСАНИЕ БОГОВЪ У НЕГО ИЗЛОЖЕНО ПО ДРУГОМУ СПОСОБУ, ПРОТОВОПОЛОЖНОМУ ПРЕЖНІМЪ МИФОГРАФІЯМЪ, СЪ УКАЗАНІЕМЪ ВО МНОГИХЪ МѢСТАХЪ ИСТОЧНИКОВЪ. ВОТЬ ЕГО ОПИСАНИЯ;

«Горына. Иль дошедшіхъ до насъ Славянскихъ преданий [такъ называемыхъ народныхъ сказокъ], видно, что Горына былъ Витязь, повержавший цѣлые горы на своихъ непріятелей. По своимъ подвигамъ получилъ онъ это позваніе, происходящее отъ слова *Горы* (стр. 71).»

«Перунъ былъ первый богъ на ряду тѣхъ, коимъ Россіяне поклонялись. Думали, что дождь, молния и всѣ другія воздушныя явленія ему подвластны. Особенно утверждалъ, что онъ повелѣваетъ громомъ, отъ чего и получилъ онъ свое имя. потому что Перунъ на всѣхъ почти Славянскихъ народчиахъ означаетъ громъ; словомъ: это быть Римскій Юпитеръ (стр. 132).»

«Посвистъ или Похвистъ. Какъ Русскіе, такъ и Поляки думали, что Похвистъ божество бури. Г. Машъ описывается, будто бы Шогода и Похвистъ въ одно и тоже время были у Поляковъ, и еще понынѣ Масовяне называютъ большой вѣтъ *Похвистемъ*. Слѣдовательно Шогода остается Греческимъ Зефіромъ, а Похвиста мы можемъ сравнивать съ Эоломъ (стр. 17).»

«Волосъ, также *Велесъ*. Волосу было предоставлено у Русскихъ владычество надъ скотомъ. Между нашими богами занималъ онъ первое мѣсто послѣ Перуна. Несторъ сообщаетъ памъ клятву которой давали предъ Волосомъ, какъ богомъ скота. Эту клятву произнесъ Олегъ, когда сей Великій Князь былъ въ Константино-полѣ съ войскомъ своимъ и заключилъ мирный договоръ съ Императорами Львомъ и Александромъ. Истуканъ Волосъ былъ разрушенъ въ Киевѣ вмѣстѣ съ другими идолами, но спустя еще долгое время, осталась служение п образъ его въ Ростовѣ; какъ наконецъ одинъ монахъ, по имени Авраамъ, низвергнулъ его, построилъ на томъ самомъ мѣстѣ церковь, и сдѣлалъ прочихъ язычниковъ Христіанами (стр. 64).»

Миѳографы, допускавшие въ Славяно-Русской Миѳологии многобожіе, образовали следующую Феогонию:

Инокентій Гнезель.

Въ 1674 году.

1. Перунъ.	9. Колида.
2. Волосъ.	10. Усадль или Осадль.
3. Позвездъ.	11. Корша или Корсъ.
4. Ладо.	12. Дашуба или Даждь.
5. Лель.	13. Семаергза или Семаргль.
6. Полель.	14. Макошь или Мокошь.
7. Лада.	15. Стриба или Стрибогъ.
8. Купало.	

Попосъ.

Въ 1768 году.

1. Бугъ.	28. Мардана.
2. Бѣлобогъ, Бѣлойбогъ.	29. Ніа.
3. Велесъ, Волосъ.	30. Перунъ.
4. Волоты.	31. Усадль или Осадль.
5. Волхвъ, Волковецъ.	32. Позвездъ, Похвистъ.
6. Даждбогъ, Дашуба,	33. Полеля.
Дажба.	34. Полканъ.
7. Диція.	35. Прове, Пропо.
8. Дида, Дида.	36. Радегастъ.
9. Догода.	37. Рощи.
10. Домовые, домашніе	38. Русланъ.
духи.	39. Свѣтловидъ, Свято-видъ, Святовичъ.
11. Доинъ.	40. Семаергза, Семаергла.
12. Дѣтненецъ.	41. Сиба, Сива.
13. Зимцерла.	42. Сильный богъ, Крѣп-кій богъ.
14. Змѣи.	43. Стриба, Стрибогъ.
15. Знѣчъ.	44. Студенецъ.
16. Золотая баба.	45. Тригла.
17. Зѣвана, Зивонія.	46. Туръ.
18. Іомалла, Йомалла.	47. Царь морской.
19. Кикимора.	48. Чернобогъ, Черно-богъ.
20. Колида.	49. Чудо морское.
21. Корша, Хоршъ.	50. Чуръ.
22. Кунало.	51. Яга-баба.
23. Ладо,	
24. Лада.	
25. Леля, Лелю.	
26. Лѣшій.	
27. Макошь, макошь, мак-кошъ.	

Чулкообъ.

Въ 1782 году.

1. Бугъ.	27. Лѣшій.
2. Бѣлобогъ.	28. Макошь, макошь, макошъ.
3. Волосъ, Велесъ,	29. Мардана.
4. Волоты.	30. Ніа или Ніамъ.
5. Волхвъ.	31. Осадль или Усадль.
6. Даждбогъ, Дашуба,	32. Позвездъ, Похвистъ, Вихрь.
Дажба.	
7. Диція.	33. Полеля.
8. Дида, Дида.	34. Полканъ.
9. Догода.	35. Пропо, Прове.
10. Домовой, Дѣдушка	36. Радегастъ.
домовой.	37. Рощи.
11. Дѣдушко Водяной.	38. Русланъ.
12. Дѣтненецъ.	39. Свѣтловидъ, Свято-видъ, Святовичъ.
13. Зимцерла.	
14. Змѣи.	40. Семаергза, Семаергль
15. Знѣчъ.	
16. Золотая баба.	41. Сиба или Сива.
17. Зѣвана, Зивонія.	42. Сильный богъ.
18. Іомалла, Йомалла.	43. Стриба.
19. Кикимора.	44. Студенецъ.
20. Колида.	45. Туръ.
21. Корша, Хоршъ.	46. Царь морской.
22. Кунало.	47. Тригла, Триглava.
23. Ладо.	48. Чернобогъ, Чернобогъ.
24. Лада.	49. Чуръ.
25. Лихорадки.	
26. Лельо.	50. Яга-баба.

Глиника.

Въ 1804 году.

- I. ПРЕВЫСПРЕНИЕ 28. Коресь-богъ пьянства.
БОГИ. 20. Ясса.
- Перунъ — движение 30. Ноавиздъ — богъ бурь эфира, громъ.
  - Златая баба, златая 31. Догода — эфиръ.
  - матъ-тишина, покой. 32. Зимцерла, Зимстерла
  - Святовидъ — солнце, 33. Зимерзла — зима.
  - жизненная теплота. 34. Шиммерзла — зима.
  - Зимъ — начальный III. ПРЕИСПОДНІЕ
  - огонь. БОГИ.
  - Былгогъ — благое и 34. Шій — владычествующий надъ преисподними странами.
  - доброе начало.
  - Сильный богъ.
  - Даждыбогъ — благополучие.
  - Животъ — сохранение 36. Стрибогъ — истребитель.
  - жизни.
  - Лада — война.
  - Лада — миръ.
  - Усадъ — удовольствие.
  - Ладъ — любовь.
  - Ладо — красота.
  - Полеъ — бракъ.
  - Дядъ — супружество.
  - Дидиція — дѣтотворѣніе.
  - Маршана — зоря, боягина жатвы.
  - ІІ. ЗЕМЛІЕ БОГИ.
  - Тригла — земля.
  - Волосъ — богъ покровительствующій скоту.
  - Мокошь.
  - Купало — земные плавы.
  - Родомыслъ — податель благихъ събѣтвъ.
  - Сѣва — ботинъ плавъ.
  - Зевана — богиня звѣроловства.
  - Чуръ — богъ жемежъ.
  - Прове или Провъ — богъ прорѣканій.
  - Радегастъ — богъ страшно-прѣмъства и городовъ.

Кайсаровъ.

Въ 1804, 1807, 1810 годахъ.

- Бугъ.
- Бѣлбогъ.
- Вода.
- Волоты.
- Волхвъ, Волховецъ.
- Волосъ или Ведесъ.
- Горына.
- Даждыбогъ, Даждыба, Дашуба.
- Дѣтинецъ.
- Донъ.
- Дидо — Дидъ.
- Дубыла.
- Домовые духи.
- Дидиція.
- Зевана, Дзевапа.
- Зиццерла.
- Зѣби.
- Золотая баба.
- Кацай.
- Кикимора.
- Коляда.
- Корша, Корсь.
- Крода.
- Ладо.
- Кунзю.
- Лада.
- Лель, Ледіо.
- Лѣши.
- Макошъ, Мокошь.
- Марцана.
- Нія, Ніань.
- Осладъ или Усадъ.
- Перунъ.
- Проно, Прове, Прово.
- Посвистъ, Нохвистъ.
- Погода, Догода.
- Полеъ.
- Полканъ.
- Поренчъ.
- Радегастъ.
- Ругевитъ.
- Русалки.

- Святовидъ, Свято- видъ, Святовичъ.
- Семаргль.
- Спва.
- Сильный богъ.
- Стриба, Стрибогъ.
- Святіборъ.
- Триглава.
- Финнъ.
- Царь морской.
- Чернобогъ.
- Чудо морское.
- Чуръ.
- Ютра-богъ.
- Ягай-баба.

Въ сихъ пяти миѳографіяхъ представляются постепенные дополненія и измѣненія Славяно-Русской Миѳологии. Это живая летопись свѣтлый и направлений духа миѳографовъ. Здѣсь мы видимъ: кому что нравилось? кто и что выдумалъ? когда совершились измѣненія?

Вторая система Славяно-Русской миѳологии, основанная на *Семибожіи*, единственно по одному сказанію Нестора, образовалась въ миѳографіяхъ: *Строева, Руссова, Припъзжева*.

Преподобный Несторъ, передавшій потомству Русскія событія, первый говорить о Славяно-Русскихъ богахъ. Въ его летописи, окончанной въ 1093 году, мы находимъ слѣдующія извѣстія:

Въ договорѣ Игоря съ Греками сказано:

«И елико ихъ есть не хрещено да не имутъ помощи отъ Бога ни отъ Перуна.»

Въ утвержденіи сего же договора писано:

«И да будетъ клятья отъ Бога и отъ Перуна яко преступи свою клятву.»

Въ договорѣ Святослава съ Греками сказано:

«Да имѣмъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волхса, скотъя Бога.»

Въ утвержденіи клятвы Игоремъ съ Греческими послами, онъ записалъ:

«Заутра призыва Игорь слы, и приде на холмъ, гдѣ стоять Перунъ. Покладша оружіе свое, и щитъ, и золото, и ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганыхъ Руси.»

Въ описаніи Княженія Владимира онъ сказаъл:

«И нача княжти Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму въ дворѣ Теремнаго: *Перуна* деревяна, а главу его сребрену, а усы златъ, и *Хорса*, и *Дажь бога*, и *Стрибога*, и *Силарвела*, и *Мокошь*. Жраху имъ, парчюще я богы, привожаху сыны свои и дѣщери, и жгаху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернился кровами земля Русска и холмъ-отъ.

«Володимеръ же посади Добрыню уа своего въ Новгородѣ; и пришедъ Добрыня къ Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Вохвомъ, и жраху ему людие Ноугородстіи, аки богу.

«Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣдилъ Ятвяги, и взя землю ихъ, и иде къ Киеву, и творище потребу кумпромъ съ людьми своими. И рѣша старцы и болляре: мчемъ жреции на отрока и дѣвицу; на него же падеть, того зарежемъ богомъ. Быше Варягъ единъ... въ же Варягъ той пришелъ изъ Грецкъ, держаше въру Хрестяинску, и въ у него сынъ красенъ лицемъ и душою, на сего паде жребии.... Рѣша пришедше посланни къ нему: яко паде жребии на сынъ твой, изволиша во и бозъ соевъ; да ствримъ потребу богомъ.

«Побѣдъ кумиры испроверци, овы освчи, а другія огневи предати; Перуна же повелъ привязати коневи къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на Ручан, 12 мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чюющи, но на порученье всу, иже прельщаше симъ образомъ человѣкы, да възмездье приниметь отъ человѣкъ, и поругаемъ. Влекому же ему по Ручану къ Днѣпру, плакахуся его невѣрни людье, еще бо не яху прияли святаго крещеня; и привлекиши, бринута и въ Днѣпъ. И пристави Володимиръ, рекъ: аще гдѣ пристанеть, вы то отрѣвайте его отъ берега, дондеже пороги пройдетъ; то тогда охабитеся его. Они же повелѣнная створиша. Яко пустиша и пронде сквозъ порогы, изверже и вѣтри на рѣнъ, и оттолѣ прослу Перуна на рѣнъ, яко же и до сего дне словеть.»

Вотъ единственное и вѣрное основание Славяно-Русской Миѳологии! Кромѣ сего

мы не находимъ ни чего, и едва ли что можемъ найти. Послѣ сего нельзѧ не удивляться, разсматривая Русскія миѳографіи, наполненные выдуманными и чужими богами, пересказанными со многими невѣроятностями. Сочинители предпочитали болѣе позднѣйшихъ и притомъ чужихъ миѳографій, незнавшихъ нашего отечества, забывали о Несторѣ, который зналъ Славянъ болѣе другихъ, изъ котораго заимствовали Польские Историки и иностранные путешественники, бывшие въ Русской землѣ.

Въ 1815 году г. П. М. Строевъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ — Современномъ Наблюдатѣ Россійской словесности — напечаталъ: *краткое обозрѣніе Миѳологии Славянъ Россійскихъ*. Это обозрѣніе въ томъ же году было отдельно перепечатано, со *многими перепицами и поправками*.

Г. Строевъ свое обозрѣніе начинаетъ взглядомъ на происхожденіе Миѳологии, и о Славянской говорить: «мы имѣвъ весьма слабое понятіе о баснословіи Славянъ; не многія извѣстія дошли до насъ чрезъ иностранныхъ историковъ, а собственныйя наши лѣтописи почти ничего не сохранили (стр. 9). Многіе изъ новѣйшихъ писателей хотели Славянскую Миѳологію привести въ систему. Они собирали все, что ниѣ ни попадалось; но никто еще до сихъ поръ не старался обработать Славянскую Миѳологію образомъ ученымъ. Впрочемъ *едва ли можно издать классическое сопоставленіе о сей материіи*, не смотря на ея важность и даже необходимость (стр. 12 и 12).»

По этому понятію г. Строевъ необходимо долженъ быть отвергнутъ миѳографіи: Попова, Чулкова, Глинки, Кайсарова — и отвергнуль съ честно, Онъ принялъ въ основаніе Нестора и первый допустилъ въ Славяно-Русскую Миѳологію Семибожіе. Строевъ говорить, что:

«Каждое племя Славянъ имѣло собственную свою Миѳологію, и что мнѣнія одного изъ нихъ ни мало не распространяются на всѣ прочие, или, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ. Мнѣнія религіи Сербовъ, По-

ляковъ, Моравовъ и другихъ народовъ Славянского поколѣнія, ни мало не принадлежать къ Миѳологии Славянъ Российскихъ [стр. 16]. Владимиръ, поставивъ въ Киевъ изображенія семи боговъ, кажется сдѣлалъ только то, что почитаемыхъ разными Славянскими, Финскими иlemenами боговъ, собралъ въ одно мѣсто, и, такъ сказать, объявилъ ихъ общими цѣлаго Государства и его покровителями [стр. 19]. Сии принесенные въ Киевъ боги суть: *Перунъ*, *Волоcъ*, *Даждь-богъ*, *Стрибоeгъ*, *Хорсъ*, *Семарга* и *Мокошь* (стр. 21).»

Изслѣдованія г. Строева о Славяно-Русскихъ богахъ основаны: на Несторѣ, Византийскихъ историкахъ: *Прокопіи* и *Константина Беярнороднаго*, *Бакмайстеръ* и *Шлецеръ*. Слѣдствиемъ этого вышло, что *Перунъ* былъ главнѣйший, и, по всейѣ вероятности, единственный богъ первобытныхъ Славянъ; *Волоcъ*, покровитель стадъ, неизвѣстно принадлежавшій какому изъ поколѣній Славянъ; *Стрибоeгъ*, согласно Пѣснѣ о полку Игоревомъ признанъ за Греческаго Эола; о *Даждь-богѣ* г. С. думаетъ, что едва ли онъ былъ не *Перунъ*, и не соглашается съ именемъ Графа Мусина-Пушкина; *Хорсъ*, *Семарга* и *Мокошь* не признаетъ за Славянскихъ боговъ, а за Финскихъ или Скандинавскихъ. О богахъ иныхъ онъ говоритъ:

«Славяне почитали также нимфъ, духовъ горныхъ и лѣсныхъ. Преданія о Русалкахъ, вѣдьмахъ (баба-лга?), лѣшихъ, домовыхъ и водныхъ, демонахъ и по нынѣ еще существующихъ. Домовые не то ли же, что древніе Пенаты и Лары? Я думаю, что и Чурь, если онъ только подлинно былъ божествомъ Славяно-Русскаго, коего обыкновенно считаются богомъ границъ, межей [Греческимъ Термомъ], былъ также богомъ домашнімъ, хранителемъ жилищъ, что доказывается извѣстное чуранье [стр. 33]. Не было ли также преданій о славныхъ войнахъ или богатыряхъ, отличавшихся пѣвками своею храбростю и подвигами. Отъ сего легко могли родиться понятія о Полубогахъ и Ироляхъ. Да разве сказки наши не разсказываютъ столько чудесностей о Полканахъ, Дубыняхъ и проч. Но обо всемъ этомъ мо-

жно только догадываться, а не говорить утвердительно, какъ то сдѣлалъ г. Кайсаровъ [стр. 35].»

Миѳографія г. Строева доселе остается одною изъ лучшихъ, потому что въ ней не встрѣчаемъ ни филологическихъ розысканий, столько же убѣйственныхъ, какъ старая Схоластика, не видимъ ложныхъ повѣрій, какими наполнены другія миѳографіи — Попова, Чулкова, Глинки и Кайсарова. Мы увѣрены, что если бы г. Строевъ занялся теперь Славяно-Русскою Миѳологіею, то онъ избавилъ бы себя отъ нѣкоторыхъ понятій о происхожденіи Миѳовъ, которые при нынѣшнемъ состояніи Археологии представляются совершенно въ другомъ видѣ.

Въ 1824 году г. Руссовъ издалъ: — *Опытъ о цѣлахъ, Владимиromъ въ Киевѣ поставленныхъ во время языгества, и симъ же Великимъ Княземъ, самимъ упомянутымъ, когдѣ онъ проспѣхъся благодатныхъ ученіемъ Христіанской вѣры*. Эта новая миѳографія, написанная въ противоположномъ духѣ прежніхъ писателей, допускаетъ семибожіе по сказанію Нестора, и основана на объясненіи Эллино-Римской Миѳологии. По изысканію г. Руссова открылось, что Славянские боги были родомъ изъ Рима и Греціи, а на Русь, въ Киевъ, перешли изъ Фризіи или Валлахіи Балтійской, а во Фризію они взошли изъ Финикии [стр. 18]. Затѣмъ, по словамъ г. Руссова, Славянскую Миѳологію составили Фризійские первосвященники (стр. 19). Согинатель пѣсни о полку Игоревомъ зналъ Миѳологію Славянъ посредственно [стр. 15]. *Имена Киевской Миѳологіи употреблены Славяно-Греко-Латинскія* [стр. 14]. О Славянскихъ миѳографахъ онъ говоритъ: «Самые ученѣйшие мужи и опытнѣйшие изыскатели древностей принимались толковать, что значатъ сіи божества; но все доселе остались при однихъ догадкахъ [стр. 2]. Я заглянулъ въ Эллино-Римскую Феогонію, и ненарогно попалъ на Стреbа и Стреbія. Пускай они будуть проводниками къ изыясненію самихъ себя и прочихъ шести своихъ товарищей» [стр. 6.] Когда я думалъ что значитъ «Макошь», Капинъ-

ка, дочь хозяина моей квартиры, кликала меньшаго брата: «*Микоша, Микоша!*» Что такое значить Микоша? спросить я вывихъ тутъ людей. «*Никофоръ*» сказали они. А что такое будетъ *Макоша?* продолжалъ я. *Макарий*—отвѣчали они. Посмотримъ, что значитъ Макарий въ Эллино-Римской Мифологии? У Гомера упоминается о Макарии... Макоша Славянскій и Макарий Эллино-Римскій суть одно и то же [стр. 12 и 13].»

Слѣдствіемъ этихъ разысканій вышло то, что Славяно-Русские боги были сродни Греческимъ и Римскимъ богамъ. Для утверждения родства г. Руссовъ изъ Эллино-Римской Миѳологии сотворилъ поколѣнную роспись — Генеалогию Киевскихъ языческихъ боговъ (стр. 14):

1	Небо.	2	
Стрѣбъ.	Сатурнъ.	Тетисъ.	Оксанъ.
4	3	или Дамбба,	
Семейя.	Юпитеръ.	Нептунъ.	Ампелрита.
или Зимцерда.	или Перунъ.		
5		6	
Бахусъ,	Меркурій,	Апполонъ.	Стрѣбъ.
или Хоръ.	или Строецъ.		Бизенъ, Бель,
		7	или Волосъ
		Макарій,	
		или Мокошь.	

Мы буквально списали эту генеалогию
единственно для того, чтобы показать:
какъ далеко г. Руссовъ увлекся отъ свое-
го предмета. Изъвѣдя ошибокъ своихъ пред-
шественниковъ, онъ решительно пересо-
здалъ Славяно-Русскую Миѳологию, и—безъ
всякаго основанія. По его понятіямъ Пе-
рунъ происходиттъ — отъ *PERDO, PERCUTIO*
Перунъ. Стрибогъ обращенъ въ Стреbъ,
Семаргълъ передѣланъ въ *Zimiceru* или
Zimaeeru, Даждь-богъ въ *Dageu*, Мо-
кошъ составился изъ Макарія. Не призна-
вая ни одного понятія изъ Русскихъ и чу-
жеземныхъ миѳографій, до него бывшихъ,
онъ составилъ свои. Къ счастию Перунъ,
по неисповѣдимымъ причинамъ, остался въ
опытѣ г. Руссова безъ разсмотрівания; но
за то другіе Славяно-Русские боги изуроды-
ваны до послѣдней возможности. Такъ:
Славяно-Русский Стрибогъ у него есть не
что иное какъ Эллино-Римский *Стребѣ*,

Семаргла Эллипю Римская богиня молчания
Семелія; Даждь богъ есть не что иное
какъ Эллино-Римский Тетисъ (Фетида);
Велесь есть Белъ Ассирийский.

Въ 1827 году была напечатана въ Вѣст-
никѣ Европы миѳографія г. Прѣзжаго —
о *Миѳологии Славянъ Россійскихъ*. Пере-
сматривая эту Миѳографію внимательно,
мы изумились: была ли эта совершенная
пародія, или въ прямомъ смыслѣ, копія
съ краткаго обозрѣнія *Миѳологии Сла-
вянъ Россійскихъ* г. Строева? Отказываем-
ся отъ рѣшенія. Скажемъ только, что г.
Прѣзжевъ списалъ буквально г. Строева.
Удивляемся, какъ не заметили этого тогда
и г. Издатель Вѣстника Европы и самъ г.
Строевъ, и даже другие журналы, сторожив-
шіе въ тѣ дни крѣпко подобныя продѣл-
ки. Докажемъ самыиѣ дѣломъ.

Строевъ. *Прізвішевъ.*
[14 стр.] (Съ первого слова на стр.
195.)

Славле явившіся на позорищі міра въ VI стольті по Р. Хр. представляються взорами нашими какъ народъ непросвѣщенный, но не какъ дикой. Тихіе его правы и обычы, кроткая религія, обряды, исполненные человѣкокубія, не производять въ насть никакого ужаса, но наполняютъ душу чувствомъ юкотораго умилія.

Славле, явившіся на позорищі міра въ VI стольті по Р. Хр. представляються взорами нашими какъ народъ непросвѣщенный, но не какъ дикой. Тихіе правыго и обычай, кроткая религія, обряды, исполненные человѣкокубія, не производять въ насть ни какого ужаса, и даже наполняютъ душу чувствомъ юкотораго умилія.

Г. Прізвішевъ продолжалъ свои выписки отъ слова до слова, начиная съ 14 стр. до 41, съ перенѣпою выраженийничтожныхъ, въ выпущеніемъ примѣчаній. Весь трудъ его состоялъ въ томъ, что онъ выкинулъ изъ миѳографии г. Строева первыя 13 страницъ, списалъ буквально слѣдующія 38 стр. и оставилъ послѣднія 2 стр. безъ выписокъ. Мы обѣ этой миѳографии не должны болѣе говорить: Исторія Русской Литературы со временемъ предастъ ее должно-му осужденію.

По этимъ четыремъ мифографиямъ Славяно-Русская Мифология образовалась изъ сълѣдующихъ боговъ:

Несторъ.	Строевъ.	Датскими; о <i>Рузвеншь</i> или <i>Рузвегтъ</i> , <i>Поревитъ</i> , <i>Радегастъ</i> — имъвнѣмъ храмъ въ городѣ Ретрѣ; о <i>Сивъ</i> , въ честь которой находился храмъ въ городѣ Рацебургѣ; о <i>Фрихиль</i> , уважаемой Датскими Славянами и называемой въ Исландскихъ древностяхъ <i>Вана-тиз</i> или <i>Венедскою</i> ; о <i>Перкутий</i> Пруссскомъ, почитавшемся также и отъ Латынѣй; о кумибрахъ: <i>Числобога и Набога</i> , <i>Набога или Зембога и Немизы</i> — находившихся въ Ретрскомъ храмѣ, о <i>Триглавѣ</i> , бывшемъ въ Юлии или Виннетѣ; <i>Принекаль</i> , <i>Проницъ</i> или <i>Геровитъ</i> , находившихся въ Гевельбергѣ и <i>Волгастъ</i> ; о <i>Превѣ</i> и <i>Поругаѣ</i> , почитаемыхъ жителями Вагрии; о <i>Гензилѣ</i> , уважаемомъ Мерзебургскими Вендами; <i>Даворъ</i> , <i>Даморъ добродѣхъ</i> , <i>Яръ и Шикъ</i> , прославляемыхъ доселѣ въ свадебныхъ приществахъ Мораховѣ; о Польскихъ богахъ: <i>Ніп</i> , имѣвшемъ храмъ въ Гнѣзѣнѣ, <i>Лесъ</i> , <i>Ладонъ</i> или <i>Ладъ</i> , <i>Дзицзилѣ</i> , <i>Зивоніѣ</i> , или <i>Зиваніѣ</i> , <i>Зиваго</i> , <i>Лель</i> , <i>Полелъ</i> , <i>Позодъ</i> , <i>Пожвистъ</i> . О вторыхъ онъ писалъ: «Въ России до введенія Христіанской вѣры, первую степень между идолами занималъ <i>Перунъ</i> , богъ молнии, которому <i>Славяне</i> еще въ VI вѣкѣ поклонялись (?)». Обожая въ немъ верховнаго міроуправителя. Кумибръ еро стоялъ въ Кіевѣ, на холмѣ, съ двора Владимира, а въ Новгородѣ падъ рѣкою Волховомъ, былъ деревянный, съ серебряною головою и съ золотыми усами. Летописецъ именуетъ еще идоловъ: <i>Хорса</i> , <i>Даждь-бога</i> , <i>Стрибога</i> , <i>Семаргла и Мокоша</i> , не объясняя, какія свойства и дѣйствія приписывались имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается еще о <i>Велестѣ</i> , котораго именемъ и <i>Пегуномъ</i> клялись Россине въ вѣрности, имѣвъ къ нему особливое уваженіе: ибо онъ считался покровителемъ скота, главнаго ихъ богатства. Сии извѣстія Несторовы можемъ дополнить новѣйшими, напечатанными въ Кіевскомъ Синопсисѣ.»
въ 1093 г.	въ 1815 г.	
Перунъ. Волосъ. Даждь-богъ. Стрибогъ. Семергla. Хорсъ. Мокошь.	Перунъ. Волосъ [Велесь]. Даждь-богъ [Дажба], Стрибогъ [Стриба]. Хорсъ. Семаргla (Сема и Регла). Мокошь [Мкошъ].	
Руссовъ.	Пріозжевъ.	
въ 1824 г.	въ 1827 г.	
Перунъ. Велесь. Стрибогъ. Зимсерга. Хорсъ. Даждь-богъ. Мокошь.	Перунъ, Волосъ. Даждь-богъ Стрибогъ Хорсъ. Семаргla. Мокошь.	

Кромѣ этихъ Славяно-Русскихъ мно-
графій, мы имѣемъ еще два отдельныхъ
источника: 1) въ Русскихъ критическихъ
изысканіяхъ и 2) въ исторіяхъ и запискахъ
чужеземцевъ.

Въ числѣ Русскихъ изысканій обращаютъ
особенное вниманіе: Разговоры о древно-
стяхъ Новгорода Преосвященнаго *Евгенія*;
о *Перунѣ*, отдельное описание г. *Калайдови-
га*, помѣщенное въ *Вѣстнике Европы*
1807 года (№ 23 и 24); примѣчанія гра-
фа Мусина-Пушкина, приложенія къ из-
данію Пѣсни о полку Игоревомъ; примѣ-
чанія *Болтина* на исторію Леклерка; мнѣ-
нія *Ломоносова*, *Татищева* и *Щербатова*
въ ихъ исторіяхъ; Н. М. *Карамзина* во всеобщемъ обозрѣніи *Славянъ*,
помѣщенномъ въ первомъ томѣ его исторіи;
А. Ф. Вельтмана — въ его письмѣ о вѣ-
ликомъ Новгородѣ и издании Пѣсни о пол-
ку Игоревомъ.

Незаувѣненный историографъ, Н. М. Карам-
зинъ, обозрѣвая вѣру Славянскихъ наро-
довъ, посвятилъ Славянской Мифологии осо-
бенное описание. Сначала онъ обозрѣвалъ
боговъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, а по-
томъ особенно Славяно-Русскихъ. Въ описаніи первыхъ онъ упоминаетъ: о *Боль-
шоѣ*, пенившемъ храма; о *Чернобогѣ*,
почитавшемся у Славянъ Балтийскихъ, по
свидѣтельству Гельмольдовской хроники; о
Святовицѣ, имѣвшемъ храмъ на островѣ
Рюгенѣ, почитаемомъ Вендами и Королями

Датскими; о *Рузвеншь* или *Рузвегтѣ*, *Поревитѣ*, *Радегастѣ* — имѣвшемъ храмъ въ
городѣ Ретрѣ; о *Сивѣ*, въ честь которой
находился храмъ въ городѣ Рацебургѣ; о
Фрихиль, уважаемой Датскими Славянами
и называемой въ Исландскихъ древ-
ностяхъ *Вана-тиз* или *Венедскою*; о *Пер-
кутии* Пруссскомъ, почитавшемся также и
отъ Латынѣй; о кумибрахъ: *Числобога и Набога*, *Набога или Зембога и Немизы* —
находившихся въ Ретрскомъ храмѣ, о *Три-
главѣ*, бывшемъ въ Юлии или Виннетѣ;
Принекаль, *Проницѣ* или *Геровитѣ*, на-
ходившихся въ Гевельбергѣ и *Волгастѣ*;
о *Превѣ* и *Поругаѣ*, почитаемыхъ жите-
лями Вагрии; о *Гензилѣ*, уважаемомъ Мер-
зебургскими Вендами; *Даворъ*, *Даморъ*
добродѣхъ, *Яръ и Шикъ*, прославляемыхъ
доселѣ въ свадебныхъ приществахъ
Мораховѣ; о Польскихъ богахъ: *Ніп*,
имѣвшемъ храмъ въ Гнѣзѣнѣ, *Лесъ*,
Ладонъ или *Ладъ*, *Дзицзилѣ*, *Зивоніѣ*,
или *Зиваніѣ*, *Зиваго*, *Лель*, *Полелъ*,
Позодъ, *Пожвистѣ*. О вторыхъ онъ писалъ:
«Въ России до введенія Христіанской вѣры,
 первую степень между идолами занималъ
Перунъ, богъ молнии, которому *Славяне*
еще въ VI вѣкѣ поклонялись (?)». Обожая
въ немъ верховнаго міроуправителя. Кумибръ
его стоялъ въ Кіевѣ, на холмѣ, съ
двора Владимира, а въ Новгородѣ падъ
рѣкою Волховомъ, былъ деревянный, съ
серебряною головою и съ золотыми усами.
Летописецъ именуетъ еще идоловъ:
Хорса, *Даждь-бога*, *Стрибога*,
Семаргла и Мокоша, не объясняя,
какія свойства и дѣйствія приписывались
имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега
съ Греками упоминается еще о *Велестѣ*,
котораго именемъ и *Пегуномъ* клялись
Россине въ вѣрности, имѣвъ
къ нему особливое уваженіе: ибо онъ
считался покровителемъ скота, главнаго
ихъ богатства. Сии извѣстія Несторовы
могутъ дополнить новѣйшими, напечатанными
въ Кіевскомъ Синопсисѣ.»

Кромѣ сихъ, Несторомъ упоминаемыхъ,
Н. М. Карамзинъ еще допускалъ: *Ладонъ*,
Бунало, *Лышахъ*, *Русалокъ*, *Домовыхъ*,
Кикиноръ. Это имѣло взято изъ Си-
нопсиса, Стрыйковскаго, Длугоша, Кроме-
ра и Гваньини.

Въ сочиненияхъ г. Вельтмана мы встрѣ-
чаемъ описания Славяно-Русскихъ боговъ.
Его труды заслуживали бы особенное ува-
женіе, если бы онъ не слишкомъ увлекал-
ся Филологическими разысканіями, которыхъ
невольно наводятъ сомнѣніе. Подобные при-
мѣры р. Руссова и другихъ представляютъ
съ самой невыгодной стороны. Въ из-
данномъ имъ письмѣ о господинѣ Вели-
комъ Новгородѣ, онъ говоритъ:

«Перунъ есть *Bахусъ*, или Бахъ *Пиренъ*, т. е. сынъ Пламени. Поклоненіе *Баху* и поклоненіе *Валу* сошлись на Сѣверѣ. Первое преимущественно нашло себѣ вѣ-
нчныхъ поклонниковъ въ Славянахъ; второе
владычество вело на Сѣверѣ у Руссовъ; но
подробности узнаешь изъ моихъ изслѣдований
древней Религии Славяно-Руссовъ (стр. 35).

«Вы полагаю я, вѣрите тому, что имя
Власть, Власій и Славянскій *Влагъ*, не
есть то же что *Велесъ*, *Волосъ*, т. е. *Ва-
лъ*, хотя можетъ быть происходить и отъ
него, и значить *произродитель*. Велесу,
или Волосу покланялись наши пред-
ки, и я со временемъ изложу мои доказа-
тельства, что поклоненіе *Валу* было не
только въ Азіи, но распространялось по-
тчи во всей древней Европѣ, и что *Völu*,
Бльгъ-богъ, *BELENUS* не случайные звуки,
сходные съ именемъ Бела, но есть то древ-
нее слово *Халден*, преобразованное народ-
ными, которое означало на первомъ языке
Всевышнаго Бога, и которое произноси-
лось съ благоговѣніемъ всими языками ми-
ра. Волосъ, скотій Богъ, не значить, что
онъ есть Богъ воловъ, овновъ и проч.; но
значить *Богъ земныхъ тварей*. Въ дополн-
еніе слово *Скотъ* принадлежитъ, кажется,
обрѣдамъ Валовыми [см. стр. 33 и 34].»

Понятія о происхождении Волоса отъ
Была Ассирийского было выдумано еще въ
1824 году г. Руссовымъ, но почему Пе-
нинъ произведенъ отъ Бахуса, тогда какъ
Руссовъ производилъ отъ него Хорса — мы
не беремся решить до появления его по-
дробной миѳографии. Замѣтимъ, что всѣ
наши миѳографы обѣщали со временемъ
говорить подробнѣе о Славяно-Русской
Миѳологии; но, кто дождется, когда эти

обѣщанія исполнятся. Сожалѣемъ очень,
что г. Вельтманъ принимаетъ для объясне-
нія нашей миѳографии вздорную выдумку —
отрывокъ *Литописи Іоакимовой*, которую
сто разъ опровергали, которая сама указы-
ваетъ, что въ ней все сказанное есть ложь.
Мы увѣрены, что при полномъ изданіи его
Славяно-Русской Миѳологии будетъ исклю-
чена вставка Іоакимовская, помѣщенная въ
письмѣ о Новгородѣ на стр. 37, 38 и 39. —
Довѣrie къ этому отрывку Попова, Чулко-
ва, Кайсарова, Глинки — не оправдами ни
какого ожиданія.

Источникъ иностранныхъ свѣдѣній пред-
ставляетъ самое обширное поле для изслѣ-
дований, и вмѣстѣ самое опасное. До сихъ
поръ еще ни одинъ изъ нашихъ миѳографовъ
не принимался критически обозрѣть
всѣ свѣдѣнія, находящіяся въ сочиненіяхъ
чужеземцевъ о Славяно-Русскихъ Богахъ.
Исчислимъ только некоторые изъ этихъ
источниковъ:

1. *Саксо*, Историкъ XIII вѣка, прозванный *Грамматикомъ* по чистотѣ Латин-
скаго языка, въ своей *HISTORIAE DANICÆ* (Лерса 1771) говоритъ о Славянскихъ
Богахъ Риогенскихъ, основываясь на древ-
нихъ стихотвореніяхъ и надписяхъ неиз-
вѣстныхъ никому, кроме его. Его исто-
рия ввела многихъ въ заблужденіе. Нашъ
извѣстный Миллеръ повѣрилъ ему въ про-
исхождении Скандинавіи, и внесъ его пред-
ви въ свою академическую рѣчь — о наро-
дахъ *обитавшихъ въ Россіи*. У него
Миллеръ отыскалъ въ синѣ *Боуса*, прижа-
таго, по сказанію Саксо, Одиномъ съ Рус-
скою Царевною Риндою-Бою *Королеви-
га*, сына *Додона*, извѣстную Италиянскую
сказку XVI вѣка. Боги, описанные Саксо:
Ругевитъ, Поревитъ, Поренучъ, Свѣтовидъ
— взошли въ миѳографии Глинки, Кайсаро-
ва и Попова.

2. *Гельмодъ*, историкъ XII вѣка, въ
своей *CHRONICA SLAVORUM, s. ANNALES
HELMODI PRESBYTERI BUZOVIENSIS. FRAN-
COF. 1581* — говоритъ: о *Бвль-Богъ*, *Свѣто-
видѣ*, *Провѣ*, *Черно-Богъ*.

3. *Дитмаръ Мерзебургскій*, писавший
въ самомъ началѣ XI вѣка свою Хронику,
говорить также о Богахъ Славянскихъ.

4. *Стурдезонъ Снорро или Снорри*, однѣ изъ достовѣрныхъ писателей Исландскихъ, жившій въ XII вѣкѣ — написалъ: *HISTORIA RERUM SEPTENTRIONALIUM*. Ему послѣдовалъ Карамзинъ.

5. *Шереръ* въ своемъ сочиненіи — *DE DIIS GERMANORUM* — описывая Нѣмецкихъ боговъ, вмѣстѣ въ число ихъ и Славянскихъ: Бѣль-бога, Крода, Проно, Родегаста, Ругевита, Флинца, Черно-бога, Ютрабога. Послѣдня Кранцусу, онъ сминалъ Венедовъ съ Вандалами.

6. *Михаилъ Френцель*, изъ Лаузица, написалъ въ 1638 году разсужденіе о Славянскихъ богахъ въ Виртембергѣ: *MICHAELI FRENCCELLII DISSERTATIONES HISTORICAE DE IDOLIS SLAVORUM*. Брать его Адамъ Френцель занимался филологическими изысканіями о Славянскихъ богахъ. М. Френцель описалъ: Перуна, Марцану, Диодилю, Золотую бабу, Поренуча, Поревита, Бѣль-бога, Флинца, Черно-бога.

7. *Ваенеръ* издалъ въ 1698 году въ Лейпцигѣ: *DISSERTATIO DE IDOLATRIA VETERUM MISNIAE INCOLARUM*. Онъ описалъ: Святебора, Диодилю.

8. *Арнольдъ* къ сочиненію Александра Росса — о всеобщемъ богослужѣніи — сдѣлалъ особенное прибавленіе: *VON DEN UNTERSCHIEDLICHEN GOTTESDIENSTEN IN DER GANZEN WELT*. Онъ описалъ: Крода, Бѣль-бога, Флинца, Ютрабога.

9. *Самуилъ Гроссеръ* въ описаніи достопамятностей Лаузица *LAUSITZISCHE MERK-WÜRDIGKEITEN* описалъ имена боговъ Лаузица, съ 10-ю рисунками. Его Поревитъ и Крода были руководителями для Монфокона и Банье.

10. *Монфоконъ* въ своемъ сочиненіи: *ANTIQUITÉ EXPLIQUÉE* въ числѣ другихъ боговъ онъ описалъ и Славянскихъ.

11. *Банье* въ своей *LA MYTHOLOGIE ET LA FABLE EXPLIQUÉES PAR L' HISTOIRE* описалъ только то, что было у Монфокона.

12. *Шереръ* въ своемъ сочиненіи: *DE SIMULACRIS DEORUM IN RUSSIA CULTIS SUB VLADIMIRO DUCE* — описалъ: Ладо, Коляду и другихъ.

13. *Андрей Машъ* составилъ описание священныхъ древностей Овобритовъ и Мекленбургскихъ Славянъ, найденныхъ въ Примльице — *HOPFREDIGERS MACH GOTTES-DIENSTLICHE DIE ALTERHÜMER DER OVOBRITEN* раздѣлилъ Славянскихъ боговъ на боговъ и полубоговъ — Позвизда, Поделя, Сива, Черно-бога.

14. *Гейнекий* въ своемъ сочиненіи: *SCRIPTORES RERUM GERMANORUM* написалъ особенную диссертацию о Крода.

15. *Яковъ Толлий*, въ сочиненіи *JACOBUS TOLII EPISTOLAE ITERINARIAE* описалъ Крода.

16. *Докторъ Антона* въ своемъ сочиненіи: *ERSTE LIENEN EINES VERSUCHES ÜBER DIE ALten SLAVEN URSPRUNG, SITTEN O-PISSAL: Ладо, Флинца.*

17. *Леклеркъ* въ своей *HISTOIRE DE LA RUSSIE ANCIENNE* помѣстилъ Славянскую Мифологию Попова.

18. Графъ Потоцкій въ своемъ: *VOYAGE EN BASSE SAXE* — описалъ Славянскихъ боговъ. Ему слѣдовалъ Карамзинъ. Пѣмеккій археологъ, доставлявшій графу свѣдѣнія, сознался предъ цѣльмъ свѣтомъ въ обманѣ (См. Жури. Мин. Нар. Пр. 1836 г.). — Этой-то книгѣ слѣдуютъ мноографы!

19. *Кромеръ*, Польскій Историкъ, въ сочиненіи своемъ: *DE ORIGINE ET REBUS GESTIS POLONORUM* — описалъ: Ладо, Позвизда, Погоду, змѣи и другихъ.

20. *Шнейдеръ* въ своемъ *SARMATICAE ÈUROPEAE DESCRIPTIO* описалъ: Ладу, Марцану.

21. *Геванники* въ сочиненіи своемъ *MO- SKOVIA RESPUBLICA ET URBIS LUGDUNI VA- VATORUM* описывалъ Славянскія божества Марцану, Златую бабу.

22. *Гютри* — въ сочиненіи своемъ: *DISSER-*

TATIONS SUR LES ANTIQUITÉS DE RUSSIE A S. P. 1795. описалъ: Тура, Сильный богъ.

23. *Длугошъ*, Польский Историкъ XV вѣка, въ своей Польской истории, выбиравшій извѣстія о Россіи изъ Кадлубека и Нестора, описалъ: Ніа, Марцану, Сиву, Погоду.

24 *Матейк Стрыйковскій*, Польский Историкъ, бравшій извѣстія о Россіи изъ Длугоша, Кромера, Герберштейна—въ своихъ сочиненіяхъ: о происхождении Славяно-Русскихъ народовъ, Царствование Ивана Васильевича Грознаго и Хроникѣ боговъ Латышскихъ—описывалъ Славянскихъ боговъ. Изъ нихъ выбиравъ Гизель, Кайсаровъ, Глинка.

25. *Тунмаль* въ своемъ сочиненіи: *ÜBER DIE GOTTESDIENSTLICHE ALTERTHÜMER DER OBOBRITEN*—описывалъ Славянскихъ боговъ. Ему съдовольствовалъ Карамзинъ.

26. *Гебеардъ* въ своемъ сочиненіи: *GESCHICHTEN WENDEN UND SLAVEN*—говорилъ о языческихъ обрядахъ Славянъ. Ему съдовольствовалъ Карамзинъ.

27. *Шарпъ* въ своемъ сочиненіи — *DIPLOMATISCHE GESCHICHTEN* — описалъ Руевинта.

28. *Герберштейнъ* — въ своихъ: *RERUM MOSCOVITICARUM COMMENTARII* почерпнулъ описания Славянскихъ боговъ изъ народныхъ разсказовъ. Его сказка о Перунѣ Новгородскомъ—была принята Русскими и иностранными мифографами.

29. *Рангъ* въ своей Истории разныхъ Славянскихъ народовъ описалъ некоторые Славянскихъ боговъ у Сербовъ и Харватовъ.

30. *Мавро-Урбинъ* въ своей историографии народа Славянского занимался обозрѣніемъ Славянскихъ боговъ. Ему съдовольствовалъ Поповъ.

31. *Даниэль Киль* Бакху, Императорскій посланникъ, выѣхавшій въ Москву въ 1578 г. съ Ковенцелемъ, написалъ: *MOSCVAE ORTUS ET PROGRESSUS — GUBENAE 1679*, гдѣ говорить о Славянскихъ богахъ со всевозможными ошибками.

32. *Нарбутъ*—въ первомъ и второмъ томѣ своей Истории (*HISTORIA NARODU POLSKIEGO*) объясняетъ Славянскую Миѳологію; но его разысканія требуютъ строгой оценки источниковъ, которыми онъ пользовался.

33. *Павелъ Левій Новокомскій*, историкъ XVI-го вѣка, въ описаніи Религии Московитіи, говоритъ: «За пять сотъ лѣтъ предъ симъ Московитиѣ поклонялись языческимъ богамъ, какъ-то: Юпитеру, Марсу, Сатурну и многимъ другимъ.» Такія свѣдѣнія доставляла Историкъ Иоанну Руфу, Архіепископу Константинскому, приближенному къ Папѣ Клименту VII-му, и по этому-то свѣдѣнію судила Европа о Русскихъ.

34. Сочиненія *Нарбута* обращаютъ особенное внимание. Это трудъ, соорганный съ особенностью рачительности, изъ устъ народныхъ, переданный съ всею достовѣрностью. Здесь мы не видимъ такихъ повторений, такихъ выപесокъ, которыхъ достовѣрность при первомъ взглѣдѣ уничтожается. Здѣсь приводимъ два его сочиненія:

1. *DZIESE STAROZYTNIE NARODU LITOWSKIEGO PRZEZ TEODORA NARBUTTA. WILNO. 1833.*

Еще издано только три первые тома, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ слѣдующихъ. Это сочиненіе должно открыть намъ многое, близкое къ нашей Миѳологіи.

2. *Извѣстіе о древнемъ храмѣ Зевеса въ Вильнѣ*. Это изысканіе помѣщено было въ Сѣверномъ Арх. 1822 г. ч. I стр. 227. Нарбутъ говоритъ: «статья о храмѣ Зевеса взята изъ Нѣмецкой исторической рукописи: *CRONICA AUS EINEM UND ANDEREN CRONIKEN AUSGEROGEN UND ALTEN GESCHICHTEN AUSGESCHRIEBEN*. Рукопись сія внесена съ Латинскаго изъ неизвѣстной нынѣ Литовской латиниси Ротунды.» Нарбутъ отыскалъ рукопись въ Ревель, въ 1808 году, и отдалъ тогда въ библиотеку Виленскаго университета. О храмѣ Зевеса онъ говоритъ: «Въ Вильнѣ, гдѣ стоять теперь каѳедральная Римско-Католическая церковь, былъ древний дубовый лѣсъ, посвященный языческимъ во-

тамъ, при устье Вилейки, впадающей въ большую рѣку. Возль самаго лѣса находилъся огромный каменный храмъ Зевеса громовержца, или Перкуна, бога громовъ, построенный Княземъ Гереймундомъ въ 1255 году.... Внутри храма находился деревянный кумиръ, принесенный изъ лѣсовъ Полангенскихъ. — Здѣсь упоминается о неизвѣстной рукописи: *De annalibus Ruthenienibus*, гдѣ сочинитель — *Митрофанъ* изъ *Пинска*, говорить о Литовскихъ богахъ.

Приступаемъ теперь къ самому трудному вопросу: какимъ образомъ Русские мифографы составляли Славяно-Русскую Миѳологію? Внимательное изслѣдование открыло намъ, что первые мифографы выписывали все, что имъ было извѣстно, не разбирая критически источниковъ, вторые обращали вниманіе на Нестора и на Востокъ. Системы Славяно-Русскихъ мифографій, основанныхъ на многобожіи, состоятъ: 1) изъ боговъ Славяно-Русскихъ, 2) изъ боговъ другихъ Славянскихъ племенъ, 3) изъ боговъ Рюгенскихъ, 4) изъ Русской Демонологии, 5) изъ Русскихъ сказокъ, 6) изъ произвольно выдуманныхъ миѳовъ.

I. Описания Славяно-Русскихъ боговъ у нашихъ мифографовъ составлены изъ неизвѣроятныхъ противорѣчій, и произвольныхъ, ни на чемъ неоснованныхъ, сужденій.

Ниведемъ для сличенія всѣ извѣстныя намъ описанія.

1. *Перунъ*. Несторъ говорилъ, что Перунъ сдѣланъ былъ изъ дерева, съ серебряною головою, съ золотыми усами. Гизель придавала ему: золотыя уши вмѣсто усовъ, желѣзныя ноги, въ руку вложилъ камень, воскуривъ предъ нимъ огонь и приказалъ жрецамъ караулить этотъ огонь. Поповъ отнялъ золотыя уши, и возвратилъ усы. Замѣтилъ, что наши мифографы сотворили изъ этихъ золотыхъ усовъ новаго бога: Услада. Вѣроятно переписчикъ лѣтописей написалъ: *Усѣ-златъ*, а изъ этого составился послѣ Усладъ. Поповъ изобрѣлъ Перуну особенные жертвы — волосы съ головы и бороды. Онъ первый переименовалъ Перуна въ *Перкуна*, а за Поповъ имъ явился п. другіе. Туиманъ Рюгенскаго Поревита признавалъ за Перуномъ. Кай-

саровъ говорилъ, что Перунъ на всѣхъ по-чи Славянскихъ парвичіяхъ означаетъ громъ, и что онъ былъ точь въ точь Римскій Юпитеръ. Вмѣсто усовъ онъ придавалъ ему золотую бороду. Неизвѣстный авторъ сочиненія — *RELIGION DER MOSCOVITEN (FRANCFURT UND LEIPZIG 1717)* изобразилъ Перуна съ кошечко рожею, съ раздутыми скулами. У Принца Букхай вставлены неизвѣроятныя нелѣпости. Глинка производилъ Перуна отъ слова *Торымъ* или *Торумъ*, означающаго на *Сарматскомъ языке всевышнее существо, боя*. Онъ посвятилъ ему цѣлые лѣса и рощи, изъ коихъ, по его словамъ, почтилось святотатствомъ взятие всякаго сучка. Гизель полагалъ, что Перунъ былъ *нага-гальптийшій* богъ грома, молнии и облаковъ дождевыхъ. Поповъ почталь его производителемъ всѣхъ воздушныхъ явлений и *строителемъ еромострѣлнія*. Кайсаровъ говорилъ, что Перунъ былъ первый богъ, которому Россіяне поклонялись, и подчиняли ему дождь, молнию и всѣ воздушныя явленія. Глинка называлъ его *произвѣстителемъ всѣхъ воздушныхъ явлений, посвѣтителемъ облаковъ*, и думалъ, что первоселенцы Кіевскіе, будучи Сарматскаго происхожденія и пришедши туда отъ Скандинавскаго полуострова, принесли съ собою Цельтійскихъ боговъ. Эту мысль развилъ еще болѣе г. Руссовъ. Карамзинъ съ большію основательностью о Перунѣ говорилъ (т. 1. пр. 201): «Славянскій глаголь *Перу* значитъ не только *Пру*, но и *бюо, ударяю*. Валекъ, которымъ колотятъ вѣлье, для того называется прѣльникомъ. Слѣдовательно имя Перуна означало *бога разящаго*.» Вельтманъ производилъ Перуна отъ *Баха Перевенита*, и утверждалъ, что поклоненіе *Ваалу* пришло на Сѣверъ къ Руссамъ съ востока. Герберштейнъ, а за нимъ Петрей и другие, выдумали сказку овъ изгнаніи Перуна изъ Новгорода. Несторъ ничего не сказалъ объ изгнаніи Перуна изъ Новгорода, а Новгородскій лѣтописецъ (см. Продол. др. Вив.) написалъ: «Прииде къ Новгороду Акимъ, Архиепископъ Корсунянинъ, и требища разрушилъ, и Перуна посвѣче, и повелъ влечи въ Волховъ, новерзване ужи волочаху по калу, блюще же здѣмъ, и заповѣда-

НИ КАМО ПИ ГДЯ ЖЕ ПЕ ПРИЯТИ. И СЕ ПДЕ ПИДЬСЛЯНИНЬ РАНО НА РВКУ, ХОДЯ ГОРПЦИ ВЕСТИ ВЪ ГОРОДЪ, И СИЦЕ ПЕРУНЪ ПРИПЛЫ ВЪ БЕРЕГУ, И ОТРИНУ ЕГО ШЕСТОМЪ. ТЫ, РЕЧЕ, ПЕРУНИЦЕ ДО СИТИ ЕСИ ПИЛЬ И ЯЛЬ, А НЫНЪ ПЛОВИ УЖЕ ПРОЧЕ. И ПЛЫ СЪ СВѢТА ВЪ ОКРОМЕШНОЕ.» МИОГРАФЫ КЪ ЭТОМУ ПРИБАВИЛИ, ЧТО НОВГОРОДЦЫ ВЪ ЧЕСТЬ ПЕРУНА ВИЛИСЬ ПАЛКАМИ НА МОСТУ. ЭТО ЕСТЬ И ВЪ СТЕПЕННОЙ КНИГѢ. СТРОЕВЪ ГОВОРИТЬ: «САМОЕ НАЗВАНИЕ ПЕРУНА, КАЖЕТСЯ, ДОКАЗЫВАЕТЪ, ЧТО ОНЪ БЫЛЪ УПРАВЛЯЮЩИЙ ГРОМОМЪ И СЛОВА: *RIGURUM* ПО ПОЛЬСКИ, *PERKONNE* ПО ЛАТЫШСКИ ЗНАЧАТЬ ГРОМЪ. РУССОВЪ ПРОИЗВОДИЛЪ ОТЪ *PERCUTIO*, *PERDO*. ДОКТОРЪ АНТОНЪ ОТЫСКАЛЪ ВЪ ДАЛМАЦИИ ЛѢСЬ: *PIRUN DUBRAVE*. СНЕГИРЕВЪ, ВЪ ОПИСАНИИ СВЯТОКЪ, ПРИВОДИТЬ УКАЗАНИЕ ИЗЪ СОННЕРАТА, ПУТЕШЕСТВОВАВШАГО ВЪ ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ, ЧТО У ИНДІЙЦЕВЪ ВЪ ЯНВАРЬ БЫВАЕТЪ ПРАЗДНИКЪ *Перунъ-Понваль*. ВЪ СТАРОЙ РУСЬ ЕСТЬ ПРАДАНИЕ, ЧТО ПЕРУНА ПОГРУЗИЛИ БЛIZЬ СЕЛА ГРУЗИНА, — И ЧТО ЭТО СЕЛО ПОЛУЧИЛО ОТЪ НЕГО НАЗВАНИЕ. ВЪ 1812 Г. Г. ЭТТЕРЪ ДОСТАВИЛЪ ВЪ МОСКОВСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕЧАТНЫЙ ЭСТАМПЪ СЛАВЯНСКОГО ИДОЛА ПЕРУНА [СМ. ТРУД. Ч. I. СТ. 145]. ОТКУДА ЭТО ЯВЛЕНИЕ? —

2. Велесъ. НЕСТОРЪ ГОВОРИЛЪ, ЧТО ВЕЛЕСЪ ЕСТЬ СКОТІЙ БОГЪ. ГНЗЕЛЬ КЪ ЭТОМУ НИЧЕГО НЕ ПРИБАВИЛЪ. ПОПОВЪ ДУМАЛЪ, ЧТО ОНЪ ИМѢЛЪ ХРАМЪ ВЪ КІЕВѢ. КАЙСАРОВЪ ПРЕДОСТАВИЛЪ ЕМУ ОТЪ РУССКИХЪ ВЛАДЫЧЕСТВО НАДЪ СКОТОМЪ, КАКЪ ЗАНИМАЮЩЕМУ ПЕРВОЕ МѢСТО ПОСЛѢ ПЕРУНА. ГЛІНКА ГОВОРИТЬ: «САМОЕ ИМЯ ВЕЛЕСА ОЗНАЧАЕТЪ *великій*; ИБО ВЕЛЕСЪ, ЧРЕЗЪ ТОЛКОВАНІЕ СЛОВА, ЗНАЧИТЬ: *Велій естъ*, т. е. *Великій* и *Велесъ величіющій* т. е. *благодателъ*.» ОНЪ ЖЕ ВЫДУМАЛЪ И ИЗОБРАЖЕНИЕ ЕГО: «ВЕЛЕСЪ СЪ БЫЧАЧЬМИ РОГАМИ, ВЪ ПРОСТОЙ ОДЕЖДѢ, ДЕРЖИТЬ ВЪ РУКѢ ЧАШУ СЪ МОЛОКОМЪ. ВЪ ЖЕРТВУ ЕМУ ПРИНОСИЛИСЬ КОРОВЫ И БЫКИ.» СТРОЕВЪ ГОВОРИТЬ: «ВЕЛЕСЪ БЫЛЪ ИМЕННО БОГЪ СТАДЪ, А НЕ ЖИВОТНЫХЪ, КАКЪ НЬКОТОРЫЕ ДУМАЛИ. КОТОРОЕ ИЗЪ СЛАВЯНО-РОССІЙСКИХЪ ИЛЕМЕНЬ ОСОБЕННО ПОЧИТАЛО СЕГО БОГА, ЕМУ НЕИЗВѢСТНО. МИТРОПОЛІТЪ ЕВГЕНІЙ ГОВОРІТЬ, ЧТО ВЕЛЕСЪ ОБОЖАЛИ МЕРЯ; ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ НА ЭТО НѢТЬ. РУССОВЪ ГОВОРІТЬ, ЧТО БЕЛЬ АССИРІЙСКІЙ ЕСТЬ ТОЖЕ, ЧТО ІА-

ТИНСКІЙ И СЛАВЯНСКІЙ ВЕЛЕСЪ. ВЕЛЬТМАНЪ ПРОИЗВОДИЛЪ ВЕЛЕСА ОТЪ АССИРІЙСКОГО БЕЛЛІ, И УТВЕРЖДАЛЪ, ЧТО ОНЪ, КАКЪ БОГЪ СКОТІЙ НЕ ЗНАЧИЛЪ БОГА СКОТОВЪ, ПО БОГА ЗЕМЛНХЪ ТВАРЕЙ. ОВЪ ВЕЛЕСЪ МЫ ИМѢМЪ СЛВДУЮЩІЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЗВѢСТІЯ: 1) ВЪ ПАТЕРИКѢ КІЕВСКОМЪ, ВЪ ЖІТІІ ІСАІЯ ЧУДОТВОРЦА, СКАЗАНО, ЧТО ЭТОТЪ СВЯТОЙ РАЗОРИЛЪ КАПИЩА ВЪ РОСТОВСКОЙ ВОЛОСТИ (СМ. ИСТ. КАР. Т. I, ПР. 225). 2) ВЪ ПРОЛОГѢ НАХОДИМЪ, ЧТО СВ. АВРАМІЙ КРЕСТИЛЪ РОСТОВСКУЮ ВОЛОСТЬ ТОГДА, КОГДА ОНА БЫЛА УЖЕ ВЛАДИМИРСКОЮ ОБЛАСТЬЮ [СМ. ОКТ. 29 ПРОЛОГЪ И МИНЕЮ-ЧЕТИЮ]. 3) ВЪ ПѢСНІ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ СКАЗАНО [СТР. 7]: «ТЕБЪ ВЫ ВСПЫТИ БЫЛО ВЪЩЕЙ БОЯНЕ, *Велесовъ* внуче!» МИОГРАФЫ ЭТО ОБЪЯСНІЛИ ТАКЪ: «ВІДНО, ЧТО СЛАВЯНСКІЕ СТИХОТВОРЦЫ ВЕЛИ СВОЕ ПРОІСХОДЖЕНІЕ ОТЪ ВЕЛЕСА.» ТАКЪ ДУМАЛЬ СТРОЕВЪ. МИТРОПОЛІТЪ ЕВГЕНІЙ ГОВОРІТЬ, ЧТО ИМЯ ВЕЛЕСА ЗНАЧИТЬ ВЪ СЕМЬ МВСТЪ НЕ БОГА ВЕЛЕСА, А ТОЛЬКО КАКОГО НИБУДЬ ИЗЪ ПРЕДКОВЪ БОЯНА. РУССОВЪ: «СОЧИНІЛЬ ПѢСНІ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ НАЗЫВАЕТЬ БОЯНА ВНУКОМЪ ВЕЛЕСОВЫМЪ; ПО СІЕ ЗНАЧИТЬ ПО ВІДНІМОУ, ЧТО *слврные єрамнотын полутии* буквы отъ *Данаа*, *Велесова* внука и бльше нигео.»

3. Даждь-богъ. ПОПОВЪ ДОГДЫВАЛСЯ, ЧТО ОНЪ БЫЛЪ ПОДАТЕЛЕМЪ БЛАГЪ, И ЧТО ЕГО МОЖНО ПОЧЕСТЬ БОГОМЪ *богагествъ*. КАЙСАРОВЪ УТВЕРЖДАЛЪ, ЧТО ДАЖДЬ-БОГЪ, ТАКЖЕ ДАЖБА, И ДАШУБА — ОЗНАЧАЕТЬ ОДНО И ТО ЖЕ БОЖЕСТВО И СОГЛАШАЛСЯ СЪ ПОПОВЫМЪ. ГЮТРИ НАЗЫВАЛЪ ЕГО ПЛУТУСОМЪ ДРЕВНІХЪ. — ГЛІНКА: «БОЖЕСТВО БЛАГОТВОГНОЕ, ПОДАТЕЛЬ ВЕЛИКИХЪ БЛАГЪ, БОГАТСТВА, СЧАСТІЯ, БЛАГОПОЛУЧІЯ; ЖЕРТВОВАЛИ ЕМУ ТОКМО УСЕРДНЫМИ МОЛЬБАМИ И ИСПРОШЕНІЕМЪ У НЕГО МИЛОСТИ. ОНЪ СЛУЖИЛЪ ЭМБЛЕМОЙ *благополуцил*, КОТОРОЕ ОБОГОТОВЯЛИ ДРЕВНІЕ РИМЛЯНЕ.» СТРОЕВЪ: «Я ДУМАЮ, ЧТО И ВЪ ПОНЯТИІ О СЕМЪ БОГЪ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ТО ЖЕ САМОЕ, ЧТО И ВЪ ПОНЯТИІ О ПЕРУНѣ.» — РУССОВЪ: СЛАВЯНСКАЯ ДАЖВА, ДАЖДЬ-БОГЪ ЕСТЬ НЕ ИНОЕ ЧТО, КАКЪ ЭЛЛІНО-РІМСКІЙ ТЕТІСЪ. — ВЪ ПѢСНІ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ СКАЗАНО: «ПОГИБАНИЕ ЖИЗНІ ДАЖДЬ-БОЖА ВНУКА, ВЪ КНЯЖИХЪ КРАМОЛХЪ ВЪЦІ ЧЕЛОВѢКОМЪ СОКРАТИЛАСЬ.» — ГРАФЪ МУСІНЬ-ПУШКИНЪ ОВЪ ЭТОМЪ ГОВОРІТЬ: «ДАЖДЬ-БОГЪ ПОЧИТАЕМЪ БЫТЬ ВЪ КІ-

ЕВФ БОГОМЪ ПОДАТЕЛЕМЪ ВСѢХЪ БЛАГЪ. ПОЛЬЗОВАВШИЕСЯ БЛАГОДЕНСТВІЕМЪ, КАКЪ ДАРОМЪ ДАЖДЬ-БОЖІЕВІМЪ, НАЗЫВАЛИСЬ ЕГО ВНУКАМИ. ВЪ 1828 Г., ВЪ МОСКОВСКОМЪ ВѢСТИНИКЪ № 8, КТО-ТО ДАЖДЬ-БОГА ПРЕВРАЩАЕТЪ ВЪ БОДАЙ, БОГДАНЪ, DEODATUS, DHEUDONNE. «СЛОВО ДАЖДА СОСТАВЛЕНО ИЗЪ БОЖЕВА И СПАСИБО.»

4. *Стрибогъ*. Поповъ: «СТРИБА, БОЖЕСТВО КІЕВСКОЕ ПОЛУЧАЛО ПОКЛОНЕНІЕ И ЖЕРТВЫ.» Глинка: «БОЖЕСТВО, НАКАЗЫВАЮЩЕЕ БЕЗЗАКОПНЫХЪ ВЪ ПРЕИСПОДНЕЙ И БІЧЬ ЗЛОДѢЛНІЙ ВЪ СЕМЬ МІРЪ. ЕГО МЕСТИ ПРЕДАВАЛИСЬ ЗАСЛУЖИВШИЕ ПРОКЛЯТИЕ.» — Кайсаровъ: «МЫ ЗНАЕМЪ ИЗЪ ПѢСНИ ИГОРЕВУ ВОИНСТВУ, ЧТО ОНЪ БЫЛЪ БОГЪ ВѢТРОВЪ, ПОТОМУ ЧТО ВЪ СЕЙ ПѢСНИ НАЗЫВАЮТЪ ИХЪ ВНУКАМИ СТРИБОГА.» — Стровеевъ: «СТРИБОГА ПОЧИТАЛИ ДО СІХЪ ПОРЪ БОГОМЪ ВОЙНЫ, НО ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО: ОНЪ БЫЛЪ У СЛАВЯНЪ ТО ЖЕ, ЧТО У ГРЕКОВЪ ЕОЛЬ. — ВЪ ПѢСНИ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ СКАЗАНО: «СЕ ВѢТРИ, СТРИБОЖИ ВНУЦЫ, ВЪЮТЬ СЪ МОТА СТРІЛЛЫ НА ХВАБРЫЕ ПЛЪКИ ИГОРЕВЫ.»

5. *Хорсъ*. Поповъ ГОВОРІТЬ: «МОЖНО ПРИЗНАТЬ ЕГО ЭСКУЛАПІЕМЪ, ИЛИ БОГОМЪ БОЛѢЗНИ» И ПРОИЗВОДИТЬ ЕГО ОТЪ ГЛАГОЛА: КОРЧИТЬ. — Чулковъ ПРИГАВИЛЪ КЪ ЭТОМУ, ЧТО СЛАВЯНЕ ЖЕРТВОВАЛИ ЕМУ ДЛЯ ОТВРАЩЕНІЯ БОЛѢЗНЕЙ. — Руссовъ: «ДОБРОСЕРДЕЧНЫЕ СЛАВЯНЕ ПРОПІЗВЕЛИ ИЗЪ КОРИНФІФЕРА КОРСА ПЛАН ХОРСА, И НАКОНЕЦЪ ХАРГЪ СЛѢДСТВЕННО ТАТИЩЕВЪ ХОРСА ПРИЗНАЛЪ ПОДОБНЫМЪ БАХУСУ ПРАВИЛЬНО, ХОТЯ НЕНАРОЧНО.» — Кайсаровъ ПРИВОДИТЬ ТОЛЬКО МИѢНІЯ Попова, ЛЕКЛЕРКА, ТАТИЩЕВА, ОВВІНЛЯТЬ ЛІТОПІСЦЕВЪ ЗА ТЕМНІЯ ПОНЯТІЯ ВЪ НАШЕЙ МІФОЛОГІЇ, НО САМЪ НИЧЕГО НЕ ГОВОРІТЬ. Глинка ПРОІЗВОДИТЬ ХОРСА ОТЪ КОВША, НАЗЫВАВШАГОСЯ, ПО ЕГО МІѢНІЮ, ПРЕЖДЕ КОРШЪ, ПОЧЕМУ СЕМУ БОГУ ДАНО ИМЯ ОТЪ ЕТОГО ОРУДІЯ. ИЗЪ СЕГО СОСТАВЛІОСЬ У НЕГО СЛѢДУЮЩЕЕ ОПИСАННІЕ: «КОРСЪ ПОКРОВИТЕЛЬ ОХОТНИКОВЪ ДО ПИВА И МЕДУ. НАГОЙ, ОДУТЛОВАТОЙ, ВІНОКЪ НА НЕМЪ СПЛЕТЕНЪ ИЗЪ ХМІЛЛЕВИХЪ ПЛЕТЕЙ СЪ ЛИСТЬЯМИ; ПЕРЕГАЗЬ НА НЕМЪ ХМІЛЛЕВАЖЕ. ВЪ ПРАВОЙ РУКѢ ДЕРЖТЬ КОВШЪ, ИЗЪ НЕГО ХОЧЕТЬ ПИТЬ.» Кажется, что въ этой выдумкѣ виноватъ былъ Татищевъ, Переименовавшій Корса въ Бахуса. — Стровеевъ НЕ ПРИЗПАВАЛЬ ЕГО ЗА СЛАВЯНСКОГО БОГА.

6. *Семарглъ*. Поповъ и Чулковъ НІЧЕГО НЕ МОГЛИ ВЫДУМАТЬ ОВЪ ЭТОМЪ БОГѢ. — Руссовъ: «ЭЛЛІНО-РІМСКАЯ БОГІНЯ МОЛНІЙ ЕСТЬ ПЕ ЧІНОЕ, КАКЪ ЗІМЦЕРЛА.» Г. Руссовъ ОБРАЗОВАЛЬ ИЗЪ СЕМАРГЛЫ ЗІМЦЕРЛУ; НО ПОЧЕМУ? МЫ НЕ ЗНАЕМЪ. — Кайсаровъ ГОВОРІТЬ: «О СЕМЬ БОЖЕСТВЪ НІЧЕГО ПОЧТИ НЕ-ІЗВѢСТНО.» — Глинка: «СИМАЕРГЛА, ЗІМАЕРЗЛА, СИМАРГЛА, ЗІМАРЗЛА, ЗІМЕРЗЛА — СЛОВА ОЗНАЧАЮЩІА ВСѢ ОДНО И ТО ЖЕ, Т. Е. ЗІМУ СТЕРЕТЬ. БОГІНЯ СУРОВАЯ, ДЫШУЩАЯ ХОЛОДОМЪ И МОРОЗАМИ. ОДЕЖДА НА НЕЙ НА ПОДОБІЕ ШУБЫ ИЗЪ СОТКАННЫХЪ ВІДѢСТВІННІЕ. А КАКЪ ОНА ЦАРИЦА ЗІМЫ, ТО ПОРФІРІА НА НЕЙ ИЗЪ СНІГА, ИСТКАННАЯ ЕЙ МОРОЗАМИ, ЧАДАМИ ЕЯ. НА ГОЛОВІ ЛЕДЯНОЙ ВІНЦЕЦЬ, УНИЗАННИЙ ГРАДОМЪ. БОГІНЬ СЕЙ МОЛИЛИСЬ О УМІРЕНІИ ЕЛ ЖЕСТОКОСТИ.» ПЕ ПОНІМАЕМЪ, ОТКУДА ЯВІЛОСЬ ОПИСАННІЕ СЕМАРГЛА У Г. Глінки. Кажется, что это ЕГО СОЗДАННІЕ. — Стровеевъ НЕ ПРИЗНАЕТЬ СІЕ БОЖЕСТВО ЗА СЛАВЯНСКОЕ, но думаетъ, что «ПЕРЕПИСЧИКИ НЕ СОЕДИНИЛИ ЛІН ВЪ СЕМЬ СЛОВЪ ДВУХЪ РАЗЛІЧНИХЪ БОГОВЪ: Сема и Регла, какъ то стопить въ АРХАНГЕЛОГОРОДСКОМЪ ЛІТОПІСЦѢ.»

7. *Мокощъ*. Поповъ и Чулковъ ТОЛЬКО СДѢЛАЛИ ИЗЪ НЕГО МОКОСЛЪ. — Руссовъ ГОВОРІТЬ: «МОКОШЪ СЛАВЯНСКИЙ И МАКАРІЙ ЭЛЛІНО-РІМСКІЙ СУТЬ ОДНО И ТО ЖЕ.» — Глинка: «ПО РАЗНОСТИ ПРОПІЗНОШЕВІЙ МОКОШЪ, МАКОШЪ, МОКОСЛЬ ПСТОЛКОВЫВАЕТСЯ СЛОВОМЪ — МОГУЩЪ.» Но онъ изъ этого СДѢЛАЛЬ: Могошъ, оклеветаль Нестора, ГОВОРІТЬ, что онъ у него есть Богъ скотовъ, и ОПИСАЛЬ ІЗОБРАЖЕННІЕ ЕГО: «СЪ МОХНATOЮ КОЗЛІНОЮ БОРОДОЮ, СЪ БАРАНЬМИ РОГАМИ, ВЪ ШУБѢ БАРАНЬЕЙ НА ВЫВОРОТЬ; ВЪ РУКАХЪ ПАЛКА ИЛИ ПАСТУШІЙ ПССОХЪ, А ВЪ НОГАХЪ У НЕГО МОЖЕТЬ ПОЛОЖЕНЬ БЫТЬ БАРАШЕКЪ.» — Стровеевъ НЕ ПРИЗНАЕТЬ МОКОША ЗА СЛАВЯНСКОГО БОГА. — Гюотри Русского Мокоща ПРИЗНАВАЛЬ ЗА БІСЛЕЙСКОГО МАТОГО. — Кайсаровъ ОТЗЫВАЕТСЯ ОВЪ НЕМЪ НЕВІДІННІЕМЪ, КАКУЮ ДОЛЖНОСТЬ ОТПРАВЛЯЛЬ онъ У РУССКИХЪ.»

ВОТЬ КАКЪ ОПИСЫВАЛИ НАШІ МІФОГРАФЫ СЛАВЯНО-РУССКИХЪ БОГОВЪ. ОНІ, КАКЪ ІЗОБРІТАЛИ, НЕ ПРЕДСТАВЛЮТЬ НІ ОДНОГО НА ЧЕМЪ ЛІБО УТВЕРЖДЕНІГО ПОНЯТІЯ: ВСЕ ОСНОВАНО НА ДОГАДКАХЪ, ВЫДУМКАХЪ. МНОГІЕ ПІЗЪ ПІХХЪ ІЗОБРІТАЛИ ДЛЯ ЕТИХЪ БОГОВЪ ЖРЕЦОВЪ. Ходаковский, при обясненіи слова: Кінзл (Словар. АРХ. 1834 № 11, стр. 228)

признавалъ Вел. Кн. Владимира Архи-Жрецомъ Перуна, обвинялъ Каракина за то, что онъ не признавалъ его жрецомъ Перуна, а только *ильвшиимъ отъигное усердіе къ богамъ*. Полевой соглашается съ мнѣніемъ Ходаковскаго [Истр. Р. Н. Т. I.° пр. 149]. Несторъ, упоминая о убіи Варяга для жертвы Перуну, не говорить, что были жрецы. Во всемъ, что касается до Русской древней Исторіи, мы болѣе должны вѣрить Нестору, нежели современнымъ выдумкамъ. Безъ того, что будетъ наша Исторія?

2. Изъ воговъ другихъ Славянскихъ вагодовъ наши мифографы вносятъ все имъ извѣстное, не разбирая справедливо ли это, или можно. Часто видимъ въ ихъ описанияхъ такія опущенія въ исторической критикѣ, что превышаютъ всякую цѣвѣроятность. Списывая Стрыйковскаго, они не замѣчаютъ, откуда онъ почерпалъ; вѣрять Герберштейну и Петрею, хотя послѣдний самъ высиралъ изъ перваго-

Боги, принятые ими въ Славяно-Русскую Мифологію, суть: 1. Бѣль-богъ, 2. ЧЕРНО-богъ, 3. Ютра-богъ, 4. Святы-богъ, 5. Триглава, 6. Диодилія, 7. Звѣана, 8. Зимцера, 9. Марцана, 10. Ий, 11. Сива, 12. Флинцъ, 13. Золотая Баба, 14. Кродо, 15. Прово, 16. Іомайла, 17. Радегастъ, 18. Погода, 19. Йесса, 20. Вода.

3. Изъ Рюгенскихъ воговъ внесены: 1. Святовидъ, 2. Поревитъ, 3. Ругевитъ, 4. Порепучъ.

4. Изъ Русской Демонологіи принято: 1. Домовой, 2. Водяной, 3. Лѣшіе, 4. Русалки, 5. Кикиморы. По видимому, къ этому разряду должно было отнести выдуманныхъ Глинкою: Стѣни, Лизуны, Куды, Черти, Бѣсы, но это произошло отъ его незнанія Русской семейной жизни. Наши Мифологія и Демонологія существовали въ отдельныхъ видахъ. Первая осуществлялась самимъ дѣломъ, вторая существовала только въ разсказахъ и преданіяхъ.

5. Изъ Русскихъ сказокъ сотворили вогами: 1. Горынію, 2. Дубыню, 3. Полкановъ, 4. Кащея, 5. Царя морскаго, 6. Чудо морское, 7. Ягу-бабу, 8. Чура, 9. Змѣя, 10. Сильного бога.

6. Изъ произвольно выдуманныхъ мнѣній явились богами: 1. Усладъ, 2. Донъ, 3. Бугъ, 4. Волховъ, 5. Посвистъ, 6. Ладо, 7. Лель, 8. Полель, 9. Колядъ, 10. Купало, 11. Волоты, 12. Дѣтипецъ, 13. Славинъ, 14. Волхъ, 15. Рудотокъ, 16. Ильменъ, 17. Студенецъ, 18. Животъ, 19. Зничъ.

Оканчивая наши изслѣдованія о Славяно-Русской Мифологіи, надѣемся, еще поговорить въ другихъ мѣстахъ Сказаний Русского народа обѣ этомъ предметѣ. И кто бы не пожелалъ имѣть настоящую Славяно-Русскую Мифологію отъ будущихъ Археологовъ?

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА.

1838 ГОДА. ЯНВАРЯ 1 ДНЯ, НИЖЕПОДПИСАВШИЙСЯ, ПЕРЕБИРАЯ ВСЁ СБОРНИКИ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ, ПЕЧАТАННЫЕ ВЪ РУССКОЙ ЗЕМЛѢ СЪ 1770 ГОДА ПО 1838, ИМЪТЬ ЧЕСТЬ НАСЧИТАТЬ СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ИЗДАНІЙ. СПРАШИВАЕТСЯ: КАКЪ ИЗДАВАЛИ ИХЪ? ПО ДВѢ, ПО ТРИ, И ДАЖЕ ПО ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ. ВЪРНО ЭТОГЪ ГРѢХЪ НА РОДУ БЫТЬ НАПИСАНЪ ИЗДАТЕЛІМЪ. СЧИТАЯ КАЖДОЕ ИЗДАНІЕ, ОГРАНИЧЕННЫМЪ ЧИСЛОМЪ ПО 1000 ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ, МЫ НАЙДЕМЪ ЧТО 126,000 ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ, КНИГЪ, КНИЖЕЧЕКЪ, ВЪ ОДНОЙ, ВЪ ДВУХЪ ЧЕТЫРЕХЪ И ДАЖЕ ВЪ 12 ЧАСТЯХЪ, ГУЛЯЮТЪ ПО РУССКИМЪ ГОРОДАМЪ И СЕЛАМЪ. СКОЛЬКО ЖЕ БЫЛО ЧИТАТЕЛЕЙ? ЭТО ТАКЪ ТРУДНО ИСЧИСЛИТЬ, ЧТО ТРУДНЬЕ НИЧЕГО НЕ ВЫВАЕМЪ НА БЫЛОМЪ СВѢТѢ. ПѢСЕННИКИ ЧИТАЮТЪ ПРОСТОЛЮДИНЫ И ДОЧРЫВАЮТЪ ДО ТОГО, ЧТО НЕ ОСТАЕТСЯ НИ ОДНОГО ЛИСТА. СУДЯ, ПО ЭТИМЪ ЧРЕЗЫЧАЙНЫМЪ ПОДВИГАМЪ, МЫ ПОЛАГАЕМЪ, САМЫМЪ СРЕДНИМЪ ЧИСЛОМЪ, НА КАЖДЫЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ ПО 100 ЧИТАТЕЛЕЙ И НАЙДЕМЪ, ЧТО ИХЪ БЫЛО ДО 12,000,000. ЧТО ЖЕ СТОЮТЪ РУССКИЕ ПѢСЕННИКИ? ОЧЕНЬ ДЕШЕВО. ПО НАШЕМУ ОБЫКНОВЕНИЮ КНИГИ ПОКУПАЕТЪ ОДИНЪ ЧЕЛОВѢКЪ И, ПО СВОЕЙ ДОБРОТѢ, РАЗДАЕТЪ ЧИТАТЬ ДРУГИМЪ УЖЕ ДАРОМЪ. БЫЛО ВРЕМЯ, КОГДА ПѢСЕННИКИ ИГРОДАВАЛИСЬ ПО 1, ПО 5, ПО 12 РУБЛЕЙ, А ТЕПЕРЬ ДРУГІЕ ПРОДАЮТСЯ И ПО 25. ТАКАЯ ЦІНА СУЩЕСТВУЕТЪ ПѢСЕННИКАМЪ ЧУЛКОВА И ПОВІНКОВСКАГО. МЫ ПОЛОЖИМЪ САМОУ НИЗКУЮ ЦІНУ ПѢСЕННИКАМЪ: ПО 1 РУБЛЮ ЗА КАЖДЫЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ, И НАЙДЕМЪ, ЧТО РУССКИЕ ЛЮДИ ИЗДЕРЖАЛИ НА ПРИОБРѢТЕНИЕ ПѢСЕННИКОВЪ 126,000 РУБЛЕЙ. ПРИМѢРЪ СЫТА КНИГЪ ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РУССКОЙ ЛІТЕРАТУРѢ.

ПОСЛАВ СЕГО, НИЖЕПОДПИСАВШИЙСЯ, ВЪ РАЗДУМЬІ СПРАШИВАЛЪ: ЗА ЧЕМЪ ЖЕ ЛЮДИ

ЖЕЛАЮТЪ НОВЫХЪ ИЗДАНІЙ ПѢСЕННИКОВЪ? УЖЪ И ЭТОГО ИМЪ КАЖЕСЯ МАЛО! ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ДЛЯ ВСИХЪ ПЕЧАТАЛИ ПѢСЕННИКИ, ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ОНИ САМИ ЧИТАЛИ ИХЪ. НЕ УЖЕЛИ ТАКАЯ ОХОТА У РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ КЪ ПѢЗИ? СТРАННОЕ ДѢЛО! ЖЕЛАТЬ ОДНИХЪ ПѢСЕНЪ И БОЛЬШЕ НИЧЕГО, ПИ НА ЧТО НЕ ПОХОДИТЬ. КАЖЕСЯ, ЧТО ТАКОЙ ОХОТЫ НЕ БЫВАЛО ВЪ ГРЕЦІИ И ИТАЛІІ, ГДѢ НАРОДЪ СЪ УТРА ДО ВЕЧЕРА ПРѢДЪ И ПЛЯСАЛЪ; А НАШІ ПРАВОСЛАВНЫЕ И ВЪДЯТЬ ПО БАЛАМЪ, И ТОРГУЮТЬ, И СВЯТЬ ХЛѢБЪ, И КУРЯТЬ ТАБАКЪ, АДА ЕЩЕ ПРИТОМЪ УСПІЛИ ПРОЧИТАТЬ 126,000 ЭКЗЕМ. ОДНИХЪ ПѢСЕННИКОВЪ. ВЪРНО ТУТЪ КРОЕТСЯ ЧТО-ТО НЕ ДОБРОЕ!

ВЪ 1833 ГОДУ, НИЖЕПОДПИСАВШИЙСЯ, ПРОВѢЗЖАЯ СЕЛЕНИЯ БІЛЖЕЦКАГО УѢЗДА, ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ, СПРАНИВАЛЪ ПОСЕЛЕНІЯ: ЗА ЧЕМЪ ОНИ ГОВОРЯТЬ ТАКИМЪ СТРАННЫМЪ НАРѢЧІЕМЪ? ЕМУ ОТВѢЧАЛИ: «НАСШЕЙ РИЦІ ЦІСЦЕ ВЪ СВІПТИ НИТУ?» ТОТЬ ЖЕ САМЫЙ ПРИСЛУШИВАЛЪ КЪ ЖЕЛАНІЯМЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ИМѢТЬ РУССКІЯ ПѢСНІ, ЗАГЛЯНУЛЪ ВЪ ПѢСЕННИКИ. ВЪ ОДНОМЪ, НАПЕЧАТАННОМЪ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1819 ГОДА, ВЪ 6 ЧАСТЯХЪ, ВЪ ТИПОГРАФІІ И. ГЛАЗУНОВА, ОПЪ НАШЕЛЬ НА ЗАГЛАВНОМЪ ЛІСТѢ:

«ПОВѢЙШІЙ, ВСЕОБЩІЙ, ПОЛНЫЙ ПѢСЕННИКЪ, ПЛІ СОБРАНИЕ ВСѢХЪ УПОТРЕБІТЕЛЬНЫХЪ, ДОСЕДЬ ИЗВѢСТНЫХЪ НОВЫХЪ И СТАРЫХЪ ОТВОРНЫХЪ ПѢСЕНЪ, ЛУЧШИХЪ ВЪ СЕМЪ РОДѢ ПИСАТЕЛЕЙ, ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ. СЪ ПРИСОВОКУПЛЕШІМЪ АРІЙ И ХОРОВЪ ИЗЪ ОПЕРЪ РУСАЛКИ 4-ХЪ ЧАСТЕЙ, ЖОКОНДА, СЕНДРНІОНЫ, ЛЮБОВНОЙ ПОЧТЫ, ЛАДОИНСКІ, ПАВЛА И ВІРГІНІЯ, ВОДОВОЗА, НЕВІДИМКИ, КРЕСТЬЯНЕ ИЛИ ВСТРѢЧА НЕВЗВАННЫХЪ, ПОСІДІВЛКИ, ОБОРОТНИ, АЛІНЫ, ІОСИФА ПРЕКРАСНАГО, И ИЗЪ ДРУГИХЪ КАКЪ ПРЕЖНИХЪ, ТАКЪ И НОВѢЙ-

шихъ оперъ; изъ балетовъ: Русские въ Парижъ, Праздникъ въ станѣ Русскихъ воиновъ, Русские въ Германии, и проч. и проч. Раздѣленная на любовныя и южныя, пастушескія, простонародныя, плясовыя и цыганскія, забавныя и критическія, военные и патріотическія, свадебныя, хороводныя, святочныя и подблюдныя, театральныя, на арии и хоры изъ новѣйшихъ оперъ и на пѣсни разнаго содержанія и лучшихъ стихотворцевъ. П. Ш.»

Въ самомъ дѣлѣ г. П. Ш. собралъ все въ шести частяхъ, что сказали на заглавіе помѣсть листы. Кажется, что лучше этого и сдѣлать нельзя; но вышло напротивъ. Другіе издали лучше его. И этого было мало. Да отъ чего же мало? Отъ того, что ни одинъ издатель не хотѣлъ разгадать желаній православныхъ людей.

По силѣ таковыхъ недоумѣй, городскихъ и сельскихъ, нижеподписавшійся рѣшился принять осторожность въ своемъ дѣлѣ, рѣшился посмотрѣть на чужія изданія пѣсенниковъ, и открыть православнымъ людямъ всѣ неудачи издателей и собирателей Русскихъ пѣсень.

Въ Русской землѣ всѣ собиратели и издатели Русскихъ пѣсень были люди Русские, православные; только въ изданіе пѣснопѣнія замѣщалась чужеземцами. Изъ собирателей и издателей одни померли, не исполнивъ своего намѣренія; другіе еще живы, по ожидають съ своими собраниями благопріятнаго времени; иные уже давно исполнили его, но исполнили такъ, что совсѣмъ въ другой разъ и смотрѣть на нихъ исполненія. Пятьдесятъ лѣтъ протекло въ приготовленіяхъ и опытахъ, а исполненія никто не видѣлъ. Съ первого взгляда эта неѣршительность представляется непонятною до неѣрвоятности; но, разсматривая внимательно всѣ исполненія редакторовъ, находимъ вѣрныя даниы, объясняющія всѣ неудачи. Препятствія заключаются въ самыхъ изданіяхъ: издатели не понимали своего предприятия, а читатели не находили желаемаго. Ни одинъ издатель не въ правѣ жаловаться па неувѣнчаніе къ его труда: почитатели Русскихъ пѣсень приобрѣтали одно изданіе за другимъ. Оправдали они себя изданіями? Рѣшительно нѣтъ!

Мы не говоримъ о тѣхъ людяхъ, которые приобрѣтаютъ пѣсенники отъ скучи: этотъ классъ самый многочисленный, безъ всякихъ притязаній. Для нихъ издавались пѣсенники тысячами. Есть люди, желающие изданія Русскихъ пѣсень истинно народныхъ, неподдавленныхъ, во всей ихъ простотѣ и грубоcти: для нихъ не было ни одного изданія.

Обращаемся къ собирателямъ Русскихъ пѣсень и къ издателямъ пѣсенниковъ. Въ обозрѣніи ихъ предприятій мы увидимъ всѣ успѣхи и неудачи.

Первая часть собрания Русскихъ пѣсень принадлежитъ П. А. Демидову, жившему въ Туле въ половинѣ XVIII вѣка. Съ его сборника два раза были напечатаны древнія Русскія стихотворенія гг. Якубовичемъ и Калайдовичемъ.

Незабвенный историографъ, Н. М. Карамзинъ помышлялъ обѣ изданіи Русскихъ пѣсень. Современникъ Чулкова и Новикова, свидѣтель первыхъ изданій нашихъ пѣсенниковъ, онъ живо чувствовалъ всѣ недостатки, желалъ издать самъ и призывалъ другихъ. Мы не знаемъ ни о его собрании, ни о планѣ изданія; знаемъ только, что его желанія не сбылись; знаемъ, что его желанія часто повторялись любителями Русской старины. Призванный къ великому дѣлу, онъ оставилъ свое предприятіе, занявшись исключительно Исторіей Государства Россійскаго.

Сопиковъ, извѣстный Русский Библиографъ, занимался собраниемъ Русскихъ пѣсень, но не успѣлъ издать. Горькая участь постигла его сборникъ: по Русскому обычаю, онъ переселился на толкучій рынокъ. Здесь приобрѣлъ его г. С. Я лично слышала отъ него, что Сопиковъ составилъ его изъ старыхъ и новыхъ пѣсень. Г. С. передалъ его извѣстному собирателю пѣсень П. В. К.

Князь Цертелевъ въ 1820 году объявилъ въ Вѣстнике Европы и Сынѣ Отечества о намѣреніи своемъ издать собрание старыхъ Русскихъ стихотвореній. Въ 1822 году, онъ вторично объявлялъ о томъ же

ПРИГЛАШАТЬ ДАЖЕ ЖЕЛАЮЩИХЪ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЕГО ИЗДАНИЕ: «Духъ Русской поэзии, или Собрание старинныхъ стихотворений.» Князь ЦЕРТЕЛЕВЪ РАЗДѢЛЯЛЪ СВОЕ СОБРАНИЕ НА ДВЕ ЧАСТИ: ВЪ ПЕРВОЙ ПРЕДПОЛАГАТЬ ИЗДАТЬ — ПѢСНИ *хорово́дныи, соло́гныи, свадебныи*, ВО ВТОРОЙ: *стихотворенія Элевигескія, Анакреонтигескія, краткія описанія и повѣстованиія*. Для подпісчиковъ онъ напечаталъ отрывокъ изъ своего собрания въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. № 17, стр. 399. Въ этомъ образчикѣ находятся пѣсни извѣстныя въ изданіяхъ Чулкова и его послѣдователей. Полнаго собрания князь ЦЕРТЕЛЕВЪ не успѣлъ издать.

Въ 1832 году Историкъ Русскаго Народа, Н. А. Полевой объявилъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ, *Московскому Телеграфу*, [№ 13, стр. 115,] обѣ изданіи Русскихъ пѣсень. Имѣя тогда обширное собрание — болѣе 600 пѣсень, онъ предполагалъ раздѣлить ихъ на десять *отделений*: 1 — историческая думы, 2 — баллады, 3 — простонародныи пѣсни, 4 — солдатскія, 5 — казацкія, 6 — разбойническія, 7 — хорошия, 8 — свадебныи, 9 — подблюодныи, 10 — сатирическія. Къ изданію обѣщался приложить: *варіанты, примѣганиія*, а въ началѣ книги *историческое и критическое изслѣдование о древней народной Русской поэзии*. Къ общему сожалѣнию, это драгоценное собрание еще доселе не издано. Можеть быть, мы увидимъ его со временемъ гораздо полнѣе и лучше.

П. В. Кирѣевскій давно уже занимается собраниемъ нашихъ народныхъ пѣсень. Въ 1834 году, онъ отдалъ г. Максимовичу въ альманахъ *Деница*, на 1834 годъ, пять пѣсень. Пѣсни напечатаны съ примѣчаніями. Издатель *Московскаго Телеграфа* напечаталъ (въ № 2, стр. 335, 1834 года,) возраженіе на эти примѣчанія: «*Историческая поправка замѣганий къ Русской народной пѣсни.*» Въ своемъ замѣчаніи, Н. А. Полевой доказывалъ что пѣсня, сочиненная на «осаду Пскова, по предложению Кирѣевскаго, находится съ пропусками и состоитъ изъ двухъ разныхъ и притомъ не одного времени. Очевидцы говорятъ, что собрание Г. Кирѣевскаго состоитъ изъ весьма драгоценныхъ пѣсень. Мы съ

НЕТЕРПѢНИЕМЪ ОЖИДАЕМЪ ЭТОГО СОБРАНИЯ. Зачемъ медлить, почтеннѣйший П. В. Кирѣевскій? Скорѣе, скорѣе дарите насъ своими сокровищами.

Г. Племянниковъ отыскалъ одну колыбельную пѣсню весьма замѣчательную по своимъ оборотамъ, мысламъ и древности. Эта пѣсня была напечатана въ альманахѣ *Деница* на 1831 годъ; а потомъ была перепечатана Н. А. Полевымъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* [1831 г. № 4, стр. 542], Гурьяновымъ въ его *пѣсенникѣ*.

А. С. Пушкинъ имѣлъ у себя собрание *Псковскихъ пѣсень* и передалъ ихъ покойному Дельвигу. Мы не знаемъ, гдѣ теперь находится это собрание.

Въ 1836 году въ ученьиѣ запискахъ *Московскаго Университета* № X, стр. 186, была напечатана статья: «*о свадьбахъ и свадебныхъ обрядахъ и обычаяхъ Русскихъ крестьянъ*», сообщенная Профессоромъ П. А. Страховымъ. При описаніи свадебъ были напечатаны и 14 пѣсень. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, рѣдѣ были собраны эти пѣсни.

И. М. Снегиревъ при описаніи народнаго праздника «*Красной горки*», напечатаннаго въ *Московскомъ Вѣстнике* (1827 г. ч. 3. стр. II4,) помѣстилъ одну *Тульскую обрядную пѣсню*.

А. Г. Глаголевъ помѣстилъ въ XIX томъ трудовъ общества *Любителей Российской Словесности* *Тульскія обрядныи пѣсни*, въ описаніи народныхъ праздниковъ.

И. В. Васильевъ представилъ въ общество *Любителей Российской Словесности* описание народнаго праздника «*Осень*», съ двумя пѣснями, перепечатанными послѣ М. И. Макаровымъ.

М. И. Макаровъ, занимающійся съ давнихъ лѣтъ *Русскою стариной*, предпринималъ изданіе *Русскихъ пѣсень*. Въ 1826 году онъ помѣстилъ въ *Вѣстникѣ Европы* авѣ пѣсни при описаніи народнаго праздника «*Осень*». Мы теперь не будемъ упоминать о его *пѣсеннике*, пѣданномъ въ 1809

году, въ Москву, съ передѣлками и по-
правками народныхъ пѣсень.

1827 году, въ Московскомъ Вѣстнике (№ 23, стр. 351), была напечатана статья: «о народныхъ праздникахъ», сочиненная В. Б. Бородицкимъ. Здѣсь напечатаны были двѣ обрядныя Тульскія пѣсни.

Въ 1828 году было напечатано письмо какого то *Археографа* въ Московскомъ Вѣстнике. Здѣсь находится одна Тульская обрядная пѣсня.

Въ 1831 году въ Московскомъ Телеграфѣ, [№ 24, стр. 386,] были напечатаны: «свадебные обряды и обычай крестьянъ Саратовской губерніи». Это описание, составленное Г. Леопольдовымъ, было напечатано съ 13 свадебными пѣснями въ полномъ описаніи, Саратовской губерніи 1839 г.

А. Х. Востоковъ собиралъ Русскія пѣсни, а въ 1817 году писалъ, что другія занятія отвлекаютъ его отъ исполненія. Съ тѣхъ поръ, мы ничего не знаемъ о его собраниі.

Вотъ все, что только могъ вспомнить о почтенныхъ собирателяхъ нашихъ народныхъ пѣсень. Можетъ были прежде и теперь есть другие собиратели, мнѣ неизвѣстные; по пускай обѣихъ скажутъ будущие издатели. Пѣсни, пеизданныя собирателями, досѣль составляютъ тайну, вѣтренную портфелямъ. Что обѣихъ можно сказать? Пѣсни, напечатанныя уже собирателями, извѣстны давно просвѣщеннымъ соотечественникамъ. Говорить обѣихъ, что онѣ хороши — это всякой знаетъ; достоинство ихъ неоспоримо; это созданіе Русскаго народа, великаго и высокаго въ своихъ дѣлахъ.

Редакція Русскихъ пѣсень началась съ 1770 года. Издатели въ огромныхъ массахъ предлагали свои сборники, стараясь вмѣстить въ нихъ все, что было имъ и дадѣмъ извѣстно. Исчисление такихъ сборниковъ утомительно до послѣдней возможности; мы обращаемся только къ замѣчательнымъ. По большой части, редакція выполнялась мелкими книжными торговцами, въ надеждѣ на выгодный сбытъ; самая малая часть

удостоивалась только знатоковъ, принимавшихся за дѣло безъ всякихъ видовъ. Рыночные издатели заботились только обѣ огромномъ заглавии, многотомномъ собраніи: отъ этого зависѣлъ выгодный сбытъ. На нихъ не дѣйствовала ни критика, ни добросовѣстность. Всѣ собранія состояли изъ стараго и новаго. Старое выбиралось изъ старыхъ пѣсенниковъ; новое вносилось изъ современныхъ произведеній. Однимъ до этого не было нужды, что они перепечатываются; быть бы только: *полный, полнѣшій, самый полный пѣсенникъ, новѣшее собраніе изъ опер, арий, хоровъ, и балетовъ*; другимъ, хотя и знающимъ это, стыдно было объявить, что они выдаютъ чужое за свое: каждый мечталъ обѣ открытияхъ. Этого мало: ни одинъ изъ такихъ издателей не хотѣлъ вполнѣ передать народныя пѣсни. Для однихъ онѣ казались мужицкими, какими то чудовищными созданіями, неимѣвшими никакого достоинства; для другихъ, очищенныхъ вкусомъ чужеземныхъ произведеній, подобны были исправленія, сообразныя понятіямъ редакторовъ. Вотъ отъ чего въ пѣсенникахъ печатались народныя пѣсни въ обезображенномъ видѣ. Русское сокровище, пощаженное вѣками и Татарами, было уничижаемо исправителями. Никто болѣе не прилагалъ такого усердія къ исправленію самобытныхъ Русскихъ пѣсень какъ Чулковъ, Поповъ, Макаровъ и Гурьяновъ. Подивимся снисходительности читателей и пожалѣемъ обѣ отважности издателей.

Все, сказанное нами обѣ редакціи народныхъ пѣсень было на самомъ дѣлѣ; для доказательства подтверждаемъ фактами и буквальными выписками изъ предисловій издателей.

Чулковъ, трудолюбивый собиратель Русской старины въ XVIII столѣтии, первый приступилъ къ изданію Русскихъ пѣсень въ 1770 году. Въ продолженіе пяти лѣтъ онѣ успѣли напечатать *четыре* части, а на шестой годъ его изданіе все было раскуплено. Въ 1776 году онѣ вторично издали свой сборникъ, также въ четырехъ частяхъ. Предпріятіе Чулкова было самое замѣчательное; онѣ первый осмѣлился къ новымъ

пѣснамъ тогдашніхъ знаменитыхъ писателей присоединить и старыя, народныя. Издавая свое собраніе, онъ писалъ въ предисловіи:

«Всякое дѣло требуетъ труда и прилежанія. Сколько я трудился въ собраниіи сихъ пѣсень, о томъ вѣдаютъ тѣ люди, кото-рыиъ извѣстны безграмотные писцы наши, кои что пишутъ, того не разумѣютъ. Ихъ писько-искусство я находилъ почти во всякой пѣснѣ, такъ что индѣ ни стиха, ни риѳмы, ниже мыслей узнать мнѣ было можно; для этого приужденъ былъ употреблять *догадки*. И многія пѣсни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по не разумѣнію переписчиковъ, служили для меня загадками, которыхъ не-премѣнно *принужденъ* я былъ отгады-вать; а попадалъ ли я па *согнаніе* тѣ-скій мысли, въ томъ заподлинно увѣрить мнѣ никого не возможно.

«Каждая часть сихъ пѣсень состоять буде-ть изъ пѣсень разнаго сложенія какъ и ся первая; въ томъ числѣ будуть: *теа-тральныя*, *маскарадныя*, *подбюргныя*, *хороводныя*, *столовыя*, и словомъ всяка-го рода.

«Въ разсужденіи малости страницы, въ какую мѣру печатается ся книга, приужденъ я былъ раздѣлять *одинъ стихъ на двѣ разныя строки*, и другое дѣлать сему подобное убѣгая отъ частаго беспорядка словъ.»

Вотъ въ чёмъ состояла редакція пѣсень Чулкова. Изъ его словъ видно, что онъ: издавалъ пѣсни съ писанныхъ сборниковъ; исправлялъ пѣсни отъ того, что не находилъ въ нихъ ни стиховъ, ни риѳмъ; раздѣлялъ стихи на двѣ строки для того единственно, чтобы въ маломъ форматѣ изѣв-жать беспорядка строкъ. Слѣдовательно Чулковъ самъ не сенраль пѣсни, не под-слушивалъ ихъ въ селеніяхъ, а печаталъ прямо съ готоваго. Въ этомъ еще нельзя обвинять его; онъ, можетъ быть, имѣлъ свою цѣль. Но исправлять народныя пѣсни, передѣлывать по своему — никто не правъ: это принадлежитъ цѣлому народу, для ко-

тораго не осмѣялось повредить и самое время.

Все исполненіе редакціи Чулкова состо-яло въ томъ, что онъ въ началѣ каждой ча-сти помѣщалъ новыя пѣсни, а потомъ ста-рыя. Во всѣхъ четырехъ частяхъ его пѣ-сеннника было напечатано: 800 пѣсень; но въ этомъ числѣ народныхъ было только: 336. Въ самомъ собраніи издатель не ис-полнилъ обѣщанія: нѣть пѣсень подбюро-дныхъ и хороводныхъ.

Въ 1780 и 1781 годахъ было напечатано пѣсенникъ въ шести частяхъ, въ Москов-ской университетской типографіи. Вотъ его заглавіе:

«Новое, полное собраніе Российскихъ пѣ-сень, содержащее въ сеебѣ: пѣсни любовныя, пастушескія, шутливыя, простонародныя, хороводныя, свадебныя, сваточныя, съ присовокупленіемъ пѣсень изъ разныхъ Российскихъ оперъ и комедій.»

Редакторы этого сборника доселе извѣстны; но, по общепринятому мнѣнію, онъ извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ *Новиковскаго пѣсеннника*. Издатели скрыли цѣль своего изданія; но не могли скрыть исполненія. Первые четыре части были перепечаны слово въ слово съ пѣсеннника Чулкова, только послѣднія двѣ части со-ставлены были изъ новыхъ. Всѣ тѣ же недостатки, какіе были въ собраніи Чулкова, повторились и въ этомъ сборнике. Эти два собранія пѣсень были образцами для всѣхъ послѣдующихъ изданій. Какъ пѣсенникъ Чулкова сдавался пынѣ чрезвычайною рѣ-дкостію, то компилиаторы большою частю выбиралі старыя пѣсни изъ Новиковскаго, и мало не подозрѣвая первоначальнаго источника.

Въ 1791 году извѣстный Русский лите-гаторъ, И. И. Дмитриевъ издалъ въ Москвѣ пѣсенникъ:

«Карманній пѣсенникъ или собраніе луч-шихъ свѣтскихъ и простонародныхъ пѣсень. Часть I, II, III.»

Въ первой части издатель помѣстилъ: *пѣсни пѣжныя*, писанныя его современниками; *пѣсни подражательныя простонародныя*; по второй части *веселыя; застольныя; военныя со вкусомъ простонародныхъ*. Всѣ эти пѣсни были новаго произведения, считавшися тогда весьма достойными пѣнія. Въ третьей части были напечатаны: *пѣсни темнитныя, бытевыя, святочныя, свадебныя одна и хороводная* — всѣ взятыя изъ старыхъ народныхъ пѣсень.

Въ этомъ замѣчательномъ сборнику Русскія народныя пѣсни были изданы съ небольшими перемѣнами; но большая часть изъ нихъ уже напечатаны были въ пѣсеннику Чулкова. Почтенный издатель не означилъ своего имени на пѣсеннике; но онъ дѣйствительно былъ изданъ имъ. Еще въ 1818 году писалъ объ этомъ К. О. Калайдовичъ [см. Древ. Рус. стих. стр. 8, пр. 4.].

Въ 1788 году издатели истории Баныки Клина помѣстили 64 пѣсни, сочиненные будто этимъ негодяемъ. Съ такимъ ложнымъ присвоеніемъ онъ до сихъ поръ известны въ народѣ, хотя за долго до него были составлены. Что онъ ихъ пѣвалъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но чтобы онъ былъ современникъ Стеньки Разина — этому никто не повѣрить.

Въ 1792 году были изданы въ Санктпeterбургѣ Поповыя сборники пѣсень:

«Россійская эрата, или выборъ наилучшихъ, новѣйшихъ Россійскихъ пѣсень, по нынѣ сочиненныхъ; собралъ и сочинялъ Михаилъ Поповъ. 3 части.»

Въ предисловии г. Поповъ изъяснялъ всю цѣль своего изданія; а обѣ старыхъ пѣсняхъ говорилъ:

«Со старинными пѣснями поступалъ я такимъ образомъ: по учиненіи онъ изъ преогромныхъ стаи очень малаго выбора, потщалъ въ нѣкоторыхъ исправить не только разногласіе и мѣру во стихахъ, но и переставлять онъ въ иныхъ съ одного места на другое, дабы связь ихъ течения и

смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшою и естественнѣйшою, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не доставало. Между тѣмъ внесены мною и такія пѣсни, которыя оставилъ я со всѣмъ безъ поправки, потому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣнъ ихъ слога, по которому единственно и за-служивають онъ внимание; ибо древность народія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство нашихъ пѣсень.»

Столь очевидное нарушение пѣсень указываетъ всю цѣль редактора. Русскія пѣсни помѣщены были имъ въ пятой книгѣ, второй части, съ особеннымъ заглавиемъ: «Пѣсни простонародныя, святочныя, подлюдныя.» Свадебныя пѣсни съ особенными названіями: «На хорошество жениха, прельцающаго свою невѣсту: на перекоръ невѣсты съ женихомъ; на зовъ невѣстинъ жениха своего на дѣвичникъ.» Здесь въ первый разъ были напечатаны свадебныя пѣсни, только въ обезображенномъ видѣ.

Въ 1801 были напечатаны свадебный сборникъ съ слѣдующимъ заглавиемъ.

«Веселая эрата на Русской свадьбѣ, или новѣйшее и полное собрание всѣхъ донынѣ известнѣйшихъ свадебныхъ ста тридцати трехъ пѣсень, употребляемыхъ какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ городахъ.

Въ 1804 году А. О. Якубовичъ напечаталъ: «Древнія Русскія стихотворенія», съ рукописи, доставленной ему отъ О. П. Ключарева. При редакціи Якубовичъ выбралъ только, по его мнѣнію, лучшія стихотворенія изъ рукописи, а остальная предполагалъ издать во второй части со временемъ. Въ 1818 году К. О. Калайдовичъ вторично издалъ это собраніе:

«Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршою Даниловымъ и вторично изданыя съ прибавленіемъ 35 пѣсень и сказокъ, доселъ неизвестныхъ, и нотъ для напѣва.»

Безцѣнная рукопись сохранилась для насъ удивительнымъ образомъ, съ именами П. А. Демидова и Кирши Данилова. Де-

мидову приписали только сбережение рукописи, а всю славу предоставили Киршу Данилову. Несправедливость этого усвоения такъ очевидна, что издатель самъ высказалъ. Мы обратимся къ его предисловию:

«За открытие и сохранение сихъ старыхъ памятниковъ Русской словесности, мы обязаны покойному Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Професору Академіеву Демидову, для коего онъ, предъ симъ лѣтъ за 70, были списаны; послѣ смерти его, рукопись перешла къ М. М. Хозикову, а ины ужѣ подарена въ 1802 году его превосходительству Оедору Петровичу Ключареву. По разсмотрѣніи оригинала, онъ нашелъ въ довольно любопытными для пропаганды публики и поручилъ издать, служившему подъ начальствомъ его, воспитаннику Московскаго Университета, А. Ф. Якубовичу.

«Въ 1816 году, знаменитый сапомъ, а еще болѣе любовно своею къ Русскимъ древностямъ, государственный канцлеръ, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, получивъ сию рукопись въ собственность, приказалъ мнѣ ону напечатать. Она писана въ листъ, на 202 стр. безъ наблюденія орографии, безъ раздѣленія стиховъ; подъ каждою статью, для игры на скрипкѣ, приложены ноты. Рукопись оканчивается на-
чаломъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ:

А по край было моря сняго,
А на усть Дону тихаго,
На крутомъ красномъ берегу
А стонть тутъ славный Азовъ городъ.

«Сочинитель, или вѣрнѣе собиратель древнихъ стихотвореній, ибо многія принадлежитъ временамъ отдаленнымъ, былъ иѣкто Кирша, безъ сомнѣнія, по Мало-Российскому выговору Кириль, такъ какъ Павла Павель, Даниловъ, вѣроятно казакъ, ибо онъ изрѣдка воспѣваетъ подвиги храбраго сего войска съ особеннымъ восторгомъ. Имя его было поставлено на первомъ, теперь уже потерянномъ листѣ древнихъ стихотвореній. За справедливость сего ругается в. Якубовичъ. Въ 36 пѣсѣ: «да не жаль добра молодца Битаго, жаль похмѣльнаго», где онъ самъ себя

имянетъ: «Кирилломъ Даниловичемъ», по-
свящая сие произведение вину и дружью. Мѣсто его рожденія или пребыванія означить трудно; ибо въ пѣсѣ: «три года Добрыношка столынічалъ», на стр. 67 говорить сочинитель:

А не было Добрыни честь мѣсяцовъ,
По нашему по Сибирскому словѣтъ полгода.

«По сему, иѣ безъ вѣроятія, заключить можемъ, что иѣкоторыя изъ стихотвореній сочинены въ Сибири. Въ статьѣ: «Василий Буслаевъ» на стр. 73..

А и пѣть у насъ такого пѣвца.
Во славномъ Новѣгородѣ,
Суптотивъ Василья Буслаева.

«И наконецъ, въ Чурильѣ игуменѣ, на стр. 383, представляетъ себѣ жителемъ Кіевскімъ:

Да много было въ Кіевѣ Божихъ церквей,
А больше того почестныхъ монастырей;
А не было чудище Благовѣщенія Христова.
А у нашего Христова Благовѣщенія честнаго
А быль у насъ-де Иванъ попомарь.

«Собиратель древнихъ стихотвореній долженъ принадлежать къ первымъ десятиль-
тиямъ XVIII вѣка.

«Ноты стихотвореній скрытныя. Азбуч-
ные ошибки ея исправлены Шпревичемъ,
отцемъ, бывшимъ учителемъ музыки при
Университетскомъ благородномъ пансионѣ.
Знатоки находятъ въ ней приятные тоны.»

Вотъ полная история рукописи, собирате-
ля, мнемаго сочинителя, редакціи и изда-
телей. Мы обращаемъ вниманіе нашихъ
читателей на мнемаго сочинителя, Киршу
Даниловича.

Издатели объявили, что древнія стихо-
творенія собраны были Киршою Данило-
вымъ; что онъ даже есть сочинитель иѣ-
которыхъ пѣсѣ; этого мало: они даже оз-
начили приблизительно время жизни его,
мѣстопребываніе. Вѣроятно, что они, не
зная о семейной жизни собирателя этихъ
стихотвореній, П. А. Демидовъ, забыли
сказать истину, столь очевидную и прямую

Доселе еще никто не рассматривал редакцию древних стихотворений; никто не хотел вникнуть въ присвоеное. Право, усвоенное издателями Киршъ Данилову, осталось навсегда за нимъ; въ этомъ никто не сомнѣвался. Мнѣніе, продолжающееся тридцать лѣтъ, трудно поколебать: но истина требуетъ своего. Вотъ почему осмѣливаюсь предложить противныя мнѣнія издателямъ, осмѣливаюсь сказать, что это усвоеніе Киршъ Данилову не справедливо. Предлагаютъ свои доказательства.

Пѣсни припадлежать многимъ вѣкамъ и многимъ людямъ. Что они не одного времени, въ этомъ удостовѣряютъ насть пѣсы, лицы, упоминаемыя въ нихъ, изложеніе мыслей, предметы; что они разныхъ людей, это доказываютъ верификація стиховъ, принятая мѣра для оборота мыслей, даже разныя историческія свѣдѣнія. Настоящій собиратель былъ П. А. Демидовъ, жившій въ Тулу въ половинѣ XVIII столѣтія, любившій собирать всѣ рѣдкости. Рукопись перепала отъ него Хозикову, потомъ къ Ключареву и Калайдовичу. Я зналъ и досель знаю обыкновенія Тульскихъ волѣи сбирать пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки. Потѣшники, такъ называли въ старину этихъ людей, принимали на себя всѣ увеселительныя должности. Они за деньги нанимались: лежать и вѣсѣть на одномъ боку; простоять недѣлю на одной ногѣ; вѣгать на пристяжкѣ вмѣстѣ съ лошадью; выпивать непомѣрное число воды. Всѣ рѣдкости записывались граматицѣмъ дворовыми человѣкомъ. Потѣшники странствовали изъ одного мѣста въ другое во всю свою жизнь, и стекались толпами тамъ, где щедрость боярская давала имъ приютъ. Потѣшника, какъ нового гостя, приводили прежде всего посмотреть па боярскія очи. Дворецкій предлагалъ боярину пускство нового потѣшника. Начиналась проба. Если потѣшникъ нравился боярину, то его оставляли гостить; онъ долженъ былъ и сказывать сказки, и пѣть пѣсни, и творить разныя продѣлки. Въ свободное время умный дворецкій заставлялъ его обучать дворовыхъ людей новыми пѣснями и сказками. Все это дѣлалось па случай, когда боярину бывало скучно, когда не являлось новыхъ потѣш-

никовъ. Въ скучные часы, дворецкій входилъ съ новыми пѣвцами и подавалъ книгу съ чудесными пѣснями и сказками. Бояринъ назначалъ пѣсни и сказки, а дворецкій распоряжался боярскимъ приказаніемъ. Таковы были въ старину увеселенія у И. въ селѣ Дѣдновѣ, у М. въ Яковлевскомъ, у И. въ Высокомъ у М. въ Горенкахъ. Это известно многимъ тысячамъ людей, и я привожу въ доказательство всѣмъ известное дѣло. Вотъ какъ составлялись сборники пѣсенъ и сказокъ.

Калайдовичъ говоритъ, что собирателемъ древнихъ стихотворений былъ Кирша Даниловъ. На чьемъ это основано? На томъ, что имя его поставлено было на первомъ листѣ рукописи. Гдѣ этотъ листъ? Калайдовичъ говоритъ, что онъ потерянъ. Кто видѣлъ листъ съ подписью? Одинъ только издатель Якубовичъ, который, по словамъ Калайдовича, ручается за справедливость этого извѣстія. Вотъ на чьемъ издатели основали усвоеніе древнихъ стихотворений Киршъ Даниловъ. Кто видѣлъ старыя рукописи тому уже извѣстно, сколько бываетъ приписей на поляхъ страницъ. Можетъ быть подобная припись и дѣйствительно находилась.

Калайдовичъ, въ доказательство своего предположенія, приводитъ одну пѣсню, где упоминается Кирша Даниловъ. Но это только сказано въ одной пѣсни, и болѣе нѣтъ въ цѣлой рукописи, или въ 60 стихотвореніяхъ. Положимъ, что эта пѣсня сочинена Киршемъ Даниловымъ и то потому только, что здѣсь вставлено это имя; но сколько есть именъ въ остальныхъ пѣсняхъ? Неужели мы будемъ каждому имени, упоминаемому въ пѣсни, присваивать и сочиняще? Этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Калайдовичъ прискажъ въ рукописи слова для подкрепленія: «у насть; по нашему; у нашего.» Въ этихъ словахъ заключаются удивительныя разпорѣнія. Если будемъ заключать изъ нихъ, то Кирша будетъ Сибирякомъ, Новгородцемъ, Киевляниномъ. Можно ли на этомъ основаться? Рѣшительно неѣть. Видно, что всѣ эти лица были разныя; а иначе одинъ и тотъ же человѣкъ не могъ говорить о трехъ родинахъ.

Кромъ того, у каждого Русскаго есть своя замашка: хвастать своимъ городомъ, своею родиною. Самъ Калайдовичъ предполагалъ, что Даниловъ былъ Малороссіанинъ. Какой же Мало-Руссъ будеть хвастаться Московскими городами? Въ старину, одно имя Малъ было уже какимъ-то отчужденіемъ для Малороссіи.

Приведенъ еще одно важное доказательство. Древнія стихотворенія еще были известны до первого изданія ихъ 1804 году. Въ 1770 году Чулковъ помѣстилъ въ свое пѣсенникъ, ч. 2 № 128: «какъ князь Романъ жену терялъ»; подъ № 121 — «какъ зачиналась каменна Москва.» Это было за 35 лѣтъ до изданія Якубовича, за 48 лѣтъ до изданія Калайдовича. В. А. Левшинъ имѣлъ у себя рукопись древніхъ стихотвореній, погибшую во время пожара. Изъ этой рукописи онъ напечаталъ нѣсколько стиховъ въ Русскихъ сказкахъ, изданныхъ имъ въ 1783 году, почти за двадцать лѣтъ до изданія Якубовича. Въ 1792 году издатель истории Капна напечаталъ одну пѣсню подъ № 33 — «Усы». Въ 1796 году И. И. Дмитріевъ напечаталъ въ свое пѣсенникъ: «Никитъ Романовичу дано село Преображенское» и описание корабля Сокола. Можетъ быть скажутъ, что все эти пѣсни, цѣлявшіяся до изданія Якубовича, списаны съ одной и той же рукописи Демидова. На это отвѣчай: въ пѣсняхъ, изданныхъ до Якубовича, находятся разнорѣчія, а это самое и составляетъ различие списковъ.

Не желая уничтоженія имени Кирши, мы бы охотно уступили всѣ доводы, что бы только имѣть вѣрную опору. Во вскомъ случаѣ имя сочинителя было бы для насъ безцѣнно; дорожа истинною, мы оставляемъ, до времени, при своемъ мнѣніи. Грустно разставаться съ тѣмъ, къ чему мы привыкли тридцать лѣтъ, но грустнѣе быть обманутыми.

Что такое древнія Русскія стихотворенія? Это смѣсь народныхъ думъ, поэмъ, пѣсень сказокъ и повѣстей. Къ повѣстямъ мы относимъ: «О князѣ Владимирѣ Киевскомъ; о могучемъ воратыре Добрынѣ Илкитичѣ; о

Чурпѣ Шленковичѣ, обѣ Алеши Поповичѣ, о Васильѣ Богуславичѣ.» Источникъ этого произведения находится въ Русскихъ сказкахъ и преданіяхъ. Историческая достовѣрность погибла; народные производители дополняли события своими соображеніемъ. Соловей Будимировичъ и Никита Романовичъ составляютъ образчики народныхъ думъ. Князь Романъ, Илья Муромецъ, Сорокъ Каликъ — выражаютъ только остатки народныхъ поэмъ. Дурень есть вѣрный идеалъ народныхъ сказокъ. За то пѣсни здѣсь соблюдены во всей цѣлостности. Многія пѣсни, разныя по порядку издателей, составляютъ одно цѣлое, истинно народное произведеніе. Здѣсь заключаются такие предметы, что наши рапсоды, вмѣстѣ взятые, могутъ составить подобное въ родѣ Гомеровой Иліады. Соедините: «три года Добрынушка стольничалъ, Добрыня Чудъ покорилъ, Добрыня купался, Илья здѣль съ Добрынею», и выдѣлъ полная народная поэма. Или составте въ одно группу богатырей Владимировыхъ: Соловей Будимировичъ, Васпій Буслаевичъ, Алеши Поповичъ — и выдѣлъ богатырская повѣсть. Предвижу наперѣдъ, что это назовутъ нововведеніемъ и моргіе; но оно на самомъ дѣлѣ было такъ и только произвольная измѣненія редакторовъ ихъ разрозніи по своему.

Въ 1810 году было издано въ Москвѣ сборникъ А. Калатилинъ съ удивительнымъ заглавиемъ:

«Новѣйший, всебійшій пѣсенникъ, или полное собраніе лучшихъ всякаго рода пѣсень, какъ-то: любовныхъ, нѣжныхъ, пастушескихъ, театральныхъ, издѣвочныхъ, выговорныхъ, военныхъ, или солдатскихъ, простонародныхъ, веселыхъ или театральныхъ, плясовыхъ, цыганскихъ, хороводныхъ, святочныхъ, подблюдныхъ, свадебныхъ, Малороссійскіи, критическихъ, шутливыхъ, и проч. съ приведеніемъ арій и хоровъ, изъ оперы четырехъ частей Днѣпровской Русалки, Мѣльника, Світенъцика, Рѣдкой веши, Діанина древа, Флейты, князя Невидимки, трубочиста, добрыхъ солдатъ, Кампѣ на часъ, Рорина и любимъ, прикащика, своя ноша не тянетъ, двухъ охотниковъ, Федуль съ дѣтьми, свадьбы Волдырева, Матрозскихъ шутокъ, крестьянинъ Маркизъ; и другихъ лучшихъ оперъ,

съ означениемъ пѣкоторыхъ какой голосъ пѣсни и на какой случай сочинена. Въ трехъ частяхъ, расположенныхъ на тринадцать отдѣленийъ. Собранныя Афонасьевъ Калатилинымъ.»

Не взыщите православные люди за выписку этого огромнаго заглавия; не воля заставила выписывать. Чужеземные люди взяли изданіе Калатилина за образецъ и стали судить о народныхъ пѣсняхъ. Вацлавъ Олешка, издатель Галицкихъ пѣсень во Львовѣ, говорилъ что Русскія пѣсни собраны и напечатаны были только Калатилинымъ. Странная участь! Почему къ нимъ не дошелъ пѣсенникъ Чулкова? Надобно же этому быть, чтобы чужеземцы судили о Русскихъ пѣсняхъ по уродливому изданію Калатилина, съ примѣсью всякаго новаго вздора.

Первая часть сборника Калатилина составлена изъ новыхъ пѣсней. Мы объ этомъ не говоримъ. Во второй части напечатаны пѣсни простонародныя, плясовыя и цыганская. Нельзя вообразить себѣ до какой возможности изуродованы эти пѣсни. Издатель приписалъ и новыя пѣсни къ старымъ, безъ всякаго разбора. Въ третьей части помѣщены святочныя, хороводныя и свадебныя, прямо списанныя съ сборника Попова.

Съ наслаждениемъ и радостию переходимъ къ запискамъ о Сибiri, составленнымъ неизвѣстною Россіянкою. Почтенная соотечественница въ концѣ своей книги помѣстила Сибирскія пѣсни. Это одно и единственное на Руси изданіе Русскихъ народныхъ пѣсень, напечатанное со всевозможною точностью, имѣть неоспоримое преимущество предъ всѣми сборниками. Въ небольшомъ ея собраний находятся: пѣсни хороводныя, святочныя, свадебныя. Сборникъ былъ изданъ въ Москвѣ, въ 1837 году, К. А. Н. Хороводныц пѣсни имѣютъ всѣ признаки древности; но святочныя отличаются необыкновенною простотою, пародистио неподдѣлочною. Въ нихъ все говорить Русскихъ духонъ, Русскихъ языкомъ. Кажется, что это одно искупаеть всѣ недостатки прежніхъ издателей. Пере-

читывая Сибирскія пѣсни, незамѣтно, какъ забываешь всѣ неудачи редакторовъ, невольно примиряешься со всѣми. Мы съюзъ генералитета иностраннымъ этотъ сборникъ; они найдутъ здѣсь истинно народный пѣсни, найдутъ пѣсни Русскія, которыхъ они напрасно искали въ собраний Калатилина.

Въ 1837 году, въ Москвѣ изданъ былъ сборникъ:

«Народныя Русскія пѣсни, собраныя М. М. Г. М. раздѣлилъ свое собрание по отдѣлениямъ; въ первомъ находятся пѣсни *протяжныя*, во второмъ *скорыя, плясовыя, подблюдныя, свадебныя*. Всѣхъ пѣсень помѣщено 98. Мы обѣ этомъ собраний ничего не можемъ сказать, потому, что издатель перепечаталъ ихъ изъ прежніхъ пѣсенниковъ; новыхъ мы не встрѣтили ни одной.

Въ 1835 году, въ Москвѣ, выль изданъ сборникъ г. Гурьяновымъ съ слѣдующимъ заглавиемъ:

«Полный новѣйший пѣсенникъ, въ тридцати частяхъ, содержащий въ себѣ собрание всѣхъ лучшыхъ пѣсень, извѣстныхъ нашихъ авторовъ, какъ то: Державина, Карамзина, Дмитриева, Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго, Капниста, Батюшкова, Жуковскаго, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратыскаго, Козлова, Барона Дельвига, князя Вяземскаго, Федора Глинки, Бориса Федорова, Веневитинова, Сильпунина, и многихъ другихъ литераторовъ, расположенный въ отдѣльныхъ частяхъ для каждого предмета. Собранный И-мъ Гурьяновымъ.»

Редакторъ, расположивший свое собрание по отдѣлениямъ, помѣстилъ въ первомъ: *военные*, во второмъ и третьемъ *простонародныя* и *хороводныя*. Здѣсь вмѣстѣ съ новыми пѣснями смысла старыя. Такъ въ числѣ пародийныхъ хороводныхъ пѣсень находятся — сочиненія Пушкина, Ранча, Жуковскаго, Ф. Глинки, Д. Новикова, Феодорова, извѣстнаго намъ по Живописцу, вышедшему въ Московскомъ Телеграфѣ. Въ

ЧЕТВЕРТОМЪ «Малороссийскимъ»; но, къ удивленію, мы встрѣтили здѣсь вмѣстѣ съ Малороссийскими и Русскія пѣсни. Его Малороссийскія пѣсни, числомъ 16, взяты изъ разныxъ сборниковъ, извѣстны на Руси подъ названіемъ *Казацкихъ*. Въ пятомъ и шестомъ *театральныx*; въ седьмомъ *любовныx*; въ восьмомъ *свадебныx*, *святогорыx* и *хорово-цѣнныx*; въ девятомъ *плясовыx* и *пастушескихъ*; въ десятомъ *застольныx*, *дружескихъ* и *круговыx*; въ одинадцатомъ и двѣнадцатомъ избранный новѣйшия; въ тринадцатомъ баллады старыя, новыя, и историческія. Всѣ эти старыя баллады и историческія пѣсни взяты изъ древнихъ стихотвореній, изданныхъ Калайдовичемъ. Во всѣхъ же тринадцати отдѣленіяхъ г. Гурьяновымъ напечатано 960 пѣсень.

Въ 1801 году былъ изданъ сборникъ: «Русскія пѣсни, сочиненные въ сель Спасскомъ.» Издатель вмѣстѣ съ новыми пѣснями напечаталъ двѣ простонародныя № 31 и 36, съ сохраненіемъ въ правописаніи народнаго выговора. Таковы:

1—Ахъ! вѣцъ матушка голувушка болитъ.—
2—Лушка¹ ты вдара сминала.—

Всѣ прочія пѣсни этого сборника, кажется, не имѣли ни какого достоинства для печатанія; въ нихъ нѣть ни смысла, ни правильности языка.

Въ 1803 году, издавался въ Москвѣ, въ видѣ журнала, пѣсенный сборникъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПѢСНОПѢНІЕ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.»

Издатель не означилъ своего имени; но оно было тогда всѣмъ известно. Въ 1833 году, изъ обозрѣнія Русскихъ сказокъ, напечатанного въ Телескопѣ, мы узнали, что это изданіе было М. Н. Макарова. Въ своемъ введеніи онъ писалъ:

«1. Издавать всѣ Русскія національныя пѣсни. 2. Когда только возможно, съ историческими подробностями о сочинителяхъ

оныхъ, и на какой случай пѣсня была сочинена и въ какое время. 3. Сохранять красоту слога, чувства писателей, сущность и плавность гармонии въ каждой пѣсни. 4. Ставрять какъ можно, помѣщать пѣсни въ костюмахъ того времени, въ которое они писаны были. 5. Исправлять поэтическіе прописи, прошедшія въ оныхъ отъ разныхъ издателей и переписчиковъ; но такъ исправлять, чтобы поправка въ слогѣ или цѣломъ рѣчени, вновь выгаданномъ, сохранила всю оригинальность, правильность и плавность древней поэзіи. 6. Помѣщать пѣсни и со всѣмъ вновь передѣланыя; но которые во всѣмъ согласовались бы съ правиломъ, и которые, такъ сказать, заключали бы въ себѣ одно и тоже существо, только въ *лучшемъ, привлекательнѣшемъ* видѣ.

МАКАРОВЪ, СВѢДЧИВШИ ОБЪ ИСПРАВЛЕНИИ пѣсень, выполнилъ его на симомъ дѣлѣ. Вотъ его исправленія.

Помѣстивъ подъ № 1 пѣсню, доставленную къ нему какимъ-то почтеннѣмъ любителемъ Россійскаго пѣснопѣнія, говорилъ: «для приведенія въ настоящій стихотворный размѣръ, рѣшился самъ выправить излишности, которыя какъ въ гармонии, такъ и мелодии дѣлаютъ некоторую шероховатость. Вотъ онъ:

Въ поѣздинникъ:

«До чего доводить сильнаго!»

Переправлено:

«Сдѣлалъ слѣдующее повтореніе, которыя вообще всѣ составляютъ красоту древней поэзіи;

Ай ты безгодье, ты безгодье влое.»

Въ поѣздинникъ:

«Во чужой землѣ мыѣ могилушка.»

Переправлено:

«Во чужой странѣ могила мыѣ.»

Въ поѣздинникъ:

«Ай какъ тошно братцы товарищи!»

Переправлено:

«Грустно, тошно мыѣ товарищи!»

Въ поѣздинникъ:

«Ай какъ тошно, ай во чужбинушкѣ!»

Поѣздинникъ:

«Ай какъ тошно на чубинушкѣ!»

Въ по-тчинникъ:

«Въ поруганецѣ.»

Переправлено:

«Въ поруганье.»

Въ по-тчинникъ:

«Ай лиха Литва!»

Переправлено:

«Ты лиха Литва.»

Все это напечатано самимъ издателемъ на 16 и 17 стр. Мы не понимаемъ цели исправления, потому что не находимъ никакой надобности; но г. Макаровъ говоритъ: «ПОДБЕЦЫЙ ПЕРЕМЪНЫ НЕ МОГУТЪ ОБЕЗВРАЗИТЬ КРАСОТУ СЕГО ТВОРЕНИЯ, ПОТОМУ ЧТО ВЪ НЕМЪ СОХРАНЕНА ЦРЪЛ АВТОРА.»

Пѣсня, помѣщенная на 25 стр. подъ № 4, совершенно передѣлана. Г. Макаровъ говоритъ: «ЭДЪСЬ ОНА ПОМѢЩЕНА СОВСѢМЪ ПЕРЕПРАВЛЕННАЯ, ИБО И СМЫСЛЪ И СЛОВА НАСТОЯЩЕЙ ОРИГИНАЛЬНОЙ СЕЙ ПѢСНИ СОВСѢМЪ НЕИНТЕРЕСНЫ И СОСТАВЛЯЮТЪ КАКОЙ-ТО *пустой наборъ словъ*. ЧТОБЪ ДАТЬ КАКОЕ НИ-БУДЬ ПОНИЯТИЕ ОБЪ ОРИГИНАЛѣ СЕЙ ПѢСНИ, СКАЖЕМЪ, ЧТО ВЪ НЕЙ ТОЛЬКО ГОВОРИТЬСЯ: О ФАРФОРОВОМЪ СТАКАНЧИКѣ, О СЕРЕБРЯЛОЙ ВО-РОНКѣ СЪ КОРИШНЕВОЙ ВОДКОЙ, ЧТО ВСЕ ВМѢСТЪ СОСТАВЛЯЕТЪ СМѢШНУЮ ВЕЗСМЫСЛНЦУ.» Въ пѣснѣ подъ № VI, на стр. 37, сдѣланы удивительныи НЕРЕМЪНЫ:

Въ по-тчинникъ:

«Молодому холостому

Назолу даваетъ,

Молодой и холостой

Въ дужкѣ травушку призываетъ.»

Переправлено:

«Молодецъ одинъ прекрасной,

—Дѣвицѣ знакомой,

Часто по лугу гуляетъ,

Травку преминаетъ.»

КРАТКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТИЯ О НАЦИОНАЛЬНОМЪ РОССІЙСКОМЪ ПѢСНОПНІИ; КРАТКОЕ СЛАВЛІНСКОЕ БАСНОСЛОВІЕ, РАСПОЛОЖЕННОЕ АЛФАВІТНЫМЪ ПОРЯДКОМЪ; ЧТО ТАКОЕ ПѢТЬ? ПѢСНИ ВЫБРАНЫ г. МАКАРОВЫМЪ ИЗЪ ПѢСЕННИКА ПОПОВА, О КОТОРОМЪ ОНЪ ГОВОРИТЪ: «ИЗЪ ВСѢХЪ ДОСЕЛЪ ВЫШЕДШИХЪ НАЦИОНАЛЬНЫХЪ ПѢСЕННИКОВЪ МОЖНО ПОЧЕСТЬ ИСПРАВНЫМИ НЕ БОЛЕЕ ДВУХЪ ИЛИ ТРЕХЪ, ИЗЪ КОИХЪ ЛУЧШИМЪ Я СЧИТАЮ РОССІЙСКОЕ ЭРАТО, ИЗДАННОЕ М. В. ПОПОВЫМЪ». Г. МАКАРОВЪ УМАЛЧИВАЕТЪ ОБЪ РЕДАКЦІИ ПОПОВА, СОСТАВЛЕННОЙ ИЗЪ ТРУДОВЪ ЧУЛКОВА, ВЪ САМОМЪ ОБЕЗОБРАЖЕНОМЪ ВИДѢ, И ПѢСЕНЬ СВОЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ДРУГІЯ ПѢСНИ ВЗЯТЫ: ИЗЪ ИСТОРИИ В. К., ИЗЪ ТРУДОВЪ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ. ВЪ ЧИСЛО ПѢСЕНЬ ВЗОШЛИ ИЗЪ ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ СТИХОТВОРЕНИЙ, ИЗДАННЫХЪ ЯКУБОВИЧЕМЪ, ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ — ПЕРЕДѢЛАННЫЙ г. МАКАРОВЫИ, ПО ПРОСЬБѢ ПРИЯТЕЛЕЙ, «ВЪ ОБЫКНОВЕННЫЙ РАЗМЪРЪ, УПОТРЕБЛЯЕМОЙ ВЪ НОВЫХЪ РУССКИХЪ БЫЛЫХЪ СТИХАХЪ.» Мы приведемъ для любопытныхъ этотъ переводъ вмѣстѣ съ подлинникомъ.

ВЪ СВОРНИКѢ ДЕМИДОВА, ИЗДАННОМЪ КАЛАЙ-ДОВИЧЕМЪ, НА СТР. 135 — ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

«Во стольномъ городѣ во Киевѣ,
У ласкова, Осударь, Князя Владимира ветеранка
была,

На пиру у него сидѣли честныи вдовы.

Пригодился тутъ Иванъ Годиновичъ,
Проговорить ему стольной Киевской Владимира
князъ!

Гой еси, Иванъ ты Годиновичъ!

А за чѣмъ ты Иванушка не женишься?

Отвѣчаетъ Иванъ, сынъ Годиновичъ.

Радъ бы, Осударь, женился, да негдѣ взять:

Гдѣ окота братъ, за меня не даютъ;

А гдѣ-то отдають, тутъ я самъ не беру,»

ВЪ ПРЕЛОЖЕНИИ г. МАКАРОВА НА СТР. 350.

«Во стольномъ городѣ во Киевѣ,

Гдѣ владѣль Владимира князъ,

Гдѣ доброты прославлялна

Осударя таво ласкова,

Гдѣ сильь онъ будто солнышко

Правотой души и милостью,

И любовью и согласиемъ.

Князъ любилъ всегда веселу жизнь;

Онъ давалъ пиры богатые,

Явствомъ, питьями наполнены

И гостями изобильные,

Довольно этихъ образцовъ, чтобы показать до какой степени заботились прежде объ исправленіи и какъ тогда понимали народныи пѣсни. Не возможно вѣрить, чтобы люди приходили въ такое отчаянное положеніе разрушать самовольно вѣковыя созданія!

Въ составъ Русскаго национальнаго пѣснопнія, г. МАКАРОВЪ ВМѢСТИДЪ: ПѢСНІ;

Всё однѣ девь, когда былъ пиръ таковъ,
 Къ нему съѣхались красавицы,
 Со всѣхъ странъ тогда всѣ лучшія:
 Чернобровы, черноглазыя,
 Бѣлолицы и румяныя,
 Станоны, поступью прелестныя,
 Всѣ въ уборахъ драгоцѣнѣйшихъ,
 Такъ блестали, отличались,
 Что предъ ними гдѣ и солнышку
 Возсѣять такъ въ жаркой вѣшней день!
 И въ той же былъ въ компаніи
 Молодецъ, красивъ, удаленькой,
 Тотъ во Киевѣ отличнѣйши
 Богатырь Иванъ Годиновичъ.
 Князь любилъ его, какъ душеньку,
 Называлъ рукой правою:
 Во всѣхъ дивныхъ своихъ подвигахъ
 Онъ ему вездѣ соратой былъ,
 И во бранѣхъ и въ ристалищахъ,
 Опъ совсѣмъ, вѣрный другъ его!
 Князь Владимиръ между рѣнію
 Такъ къ Ивану обращается:
 Гой еси Иванъ Годиновичъ!
 Ты хорошъ, пригожъ и милосердъ,
 Ты дороденъ, добръ и храбръ душой;
 Для чего-жъ, мой другъ, поженишься?
 Аль красавицы всѣ Киевски
 Недостойны твоихъ выборовъ,
 Чернобровы, черноглазыя,
 Бѣлолицы и румяныя?
 Отвѣчалъ ему Годиновичъ:
 Радъ бы князь душой жениться я,
 Радъ бы выбрать чернобровую,
 Черноглазу, бѣлолицую
 Бѣлолицу и румяную;
 Но Годиновичъ несчастливой:
 Его дѣвицы не жалуютъ,
 Къ нему матери не ласковы,
 И при нихъ опъ всегда лишний былъ. *

Все, что въ сборникѣ Демидова помѣщено въ 11 стихахъ, г. Макаровъ сдѣлалъ изъ этого 50; а къ полной пѣсѣ прибавилъ въ прозѣ еще содержаніе на 8 страницахъ. Кажется, что это приложение лишнее, въ этомъ никто не будетъ спорить. Въ историческихъ извѣстіяхъ о Русскомъ пѣснопѣніи онъ писалъ: «Древность Россійскаго пѣснопѣнія теряется въ глубокомъ мракѣ временъ. Мы знаемъ еще только о тѣхъ пѣсняхъ, которыхъ сложены въ двадцатомъ вѣкѣ.... Древніе поэты наши мало заботились о сохраненіи плавности и мѣры въ стихахъ своихъ, и старались только о точности въ изображеніи предметовъ....

Большая часть древніхъ и новѣйшихъ, национальныхъ Русскихъ пѣсень составляетъ родъ какихъ-то плачевыхъ элегій, голоса ихъ протяжны и унылы до того, что нельзѧ никакъ, слушая хорошаго пѣвца, не почувствовать всю цѣну или вѣсъ пѣтой имъ пѣсни.... Наши старинные пѣснопѣвцы не наблюдали ни слоговъ, ни стопъ; словомъ правила стихотворенія, наука красноречія не были извѣстны ни одному изъ древнійшихъ нашихъ поэтовъ. *

Мы просимъ читателей обратить внимание на сочиненіе г. Востокова — о Русскомъ стихосложеніи. Тамъ они увидятъ искусство Русскихъ пѣсень; тамъ они увидятъ все правила, служившія нашимъ предкамъ для создания пѣсень.

Славянское баснословіе выбрано г. Макаровыемъ изъ сочиненія Чулкова: Абевѣга Русскихъ суетнѣй и мифологии Кайсарова. Выписываемъ еще одно мѣсто, гдѣ г. Макаровъ невольно вмѣстѣ съ отзывами современниковъ о Русскомъ пѣснопѣніи:

«Нѣкоторые пристрастники ко всему старому и прежнему хотятъ утверждать, что Кашинъ перемѣнилъ, даже испортилъ настоящій голосъ пѣсни. Чудаки не чувствуютъ, что опъ самый тотъ же, только гораздо лучше, чище прежніаго, и любитель Русской музыки долженъ сердечно благодарностию почтенному издателю журнала отечественной музыки. »

Редакція Русскаго пѣснопѣнія не произвела доселе ничего совершенного, сходнаго съ духомъ народнаго пѣнія. Издатели смотрѣли на этотъ предметъ совершенно съ другой точки зрѣнія, ни мало не обращая вниманія на народный характеръ. Все, что доселе сдѣлано для Русскаго пѣснопѣнія, состоитъ въ слѣдующихъ изданіяхъ.

Въ 1730 году Прапъ напечаталъ Русскія пѣсни съ голосами на музыку. Въ слабыхъ, певѣрныхъ мотивахъ издатель передавъ образчики разныхъ родовъ пѣснопѣнія, съ прибавленіемъ Итальянскихъ руладочекъ. Этотъ первый опытъ имѣлъ весьма невыгодное влияніе на Русское пѣснопѣніе. По

изданию Прача Европа судила о Русскомъ пѣснопѣніи. И какой же быть судь! Знаменитый музыкальный сочинитель, Нейзельло, не хотѣлъ вѣрить, чтобы это было народное пѣснопѣніе; онъ решительно считалъ его произведениемъ искусствъ композиторовъ. Ненизвѣстный сочинитель «о Русской церковной музыке», утверждая, что трактатъ о пѣнѣ, напечатанный при издании Русскихъ пѣсень *Praga*, былъ написанъ Львовыи. Изъ этого трактата докторъ Гютри составилъ сочинение: «о Русскихъ народныхъ пѣсняхъ», съ приведеніемъ другаго своего: «о Русскихъ музыкальныхъ инструментахъ». Фетисъ, въ своемъ сочинении — Исторія Философіи Музыки — заимствовалъ изъ брошюры Гютри о Русскомъ пѣснопѣніи. Вотъ каковы были слѣдствія этого пѣданія. Ни одно Русское слово не отозвалось въ защиту народнаго пѣснопѣнія; всѣ тогдашніе и современныи композиторы остались безмолвными. Замѣтно, что Прачъ изучалъ Русское пѣніе, видно, что онъ боялся съ исполненіемъ; по онъ какъ восторженный композиторъ, заботился о мелодіи и гармоніи сообразно своему вкусу. Цеуловыи Русскіе мотивы, поражавши его слухъ, остались навсегда собственностью народа. Пришлецъ посягнулъ на измѣненіе нашего пѣснопѣнія: вставилъ Русскія пѣсни въ нотныи рамки, заклеймиль ихъ роковыми четвертями. Все то, что казалось ему не музыкальныхъ, онъ дополниль Италиянскими мотивами; все то, что было въ его глазахъ страннымъ, онъ уничтожилъ. Въ его время жилъ гениальный Русскій артистъ, Хантошинъ, удивлявшій своимъ искусствомъ знаменитый дворъ Екатерины, этотъ Хантошинъ, неимѣвшій въ Европѣ соперниковъ, постигшій за полвѣка всѣ музыкальныи тайны нашихъ современниковъ, жилъ въ одно время съ Прачемъ, разыгрывалъ Русскія пѣсни въ чертогахъ Екатерины, въ палатахъ бояръ и на площадяхъ. Прачъ не понялъ духа Хантошина, основанаго на чистомъ народномъ пѣснопѣніи.

Редакція Прача состояла въ слѣдующемъ: 1 — раздѣлилъ пѣсни по времени народнаго употребленія; 2 — напечаталъ и текстъ пѣсень и нотъ на особенныхъ страницахъ;

3 — въ началѣ, вмѣсто предисловія помѣстилъ: «о Русскомъ народномъ пѣнѣ». Въ этомъ обозрѣніи сказано:

«Мы называемъ гармоническія пѣсни протяжными, а мелодическія плясовыми. Плясовые пѣсни у насъ по большой части веселаго содержанія, въ тонѣ MAGIORE, и поются скоро; протяжный же почти всѣ MINORE, и поются тихо и умѣренно.

«Къ удивленію находимъ, что мы, въ народномъ пѣнѣ нашемъ наслѣдовали отъ древнихъ Грековъ не только раздѣленіе онаго на двѣ части; но въ протяженныхъ пѣсняхъ есть некоторое ощущительное подобие мелодіи и образъ сложенія оныхъ; ибо старинная наша пѣсня: «Ты воспой, воспой младъ жавороночекъ» — и другія начинаются выходкою одного голоса, а возываются потомъ общимъ хоромъ. Такъ точно расположена ода Пиндрова, имѣющія характеръ пѣнія — сонто FERMO, Итальянцами называемаго. Большая часть нашихъ протяженныхъ пѣсень сей же самый характеръ имѣютъ.

«Протяженная наши пѣсни старинная суть самыя лучшія; сіе-то суть характери-ческое народное пѣніе, съ которымъ, при помоши даже искусства, въ наши времена сочиненные, не могутъ равняться. Что же касается до плясовыхъ пѣсень, то старинная не имѣютъ предъ нынѣшними сего преимущества; и хотя нельзѧ точно означить, какъ суть изъ нихъ самыя старыя, но извѣстно то, что нынѣшня пѣсни предпочтительнѣе тѣхъ, копхъ признаютъ старинными, по начальной простотѣ ихъ.

«Междѣ плясовыми пѣснями есть еще особливыи болѣе образомъ пѣнія нежели сложеніемъ своимъ: ихъ называютъ Цыганскими, поелику подъ си только одни можно плясать по-Цыгански». Не знаю я, Цыгане ли сочинили си пѣсни, или они умѣли выбрать изъ нашихъ, придавъ имъ пѣніемъ своимъ такой живой нарядъ, съ которыми они весьма отъ Русскихъ отличны, и для скорой пантоминной пляски стоялъ несравненно удобнѣе, будачи и для голоса лучше многихъ простонародныхъ.

«Свадебные и хороводные песни весьма древни; между оными быть ип одной въ наше время сочиненной. Свадебные песни во всемъ пространномъ Государствѣ пашемъ и словами и голосомъ столько единобразны, что изъ исколькихъ тысячъ верстъ пришедшій по голосу оныхъ узнаетъ, въ которой избѣ свадьба. Хороводные песни также одинаковы; въ нихъ еще и по нынѣ употребляются припѣвы: Дибо, Ладо, и прочія имена языческихъ боговъ древняго Славянского поклоненія.

«Свойства Малороссийскихъ песенъ и напѣвъ со всемъ отличны отъ Русскихъ; въ нихъ болѣе мелодіи, нежели въ нашихъ; но мнѣ неизвѣстна ни одна гармоническая Малороссийская песня, которая бы равнялась со многими нашими протяжными. Употребление изъ древнихъ временъ между народомъ ихъ бандуры, помогло къ совершенію ихъ пѣнія, и во множествѣ Малороссийскихъ песенъ есть музыкальная пріятности, есть искоторый правила въ сложеніи оныхъ, искоторая учепность, но вообще менѣе характера.

«Сколько трудно было собрать голоса народныхъ, написанныхъ, на исколькихъ верстахъ разсыпанныхъ песенъ, и положить оныя на поту, часто съ фальшиваго пѣнія неискусныхъ пѣвцовъ, всякой легко представить можетъ; по трудность еще не менѣе предстояла въ томъ, чтобы, не повредя народной мелодіи, сопроводить оную правильными басомъ, который бы и самъ былъ въ характерѣ народномъ. Сие однако съ возможнымъ раченіемъ исполнено было, и былъ положенъ почти вездѣ такъ, а индѣ весьма близко, какъ при исправлении хорѣ въ народныхъ песняхъ поютъ оный. »

Вотъ цѣль и направление Прача, предпринятія имъ при изданіи Русского пѣснопѣнія. Мы не попытаемъ цѣли, для чего должно было прицѣльывать басъ тамъ, где оно не существуетъ. Съ этимъ дополненіемъ чистое народное пѣніе исчезло, характеръ разрушенъ и составилась композиція редактора, а не члѣга парода.

Собрание Русскихъ песенъ Прача выдѣжало три изданія. Первое изданіе было напечатано въ восьмую долю листа, въ 1790 году. Въ немъ Прачъ помѣстилъ: протяжныхъ 33, плясовыхъ 49, свадебныхъ 0, хороводныхъ, 9, святочныхъ 1, Малороссийскихъ 6, а всего 97 песенъ. Текстъ прѣсепъ, кромѣ не многихъ, перепечатанъ изъ прѣсепника Чулкова.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ПЕСЕНЪ ПРАЧА БЫЛО НАПЕЧАТАНО ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ ДОЛЮ ЛИСТА, ВЪ 1806 ГОДУ, ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЬЯХЪ. ВЪ НОВОМЪ ИЗДАНІИ СТАТЬЯ — О РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ ПѢСНІ ПРЕВРАТИЛАСЬ ВЪ ПРЕДУВѢДОМЛЕНИЕ, СЪ ПРИБАВЛЕНИЕМЪ СЛЕДУЮЩАГО:

«Въ Россіи сочинители народныхъ песенъ со всемъ неизвѣстны, и следовательно оныя болѣе принадлежать всему народу. По содержанию искоторыхъ изъ нихъ можно догадаться, что сочинители были: казаки, бурлаки стрѣльцы, старыхъ службъ служивые люди, фабрічные, солдаты, матросы, ямщики; по начало старинныхъ песенъ, какъ-то: свадебныхъ и хороводныхъ скрывается во мракѣ древности. »

Въ первой и второй частяхъ втораго изданія было напечатано: протяжныхъ 48, плясовыхъ 60, хороводныхъ 10, святочныхъ 6, свадебныхъ 10, Малороссийскихъ 16. Второе изданіе, составленное изъ 150 песенъ, отличается отъ первого смыщелемъ: въ число святочныхъ въшли хороводные, а хороводные помѣщены въ протяжныхъ и плясовыхъ. Здѣсь болѣе показывается отступленія отъ Русскаго пѣснопѣнія. Многія мѣста написаны такъ, что нѣть ни одного Русскаго звука.

Согрѣмепникъ намъ по редакціи пѣснопѣнія, ветеранъ по занятіямъ, Д. Н. Кашицъ, издалъ въ Москвѣ, въ 1833 году —

«Русскія народныя песни, сопраныя и изданыя для пѣнія и фортепіано. »

Труды почтенаго Кашица извѣстны были еще въ концѣ XVIII столѣтия, какъ лучшаго тогда композитора. Было время, когда его пѣсни, пѣтия Сапуновой, при-

водили въ восхищение всю Москву. Въ 1808 и 1809 годахъ онъ издавалъ музыкальный журналъ отечественной музыки. Здѣсь помѣщались сочиненія его и другихъ музыкальныхъ современниковъ. Но важный подвигъ и, кажется, окончательный состоять въ изданіи Русскаго пѣснопѣнія. Посвящая соотечественникамъ свои пѣсни, онъ писалъ:

«ДОЛГОВРЕМЕННО ПОЧЕРТАЛЪ Я ПЪЗ ОБИЛЬНОГО ИСТОЧНИКА НАШИ ЛУЧШІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ, БОГАТЫЯ СОБСТВЕННОЮ, НЕПОДРАЖАЕМОЮ МУЗЫКОЮ; ВНИМАТЕЛЬНО ВСЛУШИВАЛЪ ВЪ ИХЪ ГАРМОНИЮ, И ПЕРЕДАЛЬ БУМАГЪ ВО ВСЕЙ ПРОСТОТѢ НАПѢВА НАРОДНО, БЕЗЪ УКРАШЕНИЙ, БЕЗЪ ВЫМЫСЛОВЪ, ВСЕГДА РАЗРУШАЮЩИМЪ ИСТИННОЕ ДОСТОИНСТВО ТАКОГО РОДА МУЗЫКИ.

«Быть можетъ, что при всемъ попеченіи моемъ изложить вѣрно напѣвы не оправдалъ я точнаго хода онъихъ. Въ такомъ случаѣ да простѣть меня; я не перениссѣвалъ пѣсень, а собирая болышею частю съ голосомъ, что доказываютъ пѣспи, не токмо никогда непечатанныя, но даже ни кѣмъ ноты неположенные. Къ сему неизлишне прибавить, что пѣвцы не всегда въ исполненіи единобразны.»

Вотъ отчетъ г. Кашина о своей редакціи. Онъ не объяснилъ намъ: гдѣ пѣли пѣсни, положенные имъ на ноты? Гдѣ собраны были эти пѣсни? Въ каждой пѣсни видно, что редакторъ заботился о сохраненіи единобразія; ему непременно нужно было подвести всѣ пѣсни подъ одинъ избранный мотивъ. Справедливо ли это? Никто доселѣ изъ Русскихъ не говорилъ о томъ. Мы представляемъ свои мнѣнія, основанныя па мѣстныхъ наблюденіяхъ, и желаемъ, чтобы другие указали намъ вѣрныя наблюденія.

Всѣ ошибки редакторовъ пѣснопѣнія происходили изъ двухъ источниковъ: 1 — украшать Русскія народныя пѣсни сообразно Итальянскимъ мотивамъ. Таково было направление Прача. 2 — Придерживаться одной избранной темы во всѣхъ пѣсняхъ. Таково было направление Кашина. Какъ гибельны такія направления, всякой можетъ представить, а что онъ не нужны, въ этомъ

никто не усомнится. Русскія пѣспи не имѣютъ никакой подобности въ исправлѣніи. Созданный народомъ, подъ влияніемъ особенной жизни, неизвѣстныхъ обстоятельствъ, онъ имѣетъ свои красоты, несвойственныя другимъ народамъ, свои тоны, созданные для Русскаго пѣснопѣнія самими Русскими. Заботясь о единствѣ пѣснопѣнія, мы легко можемъ увлечься въ крайности. Каждый городъ, каждая деревня имѣютъ свои напѣвы. Положимъ, что въ Россіи есть пятьдесятъ мѣстъ, где поютъ одну и ту же пѣсню въ различныхъ напѣвахъ. Редакторъ, избравши одну пѣсню для своего сборника, возьметъ эту пѣсню и положить ея голосъ на ноты, сообразно своей идее. Будутъ ли тогда напѣвы этой пѣсни имѣть народный характеръ? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Въ такой редакціи всѣ пѣсни сольются въ одно мечтательное пѣніе; народное пѣснопѣніе, отличное мѣстными характерами, исчезнетъ. Положимъ, что редакторъ возьметъ напѣвъ пѣсни извѣстнаго мѣста и положить на ноты такъ, какъ онъ извѣстенъ тамъ. Съ первого взгляда лучше этого и желать нельзя; но, вслушиваясь въ напѣвы этой же пѣсни другихъ мѣстъ, увидимъ, что есть какія-то различія: Съ такимъ условіемъ редакція становится неудовлетворительною. Отсюда, само собою, возникаетъ необходимость различія народнаго пѣснопѣнія по областямъ. Этого необходимаго условія не встѣгаемъ ни въ изданіи Прача, ни Кашина. По крайней мѣрѣ надоѣло желать, чтобы редакторы пѣснопѣнія отличали въ свою сборникъ напѣвы пѣсень, подслушанныхъ ими въ томъ или другомъ мѣстѣ. Мы часто слышимъ жалобы, что нельзѧ положить напѣвы нашихъ пѣсень отъ того, что Русскіе люди поютъ ихъ различно и при томъ фальшиво и невѣрно. Сколько здѣсь несправедливаго! Поють пѣсни различно отъ того, что каждая область имѣетъ свой особенный напѣвъ; поють фальшиво отъ того, что комъ позиторъ, услышавши въ первый разъ Русскую пѣсню, полагаетъ уже за вѣрное, что только такой напѣвъ существуетъ для этой пѣсни; потому услышитъ во второй разъ напѣвъ этой же пѣсни изъ другой области, считаетъ его уже невѣрнымъ, фальшивымъ. Изучать Русское пѣснопѣніе должно по разнымъ городамъ, а не въ кабинетѣ. Въ

ТАКОМЪ ИЗУЧЕНИ МОЖНО ЕЩЕ ВСТРѢЧАТЬ ДОСЕВ НЕЗАМѢТНЫИ ОТЪВѢКИ — ХАРАКТЕР НАРОДНОГО ВЫГОВОРА. ВЪ ПѢСНОПѢНИИ ОБЛАСТНОЙ ВЫГОВОРЪ ПРОИЗВОДИТЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫИ ИЗИВѢШЕНИЯ. ПОСЛУШАЙТЕ ТОЛЬКО МОСКОВИЧА, СУЗДАЛЬЦА, ОЛОНЧАНИЦА, СИБИРЯКА, И ЭТИ ИЗИВѢШЕНИЯ БУДУТЬ ПОРАЗИТЕЛЬНЫ ДО ЧЕРНОГЛЯДНОСТИ. ПЕРЕЙДИТЕ ОТСУДА КЪ МОСКОВСКИМЪ ЦЫГАНАМЪ. ВЪ ИХЪ ПѢНѢИ НАЙДЕТЕ СОВЕРШЕННО ИНЫЕ МОТИВЫ. ОТЪ ЧЕГО ЭТО? ВНИКНІТЕ ТОЛЬКО ВЪ ВЫГОВОРЪ ЦЫГАНЪ, И ВЫ РАЗГЛАДЕТЕ ТАЙНУ ИХЪ ПѢСНОПѢНИЯ. ОЛОНЧАНИЦЪ САМОЮ ПРОТЯЖНУЮ ПѢСНЮ ПОЕТЬ ТАМЪ СКОРО, ЧТО МОСКОВІЧ ГОРАЗДО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЕЕ ПРОПОЕТЬ ПЛЯСОВУЮ, КАКЪ ОНА ПІС СКОРО ПОЕТСЯ. ВЪ ЭТОМЪ РАЗЛИЧИИ СКРЫВАЕТСЯ ОДНО И ТОЖЕ УСЛОВІЕ — ВЫГОВОРЪ МѢСТНЫЙ. ПО ТЕОРИИ ГАРМОНІИ И МЕЛОДІИ ДОЛЖНЫ БЫ ВСЕ ЭТО УРАВНІТЬ; Но СЪ РУССКИМИ ПѢСНЯМИ ВЫХОДИТЬ НАПРОТИВЪ: НАРОДНЫЙ НАПІВЪ СОЗДАЕТЬ ДЛЯ ТЕОРИИ СВОЮ МЕЛОДІЮ, СВОЮ ГАРМОНІЮ. НЕ ДУМАЕМЪ, ЧТОБЫ КТО НИБУДЬ ВОЗРАЗИТЬ НАМЪ, ЧТО ВЪ НАШЕМЪ НАРОДНОМЪ ПѢСНОПѢНИИ НЕТЪ ТЕОРИИ, И ЧТО ДАЖЕ МЫ ЭТО УТВЕРЖДАЕМЪ. НАПРОТИВЪ, НАШЕ НЕСНОПѢШЕ ИМѢТЬ СВОЮ ВЪРНУЮ ТЕОРИЮ, УТВЕРЖДЕННУЮ ВЪКАМИ; Но, КЪ НЕСЧАСТИЮ, НИ ОДИНЪ КОМПОЗИТОРЪ НЕ ИЗУЧАЛЪ НАШЕЙ ТЕОРИИ; ЭТО МАЛО, НИ ОДИНЪ ИЗЪ ИХЪ НИКОГДА НЕ ГОВОРИЛЪ ДАЖЕ, ЧТО ОНА СУЩЕСТВУЕТЪ.

МЫ ПРИВЕЛИ ТОЛЬКО КРАТКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗЪ ОПЫТА, УКАЗАЛИ НА РАЗНОСТИ ПѢСНОПѢНИЯ, КАКЪ НА ДВІЙСТВИТЕЛЬНОЕ СОБІСТЬ, СОВРЕМЕННОЕ НАМЪ; Но ТАКОЙ ОБШИРНОЙ ПРЕДМЕТЬ, ТРЕБУЕТЪ МНОГОТОМНОГО ИЗЛОЖЕНІЯ, ОСНОВАННОГО НА ОПЫТНЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ. ПРЕДОСТАВЛЯЕМЪ ЭТУ ЗАВІДНЮЮ УЧАСТЬ ДРУГИМЪ.

—

МІФНІЯ РУССКИМЪ ЛІТЕРАТОРОВЪ О НАРОДНОЙ ПОЕЗІІ СТОЛЬКО БЫЛИ РАЗЛИЧНЫ, СКОЛЬКО БЫЛИ РАЗЛИЧНЫ ИХЪ ПОНЯТИЯ О НАРОДНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНИЯХЪ. ВЪ ПОСТЕПЕННОМЪ СРАВНЕНИИ ИХЪ СОЧИНЕНІЙ МЫ УВІДИМЪ ВСЕ РАЗНОСТИ.

ВЪ 1809 ГОДУ БЫЛО НАПЕЧАТАНО ВЪ МОСКОВѢ: «разсужденіе о древней Русской словесности.» НЕИЗВѢСТНЫЙ СОЧИНІТЕЛЬ НАЧИНАЕТЪ СВОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ СЪ ВРЕМЕНЪ НЕЗАПАМІТНЫХЪ, А ВЪ ПОСЛѢДСТВІІ, ОБРАЩАЕСЯ КЪ ПѢСНІ О ПОЛКУ ІГОРЕВОМЪ, ГОВОРІТЬ:

«Сія пѣснь писана самимъ древнимъ, простонароднымъ языкомъ, который гораздо труднѣе понимать находящагося въ нашеї Библії. Не подобно развивать ее по правиламъ Аристотеля, Горация или Буало; она не есть правильная эпическая поэма, и не заключаетъ въ себѣ ни какихъ чудесныхъ вымысловъ. Сочинитель ея былъ, конечно, человѣкъ неученный, но ученикъ простой природы, съ которой картины свои онъ описывалъ вѣрно и удачно. Нашъ стихотворецъ любить сравненія и аллегоріи; онъ вездѣ чрезвычайно кратки, правильны и материалы для нихъ всѣ отечественные. Вообще слогъ фигуренъ и чрезвычайно стихотворенъ, часто встрѣчаются одушиевленія. Дарование стихотворца нашего особенно является въ описаніяхъ.»

ПОСЛѢ ЭТОГО ОНЪ ПЕРЕХОДИТЬ КЪ СБОРНИКУ ДЕМИДОВА — ДРЕВНІЯ РУССКІЯ СТИХОТВОРЕША. Любопытны понятія сочинителя объ этомъ изданіи.

«Большая часть сихъ пѣсенъ или повѣстей, писанныхъ стихами, особенно тѣ, въ которыхъ прославляется Владимиръ, суть ничто иное, какъ простонародныи Русскія сказки, и наполнены самыми неизѣпными вымыслами. Думаю, что древность сихъ стихотвореній никто защищать не станетъ. Ктоѣ ни былъ сочинитель сихъ сказокъ, но онъ долженъ быть безъ всякихъ познаній въ древней истории своего отечества; съѣды испорченаго вкуса и самаго уродливаго воображенія, повсюду видны въ его сочиненіяхъ. Хотя онъ писалъ и не въ среднихъ вѣкахъ, но всѣ онъ дышутъ духомъ сихъ варварскихъ временъ, которыхъ грубость и жесткость вселяютъ къ нимъ отвращеніе.

«Только съ одной стороны заслуживаютъ онъ вниманіе критики и всѣхъ любителей Русской поэзіи: въ стопосложеніи ихъ находится большое расположение, которому даже соотечественники Гомера, говоривши самыми музыкальными языками въ свѣтѣ, и называвши всѣ прочие варварскими, не могли бы не удивиться. И что всего чуднѣе: сочинитель никогда не слышалъ о Хореяхъ, Яибахъ, Дактиляхъ, однако-жъ у него большая часть стиховъ

ВЫХОДЯТЬ САМЫЕ ПРАВИЛЬНЫЕ И ДЛЖЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ. *

Мы избрали только сущность сего разсуждения, чтобы постепенно указывать направление нашихъ писателей въ началѣ XIX вѣка. О вѣрности такихъ понятій, мы ничего не можетъ говорить; онъ тогда были хороши и почитались даже важными. Еще въ 1818 году писалъ А. Х. Востоковъ: «отсылаю читателя къ разсужденію о древней Русской Словесности, въ которомъ находятся весьма справедливыя замѣчанія о древности, обѣ апахронизмахъ и о характерѣ преданій.»

Несправедливымъ понятіямъ о Русской народной поэзии, вѣроятно, не будетъ конца. Доселѣ еще смѣшиваютъ даже самыя слова простонародная пѣсни съ народною поэзіею! Что такое простонародная пѣсни? Вообще полагали, что это самое низкое произнѣденіе черни, народы грубаго, непонятнаго. Думать такъ, будетъ очень несправедливо. Несовременная намъ чернь сотворила Русскія пѣсни; она только сохранила ихъ, тогда какъ другіе классы совершенно ихъ забыли, даже гнушались, предпочитая имъ Французскіе вѣдоры. Русскія пѣсни принадлежать всему Русскому народу; онъ произнѣденіе цѣлаго народа. Вотъ отъ чего писатели, смотрѣвшіе на народныя пѣсни, какъ на грубоѣ произнѣденіе черни, впадали въ крайности и давали превратныя суждѣнія. Поэзія болѣни, поэзія мужика — всегда будетъ одна и та же поэзія, если только она будетъ гениальнѣмъ произнѣденіемъ. Рыбакъ Ломоносовъ развѣ не былъ поэтомъ, а онъ явился изъ простонародія. Такія ошибки мы паходимъ общими пѣсколькихъ лѣтъ, гдѣ люди, какъ бы сговорились, говорить не справедливое па перекоръ всего справедливаго. Удивъ неизбѣжный для человѣчества!

Гораздо ошибочнѣе являются у писателей понятія о языкахъ народныхъ пѣсень. Это такая смѣсь всякой всячины, что доселѣ никто не думалъ исправлять ихъ. Пѣсни наши новы, старыхъ мы не имѣмъ — вотъ общее мѣнѣніе. Справедливо ли это? На чёмъ основано? Гдѣ доказательства ихъ обновленія? гдѣ указанія на ихъ новость

явленія? Объ этомъ никто изъ Русскихъ не думалъ. Кажется, съ первого взгляда, это такъ легко разгадать, что оно само собою выказывается; но это только будетъ хорошо для кабинетнаго занятия, гдѣ не нужны опытныя суждѣнія, требующія повѣрки. Трудъ немногорѣній, невѣроятный предстоитъ тому, кто хотѣлъ бы судить по языку народныхъ пѣсень о времени ихъ произнѣденія. Для этого нужно иметь понятія: о состояніи Русскаго языка въ разныхъ столѣтияхъ; нужно знать до подробности Русскія областнія нарѣчія.

Во всѣхъ послѣдніхъ семи столѣтияхъ Русскій языкъ существовалъ въ двухъ отдаленныхъ видахъ: въ книжномъ и разговорномъ. Языкъ книжной былъ языкъ Славянскій, составленный по формамъ Греческаго, Сербскаго и Русскаго. Первая отрасль его началась и созрѣла въ Киевѣ, вторая родилась въ Новгородѣ, созрѣла съ Русскимъ. Время составило изъ обоихъ этихъ отраслей нарѣчія областнія: Московское, Суздальское, Владимирское, Новгородское и Сѣверное — Архангельское, Сибирское, Заволжское. Каждое областное нарѣчіе имѣть свои подраздѣленія. Языкъ Славянскій, образованный въ Киевѣ, сохраняется у Русскихъ доселѣ въ церковныхъ книгахъ; но онъ никогда не былъ языкомъ разговорнымъ, языкомъ живущаго народа. Всѣ областнія нарѣчія составляютъ нынѣ одинъ Русской языкъ, которымъ говорили прежде, говорятъ нынѣ и будутъ послѣ говорить. Самое обширное, самое многочисленное изъ областныхъ нарѣчій есть нарѣчіе Московское. Этимъ нарѣчіемъ говорили наши предки, говоримъ и мы, ихъ потомки. Для этого только нарѣчія есть у насъ грамматики, словари и книги, писанные этимъ одинъ нарѣчіемъ. Для всѣхъ другихъ нарѣчій мы ничего не успѣли приготовить; не знаемъ даже ихъ составныхъ частей.

Каждый писатель за нужное считаетъ скажать что ибудь обѣ языки народныхъ пѣсень; но всѣ эти разсказы оканчиваются общими выраженіями — старого нѣть, все вновь составленное. Всѣ ошибки происходили и будутъ происходить отъ незнанія областныхъ нарѣчій. Пѣсни народная по

языку принадлежать къ Московскому областному парѣчю, разговорному; въ нихъ нѣть отрасли Киевской, составленной по Греческимъ формамъ, которую мы привыкли видѣть въ Славяно-церковныхъ книгахъ. Наши писатели непрерывно хотятъ видѣть древность языка только въ Славяно-церковныхъ формахъ, а этого-то и не бывало въ пѣсняхъ.

Къ числу древнихъ мы относимъ пѣсни святочные, хороводные, свадебные, народно-праздничные и часть историческихъ. Всѣ другія принадлежать XVII и XVIII столѣтий.

Въ 1812 году выла напечатана статья въ С. Петербургскочѣ Вѣстникѣ — о Русскомъ стихосложеніи А. Х. Востокова. Почтенный сочинитель въ 1818 году перепечаталъ свое сочиненіе отдельною книгою — подъ названіемъ: «Опытъ о Русскомъ стихосложеніи.»

По нашему мнѣнію этотъ опытъ представляется однимъ изъ лучшихъ сочиненій о Русской народной поэзіи. А. Х. Востоковъ разсматривалъ только одну сторону нашей народной поэзіи — стопосложение. Мы приводимъ его сужденія.

«Народныя пашни, говорить Востоковъ, принадлежать къ стихосложению тоническому, сочиняющемуся по удареніямъ. Русской языкъ, по его понятію, приписываетъ только 9 стопъ: 5 простыхъ — Ямбъ Хорей, Диктиль, Анапестъ и Амфibraxъ, и 4 сложныхъ — 4 хъ Неоновъ. Объ Русскихъ стихахъ онъ пишетъ:

«Народное стихосложение Руссюе, т. е. складъ пѣсень, въ новѣйшия времена начинаетъ перемѣняться. Пѣсни старинныя и тѣ кои сочинены въ позднѣйшее время, разпознать можно по разности стихосложения. Къ стариннымъ принадлежать не только лѣтъ за сто сочиненные, но даже и тѣ простонародныя пѣсни, кои лѣтъ 40 или 50 предъ симъ сложены; ибо онъ всѣ отъ новѣйшихъ простонародныхъ же пѣсень отличаются Русскимъ размѣромъ. Первое, что замѣтить всякой въ стихахъ сего размѣра, есть то, что они изобилуютъ Пир-

рихіемъ. Можно насчитать до десяти и больше видовъ Русскаго размѣра, между коими разность только въ количествѣ и порядкѣ стопъ, строение ихъ даже одинаковое — прірніческое. Въ семъ стихѣ слышны только два, либо три долгія слога; прочіе всѣ, и въ томъ числѣ обыкновенно послѣдніе два, иногда три слога, суть краткіе, такъ что стихъ оканчивается дактилемъ либо трипрахіемъ. Си только стопы на концѣ остаются непремѣнными и образываютъ, такъ сказать, римонческую основу стиха, котораго прочія части т. е. начало и средина не имѣютъ опредѣленнаго стопосложения. Русской языкъ имѣть въ каждомъ словѣ, сколь бы оно ни было многосложно, по одному только ударенію, т. е. одинъ только слогъ покышается удареніемъ, а прочіе всѣ произносятся съ равнымъ понижениемъ. Русское словоудареніе имѣть только два перехода, высокій и низкій. Когда слова занимаютъ свое мѣсто въ періодѣ, или въ стихахъ, тогда перѣдко, по связи мыслей ими изображаемыхъ, сливаясь одинъ съ другими какъ бы въ одинъ составъ, теряютъ онъ усилованіемъ свое удареніе на счетъ влизстоящихъ. Такъ и цѣлое предложеніе или періодъ, когда изображаютъ одну нераздѣльную купу мыслей, приемляются какъ бы за одно большое сложное слово, коего составные части должны по законамъ единства просодическаго, подчиняться одной главнѣйшей; а сие неиначе можетъ произойти, какъ съ отнятіемъ у нихъ удареній. Главное удареніе почти приходится на первыхъ слогахъ рѣчи, и это обыкновенное его мѣсто. По сей-то причинѣ, хотя Русской языкѣ изовѣлаетъ Ямбами и Анапестами, бываютъ однако си мѣры слышны только въ отдельныхъ словахъ, и еще разъ въ короткихъ фразахъ; сокуплѣше же пѣсоколькихъ словъ оканчивается обыкновенно хореемъ, дактилемъ, трипрахіемъ.

«Въ Русскихъ стихахъ считаются не стопы, не слоги, а прозодіческие періоды, т. е. ударенія, по концѣ и должно размѣрять стихи старинныхъ Русскихъ пѣсень. Стихъ Русскій состоять изъ двухъ, либо трехъ прозодіческихъ періодовъ. Мы опредѣлили обхватность прозодіческаго періода до 7-ми или до 8-ми слоговъ; однакоже въ Русскихъ стихахъ никогда онъ такъ великъ не бы-

ваеть; а по самой большой мѣрѣ имѣть до 6-ти слоговъ, обыкновенно же по 4, по 3, нерѣдко и по два только слога, такъ что самой большой стихъ Русский о 3-хъ удареніяхъ имѣть рѣдко болѣе 13 слоговъ и следовательно величинаю будетъ съ шестистопный ямбический. Стихъ же о двухъ удареніяхъ соотвѣтствуетъ четырехстопному.

«Разсматривая всѣ синѣ виды стиха Русского читатель согласится со мною, что ихъ употребляли не безъ разбора во всякомъ родѣ стихотвореній; но, что каждый родъ, по крайней мѣрѣ два главные Лирический и Эпический, имѣть также у Русскихъ свой определенный размѣръ. И я дѣйствительно осмѣлюсь раздѣлить стихи нашихъ старинныхъ пѣсень на лирические—пѣсенныя, и эпические—сказочные. Отличаю же одни отъ другихъ вотъ чѣмъ: главное свойство тѣхъ и другихъ есть равночисленность удареній; но пѣсенныя стихи бываютъ притомъ, по большой части, равносложны и имѣютъ порядокъ удареній неизмѣняющійся; въ сказочныхъ же измѣняются какъ число слоговъ, такъ и порядокъ удареній.

«Пѣсенныя стихи во всякомъ языкѣ бываютъ правильнѣ, или лучше сказать, единомѣрные повѣствовательныхъ, будучи сочинляемы подъ ладъ къ музыкѣ. Такъ и въ Русскомъ. Русские стихи сего года имѣютъ поровну въ себѣ слоговъ, а оныхъ по ровну и въ одинаковомъ порядкѣ ударенія. Мы раздѣляемъ Русские пѣсенныя стихи, въ разсужденіи окончаний, на стихи дактилическаго, хореического а трибахического окончанія.

«Русские стихи имѣютъ свои куплеты, какъ въ пѣсенныхъ стихахъ, такъ и въ сказочныхъ. Куплеты или строфы въ поэзии всѣхъ народовъ образуются колѣнами пѣнія, въ такомъ случаѣ, когда колено заключаетъ въ себѣ болѣе одного стиха. Въ Русскихъ пѣсняхъ куплеты не содержать въ себѣ никогда болѣе 4-хъ стиховъ короткихъ, или 2-хъ длинныхъ, да и то послѣдствиемъ обыкновенно какимъ нибудь общимъ припѣвомъ, каковы напримѣръ: «ой Диць и Ладо, ой Люли, Люли, ой Жи.» Другой образъ составленія куплетовъ Рус-

скихъ есть безъ пріпѣва повтореніе только послѣдней половины одного стиха въ первой половинѣ другаго, съ нѣкоторою пояснительною прибавкою. Напр.

Ахъ, чтожъ ты голубчикъ невеселъ сидишъ,
Не веселъ сидишъ и не радошень?
Ужъ какъ мвѣ голубчику веселому быть,
Веселому быть и радошному.

«Еще другимъ образомъ составляются куплеты въ Русскихъ пѣсняхъ повтореніемъ первыхъ словъ каждого стиха, или и обѣихъ половинахъ онаго по два, по три раза и болѣе, чрезъ что половины синѣ уже особынными, довольно длинными стихами дѣлаются.—

По горамъ, по горамъ,
И я по горамъ ходила.—

«Гармонія стиховъ Русскихъ наиболѣе слышна въ старинныхъ пѣсняхъ, и даже безошибочно можно утверждать, что чѣмъ стариннѣе пѣсня, тѣмъ чище и правильнѣе въ ней соблюдалась сія форма ударительнаго или Русского стихосложенія. Повѣйшия простонародныя пѣсни начинаютъ удаляться отъ онаго, приближаясь за то отчусь болѣе къ стопосложенію. и замѣняя уже складностью риѳмы или созвучныхъ окончаний прежнюю складность, состоявшую токмо въ удареніяхъ; напротивъ того стариннѣе пѣснотворцамъ Русскимъ риѳмы были незнакомы; ибо ежели у нихъ и попадаются иногда созвучные слова, въ концѣ ли, въ срединѣ ли или въ началѣ стиха, то оныя не съ намѣреніемъ присканы, а случайно и непринужденно.

«Стихи о трехъ удареніяхъ дактилическаго окончанія употребляются въ Русскихъ народныхъ сказкахъ или повѣствовательныхъ пѣсняхъ, каковыхъ мы имѣемъ печатное собрание подъ именемъ древнихъ Русскихъ стихотвореній. Изъ 26 писъ, помѣщенныхъ въ ономъ собраниѣ (перваго изданія) всѣ, кромѣ двухъ, сочинены симъ размѣромъ. Также и въ пѣсенникахъ печатныхъ, находящихся между прочимъ повѣствовательными пѣсни или романсы Русские имѣютъ сей же размѣръ. Первое ударение сказочнаго стиха Русскаго можетъ перехо-

дить съ 1 слога на 2, и такъ далѣе: даже на 5 слогъ. Второе или среднее ударение отдѣльно отъ первого по крайней мѣре отнимъ краткимъ слогомъ; но можетъ отдѣлять отъ онаго 4, 5 и даже 6 краткими, смотря по величинѣ стиха. Третье или послѣднее ударение имѣть непремѣнное мѣсто на третьемъ отъ конца слогѣ. Такимъ образомъ съ тремя частями своими Русской стихѣ принимаетъ болѣе ста вариацій.

«Каковъ ни есть Русской сказочной стихѣ, но Русское ухо искони довольствовалось простою его гармоніею, которую любить оно еще и теперь, когда уже познакомились со стопами и рифмами. Сказочный стихѣ, имѣя всегда дактилическое, либо трибрахическое окончаніе, вообще не терпитъ въ себѣ въ концѣ ни лимба, ни хореля, и превращаетъ оные въ пиррихіевъ.»

Мы буквально выписали изложенія А. Х. Востокова единственно для того, чтобы указать, какъ онъ смотрѣлъ на составъ Русскихъ стиховъ. Въ послѣдствіи увидимъ подражателей, принявшихъ за основаніе его понятія.

Князь Цертелевъ, занимавшійся собраниемъ Русскихъ пѣсень, напечаталъ двѣ брошюры:

1 — «О произведеніяхъ древней Русской поэзии.» Спб. 1820.

2 — «Взглядъ на Русскія сказки и пѣсни и повѣсть въ духѣ старинныхъ Русскихъ стихотвореній.» Спб. 1820.

Объ Русскихъ пѣсняхъ Князь Цертелевъ писалъ.

«Всеобщіе пѣсенники, пѣсенники полные, новые и новѣйшіе суть неинное что, какъ безпорядочный своръ всякаго рода стиховъ, весьма часто изуродованныхъ услужливыми книгопродацами, которые перепечатываются одно и тоже съ некоторыми незначащими прибавленіями или выпущеніями; а иногда довольствуются даже перепечатываніемъ одного заглавнаго листка. Лучшее собраніе пѣсень есть изданное въ 6 частяхъ, въ

Москвѣ, 1780 года, подъ названіемъ: новое и полное собраніе пѣсень Российскихъ. Хотя въ собраніи сѣмъ безъ разбора смѣшаны старинныя и новыя, Великогоссійскія и Малороссійскія, печальныя и хороводныя, насмѣшливыя и военные пѣсни; но изъ него можно бы было сдѣлать выборъ, составить довольно занимательную книжку для любителей старины.»

Князю Цертелеву, вѣроятно, не было известно, что это новое собраніе пѣсень, известное на Руси подъ именемъ Новиковскаго, было перепечатано съ изданія Чулкова, обѣ редакціи котогаго мы уже сказали при началѣ.

«Кромѣ небольшаго числа праздничныхъ и хороводныхъ пѣсень дошедшіхъ до насъ, можетъ быть, отъ времій язычества, вообще судя по языку, древность Русскихъ пѣсень, хранящихъ въ себѣ духъ народной поэзіи, едва ли можно положить далѣе царствованія Петра Великаго; многія же относятся къ позднѣйшимъ временамъ и суть подражанія первымъ. Старинныя Русскія пѣсни весьма различны отъ нынѣшнихъ. Сочинители ихъ смотрѣли болѣе на чувства и мысли, нежели на форму. Отъ сего иногда бываетъ въ нихъ одно живое описание какого либо предмета, иногда пѣжная элегія, иногда шуточный романсь, иногда странная баллада.»

Князь Цертелевъ ни чего не говорилъ ни о святочныхъ, ни освадебныхъ пѣсняхъ. Ихъ голосъ, ихъ составъ рѣчи — принадлежать къ древности. Этого нѣть ни въ новыхъ, ни въ среднихъ пѣсняхъ. У насъ есть много пѣсень, которые составлены за сто лѣть до Петра Великаго: на это есть исторические факты.

Было на Руси удивительное времія, когда наши литераторы старались сочинять въ духѣ древнихъ пѣсень. Эту несчастную страсть началъ Н. М. Карамзинъ съ своего Муромца. Князь Цертелевъ написалъ повѣсть: «Василий Новгородскій въ духѣ древнихъ Русскихъ стихотвореній.» Въ повѣсти сей — говорить онъ — старался я удержать не только духъ богатырскихъ Рус-

СКИХЪ СКАЗОКЪ, ПО САМЫЯ ВЫРАЖЕНИЯ, ОБО-
РОТЫ И ГАРМОНИЮ ОНЫХЪ; ВЪ ПОСЛЕДНЕЙ ОД-
НАКО ЖЕ ПРИНАРОВИЛСЯ БОЛЬЕ КЪ ПѢСНИМЪ;
БРАЛЬ ИЗЪ ТВѢХЪ И ДРУГИХЪ МНОГИЕ СТИХИ.
Я ДАЖЕ УПОТРЕБЛЯЛЪ ПРИЛИЧНЫЯ ИМЪ ВОЛЬ-
НОСТИ, ЖЕЛАЯ ПРЕДСТАВИТЬ ЧИТАТЕЛЯМЪ СКОЛЬ
МОЖНО ВѢРНЫЙ ОБРАЗЧИКЪ СТАРИННОЙ Рус-
СКОЙ ПОЭЗИИ. Вотъ начало этой повѣсти.

Какъ изъ славнаго Новагорода
Изъ-за быстрыя рѣки мутныя,
Что бѣжитъ, шумитъ въ Нево-озеро,
Чрезъ широкіе луга зелены,
За собой ведеть брега красные.
Не бѣлой кречить вонъ вышархивалъ,
Выѣзжалъ удача молодецъ,
Сынъ боярина Новгородскаго,
Съ своимъ слугою вѣрнымъ;
А и ѳдетъ онъ во Кіевъ градъ,
Послужить хотеть вѣрой правдою
Свѣту-солнышку Владиміру.

Эта повѣсть составляеть Вавилонское
смѣщеніе, такъ что съ трудомъ можно ра-
зобрать—откуда что взято. Вся повѣсть Ва-
силий Новгородскій составлена болѣе неже-
ли изъ пятидесяти мѣстъ.

Въ 1828 году, въ Москве, г. Дубенскій
издалъ: «Опытъ о Русскомъ народномъ
стихосложеніи.» Въ этомъ сочиненіи изла-
гается одна только форма стихосложения,
какъ у Востокова; но старая народная поэ-
зія разсматривается вмѣстѣ съ современною.
Мы выписываемъ нѣкоторыя только его
понятія о нашей поэзіи.

Понятія г. Дубенскаго о стопосложеніи
и о формахъ стихосложения одинакія съ
Востоковыми; но есть и свои особенности.
Таковы:

«Пеоническіе и амфібрахіческіе стихи
употребительны болѣе въ народныхъ Рус-
скихъ пѣсняхъ... Различіе нашего стихо-
сложенія со стихосложеніемъ древнихъ буд-
детъ состоять въ томъ: они начинали болѣе
свои стихи съ долгихъ гласныхъ, употреб-
ляли чаще спонденическую мѣру, а мы за-
мѣнили послѣднюю своими ямбами или
хореями и трибрахіями, и будемъ начинать
свои стихи съ короткихъ слоговъ, чего тре-
буетъ пиррихіческая плавность Русскаго

языка. Такъ древніе наши болны умѣли
состорить въ немъ количество: окружая дву-
мя, тремя или четырьмя тихими звуками
слогъ долгій, они дали имъ протяженіе
во времени. Народъ, слѣдя такту господ-
ствующей мысли, положимъ многосложной,
пѣль смѣшанная съ ними пемногосложной
стопы подобно первымъ, т. е. протягаль и
сокращаль слоги и не путался. Вотъ поче-
му можно найти въ народныхъ нашихъ
пѣсняхъ спондене, естественно вытекающіе
изъ системы пѣсельного размѣра. Постави
два слога односложныхъ, ямбъ или хорей,
тамъ, где слѣдовало стоять пеону или ана-
пестопиррихію, наши слагатели пѣсень
чрезъ то какъ указывали пѣвцу или чита-
телю, что въ произношеніи должны они
уравнивать количествомъ си двусложная
стопы съ трехсложными и другими много-
сложными стопами, подъ которыхъ стоять.

«Народное Русское стихосложение сочи-
нилось по стопамъ особеннымъ, базову ихъ
сложными: въ распределеніи ихъ слагате-
ли пѣсень не держались ни какихъ теорій;
вдохновеніе и чувство вели ихъ; напрѣ-
вѣрный имъ спутникъ, соразмѣръ слова
по нѣкоторому тайному закону: такъ обра-
зовались все наши стихотворные размѣры.
Въ народномъ Русскомъ стихосложеніи ри-
фма дѣло постороннее; но попадается такъ,
что ей ни чѣмъ не жертвовали; она вытека-
ла изъ созвучія языка сама собою и
оканчивала полустишия стиха или похожія
стопы, не нарушая законовъ стихотвор-
наго размѣра... Народный наши пѣ-
ни, по господствующимъ въ нихъ стопамъ
бывають: 1—анапестическая чистая и смѣ-
шанная, каковы: пеоническая, амфібрахі-
ческая; 2—дактилохоренческая одностопная,
двустопная, трехстопная, четырехстопная,
пятистопная, шестистопная—ямбического,
хоренческаго, дактилическаго и трибрахи-
ческаго окончаний.»

Въ 1834 г. А. Г. Глаголевъ издалъ:
«Умозрительный и опытный основанія сло-
весности.» Въ трактатѣ — о средствахъ и
способѣ отыскать средній языкъ Славян-
скаго—говорить:

«Подъ именемъ лирической поэзии разу-

мвются однѣ народныи пѣсни, простое изливіе чувствъ, внушеныхъ природою.

«Русскую народную поэзию можно раздѣлить на лирическую и повѣствовательную.

Мѣра стиховъ нашей народной поэзии тоническая, состоящая изъ повышения и пониженія голоса и опредѣляемая удареніями.

«Къ лирической поэзии относятся такъ называемыи голосовыи и хороводныи пѣсни.

«Голосовыи пѣсни можно раздѣлить на лиро-эпическія и собственно лирическія.

«Лирическія пѣсни похожи иногда на романсы, иногда на элегію. Къ повѣствовательной поэзии относятся: богатырскія повѣсти.

«Хороводныи пѣсни достопримѣчательны по красотамъ поэзии и по своему содержанию, имѣющему характеръ древности. Хотя собственное предназначение хороводовъ въ продолженіи времени потеряно; однако же въ ихъ играхъ можно еще прими-тить следы праздниковъ Славянскихъ, и даже Латинскихъ и Греческихъ. Къ хороводнымъ пѣснямъ относятся также святочные и свадебныи; первыи соединены съ гаданіями о будущемъ, а послѣднія отли-чаются трогательными чувствами и истин-ными красотами поэзии.»

Таковы мнѣнія почтеннаго сочинителя книги, назначаемой для практическаго изученія юношества. Мы не входимъ въ разборъ ихъ; онъ сами говорить о себѣ. Въ понятіяхъ о стихосложеніи Русской мы встрѣтили одинаковыи съ Востоковыми и Дубенскими. Мы не понимаемъ значенія словъ: «голосовыи пѣсни», потому что они не выражаются ни одной мысли. Всякая пѣсня можетъ быть голосовою, если толь-ко ее поютъ. Несправедливо также поня-тие о раздѣлении хороводныхъ пѣсень. До-сѣль нѣть ни какихъ доказательствъ на чужеземное происхожденіе нашихъ хорово-довъ; а къ хороводнымъ никогда не при-

надлежали ни святочныи, ни свадебныи. Что онъ совершаются въ одно и тоже вре-мя, то это еще не означаетъ принадлежно-сти. На святахъ бывають у православныхъ людей свадебные пиры и поють пѣсни вмѣстъ съ свадебными хороводныи и святоч-ныи. Для отличія пѣсень—многаго не нуж-но; довольно только знать: мысль пѣсни, голосъ, составъ и употребленіе. Съ этими условіями назначеніе очевидно. Русскіе лю-ди знаютъ сами каждую пѣсню когда упо-требить. Выдумывать нечего: все готово; только нужно вѣрное наблюденіе. Основа-ніе такимъ положеніямъ г. Глаголевъ нача-ль еще въ 1818 году, въ своихъ отвѣль-ныхъ описаніяхъ: «о характерахъ Русскихъ народныхъ пѣсень и о характерѣ Русскихъ застольныхъ и хороводныхъ пѣсень», по-мѣщенныхъ въ трудахъ общества Любите-лія Россійской Словесности Т. XI. стр. 53 и XIX. стр. 62.

Въ 1837 году г. Иванчинъ Писаревъ на-печаталъ въ Москвѣ: «взглядъ на старин-ную Русскую поэзию.» Сочинитель, отда-вая полную справедливость нашей поэзии, охуждалъ уваженіе и даже предпочтение къ чужеземнымъ, особенно Французской, говор-ить только о мысляхъ, о направленіи на-шихъ пѣсень. Въ этомъ отношеніи его со-чиненіе совершенно противоположно Восто-кову и Дубенскому. Г. Иванчинъ-Писаревъ вездѣ разсматриваетъ пѣсни съ эстетиче-ской стороны. Замѣтимъ одно, что онъ не придерживался ни чьей теоріи, за то не видно и его собственной. Прочитавши всю его брошюру, нельзя дать точнаго отчета, потому что вся состоить изъ однихъ замѣ-токъ. Вотъ его мнѣнія.

Въ Русскихъ пѣсняхъ, любовникъ, раз-лучаемый съ милою, долго смотрѣть на нее, и твердить самъ себѣ: «наглядитесь мои очи про запасъ!»—и пусть улыбнутся въ нашихъ будуарахъ простотѣ этихъ словъ; ибо тамъ, выступивъ изъ простоты сердеч-наго быта, не возвращались еще къ ней по-естетическому анализу.

«Гдѣ видны богатырство, удальство и силу болѣе соединенными съ величудуш-ими рыцарства, съ пѣжнымъ шиншилемъ къ

полу, спльными лишь своими прелестями?— въ древней Русской поэзии. Гдѣ отзываются тѣ звуки сердца, которые склоняютъ дѣву презрить и храбрость Добрынь, и силу Рождаевъ и славу Гаральдовъ смѣлыхъ, прислушивался къ жалобамъ горемычнаго спиротинушки?— въ древней Русской поэзии. Гдѣ все дышеть какою-то атмосфераю не-порочности, и свиты первыя мечты сердца? Гдѣ любовь и покорность къ родителямъ, скромность и въ чувствѣ самомъ страстномъ?— не въ отзывахъ ли, которыми оглашались наши терема! Всъ это жило и въ пѣсняхъ дѣвическихъ бесѣдъ и въ самыx играхъ.»

Вторая половина брошюры заключаетъ: «мысли и замѣчанія, относящіяся къ этому сочиненію.» Г. Иванчинъ-Писаревъ обращаетъ всю строгость свою на почитателей Французской литературы и предполагаетъ открывать ошибки.

«Уподобляя все горькое калинѣ, все слад-

кое малинѣ, пѣли: «Ой Дида, калина, моя! Ой Ладо, малина моя!» Этотъ припѣвъ съ младенчества привыкъ я слышать у себѣ въ деревняхъ трехъ разныхъ губерній, въ уездахъ Серпуховскомъ, Каширскомъ и Мещовскомъ. Вотъ что рѣшило меня въ книгѣ: Отечественная Галлерея, Т. II, стр. 234, не согласиться съ историографомъ и другими, будто Дида значило великий, а также и съ тѣми которые дамали, что Дида Ладо значило старый мужъ. Противъ послѣднаго заключенія предложу въ примѣръ два периода: первый—«мы просо сѣли, о боги любви!» Здесь мы находимъ, какъ и у всѣхъ древнихъ, разрывъ стиха или фразы воззваниемъ къ богамъ. Другой: «Мы просо сѣли, о старый мужъ! сѣли. Думаю, что послѣдній переводъ заставилъ лишь улыбнуться.»

Вотъ сужденія писателей о нашей народной поэзии. Мы не входимъ въ разборъ другихъ мнѣній, какъ всѣмъ извѣстныхъ.

ПѢСНЬ

О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.

Пѣснь о полку Игоревомъ открыта въ старинномъ сборникѣ графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусиномъ-Пушкинѣмъ въ 1795 году. Кромѣ сего списка, сгорѣвшаго въ 1812 году, мы не знаемъ другаго. Объ этомъ странномъ открытии Мусинъ-Пушкинъ писалъ въ 1813 году, въ письмѣ въ К. О. Калайдовичу, что рукопись: «писана на лощеной бумагѣ, въ концахъ лѣтописи, довольно чистымъ письмомъ. Но почеркъ письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣка. До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ Архіерейскій домъ, упгавляя онымъ архимандритъ Юнъ, мужъ съ просвѣщеніемъ и любителемъ словесности; по уничтоженіи штата, остался онъ въ томъ монастырѣ на обѣщаніи до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случаю комиссіонеръ

мой купилъ у него всѣ Русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной, подъ № 323, подъ названіемъ Хронографъ, въ конца найдено Слово о полку Игоревѣ. Во время службы моей въ С. Петербургѣ нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и преложеніемъ онуя пѣсни на пынѣшній языкъ, которая въ подлиннику хотя довольно яснымъ характеромъ была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилося неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія. Прежде всего должно было ее раздѣлить на периоды и потомъ добираться до смысла: что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано; но я, не бывъ преложеніемъ монѣмъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь паче всего, чтобы не сдѣлать

ошибки. По перезѣдѣ же иоемъ въ Москву, увидѣлъ я у Ф. Малиновскаго, къ удивленію моему, переводъ мой очень въ неисправной перепискѣ, и по убѣдительному совету его и друга моего, Н. Н. Е. Каменскаго, рѣшился, обще съ ними, свѣрить преложеніе съ подлинникомъ, и исправя съ общаго совѣта, что слѣдовало, отдалъ въ печать въ *«Труды общ. Ист. и Др. ч. 2 стр. 35.»*

Въ 1797 году кто-то возвѣстилъ обѣ этой находкѣ въ *«SPECTATEUR DU NORD»* [Окт. стр. 35]: «два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы подъ названіемъ: пѣснь Игоревыхъ войновъ, которую можно сравнять съ лучшими Оссіановскими поэмами, и которая написана въ XII столѣтіи пеизвѣстнымъ сочинителемъ.

Шлецеръ до изданія пѣсни Игоревой со- мнѣвался въ ея подлинности, но когда прочиталъ ее въ изданіи Мусина-Пушкина, признавался: «что это твореніе въ пітической прозѣ есть древнее и даже подлинное; теперь и болѣе не сомнѣваюсь» [Чест. Шлец. т. I. стр. 384.].

Въ 1800 году графъ Мусинъ-Пушкинъ издалъ въ Москву это Слово подъ слѣдующимъ заглавиемъ: «Ироическая пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльного князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ Русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ преложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.» Издатель приложилъ къ ней: поколѣнную роспись Россійскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ; историческое содержаніе пѣсни; примѣчанія. Это изданіе текста было образцемъ для всѣхъ восьми изданій.

1-е изданіе было напечатано въ Москвѣ, въ 1800 г. въ Сенатской тип. въ 4, въ двѣ колоны; текстъ былъ отпечатанъ курсивомъ, а переводъ прямымъ шрифтомъ; примѣчанія помѣщены въ концѣ страницъ.

2-е изданіе напечаталъ А. С. Шишковъ въ I. ч. сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею въ 1805 году,

въ Спб. Издатель присоединилъ особенно свой переводъ и примѣчанія.

3-е изданіе напечаталъ Я. Пожарскій въ Спб., въ 1819 г. въ 4. въ тип. департамента народнаго просвѣщенія, въ двѣ колоны, какъ первое изданіе. Въ концѣ книги было присоединено: Примѣчанія на преложеніе слова о полку Игоря Святославича, изданное Графомъ Мусинъ-Пушкинъ и примѣчанія Александромъ Шишковымъ.

4-е изданіе напечаталъ Н. Грамматинъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ переводомъ, въ прозѣ и стихахъ, въ 1823 году.

5-е изданіе было напечатано А. С. Шишковымъ въ его полномъ собрании сочинений, ч. XII, Спб. 1826 г., въ томъ самомъ видѣ, какъ мы означили выше.

6-е изданіе было напечатано И. А. Полевымъ въ VI дополненіи къ третьему тому Истории Русскаго народа, въ 1830 году.

7-е изданіе напечаталъ А. Ф. Вельтманъ въ 1833 г., въ Москвѣ, вмѣстѣ съ прозаическими переводомъ, съ краткими въ концѣ примѣчаніями, въ 8.

8-е изданіе напечаталъ въ Кіевѣ, въ 1837 г., М. Максимовичъ, вмѣстѣ съ переводомъ на нынѣшній Русскій языкъ, въ 12.

Изданія текста Слова о полку Игоревомъ были напечатаны различно. Съ изданія Мусина-Пушкина перепечатали точь въ точь: А. С. Шишковъ, Я. Пожарскій, Н. Грамматинъ, И. А. Полевоі. Востоковъ советовалъ раздѣлить Слово на стихи, подобные библейскимъ, и этотъ советъ мы встрѣчаемъ въ изданіи Максимовича, у котораго числами означены периоды. А. Ф. Вельтманъ раздѣлилъ Слово на периоды, совершенно въ другомъ видѣ, въ сравненіи съ раздѣленіемъ Максимовича.

Слово о полку Игоревомъ
Переводы.
Сочиненія

Русские писатели, издавая текстъ Слова о полку Игоревомъ, объясняли его различ-

ными примѣчаніями, переводили, или, какъ говорили нѣкоторые, перелагали на современный языкъ. Переводы эти были изданы въ прозѣ и стихахъ.

Прозаические переводы были изданы слѣдующими писателями.

1. Мусинъ-Пушкинъ, вмѣстѣ съ А. Ф. Малиновскимъ и Н. И. Бантышъ-Каменскимъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1800 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

2. А. С. Шишковъ издалъ свой переводъ, въ сочиненіяхъ издаваемыхъ Россійскою Академіею, въ 1805 г., а потомъ вторично перепечаталъ въ 1826 г., въ полномъ собраниіи своихъ сочиненій, ч. VII.

3. Я. Пожарский издалъ свой періодъ въ С. Петербургѣ, въ 1819 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

4. Н. Грамматинъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1823 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

5. А. Ф. Вельтманъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1833 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

6. М. Максимовичъ издалъ свой переводъ въ Кіевѣ, въ 1887 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

Переводы въ стихахъ были изданы слѣдующими писателями:

1. Свѣржковъ издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1803 году.

2. Палицынъ издалъ свой переводъ въ Харьковѣ, въ 1808 году.

3. Язвицкій издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1812 году.

4. Левитскій издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1813 году.

5. Грамматинъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1823 году, вмѣстѣ съ текстомъ и прозаическимъ переводомъ.

Какъ переводили наши писатели Пѣснь о полку Игоревомъ, мы приводимъ для сличенія ихъ переводы.

Переводъ Мусина Пушкина:

Приятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! начать же сию пѣснь по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ Бояновымъ. Ибо когда мудрый Боянъ хотѣлъ прославить кого, то носилъ мысли по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ А. С. Шишкова:

Возвѣстимъ, братие, о походѣ Игоря, князя Игоря Святославича, тѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена многотрудныя повѣствовалися подвиги. Начнемъ пѣснь сию по бытіямъ сего времени, а не по замысламъ Бояновымъ. Когда Боянъ велерѣчій кого воспѣть хотѣлъ, растекался мыслию по деревамъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Пожарскаго:

Не лучше ли намъ, братцы, начать старымъ слогомъ трудную повѣсть о полку Игоря Святославича! Начать же сию по бытіямъ сего времени, а не по замыслу Боянову. Ибо вѣщий Боянъ, когда хотѣлъ кому пѣснь творить, то носилъ мыслию по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Вельтмана:

Не славно ли, други, воспѣть древнимъ ладомъ высокихъ сказаний о подвигахъ Игоря—Игорь-Святославича?

Былое воспѣть, а не вымысль, Боянъ, котораго мысли текли въ вышину, такъ какъ соки, по дереву:

Какъ сѣрые волки неслись по пространству, и сизымъ орломъ въ поднебесье парили.

Не славно ли было-бы намъ, братя, начать старыми словами спорныхъ повѣстей

пѣснѣ ополченію Игоря, Игоря Святославича!

А начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, хоть не по Боянному замыслѣнію.

Боянъ вѣщий, если кому хотѣлъ пѣснѣ творить, то растекался мыслию по дереву, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ по поднебесью.

Переводъ Левитскаго:

Памъ пріятно, братцы, пѣснѣ воспѣть
Древнімъ слогомъ—слогомъ жалобнымъ
О походѣ славна Игоря,
Не веселую—печальну!
Мы паче же ее, какъ слышали,
Не по замысламъ Бояновымъ.
Памъ извѣстно, что Боянъ пѣвецъ
Прославлять когда хотѣлъ кого,
То воспилъ всюду мыслию:
По деревьямъ легкой птицею,
Чрезъ холмы будто сѣрой волкъ,
Какъ орелъ сизый подъ облаки.

Переводъ Грамматина:

Не воспѣти ли, любезны, и мы братie,
Мѣрой древней заувытной не воспѣти ли
О походѣ на Полоцковъ Князя Игоря,
О. походѣ неудачномъ Святославича?
Новѣсть, жалости достойная и вѣчныхъ слезъ.
А почнемъ мы по былинамъ сего времени,
Не по замыслу Бояна пѣснѣ почнемъ свою.
Пѣснѣ когда хотѣлъ творити сладку пѣснь Боянъ
Онъ по дереву растекался сѣрой мыслию,
Онъ голодными, сѣрыми волкомъ рыскалъ по земли,
Зоркими, сизыми онъ орломъ парилъ подъ облаки.

Есть еще новый переводъ пѣсни М. Делла Рю: *пѣснѣ обѣ ополченіи Игоря, сына Святославова, внuka Олегова*, изданный въ Одессѣ, въ 1839 г. Новый переводъ сдѣланъ гекзаметрами.

Слово о полку Игоревомъ обратило на себя вниманіе чужеземцевъ. Его перевели: на Нѣмецкій — Юнгманъ, въ 1810 г., и Мюллеръ; на Францкій — Куприанъ Годебскій; на Богемскій — Вацлавъ Ганка, который одно предисловіе написалъ на четырехъ языкахъ: Богемскомъ, Сербскомъ, Польскомъ и Русскомъ; есть еще переводъ Французскій. Изъ всѣхъ этихъ переводовъ заслуживаетъ вниманіе только одинъ — Вацлава Ганки.

ПІСЛІДОВАНІЯ КРИТИКОВЪ.

Съ первыхъ дней изданія возникли споры въ защиту и уничтоженіе Пѣсни о полку Игоревомъ. Объясняли, переводили, спорили, а Пѣснь доселе остается неразгаданною. Мы не можемъ назвать этихъ споровъ даже полемикою; они такъ мѣлочны и ничтожны, что въ нихъ нетъ ни одного вѣрнаго доказательства, ни одного умнаго взгляда на это древнее произведение народной Русской поэзіи. Обращаемъ вниманіе на главный причины, произведши всѣ недоразумѣнія.

Съ первого извѣстія обѣ открытии Слова возвѣщено было, что это что-то такое, что походить на Оссіановское. Приномни-те, что это было объявлено въ 1797 году, когда Слово не было издано, когда кромѣ Мусина-Пушкина, никто его еще не видѣлъ. Это было первое сомнѣніе, гдѣ мнѣмое сходство повлекло за собою толки, недостойные критики. Съ начала говорили, что это есть новѣйшая выдумка — и это мнѣніе, умокнувшее съ 1802 года, признаніемъ Шлецера, возобновилось опять, когда изыскатели вздумали не вѣрить нашей исторіи.

Второе сомнѣніе родилось изъ самого Слова: критики не знали — что это за языки, или, что это за нарѣчіе, на которомъ писано Слово? Здесь мы должны искать источники всѣхъ филологическихъ ошибокъ, превратныхъ понятій. Въ слѣдствіе этого, мы должны были встѣрѣтъ въ каждомъ мнѣніи несообразности всякаго рода. Могутъ ли быть вѣрными всѣ изысканія, когда критикъ не понимаетъ главной мысли, той основной идеи, о чёмъ онъ говоритъ? Можно ли было ожидать чего либо дѣйстваго-аго, когда есть изысканія начинавшись и оканчивавшись невѣдѣніемъ.

Третье сомнѣніе составилось по необходи-димости изъ тогдашней Палеографіи. Изда-тель Пѣсни, Мусинъ-Пушкинъ, не извѣ-стилъ при выходѣ его: на чёмъ писана? Когда? Какіе признаки древности? Какія были приняты правила для изданія ея?

Сохраниены ли черты рукописного правописания при печатании? Припомните, что Слово было открыто въ 1795 году, напечатано въ 1800 г., рукопись сгорѣла въ 1812, а письмо Мусина-Пушкина къ К. Ф. Калайдовичу о палеографическихъ признакахъ рукописи, писанное въ 1813 году, напечатано было въ 1824 г. въ 2 ч. въ трудахъ общества Истории и Древностей Российскихъ. Эта неизвестность была причиной, что многие сомневались въ подлинности.

Замѣтимъ однако, что рукопись до сгорѣния не была тайною: ее видѣли: И. И. Б. Каменскій, А. Ф. Малиновскій, К. Ф. Калайдовичъ, А. И. Ермолаевъ, И. М. Карамзинъ, Р. Ф. Тимковскій и Болтинъ. Ботъ сколько было свидѣтелей! Но, чѣмъ они намъ сказали? Ермолаевъ говорилъ, что рукопись писана полууставомъ XV вѣка; Калайдовичъ почеркъ ея признавалъ Бѣлорусскій, не восходящій далѣе XVI вѣка. Почеркъ Бѣлорусскій и полууставъ — представляютъ совершенно разныя понятія о рукописи. Мусинъ-Пушкинъ писалъ: «подлинникъ писанъ довольно яснымъ характеромъ; разобрать его весьма трудно; итъ ли правописанія, ли раздѣленія словъ, ли строчныхъ знаковъ; по почерку письма и бумагѣ должно отнести переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣка.» Это третье свидѣтельство противорѣчить двумъ первымъ. Въ слѣдствіе этихъ недоразумѣній открылись новые сомнѣнія между отвергающими древность Русской Исторіи.

Четвертое сомнѣніе проистекло отъ неизвѣданія Русскаго языка нашихъ предковъ. У всѣхъ тогда предъ глазами былъ одинъ Славяно-церковный языкъ, и по немъ измѣряли всѣ памятники. Правда, что старая Русская литература доселъ еще не приведена въ извѣстность, несмотря на тысячи фолиантовъ рукописей; но несмотря на это, разныя памятники указывали ясно, что они такое. Видѣли отличие разсказа въ лѣтописяхъ, сказанияхъ, но не хотѣли оттѣнить всѣ эти разности: все сосредоточивалось въ одну мысль, въ общій Славяно-церковный языкъ. Народный языкъ, котораго слѣды остались въ лѣтописяхъ, дипломатическихъ актахъ и пѣсняхъ, какъ будто для тогдашнихъ критиковъ не существовалъ. Въ Пѣснѣ о полку Игоревомъ они не нахо-

дили Славяно-церковнаго языка, не понимали, что это за языкъ, забывая рѣшительно народный общий разговоръ. Наши доморощенные скептики умѣли воспользоваться только этимъ сомнѣніемъ; но не знали также отличія языка народнаго и книжнаго; а иначе они должны были высказать намъ все, что есть рѣзкаго, замѣчательнаго въ подложности. Сдѣлать этого не могли: міръ не создалъ для нихъ сомнѣній ложныхъ доказательствъ.

Пятое сомнѣніе, весьма важное для тогдашнихъ критиковъ, явилось изъ сивичевыхъ понятій о нашей народности. Извѣшленное указаніе плензѣстнаго въ 1797 году па сходство Пѣсни съ пѣснями Оссіана — доставило критикомъ обширное поле дѣятельности. Пошли писать о сравненіи, находили чужеземныя красоты, и сочинителя Слова поставили выше всѣхъ въ спѣѣ. Для знакомыхъ съ Оссіаномъ нѣчего говорить о сходствѣ; они знаютъ, что пѣсни Оссіана столько же походить на наше Слово, сколько арабъ на вѣлаго Европейца. Впрочемъ скептики не могли воспользоваться этимъ сомнѣніемъ. Они, чуждые всѣхъ сравненій, искали другихъ средствъ учить Слово, и пораженіе пхъ отражалось на другихъ сомнѣніяхъ. Защитники доказывали причину подлинности въ красотахъ нашей поэзіи; но какія тогда существовали понятія обѣ этомъ? Мы знаемъ, какъ смотрѣло тогда наше старое поколѣніе, воспитанное по чужеземнѣмъ курсамъ, на народную поэзію — какъ указывали Братте, Лагарпъ и другие. Слово о полку Игоревомъ не подходило ни подъ одинъ изъ этихъ курсовъ. Простая, безъ вычурныхъ украшеній, высказанная народнымъ гениемъ, наша поэзія создавалась столѣтіемъ, росла вмѣстѣ съ народомъ и увѣковѣчилась Русской самобытностью. Гдѣ еще курсъ нашей народной литературы? Обѣ этомъ не подумало еще ни старое, ни новое поколѣніе. Можетъ быть, одно только потомство будетъ въ состояніи оттѣнить всѣ черты нашей народности, для насъ недоступныя; оно одно укажетъ, что мы могли сдѣлать для своего времени, п чѣго не могли.

Приступаемъ теперь къ обозрѣнію всѣхъ критическихъ изслѣдований Пѣсни о полку Игоревомъ. Здѣсь мы увидимъ все, что су-

пъти сдѣлать Русские писатели въ продолженіе сорока лѣтъ для оцѣнки одного изъ удивительныхъ памятниковъ нашей старой поэзіи.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ къ своему изданію присовокупилъ вмѣсто предисловія — историческое содержаніе пѣсни, гдѣ мы прочитали на стр. 6: «Любители Россійской словесности согласятся, что въ семъ оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненіи вѣдѣть духъ Оссіановъ; следовательно и наши древніе герои имѣли своихъ Бардовъ, воспѣвавшихъ имъ хвалу.» Въ этихъ словахъ изыскатели высказали вѣсъ понятія, принадлежавшія имъ вѣку. Примѣчанія издателей состояли изъ историческихъ замѣтокъ. По преданию известно, что составленіемъ этихъ примѣчаній занимался известный тогдашній критикъ Болтиппъ. Въ числѣ ихъ находятся и филологическія изслѣдованія. На примѣръ: «*Буй* значитъ дикий, а *турб* волъ. И такъ Буйтуромъ, или буйволомъ называется здѣсь Всеволодъ, въ смыслѣ метафорическомъ, въ разсужденіи силы и храбрости его. Вѣроятно, что изъ сихъ словъ составилось потомъ название: Богатырь, ибо другаго произведенія оному слово до сихъ поръ не найдено. — *Сребрено стружіе* — воинскіе почестные доспѣхи. — *Крѣстити* — ясное здѣсь значеніе глагола крецу доказывается, что слово: воскресеніе точно отъ тою происходить. — *Смага* — Малороссійское название жажды. — *Болонье* значить порожнее пространство между валовъ, окрестность города составляющихъ, которое служило для выгопа скота, для огородовъ. — *Чага* — упомянутое тоже, что и Кончакъ князь Поло-вѣцкій. Шеришеры — неизвестный нынѣ воинскій снарядъ. *Гоголь* — красная утка съ хохломъ, питающаяся раковинами, за которыми она отмѣнно предъ прочими пырятъ. *Стрикусъ* — стѣновитное орудіе, родъ тарана, при осадѣ городскихъ воротъ употребляемаго. *Изъ луку морл* — объяснено только лука кривизна, излучина. Мы выписывали всѣ филологическія примѣчанія, чтобы показать образъ возврѣтия изыскателей. Всего только они нашли замѣчательнаго 9 словъ; но только ли тамъ есть?

Недостатки этого изданія заключаются въ слѣдующемъ: нѣть палеографическихъ

извѣстій; нѣть снимка съ рукописи; не показано, точно ли то соблюдено правописаніе въ печатаніи, какое находилось въ рукописи; не означено: къ какому времени должно отнести произведеніе самого Слова; не раскрыты причины достовѣрности Слова въ отношеніи языка; невѣрность перевода съ самого текста. Достоинство этого изданія заключается единственно въ изданіи текста Слова о полку Игоревомъ. Жаль очень, что издатели не успѣли напечатать другихъ пѣсъ, помѣщенныхъ въ этомъ же сборникѣ, какъ-то: «Дѣяніе прежніхъ временъ храбрыхъ человѣкъ о брѣзости, и о силѣ, и о храбрости. — Аще думно есть слышати о свадѣбѣ Девгевѣвѣ, и о вѣсѣхъ ющеми Стратиговиѣ.» Въ напечатаніи этихъ пѣсъ мы бы узнали образъ правописанія, и, можетъ быть, даже открылись бы варианты словъ. Такъ Н. М. Карамзинъ въ своей исторіи указываетъ намъ на синекоѣ свадѣбы Девгевѣвой (см. И. Г. Р. т. 2, пр. 333, ит. 3, пр. 282].

Самое переложеніе или переводъ имѣть ощущительные недостатки. Такъ: «наведи своя храбрыя плѣкы на землю Поло-вѣцкую, на землю Русскую. — вступи съ храбрымъ своимъ воинствомъ въ землю Поло-вѣцкую для отмщенія за землю Русскую.» Здѣсь издатели привели отъ себя слова: для отмщенія. Или: «Спала князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. — Пришло князю на мысль пренебречь худое предѣщаніе и извѣдать счастья на Дону Великомъ.» Это не переводъ, но собственное умствованіе. Или: «свистъ звѣринъ въ стасби. — Ревутъ звѣри стадами.» Слово: стасба не значить стадо, а пастбище, лугъ, гдѣ пасется скотъ.

А. С. Шишковъ въ 1805 г. напечаталъ вторично изданіе Мусина-Пушкина, съ прибавлениемъ примѣчаній и своего и нового перевода. Въ примѣчаніяхъ А. С. Шишковъ показывалъ недостатки перевода Мусина-Пушкина, указывалъ на красоты изложенія самого Слова. Переводъ сдѣланъ быть имъ съ новымъ взглядомъ на текстъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: «Изъ выше-предложенныхъ па сю пѣснѣ примѣчаній можно видѣли мы, что иѣкоторыя въ ней

МВСТА, или по древности слога или по неизвестности упоминаемыхъ приключений, или по ошибкамъ отъ переписокъ вкравшимся, во вся невразумительны; другая же такъ кратки, что для связи своей съ последующими, требуютъ распространеній, вводныхъ рѣчей, присовокупленій. Точное преложеніе сей пѣсни съ древнаго Славянскаго на употребительное нынѣ нарѣчіе, при своей вѣрности, всегда будетъ столь же темно, какъ и самыи подлинникъ. Сего ради разсудилось мнѣ преложить, или наче передѣлать ону такимъ образомъ, чтобы оставляя всѣ красоты подлинника безъ всякой, поколику можно, перемѣны словъ, невразумительный мѣста сократить или пропустить; прочия же, требующія распространеній, дополнить своими приличными и на вѣроятныхъ догадкахъ основанными умствованіями. Симъ средствомъ пѣсни ся отъ начала до конца сдѣлается ясною, и я надѣюсь, что сколь бы ни были собственные мои распространенія и присовокупленія слабы, но сплетенные съ сильными выраженіями и красотами подлинника, нѣчто приятное онъ составить для чтенія. Эти слова такъ ясны, что ихъ не для чего объяснять. Переводъ А. С. Шишкова есть просто—вольный переводъ—какъ тогда называли на Руси. Съ полнымъ уваженіемъ къ трудамъ нашего здѣмнитаго ветерана—писателя мы упоминали о его переводахъ и не почитаемъ за ошибочное мнѣніе принятый имъ способъ для перевода. Онъ въ свое время былъ прекрасенъ и необходимъ.

Г. Пожарскій напечаталъ въ 1819 году свой переводъ вмѣстѣ съ примѣчаніями на переводы графа Мусина-Пушкина и А. С. Шишкова. Направленіе Пожарскаго въ изложеніи Слова было совершенно другое; онъ разгадывалъ темный мѣста Слова по выраженіямъ Польскихъ писателей. Малѣйшее созвучие въ словѣ Польскомъ онъ принималъ за объясненіе. А. С. Шишковъ, недовольный его замѣчаніями, напечаталъ свои примѣчанія въ Русскомъ Инвалидѣ № № 157, 158, 159, 160, 161—въ 1819 г., гдѣ доказывалъ неосновательность возраженій Пожарскаго. Любопытные могутъ прочитать возраженія А. С. Шишкова въ подномъ собрании его сочиненій, т. XI, стр. 382.

Какую пользу принесъ новый переводъ г. Пожарскаго. Объяснилось ли Слово о полку Игоревомъ указаниями на Польскія слова? Нимало! Слово осталось по прежнему, также неразгаданнымъ при всѣхъ новыхъ воззрѣніяхъ. Изъ всѣхъ изысканій г. Пожарскаго оказалось одно только достовѣрны: «скяуть князя Игоря — жалѣютъ князя Игоря.» У Мусина-Пушкина были переведены эти слова такъ: «осуждаютъ князя Игоря;» у А. С. Шишкова: «но вопреки тому хулять, осуждаютъ князя Игоря.» А. С. Шишковъ призналъ переводъ этихъ словъ г. Пожарскаго справедливымъ. Вотъ несообразности, замѣтныя въ переводѣ г. Пожарскаго. Въ подлинника: «истягну умъ крѣпостию своею»—въ переводе: «препоясалъ умъ крѣпостию.» Вѣрно ли понять смыслъ словъ? Пожарскій вѣрность доказываетъ словами священнаго писанія: «и рука Господня вѣсть на Илии, и стягне чресла свои.» Обратите вниманіе на слова: умъ и чресла—одно ли и тоже они значать? У насъ препоясываютъ мечъ къ чресламъ, опоясываютъ чресла кунакомъ, поясомъ; но кто опоясываетъ умъ? кажется, этого не бываетъ на самомъ дѣлѣ. Или: хощу бо, рече, коне приложити конецъ поля Полоцкаго съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону»—переведено: «Хочу, возниль онъ, копье приложить концемъ поля Полоцкаго съ вами, Россіяне, хочу главу свою приложить или напиться шлемомъ Дону.» Здѣсь переводъ вышелъ темнѣе подлинника. Или: «вѣсть звѣрина въ стази»—певеведено: «звѣри воють по дѣгамъ.» Здѣсь слово стаза — пастьбище — отратилось въ дорогу.

Г. Грамматинъ напечаталъ въ Москвѣ, въ 1823 году, свой переводъ въ прозѣ и стихахъ. Его воззрѣніе на Слово видимо тогда отличалось отъ всѣхъ другихъ своею новостію. Онъ совѣтовалъ привести въ единство правописаніе подлинника; думалъ, что для перевода самого Слова необходимо нужно употреблять сказочный размѣръ. То и другое мнѣніе онъ старался осуществить самимъ дѣломъ. Никто тогда изъ современныхъ критиковъ не обратилъ вниманія на это воззрѣніе; никто не сказалъ тогда о достовѣрности этой идеи. Журнальный рецензій, почти тогда несуществовавшія,

ПРОВОЗГЛАШАЛИ ТОЛЬКО О НЕПРАВИЛЬНОМ РАЗМЕЩЕНИИ ТОЧЕК И ЗАПЯТЫХ, И СЪ УЖАСОМЪ СМОТРЪЛИ НА ВСЯКОЕ НОВОВВЕДЕНИЕ. ЗА ИДЕАЛЬ СКАЗОЧНАГО РАЗМЕРЪ Г. ГРАММАТИНЪ ПРИНЯЛ СТИХОТВОРЕНИЕ КАРАМЗИНА — ИЛЬЯ МУРОМЕЦЬ — И ВЪ ЭТОМЪ СОСТОЯЛА ВСЯ ЕГО ОШИБКА. ЖАЛЬ, ЧТО ОНЪ НЕ ОБРАТИЛСЯ КЪ НАРОДНЫМЪ СКАЗКАМЪ; ОНЪ БЫ УЗНАЛЪ ТОГДА, ЧТО НАША НАРОДНОСТЬ ИМѢТЬ СОВЕРШЕННО ДРУГИЯ СТИХИЯ. ПРИ ВСѢХЪ ЭТИХЪ НЕДОСТАТКАХЪ, УСИЛЯ Г. ГРАММАТИНА ЗАСЛУЖИВАЮТЪ ВНИМАНИЕ АРХЕОЛОГОВЪ; ОНЪ ПЕРВЫЙ ВЫСКАЗАЛЪ, ЧТО ПРАВОПИСАНИЕ ДОЛЖНО ПРИВЕСТЬ ВЪ ЕДИНСТВО, И ЕГО СОБСТВЫ БЫЛИ ИСПОЛНЕНЫ Г. МАКСИМОВИЧЕМЪ; ОНЪ ПЕРВЫЙ ВЪ СВОИХЪ ПРИМѢЧАНИЯХЪ ПОКАЗАЛЪ, ЧТО НАДОБНО КАЖДОЕ СЛОВО ПРЕСЛѢДОВАТЬ КРИТИЧЕСКИ, ХОДА ВСЕГО САМЪ НЕ МОГЪ ВЫПОЛНИТЬ. КРОМЪ ПОЛНОГО ИЗДАНІЯ ПЕРЕВОДОВЪ ГРАММАТИНА, ОНЪ НАПЕЧАТАЛЪ СВОЕ КРИТИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ ВЪ ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ 1822 ГОДА, № 18, СТР. 113. ВЪ ЭТОМЪ РАЗСУЖДЕНИИ ОНЪ ПИСАЛЪ: «ПѢВЕЦЪ ИГОРЯ ПЪВЪ НА ЯЗЫКЪ ПОЛУОБРАЗОВАННОМЪ, И ПОТОМУ НЕ МОГЪ СВИВАТЬСЯ НА ЖИВОЕ НАРѢЧИЕ, КОТОРОЕ БЫЛО СОВЕРШЕННО ВАРВАРСКОЕ, ОТЪ ЭТОГО ВЫШЛА НЕПРАВИЛЬНАЯ И НЕ СОВСѢМЪ ЛСИЛА СМѢСЬ СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА СЪ РУССКИМЪ, КОТОРОЮ ПИСАНО СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ. ЧТО СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ ПИСАНО ПРОЗОЮ, СIE НЕ ПОМЪЩАЛО БЫ НАЗВАТЬ ЕГО ЭПИЧЕСКОЮ ПОЭМОЮ, СТИХИ СЪ РИӨМАМИ ИЛИ БЕЗЪ РИӨМЪ, СУТЬ ОДНА ФОРМА ПОЭЗИИ; А ДУША ЕЯ, ИЛИ СУЩНОСТЬ — МЫСЛИ, ВЫРАЖЕННАЯ ЯЗЫКОМЪ ФИГУРЪ, НО СЛѢДУЯ ОБЩЕМУ УПОТРЕБЛЕНИЮ, Я НАЗОВУ ЕГО НЕ ЭПИЧЕСКОЮ, А ИСТОРИЧЕСКОЮ ПОЭМОЮ.... МЫ НЕ ЗНАЕМЪ, КТО ТАКОВЪ ПѢВЕЦЪ ИГОРЯ; ВИДНО ТОЛЬКО, ЧТО ОНЪ БЫЛЪ СОВРЕМЕННИКЪ И ПАТРЮТЬ, ЧТО КЪ ДАРОВАНИЮ СТИХОТВОРЦА ПРИСОЕДИНЯЛЪ ОНЪ ПОЗНАНИЕ ВСЕГО, ЧТО КАСАЛОСЬ ДО ЕГО ОТЕЧЕСТВА, ПОЗНАНИЕ, ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ ИЕСЬ ВСЯКОЙ УЧЕНОСТИ, ДАЖЕ ВЪ ПИСАТЕЛЬ. СЪ ДОСТОВѢРНОСТЬЮ МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО ОНЪ НЕ БЫЛЪ КАКОЙ НИБУДЬ ПРЕЗРѢННОЙ ДОМОСДЪ ИЛИ НЕИЗВѢСТНЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ. МОЖЕТЬ БЫТЬ, УКРАШАЛЬ ЕГО ВЫСОКІЙ САНЪ ВОЯРСТВА И ОНЪ БЫВАЛЬ МИРНЫМЪ ПОСЛОМЪ ПРИ КНЯЖЕСКИХЪ ДВОРАХЪ, ИЛИ ПОЧТЕНЪ БЫЛЪ ЗВАНІЕМЪ ГРИДИНА, И ВОЗДВИГЪ КОПІЕ БРАНИ НА ЗАЩИТУ ВОЮЕМАГО ОТЕЧЕСТВА.... ЕЩЕ ПЕРВЫЕ ИЗДАТЕЛИ ЗАМѢТИЛИ, ЧТО ВЪ НЕМЪ ВИДѢТЬ, ДУХЪ ОССИАНА; но въ

ЧЕМЪ ЭТОТЪ ДУХЪ ИЛИ СХОДСТВО, НЕ СКАЗАЛИ. БАРДЫ КАЛЕДОНСКІЙ И СЛАВЕНСКІЙ СХОДНЫ МЕЖДУ СОБОЮ ВЪ ПРОСТОТѢ, ВОЗВЫШЕННОСТИ, СИЛѢ, КРАТКОСТИ И ЖИВОСТИ СЛОГА, Т. Е. ЧТО ОНЫЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОБИЛЕНЪ СМЪЛЫМИ И НЕ-ИСКУСНЫМИ ФИГУРАМИ — ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАКЪ ПЕРВОБЫТНОЙ ПОЭЗИИ У ВСѢХЪ НАРОДОВЪ, КОГДА САМАЯ ГРУБОСТЬ И ВѢДНОСТЬ ЯЗЫКА СЕМУ СПОСОБСТВУЮТЪ.» ВОТЪ ОСНОВНЫХЪ ПОНИЯТИЯ ЕГО О САМОМЪ СЛОВѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

А. О. ВЕЛЬТМАНЪ НАПЕЧАТАЛЪ СВОЙ ПЕРЕВОДЪ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1833 Г. МЫ ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ НА ЕГО ПРЕДИСЛОВІЕ, ГДѢ ОНЪ НА ВОПРОСЪ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: НА КАКОМЪ ЯЗЫКѣ ПИСАНО СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ? НА ДРЕВНЕМЪ ЛИ СЛАВЯНСКОМЪ, СУЩЕСТВОВАВШЕМЪ ВЪ РОССІИ ДО ПЕРЕВОДА КНИГЪ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ, ИЛИ НА КАКОМЪ НИБУДЬ ОБЛАСТНОМЪ НАРѢЧІ? — ОТВѢТЧАЛЪ: «НА ЯЗЫКѣ, СОБСТВЕННО ПЪВЦУ ПРИНАДЛЕЖАЩЕМЪ; НА СОЕДИНЕНИИ ВСѢХЪ НАРѢЧІ СЛАВЯНСКИХЪ, ОЧИЩЕННЫХЪ ВЫСОКИМЪ ЧУВСТВОМЪ ПОЭТА; НА ВЫБОРЪ СЛОВЪ ЗВУЧНЫХЪ, КРАТКИХЪ, СОВСТВЕННЫХЪ ТОЙ ГАРМОНИИ, КОТОРОЮ БЫЛА ИСПОЛНЕНА ЕГО ДУША.... ПРЕДПОЛАГАТЬ, НЕ ДОВЪРЯТЬ, ЧТО СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ ПИСАНО ВЪ XII СТОЛѢТИИ, ВО ВРЕМЯ ЕГО ЖИЗНИ, ЗНАЧИТЬ НЕ ВЪРИТЬ ВСЕМУ ИШОДШЕМУ.... ЧТО ПЪВСЪ ИГОРЮ ПИСАЛЪ СОВРЕМЕННИКЪ ЕГО, ЭТО СЛИШКОМЪ УВѢДИТЕЛЬНО. НЕ СОВРЕМЕННЫЙ ПЪВСЪ НЕ ОБРАТИЛЪ БЫ ВНИМАНИЕ НА НИЧТОЖНЫЙ, ПО ПОНЯТИЯМЪ ИСТОРИИ, ПОХОДЪ ИГОРЯ НА ПОЛОВЦЕВЪ. ЭТОТЪ ВОСТОРГЪ КЪ ПОДВИГАМЪ ЕГО, МОГЪ ПРИНАДЛЕЖАТЬ ТОЛЬКО ТОМУ, КТО ЗНАЛЪ ИГОРЯ ЛИЧНО, А НЕ ПО ПРЕДАНІЯМЪ, КТО ЛЮБИЛЪ ЕГО. И СВЕРХЪ ТОГО, ВИДИМЫЯ НЕСОГЛАСІЯ СЪ ЛѢТОПИСЦАМИ, СОВСѢМЪ ДРУГОЙ ВЗГЛѢДЪ НА ДѢЛЛА КНЯЗЕЙ И НА ПОЛОЖЕНІЕ РОССІИ ТОГО ВРЕМЕНИ, ТВЕРДАЯ, ТОНКАЯ РѢЧЬ, РУЧАЮТСЯ ЗА СОВРЕМЕННОСТЬ ПЪВЦА СЪ СОБЫТИЯМИ.» И ЭТИ МИЛНІЯ НИ МАЛО НЕ РАЗРѢШИЛИ ВОПРОСА. НЕ МОЖЕТЬ БЫТЬ, ЧТОБЫ СЛОВО БЫЛО НАПИСАНО НА СОЕДИНЕНИИ ВСѢХЪ НАРѢЧІ СЛАВЯНСКИХЪ: ЭТОГО НЕТЬ НА САМОМЪ ДѢЛЛѢ. ГДѢ СЛОВА СЕРБСКІЯ? ГДѢ ВІНДІЙСКІЯ? ГДѢ КРОАТСКІЯ? ГДѢ ХОРВАТСКІЯ? РАЗВЪ ССЫЛКИ Г. ВЕЛЬТМАНА НА СЕРБСКОЕ СЛОВО — КМЕТЫ, НА БОГЕМСКОЕ — ВАЛІ УКАЗЫВАЮТЪ, ЧТО СЛОВО ПИСАНО ЭТИМИ НА-

рѣчими. Ни мало. Мы обратимъ внимание читателей на прекрасную рецензию Н. А. Полеваго, помѣщенную въ Московскомъ Телеграфѣ 1833 г. № 7, стр. 419, при выходѣ въ свѣтъ перевода Вельтмана, где помѣщены довольно замѣчательныя суждѣнія обѣ этомъ перевода. Кромѣ самаго перевода, г. Вельтманъ въ концѣ присоединилъ: «примѣчанія и толкованія къ переводу Слово о полку Игоревѣ». Здѣсь мы прочитали, что слово *туга* — значитъ сущест. дорога, корча, вмѣсто прямаго значенія скорбь, печаль, и когда самое слово ясно указывало, что оно происходитъ отъ глагола тужить. Или: *подбрел о коне* — переведено: вперся въ предѣлы — въ границы свои. Слово: *повелѣл*, которое Карамзинъ принималъ за описку и читалъ: по сѣчѣ я, изъяснены словомъ вала и подкреплено ссылкою на древне-Богемское слово *вале* — гдѣ мы читаемъ совершенно иначе: *VALENO BEN, VALENO BEN WTERI* — бываютъ день, бываютъ другой [См. Кралѣв. двор. рукоп. издание Вац. Ганки.]. Слово шестокрильцы — переведено — Архангелы. Бологъ — переведено холмъ. Слова: *та предъ пльсъ полше* переведено — предпѣсніе, запѣвъ. Племена, окружавшія Черниговъ: *Быки, мозуты, Татраны*, — отнесены къ Финнамъ и Мордѣ совершенно несправедливо.

Что же касается до самаго перевода, то онъ, взятый отдельно, выполненъ прекрасно; но сличая его съ подлинникомъ, мы видимъ разкія отступленія, и чувствуемъ, что это вѣдьдетъ съ нами А. Ф. Вельтманъ, а не пѣвецъ Игоря. Такъ слова: «Начати же ся тѣй пѣсни по вышинамъ сего времени, а не по залышеню Бояню; Боянъ бо вѣцій, аще кому хотіше пѣсни творити, то растекашется мыслио по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы» — переведены: «Былое воспѣть, а не вымысли Бояна, котораго мыслии текли съ вышину, такъ какъ соки по древу; какъ сѣрые волки неслись по пространству, и сизымъ орломъ въ поднебесы *нарили*.» Или: «начати старыми словесы трудныхъ повѣстій — воспѣть древнимъ ладомъ *высокихъ сказаний*.» Или: «нощь стонущи ему грозю птицъ убуди — *не со-*

еремъ полногъ... и стонетъ гроза... и птицы проснулись. Есть мѣста, выражены прекрасно: «Жены Русскія вѣпѣлаша аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ви мыслио смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати.» — «И Русскія жены воспѣлали горько; о милыхъ намъ другахъ не мыслио не мыслить, ни думой не думать, а взоромъ ихъ намъ неокинуть, а златомъ и серебромъ намъ не бречать ужъ!» Пѣсни Ярославны, отвѣтъ Святослава выражены вполнѣ, отчетливо.

А. Ф. Вельтманъ раздѣлилъ свой переводъ на періоды, и проза его вышла мѣрою, поэтическою рѣчью. Самый текстъ оставленъ безъ всякоаго измѣненія.

М. Максимовичъ издалъ свой переводъ въ 1837 году, называлъ его «краткое, корректурное издание текста съ переводомъ.» Слѣдовательно, и мы на это издание должны смотрѣть съ этой точки зрѣнія, и ожидать обѣщаннаго «полнаго издапія, съ критическимъ изслѣдованіемъ, объяснительными примѣчаніями, словаремъ и переводомъ.» Текстъ самой Пѣсни г. Максимовичъ раздѣлилъ на XIV главъ, каждая глава раздѣлена на періоды, каждый иегюдъ отмѣченъ цифрами. Самое правописаніе измѣнено, въ приближеніи къ подлиннику. Слѣдовательно совѣты гг. Востокова и Грамматина выполнены въ издании г. Максимовича, съ тою только разницѣю, что опь съдовалъ своимъ понятіямъ. Въ самомъ переводе всякое отступленіе онъ отмѣчалъ особыннмъ шрифтомъ, переводилъ буквально, съ вѣрнѣмъ приближеніемъ къ подлиннику. Для примѣра мы выписываемъ два мѣста. Въ подлиннике: «помняшеть во рѣчъ прѣвыхъ временъ усобицѣ; тогда пущаниетъ десять соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсъ пойше.» Переведено: «какъ вспоминала онъ сказанья прежніхъ временъ обѣ усобицѣ, то пускаль онъ десять соколовъ на стадо лебедей: который соколъ на лебедь падетъ, та лебедь первая и пѣснь запоетъ.» Въ подлиннике: «Ярославна рано плачетъ Путинлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днѣпре словутицю! ты пробилъ еси каменный го-

ры сквозь землю Полоцкую, ты лягьяль еси на сеев Святослави посады до пълку Кобякова; взлѣтъ господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано.» Переведено: «Ярославна рано плачетъ въ Путинъ городѣ на оградѣ, говоря: о Днѣпъ сынъ славы! Ты провилъ каменные горы сквозь землю Полоцкую; ты лягьяль на сеев ладыи Святославовы до войска Кобякова: взлѣтъ же, господинъ мой, ко мнѣ моего друга, чтобы не слала къ нему слезъ на море съ каждымъ утромъ.» Здѣсь мы видимъ небольшія отступленія: слово — *словутинъ* — переведено — сынъ славы; рано съ каждымъ утромъ. Памъ кажется, что самое раздѣленіе текста на главы не вездѣ отмѣчено вѣрно. Описание битвы раздѣлено на двѣ главы, тогда какъ это составляетъ одинъ нераздѣльный предметъ. Въ 11 главѣ, по его раздѣленію, вставленъ періодъ, который по изданию Мусина-Пушкина находился въ концѣ — *Рекъ Боянъ и ходы*, и проч. Если же г. Максимовичъ полагалъ необходимымъ соединить этотъ вставокъ послѣ словъ, приписываемыхъ пѣвцомъ Игоря Бояну, то куда же должно будетъ помѣстить и другія вставки съ именемъ Бояна? Тамъ говорится о Всеславѣ, здѣсь о Святославѣ. Разница большая. Очень легко можно замѣтить, что въ Словѣ есть нѣсколько пропусковъ, ошибокъ въ перепискѣ, сліяній двухъ словъ въ одно, сокращеній самыхъ словъ; и все это возстановить есть возможность; по какъ отгадать пропуски? Мы думаемъ, что послѣ словъ: Рекъ Боянъ и ходы — находится въ самомъ текстѣ пропускъ, и что переносить этотъ періодъ нѣть никакой надобности.

Въ измѣненіи самаго правописанія г. Максимовичъ, какъ видно, старался и приблизиться къ южному выговору словъ. Онъ пишетъ вмѣсто ъ — ѿ. Такъ: прѣсты — пѣрсты; прѣрвыхъ — пѣрвыхъ; умъ — умъ. Или вмѣсто: а — я: сіа — сія, трупіа — трупія, копіа — копія, зараніа — заранія. Неравномѣрность въ правописаніи замѣтна повсюду, особенно смыщеніе двухъ словъ въ одно: *Небылонъ, аркути*. Здѣсь небылонъ должно, кажется, читать такъ: не было нъ; аркути читать: а ркути, признавая его за сокра-

щенное слово — *рекучи*. Г. Максимовичъ оставилъ слитыя слова безъ раздѣленія. Въ одномъ мѣстѣ мы замѣтили, что г. Максимовичъ послѣдовалъ совѣту г. Буткова признавать въ выраженіи: «Уже не шеломяпемъ еси» — частицу *не* вмѣсто *за*. Это такъ и должно быть. Въ выраженіи: «*но вѣлѣлъ л*» — г. Максимовичъ послѣдовалъ члену А. О. Вельтмана, который въ словѣ *вѣлѣлъ* букву *е* считалъ ошибкою писца вмѣсто *а*, и читалъ *вѣлѣлъ*.

Обращаемся теперь къ Археологическимъ изслѣдованіямъ. Здѣсь мы увидимъ успѣхи исторической критики въ продолженіе тридцати шести лѣтъ, успѣхи, обозначившіе собою наше участіе въ кругу Европейскихъ познаній въ XIX вѣкѣ.

Общее участіе въ первомъ изданіи Пѣсни литераторовъ Мусина-Пушкина, Бантыш-Каменскаго, Малиновскаго, Болтина составляетъ начало археологическихъ изслѣдований. Всѣ они полагали, что Слово о полку Игоревомъ писано «стариннымъ Русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія.» Такъ было поставлено ими на заглавномъ листѣ; мнѣній же своихъ, подтвержденныхъ очевидными доказательствами, они не передали намъ. Вотъ ихъ понятія о другихъ предметахъ: «Боянъ. Такъ назывался славѣтійши въ древности стихотворецъ Русский, который служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей. Изъ пѣкоторыхъ, въ примѣръ здѣсь приведенныхъ словъ его, явствуетъ, что Боянъ воспѣвалъ всегда важныя происшествія и изъяснялъ мысли свои возвыщенно. При Рюрикѣ иль Святославѣ гремѣла лира его, ни почему узнать нельзѧ; ибо не осталось намъ отрывка, прежде Вѣлѣкаго Князя Владимира Святославича писалаго. Отъ временъ же его дошла до насъ между прочими народная пѣсня, въ которой находимъ уже правильное удареніе, калампакомъ въ стихотворствѣ называемое.» Житіе Бояна воздвигли критики слишкомъ отдаленно, безъ всякоаго основанія; онъ жилъ, по словамъ пѣвца Игорева, во времена Олега Черниговскаго и Всеслава Полоцкаго. Вотъ доказательства: «Пѣти было пѣсь Игореви, того Ольга вику.» Эти слова поставлены

въ подлинникъ предъ обращениемъ пѣвца Игорева къ Бояну. Игорь былъ внукъ Олега Святославича, Князя Тмутороканскаго и Муромскаго, скончавшагося въ 1090 году. «Всеславъ князь людемъ судяше... Тому вѣщий Боянъ и прѣвое припѣвку смысленный рече.» Этотъ Всеславъ Брячиславичъ былъ тѣль самыи, котораго разбили на Ильменѣ князья, который ограбилъ Новгородъ, княжилъ въ Полоцкѣ и умеръ въ 1101 году. Мы не знаемъ (да кто и знаетъ?) ии одной пѣсни Бояна, а критики уверяютъ, что пѣсня Бояна существуетъ отъ временъ Владимира Святославича, и въ доказательство приводятъ саму пѣсню, которую мы читали въ сборнике Демидова, Древнія Русскія стихотворенія. Критики сами писали въ примѣчаніи, на стр. 37; «Здесь ясно открывается, что Боянъ пѣвъ о Князѣ Всеславѣ», и въ то же самое время уверяютъ, что Боянъ воспѣвалъ Владимира, умершаго въ 1015 году. Таковы были критическая изслѣдованія первыхъ издателей.

Критическая изслѣдованія А. С. Шишкова начинились возраженіями противъ первыхъ издателей. Переводъ Мусина-Пушкина съ товарищами казался ему неполнымъ, невѣрнымъ, сбивчивымъ. Эти разборы назывались тогда эстетическими, гдѣ преслѣдовалось всякое слово, всякое выраженіе, замѣчались неправильные обороты въ цѣломъ періодѣ. Для образца мы выписываемъ разборъ А. С. Шишкова.

«Не лѣпо ли ии бѣшеть, братie, начати старыми словесы трудныхъ повѣстей о пѣвцу Игоревѣ, Игоря Святославича. Въ предложеніи сказано: пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова. Здесь мысль, заключающаяся въ подлиннике, кажется, весьма различествуетъ отъ мысли, заключающейся въ предложеніи. Слово не лѣпо ли — ии мало не означаетъ понятія о пріятности, и подъ словомъ трудность отнюдь не разумѣется прискорбіе. Отъ сего происходитъ, что рѣчъ: пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, содѣржть въ себѣ нѣкоторую невѣроятность чувствованій; ибо, какъ можетъ быть пріятна прискорбность повѣствованіе о разбитии предковъ вашихъ? Итакъ, если мы

подъ словомъ: не лѣпо ли ии бѣшеть, разумѣть будемъ: прілично, пристойно намъ будетъ; а подъ словами трудныхъ повѣстей сокращенное выражение повѣствованія о многотрудныхъ подвигахъ, тогда мысль выдѣлъ съвѣдующая: не пристойно намъ будеть, братie, начать повѣствованіе наше о походѣ Игоря, тѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена описывались многотрудные подвиги.... Не бура соколы занесе чрезъ поля широкая; галаны стада бѣжать къ Дону Великому.—Уподобленіе сие имѣть въ себѣ нѣчто старинное: смысно бы было въ похвалу воиновъ сказать: не соколовъ сюда занесло, галки слетаются! Но сочинитель не сравниваетъ здѣсь свойствъ сихъ двухъ родовъ птицъ, а дѣлаетъ токмо подобие между многочислѣмъ тѣхъ и другихъ, такъ какъ бы сказали: число воиновъ не подобно было малому числу занесенныхъ издалече бурею соколовъ, но уподоблялось великому стаду галокъ; ибо сіи послѣдніи птицы дѣйствительно летаютъ всегда вмѣстѣ и часто составляютъ превеликое стадо (См. Собран. соч. и пер. А. С. Шишкова, ч. 7. стр. 38. 48.).

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ А. С. Шишкова замѣтно было особенное направление къ грамматическимъ формамъ; но въ изслѣдованіи Слова это направление болѣе всего выскакивается. Русскіе глаголы занимали нашего ветерана болѣе всего, а на отысканіе ихъ корней посвящены были многіе годы. Къ сожалѣнію, этотъ драгоценный трудъ намъ извѣстенъ не вполнѣ.

Вотъ глагольпія изслѣдованія А. С. Шишкова: «Подъ словомъ *распущени* можно разумѣть двоякое: во первыхъ растянуты, во вторыхъ выпущены на волю... Глаголь *пасетъ* часто въ стаинныхъ книгахъ значить птицет. *Убуди* должно пронизволить отъ глагола убывать. Слово *тутнить* долженствуетъ происходить отъ слова тутъ, съдовательно то же самое значить, что и глаголь тытъ, то есть тучнѣть.

На раздѣленіе слитыхъ словъ А. С. Шишковъ также обращалъ вниманіе. Слова *небытоно*, *тужа имъся* онъ читаетъ первое такъ: не было оно, а второе: мужайтесь, полагая, что въ словѣ имъся буква

и поставлена по ошибке въ стом. Г. Максимовичъ воспользовалъ этимъ замѣчаніемъ, но напечаталъ въ текстѣ вмѣсто мужа имѣся—мужинъся. Въ выражениіи: «а не сороки вѣтроскоташа», А. С. Шишковъ полагаетъ, что въ словѣ *а не* процущена буква *ж*, и читаетъ такъ: «ажне сороки.»

Изслѣдованія К. Ф. Калайдовича представлены были въ Общество Любителей Российской Словесности, по случаю предложеннаго вопроса: «на какомъ языке писана пѣснь о полку Игоря: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго писанія, или на какомънибудь областномъ нарѣчіи?» Основные понятія К. Ф. Калайдовича заключаются въ слѣдующемъ: «Пѣснь Игорева писана нарѣчіемъ сходнымъ съ Библейскимъ и лѣтописями. Слога пѣсни Игоревой тщетно будемъ отыскивать въ извѣстныхъ языкахъ Славянскихъ, а того менѣе въ областномъ нарѣчіи. Словосочиненіе пѣсни, въ некоторыхъ мѣстахъ совершенно расположено по образу выраженій Греческаго языка. Примѣры сего открываются изъ двойственнаго числа, заимствованнаго въ Славянскую грамматику отъ нашихъ учителей Грековъ. Пѣснь написана не какимъ либо диалектомъ обильнаго языка Славянскаго, не особеннымъ областнымъ нарѣчіемъ, но чистымъ языкомъ Славяно-Русскимъ. Писана она слогомъ XII вѣка, по всемъ вѣроятіямъ; ибо сочинитель ея вѣдь является современникомъ повѣствующихъ проицествій. Мѣсто жительства его опредѣлить невозможно. Однажды выраженія пѣсни и самыя слова: крестьяне, болоны, смага, година, неизвѣстныя Великороссиянамъ, и теперь употребляемыя въ Українѣ, показываютъ, что сочинитель оной принадлежалъ къ пынѣшней Малороссии, составлявшей тогда общее Русское выраженіе. Должны обратить вниманіе на сходство пѣсни Игоревой съ нынѣшнимъ языкомъ Польскимъ, которое удостовѣрить насъ еще болѣе, что сочинитель оной принадлежалъ къ жителямъ Україны. Печеркъ пѣсни есть Бѣлорусскій, имѣющій свой особенный характеръ. Правописаніе пѣсни согласно со Лаврентьевскимъ спискомъ Нестора, пергаменнымъ Новгород-

скимъ лѣтописцемъ и прочими древними рукописями.» Изысканія К. Ф. Калайдовича заслуживаютъ особенное вниманіе. Основная мысль его, что Слово о полку Игоревомъ писано Славяно-Русскимъ языкомъ опирается на очевидныхъ доказательствахъ. Примѣры выраженій изложенныхъ двойственнымъ числомъ—ту ся брата разлучиста—два сокола слетѣста—вступита господина въ зата стремень—подтверждаютъ его мнѣніе. Но филологическія изслѣдованія не оправдываютъ предположеній, хотя они разсматриваются въ сличеніи съ священнымъ писаніемъ. Такъ для выраженія: «до Куръ Тынтороканя»—онъ пріискать изъ Синодального Евангелія, писанаго въ 1144 году, текстъ: «И аbie куръ возгласи»—и изъ Волынской лѣтописи слова: «и яко бысть въ куры [во время крика пѣтуховъ].» По этому изслѣдованію слово куръ значить пѣтухъ. Слова: трудный, трудъ—у него означаютъ прискоренный и скорбь—какъ у Мусина-Пушкина. Слово: хорсъ у него значить Хорсъ, языческій кумиръ поставленный Владимиромъ. Ошибочно такъ же было его направление—отыскивать въ Словѣ сходства съ Польскимъ нарѣчіемъ. Замѣтимъ, что это направление увлекло гг. Пожарскаго и Бѣликова къ пребратнымъ заключеніямъ.

Продолженіе своихъ изслѣдованій К. Ф. Калайдовичъ написалъ въ биографіи М. Мусина-Пушкина, помѣщенной во 2 ч. записокъ Общества Исторіи и Древностей Российской, где онъ говорилъ: «языкъ пѣсни Игоревой утверждительно можно назвать чистымъ Славянскимъ; слова въ оной встрѣчающіяся едва ли не вѣтъ можно пріискать въ языке священнаго писанія, а волѣ нарѣчій лѣтописей, граматъ.» Открытие Калайдовичемъ въ пріискѣ на Синодальномъ Апостолѣ 1307 года сходныхъ выраженій съ Словомъ заслуживаетъ особенное вниманіе. Мы этою пріисковою должны дорожить какъ фактъ; она намъ указываетъ на извѣстность Слова въ нача-лѣ XIV вѣка.

Критическія изслѣдованія г. Пожарскаго составляютъ примѣчанія, приложенные въ концѣ перевода. Всѣ его изысканія со-

стоять изъ возражений на переводы Мусина-Пушкина съ товарищами и А. С. Шишшкова, гдѣ онъ доказывалъ неправильность ихъ переводовъ, основываясь на Польскомъ нарѣчии. Въ этомъ отношении критика г. Пожарского важна какъ полемика, напоминающая намъ старый выйтъ Русскихъ критиковъ. Оправдѣніе г. Пожарского не принесли ни какой пользы, потому что не разрѣшили темныхъ мѣстъ Слова. Созвучные слова, взятыя изъ Польского нарѣчія, какъ отдалъного въ области Славянскаго языка, никогда не могутъ быть достаточными доказательствами. Трудъ напрасный увѣрять людей, постигающихъ истину, превратными понятіями. Вотъ его замѣчанія: «Въ предложеніи вмѣсто — трудный сказано прискорбный. На Польскомъ и Богемскомъ языкахъ слово трудный значитъ затруднительный, мудрѣній, неудобный къ исполненію. По Польски говориться: *TRUDNA TO RZECZ, SPRAWA; NIE WIEDZIES CO TU ROSZAS* — трудна та вещь, дѣло; не знать, что тутъ начать.» Вотъ чмѣлъ г. Пожарскаго оправдѣгалъ переводы Мусина-Пушкина и А. С. Шишшкова.

И. М. Карамзинъ въ исторіи своей (т. 3, стр. 218,) говорить: «слово о полку Игоревѣ сочинено въ XII вѣкѣ, и безъ сомнѣнія міряниномъ: ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о бояхъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественные. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, срѣпелій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ князей и боятѣрей: такъ сочинитель хвалилъ словья стараго времени, стихотворца Бояна, котораго вѣщіе персты, летая по живымъ струнамъ, рокотали или гласили славу нашихъ витязей.... Сие произведеніе древности означеновано силою выраженія, красочными языка живописнаго и смѣльими уподобленіями, свойственными стихотворству юныхъ народовъ.»

Критическая изслѣдованія нашего Историографа разсѣяны въ примѣчаніяхъ 3-го тома его исторіи. Мы вынѣшь тѣ только, которые составляютъ новыя открытія въ кругу исторической критики. «Въ титулѣ слова *полкъ* употреблено въ смыслѣ битвы.

Кметями назывались слуги, дружины. — Се во Готскія красныя дѣвы — со временемъ славнаго Германариха жили Готы въ Тавридѣ, гдѣ властвовали тогда Половцы.» Слово Шестокрыльцы И. М. Карамзинъ такъ объяснилъ: «Сравнивая сихъ трехъ братьевъ съ пернатыми, онъ называетъ ихъ шестокрыльими для того, что у трехъ птицъ шесть крыльевъ.» Выраженіе: «отверзаетъ путь къ Киеву — переводиль: «кого хочешь пускаетъ въ Киевъ.» О словѣ: *повелѣ я* — говорить: «издатели не угадали истиннаго смысла сей рѣчи, гдѣ есть описка: *повелѣ я, вмѣсто: по стѣль я*, то-есть взялъ.» Слово Полочаномъ — въ выраженіи: *Двина* болгомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ — говорить, что здѣсь не должно принимать за Полочанъ. *Шеломъ* принимаетъ въ смыслѣ возвышение, основывалось на выраженіи Киевской лѣтописи; *Каяла* за кагальникъ; *желѣзныи напоры* за верхнюю часть брони; *Деремела* за одинъ изъ Латышскихъ народовъ; *Цельнить за кое-лишь*, приводить въ слезы, огорчать, указывая на Богемское слово *kwilim* — выйтъ, плакать, и на Польское *kwilic sie*.

Занявшись историческимъ описаніемъ другихъ событий, историографъ не могъ обозрѣть въ подробности Слово о полку Игоревомъ. Онъ видѣлъ рукопись и выписалъ изъ неї отрывки, оставшіеся единственными указаніями на современный слогъ Слова. Выписки изъ Киевской лѣтописи о битвѣ Игоря дополняютъ объясненіями темныхъ мѣстъ въ Словѣ, и жалѣмъ, что онъ не успѣлъ издать вполнѣ текстъ самой лѣтописи. Часто въ отрывкахъ мы видимъ не полная указанія, и останавливаемся тамъ, где только начинаются наши изслѣдованія.

Критическая изслѣдованія г. Буткова заслуживаютъ особенное вниманіе. Идя своимъ путемъ, онъ самъ разыскивалъ, не вѣрилъ чужимъ толкованіямъ. Эту самобытность г. Буткова встрѣчаемъ мы во всѣхъ его изслѣдованіяхъ. Первое изслѣдованіе г. Буткова о Словѣ Игорева было напечатано въ Вѣстнике Европы 1821 года, № 21 и 22, второе въ Сынѣ Отечества

1834 года № 52, стр. 616. Вотъ основныя его изысканія о Словѣ.

Слово *Лада* припоминаютъ въ смыслѣ *супруга*; мыныя хоти за *супругу*, полагая, что это слово перешло отъ Хазарь или Половцовъ; *харалужный* производить отъ Ногайскаго слова—*съдѣланный изъ гернаго желтза, булата*. *Чага*, по его мнѣнию, означаетъ потомковъ Хазарь, *Чагарб*, существующихъ доселъ между кумыками Кавказскими. *Олега Гориславига* — онъ принимаетъ за Олега Святославича Тмутараканскаго, основываясь на томъ, что Олегъ, какъ правнукъ Рогнѣды, прозванной *Гориславою*, могъ быть названъ Гориславичемъ. Правда, что отъ временъ Рюрика до XIII вѣка у насъ не было князя Горислава. Слово *клока* онъ принимаетъ въ значеніи — *настѣ, самоловка, хитрость*; а *догтеся* производить отъ глагола *тесъ, достигать*. Подъ словомъ *стружи*, принимаемое другими за древко отъ копья или отъ знамени, онъ понимаетъ, что это были *накрыбубны, литаоры*, основываясь на томъ, что стружемъ насыпали ихъ потому, что они употреблялись къ возбужденію стражи, или по сходству вида съ водоходнымъ *стругомъ*. Мнѣніе г. Буткова о мѣстоположеніи Тмутараканіи замѣчательно своею новостью изысканій отъ всѣхъ другихъ; онъ полагаетъ, что его должно искать не въ Таманѣ, а на пути изъ Киева къ Полоцку, на правой сторонѣ Остра, при соединеніи этой рѣки съ Десною, гдѣ теперь село Старогородки, въ одной верстѣ ниже города Остра, въ 60 верстахъ отъ Киева. Здѣсь, говорить онъ, князь Мстиславъ Тмутараканскій и братъ его, Великий князь Ярославъ, заключили миръ, поставя Днѣпъ границею. Въ рѣчении *Хрѣсови*, онъ не находить, подобно другимъ изыскателямъ, ни города Херсона, ни Хорса, идола, а полагаетъ, что это ошибка переписчика, написавшаго Хрѣсови вместо Днѣпрова, принимая за основаніе путь, лежащий изъ Киева къ Остру, гдѣ Всеславъ долженъ былъ перезжать Днѣпъ. Въ чтеніи: «Съ той же каллы Святополькъ *повелѣлъ отца* своего между Угорскими иноходцами» — соглашается съ Карамзінимъ и Пожарскимъ; но слово *отца* — говоритъ онъ — стоять здѣсь вместо *тьства, тса, что*

— *тестя*. Въ этомъ случаѣ его изысканія ничего не объяснили, и намъ кажется, что и г. Бутковъ не понялъ точнаго выраженія этого мѣста, какъ всѣ другие. Объясненіе слѣдующаго чтенія, запутанаго первыми издателями, разгадано вѣрно и удачно: «то же звонъ слыши давній Великий Ярославъ сыпъ Всеволожъ: а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ». Этимъ объясненіемъ воспользовался Максимовичъ и его чтеніе перепечаталъ въ своемъ изданіи съ перестановкою словъ *вместо* — а сынъ Всеволожъ Владимиръ — а Владимиръ сынъ Всеволожъ. Выраженіе: «уже не *Шеломъ-нельзъ еси*» — г. Бутковъ принимаетъ совершенно въ другомъ значеніи отъ другихъ изыскателей; онъ частницу — *не* — принимаетъ за предлогъ *за*, а *шеломъ* за Изюмскій курганъ, основываясь на топографическомъ изслѣдованіи похода Игорева.

Самое Слово, по мнѣнию г. Буткова — «сочинено при жизни Ярослава Владимира Галичскаго, умершаго 1187 года, и уже по возвращеніи изъ Полоцкаго плены 1188 года княземъ Всеволода и Владимира, какъ видно въ Словѣ». Мы не согласны въ этомъ съ г. Бутковымъ. Сочинитель нигдѣ не говоритъ о своей современности, а лица, упоминаемыя имъ, которыхъ такъ много мы находимъ, никогда не объясняютъ намъ этого вопроса, если будемъ смотрѣть на него съ этой точки зрения.

Что же касается до непонятныхъ словъ, встречающихся въ описаніи Слова о походѣ Игоря, то г. Бутковъ почти не обратилъ на нихъ вниманія. Его изысканія о словахъ: *мълкосинъ, ходы, коганъ, хоты, хинови* — ничего не объясняютъ. Они любопытны, какъ гипотеза, и мѣлочны, какъ все недѣльное. Замѣчательно также предположеніе о словахъ: *братie, дружина*, гдѣ г. Бутковъ старается доказать, что въ старину «поэты составляли сообщество, какъ члены». Доселъ ни лѣтописи, ни акты не представляютъ намъ ни какихъ доказательствъ. Н. г. Бутковъ отыскалъ что-то подобное въ поэтахъ Кавардинскихъ Черкесъ.

Въ 1825 году пасторъ Зедергольмъ издалъ въ Москвѣ: *DAS LIED VON HEERES-ZUGE IGORS, SOHNES SWÄTOSLAW ENKELS OLEGS*. Онъ перевѣль наше Слово стихами, выписалъ изъ Исторіи Карамзина о пропаществіяхъ и его замѣчанія, перевѣль замѣчанія К. Ф. Каллайдовича и прибавилъ свои парадоксы: будто бы Слово о полку Игоревомъ писано хорелями и амфібрахіями, и доказывалъ преимущества своего чтенія текста предъ всѣми археологами. Переводъ пастора Зедергольма не имѣть даже тѣни достовѣрности, и во многомъ уступаетъ Французскому переводу, помѣщенному въ журналь *LE CATHOLIQUE* — барона Экшена.

Критическія изслѣдованія Н. А. Полеваго о Словѣ Игоревомъ полка помѣщены были въ его Исторіи Русскаго народа, ч. 2, и въ рецензіи на изданіе Слова, напечатаннаго А. Ф. Вельтманомъ (Въ Московскому Телеграфѣ, 1833 года, ч. 50, стр. 419). Мы обращаемся теперь къ его изслѣдованіямъ.

Н. А. Полевой полагаетъ, «что Слово о полку Игоревомъ есть неподѣльное твореніе древней Русской Словесности. Народная поэзія Русская, при соединеніи Нордмановъ съ Славянами, образовалась въ видѣ Сагъ, и поэмы, которыя были пѣты Русскими Боянами или Боянами. Со введеніемъ Христіанской вѣры, мифологическо-героническая поэзія Руссовъ казалась неумѣстною. Ее изгоняли вовсе, почитая язычествомъ, или они должны были облекаться въ формы Христіанства: вотъ періодъ Слова о полку Игоревомъ — мифо-героической поэмы, съ формами Христіанства. Тутъ явились: Хорсъ, Даждь-богъ — и Пироготцел Богоматерь; герон Христіане, но ихъ окруждаютъ сны, видѣнія, дивы; они вызываютъ къ солнцу, рѣкамъ; море смерчами идеть на нихъ.... Языкъ, на которомъ писано сіе Слово, есть языкъ Русской, Юга Русскаго, коимъ говорили въ XII вѣкѣ въ Киевѣ и Черниговѣ, тогдашнѣмъ мѣстопреставленіи Олеговичей; но только языкъ его возведенъ въ ту поэтическую степень изящества, до которой достигаетъ и нынѣ языкъ простолюдина въ народной пѣснѣ.... Въ Словѣ о полку Игоревомъ размѣръ явенъ, и стоять только вспомнить, что тутъ счи-

тать надоено не стопами, вы тотчасъ поймете его разнообразную прѣвочную музыкальность.»

Въ словахъ и выраженияхъ самаго текста Слова, Н. А. Полевой показалъ довольно замѣчательныя изслѣдованія. Такъ въ выраженияхъ: трону Трояню, вѣци Троянн — полагаетъ, что не должно думать о Тролльѣ Императорѣ, какъ думали другие, но что Владимира называютъ въ одномъ Русскомъ памятникѣ Трояномъ, и что этихъ словъ не должно ли искать на Руси, или у Половцевъ.» Темный мѣста подлинника: «Рекъ Боянъ и ходы па Святъславя Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромъ головы» — Н. А. Полевой читаетъ такъ: «Рекъ Боянъ и ходы [говоря о походахъ] на Святъславя (по подобию) пѣснотворца старого времени Ярослава, Ольгова, Коганя: хотя тяжко ти голова, кромъ плеча; зла ти тѣлу безъ головы. Полагаемъ — говорить Н. А. Полевой — что имя: Коганъ, означаетъ пѣвца, жившаго при Ярославѣ, и славнаго, подобно Бояну, Слово хоти, мы переводимъ здѣсь словомъ: хотя, относя его къ слову: тяжко, а не къ предшествовавшимъ словамъ.»

Подробности и критическія изслѣдованія какъ о самомъ Словѣ, такъ и о народной Русской поэзіи помѣщены Н. А. Полевымъ во 2 томѣ Исторіи Русскаго Народа, столь всѣмъ извѣстной, что мы не входимъ въ дальнѣйшія изслѣдованія.

Послѣднєе критическое изысканіе о Словѣ Игорева полка было составлено профессоромъ М. Максимовичемъ, и какъ классическія лекціи его были напечатаны въ журналь *Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1836, ч. X, стр. 1 и 439, и 1837 г, ч. XIII, стр. 29. Изслѣдованія г. Максимовича были раздѣлены на три отдельныя статьи.

Въ первой статьѣ опѣ обозрѣвали исторію рукописи, разныхъ изданій Слова; слегка коснулся о гипотезахъ защитниковъ и недовѣрчихъ; еще короче изложилъ доказательства о достовѣрности слова. Окончаніе этой статьи составляетъ изложеніе Слова и историческихъ событий. Самок-

Слово опъ раздѣлятъ на 12 главъ. Для примѣра мы выписываемъ его суждения объ археологахъ Русскихъ.

«Г. А. Ф. Вельтманъ, 1833 года, перевѣль ее мѣрою прозою съ новымъ чувствомъ красоты ея. Съ новыми видами обѣ исторической важности ея писалъ о ней г. Н. А. Полевої (Ист. Р. Н. 1830 и Моск. Тел. 1838). Съ новымъ уразумѣніемъ народно-поэтическаго ея свойства писалъ о ней г. А. Глаголевъ. Съ другой стороны, съ точки зренія Каченовскаго, г. профессоръ И. И. Давыдовъ, на основаніяхъ филологическихъ сомнѣвается также въ ея подлинной древности и находить въ ней сходство съ Исландскими Сагами.»

Напрасно вы будете доискиваться: въ чёмъ состоять новые чувства красоты г. Вельтмана? Какие это новые виды исторической важности г. Полеваго? Что такое новое уразумѣніе г. Глаголева? На чёмъ основаны подозрѣнія гг. Каченовскаго и Давыдова? Этого г. Максимовичъ нигдѣ не излагаетъ.

Слово о полку Игоревомъ г. Максимовичъ называетъ историческою пѣсни, и что оно есть первородный, изящный образецъ собственно Русской, настоящей исторической поэмы.

Во второй статьѣ г. Максимовичъ разсматриваетъ духъ и форму Слова о полку Игоревомъ. Этотъ духъ, по мнѣнію г. Максимовича, заключается въ соединеніи двухъ главнейшихъ началь: «любви къ землѣ Русской и ея славѣ, и вѣры въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія. Въ подробномъ изслѣдованіи этотъ духъ получилъ у него подраздѣленія: духъ любви, духъ ратный. Тоска по родинѣ у него получила особенное название: «Любовь къ минувшему и скорбь о настоящемъ. Совершенно поверхности изложенія предметовъ: вѣрованія въ миръ духовъ, чудесности знаменія природы. Въ такомъ Лагарповскомъ обзорѣ мы совершенно не замѣтили критическихъ изслѣдований, такихъ изслѣдований, которые выходятъ изъ-подъ пера опытнаго археолога. Можетъ быть это и не входило

въ кругъ изысканий г. Максимовича. Мы уже прежде указывали, какъ г. Максимовичъ удачно воспользовался трудами своихъ предшественниковъ, повторяемъ и теперь, что всѣ невѣрныя объясненія прежнихъ критиковъ въ изслѣдованіяхъ его совершенно удалены, и въ этомъ отношеніи его бозрѣніе на Слово имѣть предъ всѣми преимущество.

Въ третьей статьѣ г. Максимовичъ излагаетъ свои мнѣнія: «оъ образѣ выраженія и языкѣ.» Въ своемъ обозрѣніи онъ старался разсматривать четыре предмета: о подобіяхъ, народно-поэтической символикѣ птицъ и звѣрей, о повтореніяхъ, и языкѣ.» Въ этой статьѣ мы встрѣтили самыя основательныя лексикографическія изслѣдованія, замѣчательныя по внимательному изученію Слова о полку Игоревомъ.

Подобіе, по мнѣнію г. Максимовича, принимаетъ разныя обороты, кои можно привести къ тремъ видамъ: положительному, отрицательному и положительно-отрицательному. Подобіе при изображеніи какого либо одного предмета, обыкновенно у пѣвца выражается творительными падежемъ того предмета, отъ кого оно заимствуется; второй оборотъ подобія выражается сравнительнымъ союзомъ: аки, яко, рци; третій оборотъ подобія состоить въ сближеніи подобныхъ предметовъ, и есть простое соответствие.

Въ обозрѣніи символики, г. Максимовичъ говорить, что соколь есть символъ храбрости и быстроты въ нападеніи; лебедь есть символъ пѣнія и звука вообще; соловей есть эмблемма пѣвца; пареніе сизаго орла выражаетъ полетъ поэтическаго ума или замысленія Боянова; галка символъ разлуки; туръ символъ храбрости и силы.

Повторенія словъ и рѣченій, говорить г. Максимовичъ, состоять въ постоянныхъ эпитетахъ, усвоенныхъ разнымъ лицамъ и вещамъ.

Наконецъ о самомъ важномъ предметѣ—языкѣ Слова о полку Игоревомъ, онъ говоритъ: «Языкъ Пѣсни Игорю по составу

своему, т. е. въ лексико-грамматическомъ отношении, сходень съ языкомъ Нестора, Мономаха, и особенно съ языкомъ Киевской и Волынской лѣтописи; но въ немъ еще болѣе, чѣмъ въ нихъ, замѣтно борение народно-Русскаго языка съ книжно-Славянскимъ. И это потому, что Пѣснь Игорю есть произведение мѣрское, поэтическое, и притомъ сложенное въ концѣ XII вѣка. Тогда Словенскій языкъ у пасы начинать уже измѣняться противъ первоначального, древняго своего вида: и хотя на немъ писали, и вѣроятно, и говорили тогда книжные и духовные люди, но для мѣръ онъ былъ уже старый языкъ... Во внутреннемъ составѣ языка пѣсни Игоревой видимъ сочетаніе двухъ стихій—книжной и народной. Языкъ пѣвца Игоря столько же особыній и такъ составился, какъ и въ наше время изъ новаго—книжнаго и народнаго—Русскаго составляется особыній языкъ какого либо даровитаго, самостоятельнаго писателя. Пѣвецъ именно хотѣлъ воспѣть походъ Игоря старыми словесы трудныхъ повѣстій, по обычая тогдашніхъ писателей, а, можетъ быть по желанію приблизиться къ языку своего вдохновителя Бояна, потому что у него и господствуетъ вообще языкъ Словенскій. Но это самое наимѣреніе воспѣть старыми словесы показываетъ уже, что былъ тогда другой языкъ, относительно Словенскаго, новый, употребительный въ разговорѣ, а вѣроятно и въ народныхъ пѣснопѣніяхъ того времени. Сей природный и привычный пѣвцу языкъ былъ Южно-Русскій (Сѣверной области, ибо пѣвецъ безъ сомнѣнія былъ Сѣверянинъ) и сего языка слова и обороты беззрѣстанно пробиваются сквозь покровъ Словенскаго.»

Въ этихъ мѣнѣніяхъ мы прочитали уже прежнее розысканіе Н. А. Полеваго, помѣщенное въ рецензіи на издание Велтмана [въ Моск. Телегр. 1833 года, ч. 50 стр. 432]—«что Слово о полку Игоревомъ писано на Русскомъ языке, какимъ въ XII вѣкѣ говорили въ Украинѣ, Киевѣ, Черниговѣ, Курскѣ.» Встрѣтили старое замѣнченіе К. Ф. Калайдовича, помѣщенное въ трудахъ Общества Любителей Российской Словесности ч. 13, стр. 31—что пѣснь сочинена на Славяно-Русскомъ языкомъ, подобнымъ

лѣтопискому и сходнымъ съ лѣтописами, граматами и другими историческими памятниками; что она сочинена по всѣмъ вѣроятіямъ въ нынѣшней Малороссіи.»

Въ изслѣдованіи склада языка Слова Игорева полка г. Максимовичъ повторилъ также старое. «Она могла быть пѣтюю и не быть стихотвореніемъ: церковныя пѣсни наши, большую частью не представляющія никакой мѣрности въ складѣ своемъ, распѣваются на определенные гласы.» Это еще было сказано А. Х. Востоковымъ въ 1818 году, въ опытѣ о Русскомъ стихосложеніи, стр. 159: «неизвѣстно, для пѣнья ли сочинено Слово, или только для чтенія, такъ лѣтописи и другие тѣхъ временъ письменные памятники, отъ которыхъ отличается оно только своею витеватостью?.. Прозу можно пѣть, такъ какъ мы поемъ наши Славянскіе псалмы и другие церковные стихи, никакого определенного размѣра неимѣющіе.»

Г. Максимовичъ допускаетъ, что въ Словѣ «есть стихи нестолько определенного склада и однообразнаго размѣра, какъ народные Великорусскіе, но столько же разнообразные и вольные, какъ Українскіе, особенно въ Думахъ.» Онъ приложилъ даже въ примѣненіяхъ и образцы стиховъ:

Изъ пѣсни Ярославны:

Жаждею пѣти души съправе,
Тугою имъ тури затче.

Пѣсня Русскихъ женъ:

Уже памъ своихъ мыыхъ ладъ
Пи мыслю смыслити,
Пи думю сдумати,
Пи очами сглядати,
А злата и сребра ни мало того потрепати!

Такое предположеніе допускали гг. Востоковъ, Дубенский, Полевой. Вотъ ихъ опыты. Намѣреніе Г. Востокова привести въ стопы пѣснь о полку Игоревомъ, появилось прежде другихъ. Онъ говорить: «въ древнѣйшемъ, какое до настѣ дошло, эпическомъ произведениіи Русской музы, въ

Слово о полку Игоревъ, не слыхать никакого размѣра: въ немъ съ начала до конца какъ кажется голая проза. Неизвѣстно, для пѣнія ли сочинено сие, въ подлинникѣ такъ называемое слово; или только для чтенія, такъ какъ автографы и другие тѣхъ временъ письменные памятники, отъ которыхъ оно отличается только ватиеватостію? Если для пѣнія оно сочинено, то въ стихахъ или прозѣ? И прозу можно пѣть, такъ мы поемъ наши Славянскіе псалмы и другие церковные стихи, ни какого опредѣленнаго размѣра не имѣющіе. Почему мы можемъ знать, что въ словѣ о полку Игоревѣ не было какого нибудь размѣра, который ежели бы и сохранился до насъ чрезъ столько вѣковъ въ настоящемъ своемъ видѣ, что весьма сомнительно, подъ перомъ безтолковыхъ перепищицковъ; то мы, при всемъ томъ, не только судить обѣ немъ, ни даже примѣтить его теперь не могли бы, за его древностію; ибо чрезъ 600 лѣтъ вѣрно сколько нибудь перемѣнилась и просодія языка Русскаго... Замѣчу мимоходомъ, что не мѣшало бы, хотя для типографической исправности, чтобы облегчить читателю отыскываніе мѣстъ, при новомъ пѣданіи Слова о полку Игоревѣ, раздѣлить сию древнюю поэму Русскую на стихи, подобные библейскимъ, и означить оные, какъ водится, числами.»

Г. Востоковъ прилагаетъ для образца и раздѣление на стихи этого слова. Вотъ они—

1. Нелѣпо ли ны бяшеть, братie,
2. Начати старыи словесы трудныхъ повѣстій
3. О пльку Игоревѣ, Игоря Свѧтъславча,
4. Начати же ся той пѣсни,
5. По былинамъ сего времени,
6. А пе по замышленію Болю.
7. Боянъ бо вѣцій,
8. Аще кому хотише пѣснь творити,
9. То растекашеться мыслию по древу.
10. Сѣрымъ вѣкомъ по земли,
11. Шпзымъ орломъ подъ облаки.

Г. Дубенскій принимаетъ это въ другомъ ссыль; онъ пѣснь о полку Игоревѣ размѣряетъ «шестистопнымъ дактилохореическимъ стихомъ или экзаметромъ.» Вотъ его раздѣление.

1. Не десять соколовъ лебедей на стадо пущаще;

2. Ни своя вѣція прѣсты на живыя струны вѣскладаше;
3. Они же сами килемъ славу рокотаху.

—

1. . . Тогда Игорь вѣрѣ на свѣтлое солнце
2. И видѣ отъ него тьмою вся своя прикрыты.
3. И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино!
4. Луцежъ бы потяту быти, не же полонену быти:
5. А вследемъ, братіе, па свои брѣзыя комони,
6. Да позримъ Дону синего.

—

1. Съ вами, Русици, хочу главу свою приложити,
2. А любо испити шеломомъ Дону. О Бояне,
3. Соловію стараго времени! А бы ты сіа пльки
4. Ущекоталъ, скача славю по мыслену древу,
5. Летая умомъ подъ облаки; свивав славы
6. Оба полы сего времени, рища въ трону Троянию
7. Чрезъ пола па горы.

—

1. Тому вѣцій Боянъ и прѣвое
2. Припѣвку смысленныи рече: ни хытру, ни горазду,
3. Ни птою горазду, суда Божіа не минуты.
4. О стѣната Русской земли, помянувши прѣвую годину
5. И прѣвыхъ князей. Того стараго Владимира не лъжъ
6. Бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ.

—

1. . . . . Сѣдлай,
2. Брате, свои брѣзыя комони, а мон ти готовы,
3. Осѣдлази у Курьска па переди; а мон ти
4. Курзин свѣдоми къмети, подъ трубами повити,
5. Подъ шеломы взлеїяны, конецъ конія въ скърмлени,
6. Пути имъ вѣдоми, яруги имъ знаеми, дуци
7. У нихъ напряжени, тули отворепи, сабли пъюстрени.
8. Сами скачутъ акы сѣрыи вѣльцы въ полѣ,
9. Ищучи себѣ чти, а Князю славѣ.

—

1. Н. А. Полевої, разбирая изданіе Вельтмана—«пѣснь ополченію Игоря Свѧтоги-

ЧА» НАПЕЧАТАНОЕ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ 1833 ГОДУ, ПИСАЛЬ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ТЕЛЕГРАФѢ 1833 Г. № 7, СТР. 429.—

«ВЪ СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ РАЗМѢРЪ ЯВЕНЪ, И СТОИТЬ ТОЛЬКО ВСПОМНИТЬ, ЧТО ТУТЪ СЧИТАТЬ НАДОВНО НЕ СТОПАМИ, ВЫ ТОТЧАСЬ ПОЙМЕЙТЕ ЕГО РАЗНООБРАЗНУЮ, ПѢВУЧУЮ МУЗЫКАЛЬНОСТЬ:

1. А истова, братie, Киевъ тугою, а Черниговъ изпастыми;
2. Тоска разліася по Русской землѣ;
3. Печаль жирина тече средь земли Русской;
4. Князи саки на себя крамолу коваху,
5. А поганіи, саки парыщуще па Русскую землю,
6. Емляху дань по бѣлѣ отъ двора....
1. О Дицѣрѣ словотицю!
2. Ты пробиць еси каменныя горы, сквозѣ землю Полоцкую,
3. Ты ледѣаль еси Святослави пасады до пылку Кобакова,
4. Ваделѣй, господине, мою ладу ко мнѣ,
5. А быхъ не слала къ нему слезъ на море ради!
6. О вѣтра вѣтрило! Чему, господине насильно вѣши!
7. Чему мычепи Хановскія стрѣлки,
8. На свою не трудно крѣльца,
9. На мою лады вою!
10. Мало ти башеть горѣ, подъ облаки вѣять,
11. Ледѣючи корабли на синѣй морѣ!
12. Чему, господине, мое веселіе по кавычю развѣя!

ВОТЬ ЧЕТЫРЕ РАЗЛИЧНЫЯ СУЖДЕНІЯ ПИСАТЕЛЕЙ ОБЪ ОДНОМЪ И ТОМЪ ЖЕ ПРЕДМѢТѢ. МНѢНІЕ КАЖДАГО ИЗЪ НИХЪ ИМѢТЬ СВОИ ОСНОВАНІЯ, СВОИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. ВСЪ РАЗЛИЧІЯ ПРОИСТЕКАЮТЪ ОТЪ ОБРАЗА ВОЗЗРЕНІЯ НА ПРЕДМѢТЪ.

Таковы были критические изслѣдованія защитниковъ Пѣсни Игорева полка. Мы теперь обращаемся къ нашимъ Русскимъ скептикамъ, не вѣрующимъ въ бытіе древней Руси, и, въполномъ сравнеиніи ихъ изслѣдованія, можемъ только видѣть достопицтво тѣхъ и другихъ.

Напиши Русскіе скептики доселъ еще не успѣли проповѣсти ни одного полнаго сочиненія, ни одного поднаго критическаго

изслѣдованія по Русской истории. Всѣ труды ихъ состоять въ вѣсколькихъ сомнѣніяхъ, высказанныхъ въ журнальныхъ статейкахъ. Всѣ понятія о недостовѣрности древней Русской истории не приведены еще въ систему, хотя приверженцы успѣли уже провозгласить, что появилась на Руси новая историческая школа. Понятія скептиковъ, какъ чуждыя намъ по происхожденію, какъ намъ современныя, известны наперечетъ, и потому мы не считаемъ ихъ самобытными, созданными Русскимъ умомъ и Русскимъ человѣкомъ. Это мы потому говоримъ, что ни одно сомнѣніе нашихъ скептиковъ не утверждено доказательствами, что ни одно подозрѣніе не изслѣдовано критически, что загодыши критическіхъ сомнѣній и подозрѣній появился въ думахъ чужеземца по своему происхожденію.

Мнѣнія известнаго профессора Эверса были приняты Московскимъ профессоромъ М. Т. Каченовскимъ и составили основаніе такъ называемой новой исторической школы. Сомнѣнія начались съ первой страницы Русской истории—съ вопроса? Откуда произошли Руссы? Отвѣтъ вѣсъ изслѣдованія, вѣсъ древніе акты, первый составъ Несторовой летописи, они заподозрили всю Русскую исторію до XIV вѣка. Вѣдомствіе этихъ сомнѣній и Слово о полку Игоревомъ было предано сомнѣнію, какъ величайшій фактъ Русской граматности XII вѣка.

Мнѣнія почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго известны намъ только по краткимъ выпискамъ его послѣдователей; самъ же онъ, какъ смыслило, приготовляя еще свои критическія изслѣдованія по Русской истории. Послѣдователи говорятъ, что вѣсъ критическихъ замѣчаній заимствуютъ они изъ лекцій М. Т. Каченовскаго, и какъ онъ самъ ни одного раза не протестовалъ противъ ихъ недостовѣрности, то мы и признаемъ ихъ за произведения М. Т. Каченовскаго. Мнѣніе его о Словѣ Игорева полка было вписано Г. Бѣлковымъ въ критическое изслѣдованіе, помѣщенное въ Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Моксовскаго Университета, ч. 5, стр. 457.

Г. БЕЛЫКОВЪ ГОВОРИТЬ: «ЗАКЛЮЧИМЪ ДРАГОЦѢННЫМИ ЗАМѢЧАНІЯМИ, ЗАИМСТВОВАННЫМИ МНОЮ ИЗЪ ЛЕКЦІИ ПРОФЕССОРА КАЧЕНОВСКАГО.

«Хощу... копіе приломити... съ вами.

«ФРАЗА РЫЦАРСКАЯ! ROMPRE UNE LANCE AVEC И ТАКЖЕ ROUP QUELQU'UN. Смотри Словари. Странная встреча!

«Чили—или. Но это есть такое Польское словцо, котораго употребленія невозможно приписывать тому времени. Какимъ былъ Польский языкъ XIV столѣтія — никто не знаетъ.

«*Велесова опуга.* Изъ Св. Власія, покровителя скотовъ, невѣжды сдѣлали небывалаго Бога *волоса*, иначе *волоса*; въ такомъ же заблужденіи былъ и нашъ авторъ, между тѣмъ какъ известно, что въ Новгородѣ была Волосова улица (И. Г. Р. изд. 2, т. IV, пр. 337, стр. 207). Гражданинъ Волосъ, т. е. Власъ былъ убитъ на вѣчъ 1930 г. (Новг. лѣт. стр. 115.) Была и церковь Св. Власія или Волоса. Справно, что въ Новг. находилась и улица Бояна (лѣт. Новг. 177)! Авторъ частехонько вредить именами лицъ и урочищъ сѣверныхъ!

«*Буй Туръ Всеъюзъ.* Туръ — дикий баранъ горъ Кавказскихъ; оттуда: турій рогъ. (Приб. къ Изв. 1833, 62 № стр. 493] Изобрѣтатель пѣсни Игоревой, въ общемъ со всѣми заблужденіемъ, почитаетъ за вола.

«*Драгыл Оксамиты.* Оксамитъ (слово Польское, но происхождение Греческаго) — бархартъ и притомъ изъ шелку, ибо дорогія оксамиты. Но въ XII или XIII столѣтіяхъ шелкъ былъ веществомъ еще весьма рѣдкимъ даже между Греками. Шелководствомъ начали заниматься въ Венеции только съ 1309 г., въ Неаполѣ 1456; во Франции шелковые фабрики появляются около 1470 года. (Бека Всеоб. Ист. IV. 858).

Съигал а обыгая. Слова, употребительные въ Польскомъ языке, въ видѣ поговорки, какъ напримѣръ въ Нѣмецкомъ: *HANDELN UND WANDERN* и проч. Это пахнетъ чѣмъ-то новымъ; ибо Польский я-

зыкъ XII и XIII столѣтій никому неизвѣстенъ.

«*Дасегъ*—украдено изъ Великороссійскаго простонарвчія новѣйшаго; ибо въ книгахъ его не находимъ.

«Упоминаемыя въ пѣснѣ Ногаты суть прилежность сѣвера, а не юга.

«Паконецъ еще должно замѣтить, что нѣкоторыя необыкновенные формы глаголовъ заимствованы изъ Новгородской лѣтописи; на стр. 65 найдете: *учашеть*, *вяшеть*. Весьма также замѣчательны выраженія, найденные Карабинскимъ въ одной рукописи и повторенные въ Словѣ о полку Игоревѣ, а именно: *съянется* и *ростяще усопицами*; гыпаше жизнь наша въ князехъ, который вѣщи сократиша человѣкомъ.» [См. И. Г. Р. изд. 2. IV, пр. 228, 144.]

Вотъ драгоцѣнныя замѣчанія почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго. Справедливы ли они? Это ли критика для такого геніального произведения, каково Слово о полку Игоревомъ? Не позабудьте, что такъ думаетъ самъ основатель новой исторической критики, котораго мнѣнія послѣдователи принимаютъ за факты, отвергая настоящіе исторические факты, на которыхъ зиждется основаніе критикъ въ ученомъ мицѣ. Мы разсмотримъ драгоцѣнныя замѣчанія почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго.

Будто слова: «хощу.. копіе приломити... съ вами»—есть рыцарская фраза, мы не вѣримъ этому, и скрѣвѣ согласимся, что выраженіе: «смотри Словари — не имѣть никакаго вѣроятія. Критикъ не показалъ намъ, въ какіе Словари мы должны смотрѣть, чтобы удостовѣриться въ его возраженіи; а безъ этого мы не вѣримъ, и самое его возраженіе считаемъ фразою новой исторической школы. Просимъ заглянуть только нашихъ читателей въ Русскія народныя стихотворенія, собранныя Демидовымъ, гдѣ вѣрскиаются о богатырскихъ подвигахъ Русскихъ витязей. Тамъ Русскимъ языкомъ воспѣты богатыри наши. Неужели всѣ эти пѣсни есть переводъ съ Французскаго? Неужели Святославъ, переселяясь изъ Киева

въ Болгарію былъ рыцарь, когда поэтически описывалъ выгоды своихъ переселений? Мы знаемъ отличие между наездами нашихъ князей на степи Подовецкія и рыцарскими подвигами, и потому самому не смѣшиаемъ въ одно понятіе рыцаря и богатыря, рыцарство и наездничество. И если Русской краткѣ имѣть такія неосновательные понятія о семейной и политической жизни своихъ предковъ, то чего же ожидать намъ отъ чужеземцевъ? Мы бы желали знать: откуда взялъ почтеннѣйший М. Т. Каченовской эту французскую фразу? И если на это исторический фактъ, или только взято изъ какой нибудь исторической книги? Мы не будемъ входить въ възвѣданіе Славянской Миѳологии и доказывать, что Велесъ существовалъ у Славянъ язычниковъ, зная, что почтеннѣйший М. Т. Каченовский, по своимъ критическимъ соображеніямъ, уничтожаетъ въ Русской истории около четырехъ вѣковъ. Наши мнѣнія о Славянской миѳологии изложены уже впереди, въ Сказаніяхъ Русского народа, и повторяемъ здѣсь, что мы вѣримъ сказанию Нестора, что Великий Владимиръ съ принятиемъ Христианства уничтожилъ Киевскихъ идоловъ, въ числѣ которыхъ былъ и Велесъ. Наши Несторъ первый сказалъ, что имѣніемъ Велеса клялись наши предки-язычники, что Велесовъ кумиръ былъ въ Киевѣ, а почтеннѣйший М. Т. Каченовский изволить думать, что «изъ Св. Власія, покровителя скотовъ, нѣвѣжды сдѣлали небывалаго бога Волоса, иначе Велеса,» никако не упоминая, что уже въ XII столѣтии Св. Аврамій Ростовский уничтожилъ въ Ростовѣ языческое поклоненіе Велесу.

Мнѣніе нензвѣстнаго, что «Туръ—есть дикий баранъ горъ Кавказскихъ—не служить оправдѣніемъ словъ пѣвца Игоря: «Буй Туръ!» Во первыхъ, не должно доискаваться слова Туръ на Кавказѣ и выводить его отъ дикаго барана: это есть заблуждение. Кому знакомы народные праздники и образцовое сочиненіе извѣстнаго нашего археолога, И. М. Снегирева, тѣ вѣрно не будутъ возлагать небывалыхъ подозрѣній на пѣвца Игоря.

Аксамитъ совсѣмъ не бархатъ изъ шелку:

это есть парчевая матерія. Мы также не понимаемъ, что аксамитъ есть слово Польское, Греческаго происхожденія! Если Поляки могли усвоить себѣ это слово, то неужели Русскіе XII вѣка, еще болѣе знакомые съ Греками, не могли усвоить этого же слова? Мы не понимаемъ, какъ только можно въ XIX вѣкѣ называть эти неизрѣдѣнныи драгоцѣнныи примѣчанія!

Загляните въ Исторію Н. М. Карамзина т. 2, прим. 300, 393, 414, загляните въ лѣтописи подъ годами 1147, 1159, 1164—и тамъ увидите, какъ наши князья дарили другъ друга парусами и аксамитами. Это Русское доказательство вѣрите заморскаго. Для чего ссылаться на Бека, который толкуетъ о шелковомъ производствѣ, а не о пѣвцѣ Игоревѣ полка?.. Вотъ какіе факты новой исторической школы! Въ описяхъ церковныхъ ризницъ доселъ находимъ слово аксамитъ, и тамъ парчевые ризы называются аксамитными. Загляните въ старыя описи ризницы Московскаго Успенскаго собора, или описи государскихъ имуществъ XVII вѣка, хранящіяся въ Московской Оружейной палатѣ, и тамъ прочтете аксамиты.

Говоря, что слова: свычая и обычая—употребляются въ Польскомъ языке, почтеннѣйший М. Т. Каченовский приводить въ доказательство Нѣмецкую фразу, и говорить что это пахнетъ чѣмъ-то новымъ. Осмѣливается увѣрить, что эти слова кореннаго Русскаго, а не Польскаго, и что они доселъ употребляются въ губерніяхъ Тульской, Орловской и Московской. Намъ нѣть ни какой надобности, что Польский языкъ XII в XIII столѣтий никому непрѣдѣленъ. Мы вѣримъ отъ души, что Іоаннъ Экзахръ Болгарскій переводилъ на Славянскій языкъ, что Остромирово Евангелие, писанное въ половинѣ XI вѣка, также есть переводъ съ Греческаго на Славянскій.

Давечя—говорить почтеннѣйший М. Т. Каченовский, нестарое слово, оно украдено изъ Великороссійскаго простойарѣчія новѣшаго. Смѣемъ увѣрить его, что вместо—давечя, должно читать: далечя—это ошибка писца, или недосмотръ первыхъ издателей. Полжимъ, что слово давечя поставлено въ спи-

скѣ безъ ошибки, и будемъ допускать, что это слово простонародное, и тогда мы не имѣмъ права отвергать его. Нашъ языкъ народный доселе еще неизслѣдованъ; и есть у насъ областныхъ словарей и грамматикъ; никто не занимался еще сравненіями областныхъ выговоровъ. Языкъ народный имѣть вѣковыя постоянности, особенно языкъ господствующій; онъ остается неизмѣненъ, какъ самъ народъ. Со всемъ не то бываетъ съ языкомъ книжнымъ, который безпрерывно измѣняется. Отвергать древнее произведеніе Слова о полку Игоревомъ потому только, что слова: давечія—и есть въ кни-
гахъ противно всякому логическому смы-
слу.

Почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій изла-
гаетъ, что будто бы слова, найденные Карам-
зиномъ въ одной рукописи повторены въ од-
номъ мѣстѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Здѣсь
двойная неправда: рукопись отыскана Ка-
лайдовичемъ, а не Карамзиномъ, и мы въ
этомъ ссылаемся на статью, помѣщеннюю
въ трудахъ Общества Истории и Древно-
стей Россійскихъ, ч. 2. стр. 41, где говор-
ить Калайдовичъ: «немаловажнымъ дока-
зательствомъ древности ея послужить одно
мѣсто, случайно найденное мною и сооб-
щенное г. Историографу.» Эта рукопись
есть Апостоль, писанный на пиргаменѣ въ
1307 году. По смыслу, данному М. Т. Каче-
новскому, выходить, что пѣвецъ Игоря
жившій въ XII вѣкѣ, повторилъ слова Игу-
мена Зосимы, жившаго въ XIV столѣтіи.
И такие изслѣдованія называются крити-
кою!

Сильное гоненіе на Слово о полку Иго-
ревомъ возвѣгъ последователь почтеннѣй-
шаго М. Т. Каченовскаго, г. Бѣликовъ, въ
статьѣ: «иѣкоторыя изслѣдованія Слова о
полку Игоревѣ,» напечатанной въ Уче-
ныхъ Запискахъ Московскаго Университета
(1834 г., ч. 5, стр. 395 и 448). Въ заклю-
ченіе всѣхъ своихъ умствованій, онъ гово-
ритъ: «Пѣснь Игоря не дошла до насъ въ
своей первобытной чистотѣ; она чрезъ иѣ-
сколько вѣковъ уже писана имъ съ слове-
наго преданія, сохранившагося въ сказкѣ,
или пѣсни, или переложена съ иностран-
наго языка. Въ XVI вѣкѣ, когда книгопе-

чаніе породило въ Руссахъ чрезвычайную
охоту къ чтенію, видно въ нашей истории
вообще стремленіе грамматѣвѣ списывать
всѣ историческія преданія, и отечественный,
и иностранный. Въ это время, вѣроятно,
нашелся и любитель излишнаго, которому,
понравилась сказка, или пѣснь о походѣ
Игоря, и который, чувствуя въ себѣ спо-
собность краснорѣчиво передавать свои мы-
сли, рѣшился записать ее, и какъ бы хо-
рошій начетчикъ старинныхъ книгъ, взду-
малъ изложить опную стариннымъ языкомъ
XII вѣка—старыми словесы; притомъ язы-
комъ сочинителя, который, по его мнѣнію,
былъ южный Русинъ. Это намѣреніе заста-
вило его искать старинныхъ формъ языка,
словъ южнаго нарѣчія и почерпать по невѣ-
дѣнию слова изъ Польскаго и Сербскаго
языка. Безъ сомнѣнія чрезъ это онъ иска-
зилъ прекрасную пѣснь Игорю; но ему это
казалось лѣпымъ. Вѣроятно также, что его
же усердіемъ вставлено отступленія о ме-
ждоусобицѣ князей, заимствованныя имъ
изъ другихъ преданій; можетъ статься, что
снисатель Слова о полку Игоревѣ и не былъ
его слагателемъ, а только переводчикомъ.
Въ XII столѣтіи, какъ извѣстно, приходи-
ли къ нашимъ князьямъ Норманы, Греки;
не удивительно, что изъ сихъ пришель-
цовъ кто либо, обрустѣвъ, записалъ, или
воспѣвъ на своеѣ языкахъ походъ Игоря,
и эта записка дошла до грамматѣвѣ XVI
вѣка, которые переложили ее стариннымъ
Русскимъ языкомъ, подражая древнѣйшимъ
нашпмъ писаніямъ; но, не понимая хорошо
подлинника, перевели буквально, посо-
бляя своему неумѣнію словами изъ разныхъ
языковъ.»

Вотъ каковы понятія последователя новой исторической школы о Словѣ Игорева полка. Всѣ эти предположенія основаны г. Бѣликовымъ на слѣдующихъ сомнѣніяхъ.

«Слогъ Игоревой пѣсни далекъ отъ вы-
раженія, какое видимъ мы въ нашей дре-
вней библиотѣкѣ; она ниже и грубѣе нашихъ
древнѣхъ монашескихъ писаній, а выше и
чище слога ихъ граммат. (стр. 307). Въ
эстетическомъ отношеніи Слово о полку
Игоревѣ возвышается предъ всѣми нашими
древними словесными произведеніями. Въ

НЕМЪ КРАСОТЫ ПИТТИСКІЯ РАЗСВѢПЫ ВО МНОЖЕСТВѢ: ПРЕКРАСНЫЯ СРАВНЕНИЯ, ИЗЯЩНЫЯ ОПИСАНІЯ, ЖИВОПИСНЫЯ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ ПОРАЖАЮТЪ ЧИТАТЕЛЯ. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫМЪ ЕЯ КАЧЕСТВОМЪ, КАЖЕТСЯ, МОЖНО ПОЛОЖИТЬ СИЛЬНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ ЧУВСТВА ПОЭТА ВЪ ОКРУЖАВШУЮ ЕГО ПРИРОДУ (стр. 305).»

ВОТЬ КАКИМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ СКЕПТИКИ УБИВАЮТЪ СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ. ЧЕМУ ВЪРНТЬ, КОГДА ВЪ ОДНО И ТОЖЕ ВРЕМЯ ГОВОРЯТЬ РАЗНОЕ. ИЛИ СЛЕДУЮЩЕ: СЛОВО ПРИ ВСЕЙ КРАТКОСТИ, ОТКРЫВАЕТЪ ВЕЛИЧАЙШІЯ НЕСООБРАЗНОСТИ ВЪ ЛЕКСИКОЛОГІИ И ЭТИМОЛОГІИ СЛОВА, ПРИТОМЪ КАКЪ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ТАКЪ И ЭТИМОЛОГІЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНИИ.» КРИТИКЪ НЕ ПОКАЗАЛЪ ЭТИХЪ НЕСООБРАЗНОСТЕЙ, НЕ РАСКРЫЛЪ ЛЕКСИКОЛОГІЧЕСКІХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ XII ВѢКА, ПОЧЕМУ ВЫ ЕМУ МОЖНО ВЪРНТЬ. КОГДА КРИТИКЪ ПРИХОДИТЬ ВЪ УДИВЛЕНИЕ: ОТКУДА ПФЕВЕЦЪ МОГЪ ЗНАТЬ ЛЕОПАРДОВЪ? НЕ-УЖЕЛИ ОНИ ВОДИЛИСЬ КОГДА ЛИБО ВЪ РОССІИ?—ТО МЫ НЕ ВИДИМЪ, ЧТОБЫ ОНЪ ВНИКАЛЪ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНІЕ. ПРОСИМЪ КРИТИКА ЗАГЛЯНУТЬ ВЪ КІЕВСКУЮ АВТОПІСЬ, ГДѢ СКАЗАНО, ЧТО ОЛЕГЪ СВЯТОСЛАВІЧ ПОДАРПЛЪ ЮРІЮ ДОЛГОРУКОМУ ПАРДУСА, А СВЯТОСЛАВЪ ОЛГОВІЧ ТАМЪ ЖЕ ДАРИЛЪ РОСТИСЛАВА: ЭТО БЫЛО ВЪ ПОЛОВИНѢ XII ВѢКА. ПО МНѢНІЮ КРИТИКА МАТЕРИАЛЫ СЛОВА ВЪ СТАТИСТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВЛЯЮТЪ ЕЩЕ БОЛЬШІЕ ЗАГАДОЧНОСТИ. И КАКІЯ ЖЕ СЛОВА ЗАГАДОЧНЫ? БОЛОНЬЕ, ЯРУГЪ. СЛОВО: БОЛОНЬЕ МЫ ВСТРѢЧАЕМЪ ВЪ ПУТЕШЕСТВІИ ДАНИІЛА ПАЛОМНИКА; СЛЫШИМЪ ДОСЕЛЪ, КАКЪ КІЕВЛЯНЕ НАЗЫВАЮТЪ ЭТИМЪ СЛОВОМЪ МѢСТО МЕЖДУ ВАЛОМЪ И ГОРОДОМЪ. СЛОВО ЯРУГЪ ТАМЪ ЧАСТО ВСТРѢЧАЕТСЯ ВЪ КРВПОСТНЫХЪ ЗАПИСЯХЪ XVII ВѢКА, ЧТО ОНО ЯВНО ВЫГАЖАЕТЪ ОВРАГЪ, РОВЪ. ВОТЬ ВАМЪ ДОСТОВѢРНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКІЯ. КРИТИКЪ ПОДОЗРѢВАЕТЪ ДАЖЕ, ЧТО СЛОВА: КРОВАТЬ ТЕСОВА, ДОРОГА — ОТЗЫВАЮТСЯ ЧАМЪ ТО НОВЫМЪ. КТО ЖЕ ТЕПЕРЬ ПИШЕТЬ: ТЕСОВА КРОВАТЬ? ЭТО МЫ ВСТРѢЧАЕМЪ ВЪ СТАРЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ И ВЪ НОВОГОРОДСКОМЪ НАРЧІИ.

ЕЩЕ ВЪ 1834 ГОДУ Г. С. РУССОВЪ ВОЗРАЖАЕТЪ Г. БІЛКОВУ ВЪ ОТДѢЛЬНЫЙ БРОШЮРѢ О ПОДЛІННОСТИ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ; УКАЗЫВАЕТЪ ТАКЖЕ НА ЕГО НЕПРАВИЛЬНОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ И Г. БУТКОВЪ ВЪ СЫНѢ ОТЕЧЕСТВА

[1834 г. ч. 46, стр. 62!]; ГОВОРІТЬ ТАКЖЕ ВЪ СВОЮ ОЧЕРЕДЬ И Г. МАКСИМОВІЧЪ ВЪ ЖУРНАЛЪ МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ [1837 г. ч. 13, стр. 44.], ЛЮБОПЫТНЫЕ МОГУТЬ ПРОЧИТАТЬ ВСѢ ЭТИ ВОЗРАЖЕНІЯ, ЧТОБЫ ВПОЛНѢ РАСКРЫТЬ МНѢНІЯ СОМНІНІЯ И ОЦІНИТЬ ИЗЫСКАВІЯ ПОСЛѢДОВАТЕЛЕЙ НОВОЙ ОСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

П. М. СТРОЕВЪ, ИЗВѢСТНЫЙ НАШЪ АРХЕОГРАФЪ, ПРИСТУПІВШІЙ НЕДАВНО КЪ НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛѢ, ВЪ СТАТЬЇ: ХРОНОЛОГІЧЕСКОЕ УКАЗАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ, ЛІТЕРАТУРЫ И ПРОЧ., ПОМЪЩЕННОЙ ВЪ ЖУРНАЛЪ МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ [1834 г. ч. 1, стр. 152], ГОВОРІТЬ: СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ И СЛОВО ДАНИІЛА ЗАТОЧНИКА — ПРОБЛЕММЫ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XII ВѢКА.» БОЛЬШЕ ЭТОГО МЫ НЕ ЗНАЕМЪ, ГДѢ БЫ Г. СТРОЕВЪ ГОВОРІЛЪ ЧТО НИВДУЕ ЕЩЕ О СЛОВѢ. ИЗЪ ПРИВЕДЕНОГО НАМИ ЕГО МНѢНІЯ О СЛОВѢ, МЫ, ПИКАКОГО НЕ МОЖЕМЪ ВЫВЕСТЬ ЗАКЛЮЧЕНІЯ; МОЖЕТЬ БЫТЬ ПОСЛѢДОВАТЕЛИ НОВОЙ ШКОЛЫ ОБЪЯСНЯТЬ, СО ВРЕМЕНЕМЪ, ЭТУ ФРАЗУ Г. СТРОЕВА.

І. И. ДАВЫДОВЪ, ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКОГО УНІВЕРСИТЕТА, ПО СВОІМЪ ПОНЯТІЯМЪ ПРИБЛИЖАЕТСЯ КЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЯМЪ НОВОЙ ШКОЛЫ, И ТАКЖЕ, КАКЪ ОНИ, ПОДОЗРѢВАЕТЪ СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ. ЕГО МНѢНІЯ О СЛОВѢ БЫЛИ ИЗЛОЖЕНЫ ВЪ ЛЕКЦІЇ: «СОСТАВЛЕНИЯ, НАЧАЛА, И НАПРАВЛЕНИЕ ДРЕВНІЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ», НАПЕЧАТАНОЙ ВЪ УЧЕНЫХЪ ЗАПИСКАХЪ МОСКОВСКОГО УНІВЕРСИТЕТА, 1834 г. ч. 3, стр. 281. ПОЧТЕННІЙШІЙ ПРОФЕСОРЪ ГОВОРІТЬ, ЧТО «ЭТО ПРОІЗВЕДЕНІЕ, СМѢСЬ ХРИСТИАНСКІХЪ ПОНЯТІЙ СЪ ЯЗЫЧЕСКІМИ, ПРЕДСТАВЛЯЕ НѢКОТОРЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМІНАНІЯ, ГОСПОДСТВУЮЩІЯ ІДЕІ ТОГО ВРЕМЕННІ И ПОВѢРЬЯ; ЯЗЫКЪ ЖЕ СМѢСЬ ДРЕВНІЯГО И СРЕДПЛЯ О ЯЗЫКА ИЗЪ РАЗНЫХЪ НАРВЧІЙ НЕ ПОДКРПЛЯЕТЪ МНѢНІЯ О ГЛУБОКОЙ ЕГО ДРЕВНОСТИ. СЛОВО О ОПОЛЧЕНІИ ИГОРЕВОМЪ НЕ ПОХОДИТЬ НА ГРЕЧЕСКІЯ РАПСОДІИ: ВЪ НЕМЪ БОЛЬШЕ СХОДСТВА СЪ ИСЛАНДСКІМИ САГАМИ,.. ЕСЛИ ВСТРѢЧАЕТСЯ СОЧИНЕННІЕ, О КОТОРОМЪ НЕ ГОВОРЯТЬ ПИСАТЕЛИ ПОСЛѢДУЮЩІХЪ ВѢКОВЪ, ТО ДОСТОВѢРНОСТЬ ОНАГО ПОЧИТАЕТСЯ СОМНІТЕЛЬНОЮ.... СОЧИНЕННІЕ, ПИСАННОЕ НА НЕПРАВИЛЬНОМЪ СМѢШЕНИИ РАЗНЫХЪ НАРВЧІЙ, ПРИТОМЪ ИЗЪ РАЗНЫХЪ

ВРЕМЕНЬ ДАТЬ ПРАВО СОМНИВАТЬСЯ ВЪ ЕГО ДОСТОВѢРНОСТИ.»

РАЗБЕРЕМЪ ЭТИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ.

ПОЧТЕННѢЙШІЙ ПРОФЕССОРЪ ПЕРВОЕ СОМНІЕ ОСНОВЫВАЕТЪ НА ТОМЪ, ЧТО СЛОВО ПИСАНО ЯЗЫКОМЪ, СОСТАВЛЕННЫМЪ ИЗЪ РАЗНЫХЪ НАРѢЧІЙ. ВО ПЕРВЫХЪ, ЭТОГО НІТЪ НА САМОМЪ ДѢЛѣ, ВО ВТОРЫХЪ, ЭТО ВЫДУМАЛИ СКЕПТИКИ, ОСНОВЫВАЯСЬ НА ПЯТИ СЛОВАХЪ, КОТОРЫЯ ОНИ ПРИПИСЫВАЮТЪ ТО НАРѢЧІЮ МАЛОРОССІЙСКОМУ, ЕЩЕ ТОГДА НЕ СУЩЕСТВУЮЩЕМУ, ТО ВІДЯТЬ ВЪ НИХЪ ФРАЗЫ ПОЛЬСКІЯ И БОГЕМСКІЯ, ЗАБУДВАЯ, ЧТО ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ БЫЛЪ ОБЩИМЪ ДЛЯ ВСІХЪ СЛАВЯНСКІХЪ ПОКОЛЕНІЙ.

ЕСЛИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНО СЛОВО ПОХОДИТЬ НА ИСЛАНДСКІЯ САГИ, ТО ЭТО БУДЕТЬ ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ ОТКРЫТІЕ ДЛЯ НАШЕЙ СТАРОЙ ЛІТЕРАТУРЫ. ВЕСЬМА ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫМЪ МІНІНІЯ НАШЕГО ИСТОРИКА, П. А. ПОЛЕВАГО, ИЗЛОЖЕННЫМЪ ВЪ 2. Ч. СТР. 266. ИСТОРИИ РУССКАГО НАРОДА, О РУССКИХЪ САГАХЪ, УВЛЕКЛИ МНОГИХЪ КЪ ДОГАДКАМЪ. Г. ДАВЫДОВЪ, ВЪРОЯТНО, ВЪ ЭТОМЪ СЛУЧАѢ ПРИНИМАЕТЪ МІНІНІЕ БѢЛІКОВА, ПРЕДПОЛАГАВШАГО, ЧТО СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ БЫЛО ПРЕЖДЕ СЛОЖЕНО НОРДМАННОМЪ. ДЛЯ КРИТИЧЕСКОЙ ДОСТОВѢРНОСТИ, МЫ ПРОСИМЪ ПОЧТЕННѢЙШАГО ПРОФЕССОРА УКАЗАТЬ НАМЪ: СЪ КАКОЮ ИСЛАНДСКОЮ САГОЮ ИМѢТЬ СХОДСТВО НАШЕ СЛОВО?

ДЛЯ ВОЛШОЙ ЯСНОСТИ, НАМЪ ОСТАЕТСЯ ЕЩЕ РАЗСКРЫТЬ ОДНО ВАЖНОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, УВЛЕКНІЕ Г. ДАВЫДОВА КЪ СОМНІНІЮ. А. Ф. ВЕЛЬТМАНЪ, ПРИ СВОЕМЪ ИЗДАНІИ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ, СКАЗАЛЪ ВЪ ПРЕДІСЛОВІІ, ЧТО ОНО ПИСАНО «НА СОЕДИНЕНИІ ВСІХЪ НАРѢЧІЙ СЛАВЯНСКІХЪ, ОЧІЩЕННЫХЪ ВЫСОКИМЪ ЧУВСТВОМЪ ПОСТА.» КРОМЪ Г. ВЕЛЬТМАНА НИКТО НЕ ПРЕДПОЛАГАЛЪ ТАКОЙ ДОГАДКИ. ЭТУ ГІПОТЕЗУ ПРИНЯТЬ ЗА ОСНОВАНІЕ ПОЧТЕННѢЙШІЙ ПРОФЕССОРЪ ВЪ СВОИХЪ КРИТИЧЕСКІХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ, И ЗАПОДОЗРИЛЪ СЛОВО.

НЕІНВѢСТНЫЙ КРИТИКЪ, РАЗВІРАЯ СОЧИНЕНІЯ Г. ГЛАГОЛЕВА: УМОЗРІТЕЛЬНЫЯ И ОПЫТНЫЯ ОСНОВАНІЯ СЛОВЕСНОСТИ, ГОВОРІТЬ (БІБЛІОТ. ДЛЯ ЧТЕНІЯ НА 1834 Г. Т. IV, СТР. 3): «МЫ СОЖАЛІЕМЪ, ЧТО ОНЪ НЕ ПРИМІПІЛЪ

ДУХА АНАЛИЗА КЪ СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЯ, КОТОРОЕ СЛИШКОМЪ ОПРОМЕЧЧИВО ПРИЧИСЛЕННО ИМЪ КЪ ПСТОЧНИКАМЪ РУССКАГО ЯЗЫКА; ЧТО ОНЪ НЕ ПРИНЯЛЪ НА СЕБЯ ТРУДА СРАВНІТЬ ЕГО КРИТИЧЕСКИ СЪ ГАЭЛІЦКОЮ ПОЭЗІЕЮ ПОЧТЕННѢГО МЕКФЕРСОНА. НАДЪ СЛОВОМЪ О ПОЛКУ ИГОРЯ НОСИТСЯ ВЪ НАШЕМЪ УМЪ СИЛЬНОЕ ПОДЗРЕНІЕ ВЪ МИСТИФІКАЦІІ: ОНО КРѢПКО ПАХНЕТЬ ОССІАНОМЪ; ЕГО ФРАЗЫ СЛОВНО ВЫКРОЕНЫ ПО МЕКФЕРСОНОВЫМЪ; ЕГО ОБОРОТЫ И ВЫРАЖЕНІЯ БОЛЬШЕЮ ЧАСТЬЮ ПРИНАДЛЕЖАТЬ КЪ СЛОГУ XVIII ВѢКА, МНОГІЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ КЪ НОВІЙШІЙ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗІІ, ОСОБЕННО СЛОВО ВЪЩІЙ, ВЪ СМЫСЛѣ ПОЕТИЧЕСКІЙ, ВЕСЬМА ПОЗДНО СОЗДАННОЕ ДЛЯ ЛАТИНСКАГО VATES ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ ГОРАЦІЯ И ВІРГІЛІЯ; ВЫСТРАЯ КАЛЛА, СЕРЕБРЯПЫЯ СЪДИНЫ, СУЛА, ТЕКУЩАЯ СЕРЕБРЯНЫМИ СТРУЯМИ, ХРАБРАЯ МЫСЛЬ, НОСЯЩАЯ УМЪ НА ДѢЛЮ, ЖЕМЧУЖНАЯ ДУША ВЪ ХРАБРОМЪ ТВІЛѣ, КРОВАВЫЯ ЕГО РАНЫ ВЪ ЖЕСТОКОМЪ ТВІЛѣ, КРОВАВЫЯ ЗОРНІ, НАЛАГАНІЕ ВЪЩІХЪ ПЕРСТОВЪ НА ЖИВІНІЯ СТРУНЫ, НРИЛЕТАНІЕ МЫСЛЮ ИЗДАЛЕЧА, ЗОЛОТЫЯ СЛОВА, СМЪШЕННЫЯ СЛЕЗАМИ, И ЦВІЛЫА ДІЮЖИНЫ ЭТОГО ГОДА ПОНЯТІЙ, СОВЕРШЕННО НЕІНВѢСТНЫ СРЕДНИМЪ ВЪКАМЪ, СОВЕРШЕННО ПРОТИВНЫ ДУХУ ІХЪ КРАСНОРЧІЯ, И ЯВНО ЗАИНСТРОВАНЫ ИЗЪ НОВАГО ПОЕТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ЕВРОПЕЙЦОВЪ; НАКОНЕЦЪ СПІМЕТРІЧЕСКІЯ ПОВТОРЕНІЯ ВЪ ПЕРІОДЪ НАРѢЧІЙ, УЖЕ, ТУТЬ, ИЗЫСКАНОЕ СОЧЕТАНІЕ МЕЖДУМЕТЬЯ О! СЪ НЕОПРЕДЕЛЕННЫМЪ НАКЛЮЧЕНІЕМЪ, П Т. Д. НАПОМИНАЮТЬ УРОКИ ЦІЦЕРОНА П КОНІПІЛНА, А ЧИСТОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ МѢСТОІМЕНІЯ СВОЇЙ, СТОІЛЬ РІДКІГО ВЪ СТАРИННЫХЪ СЛАВЯНСКІХЪ ПИСАНИЯХЪ, ПОКАЗЫВАЮТЬ ВЪ СОЧИНІТЕЛЪ ЧЕЛОВІКЪ, НАПІТАННІГО ФРАНЦУЗСКІМЪ ЯЗЫКОМЪ. ЕСТЬ ДАЖЕ ГАЛЛІЦІЗМЫ, НАПРИМІР: КРИЧАТЬ ТЕЛЕГИ ПОЛУНОЩНІЯ—ТУТЬ И ГЛАГОЛЬ П ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ НЕ СТАРВѢ НАСЬ ЛАТAMI. ВСІ ЭТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОДВЕРГАЕМЪ МЫ БЕЗПРИСТАСТІЮ И РАЗБОРЧИВОСТИ АВТОРА, НЕ ДОЛЖНО ОСТАНАВЛІВАТЬСЯ ТІМЪ, ЧТО УЖЕ МНОГО ГЛУБОКОМЫСЛЕННЫХЪ РАЗСУЖДЕНІЙ ПИСАНО О СЛОВІ ПОЛКА ИГОРЯ. ОССІАНЪ БЫЛЪ ПЕРЕВЕДЕНЬ НА ВСІ ЯЗЫКИ, ВНЕСЕНТ ВО ВСІ ПІНТИКИ, ПРИНЯТЬ ДАЖЕ ВЪ ИСТОРИЮ, КОГДА МАЛЬКОМЪ ЛЕНГЪ РАЗОЧАРОСАЛЬ ЕГО ОБОЖАТЕЛЕЙ СВОІЮ БЕЗПІДДНОЮ ЛЮБОВІЮ КЪ ИСТИНІ. САМОЕ ОТКРЫТІЕ ЭТОГО СЛОВА ВЪ ЭПОХУ ЗНІЗІАЗМА, ВОЗБУЖДЕННОГО ОССІАНОМЪ, И ЧТО ЕЩЕ ВАЖНІЕ, СОВЕРШЕННОЕ ОТСУСТВІЕ ІСЛѢДОВАНІЯХЪ, И ЗАПОДОЗРИЛЪ СЛОВО.

кихъ другихъ списковъ, уже должны были привести осторожного критика въ сомнѣніе, еслиъ даже не находилось другихъ съдовъ подлога въ самомъ произведѣніи, въгочемъ искусно поддѣланномъ.»

Въ бронюре, изданной г. Руссовымъ, въ опроверженіе неизвѣстнаго критика, читатели могутъ видѣть подробнѣ — до какой степени доходятъ любопытныя сомнѣнія новой исторической школы.

Изложивши главныя мнѣнія Скептиковъ, мы старались съ тѣмъ выстѣть указать и на ихъ поверхностныя изысканія въ трудахъ археологическихъ. Вооружаясь невѣріемъ, они насыщливо смотрѣли на запятыя защитниковъ Слова о полку Игорева. Для примѣра мы приведемъ буквальный списки занятій Р. О. Тимковскаго и К. О. Калайдовича, помѣщенные въ Сынѣ Отечества (1838 г. № стр.). Калайдовичъ, въ письмѣ своемъ къ Тимковскому писалъ:

«Типографщикъ Семенъ Аннкѣевичъ Селивановскій говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ рукописи Пѣсни Игоревы. Она написана, точно, въ книгѣ, какъ сказано въ предисловіи, и Бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Димитрия Ростовскаго. Корректуру держали: А. О. Малиновскій, И. Н. Б. Каменскій, а третью уже читалъ графъ Пушкинъ. Они дѣлали частыя поправки въ корректурѣ, съ точностью издавая подлинникъ, отъ чего печатаніе шло медленно. Графъ Пушкинъ не имѣлъ права помарыивать корректуру.

Стр. 34, *усоѣицъ*, не значить ли: *состязаніе?*

Пик. лѣт. Ч. II, стр. 26. Василько говорить: *любо пальзу себѣ славу, любо и глауе свою сложу за Русскую землю.* Стр. 30, *И Ехры збира вѣ клубъ, яко скоколѣ сбиваєтъ галицы.*

Въ Малороссии говорятъ: *утка каскае* (какакутъ?)

Путы — *кандалы.* Въ Малороссии говорятъ: *путы лошацкыя.*

Слово: *убути*, въ четырехъ мѣстахъ передано, на стр. 9 *пробуждаетъ*; на стр. 10 *умолкаетъ*; на стр. 16 *разбудила*, а на стр. 21 *возобновили.*

Лукоморіе, на стр. 22-й упоминаемое, значить здѣсь *Лзоовое море.* Въ одной лѣтописи написано, что Татары, преслѣдую Половцевъ, загнали до рѣки Днѣпра по Дону и въ *лухи моря. Луха*, значить *крайизна, извѣтина.*

Трудная постыдъ значить *неприскоренія, а легальна.*

На стр. 17 слова: *а сице и рати*, должно читать: *а сицей рати.* Вместо: *розыносъ и мѣзъ*, кажется, читать надо бѣо: *розыносщицами.*

Г. Карамзинъ говорилъ мнѣ, что въ подлинникѣ Пѣсни Игоревы, вместо: *вѣги Тролли*, въ двухъ мѣстахъ было написано: *спѣги Тролли.* Такжѣ лѣтопись Волынская, по его словамъ, имѣть большое сходство по языку и выраженіямъ съ Пѣснью Игоревою, и обильна сравненіями, подобными находящимся въ первой.

Преосвященный Евгений, въ письмѣ ко мнѣ, отъ 18-го Января 1814 года, изъ Калуги, пишетъ съѣдующее о Пѣсни Игоревой: «Ось Игоревой пѣсни я не сомнѣваюсь, что она давніяя, и могла сочинена быть въ XV вѣкѣ, когда воображеніе и духъ Россіи уже ободрился отъ успѣховъ надъ Татарами. Но чтобы была и древняя до XIII вѣка, на это потребны доказательства яснѣе Игумена Зосимы (заключеніе Апостола 1307 года). Растолкуйте вы мнѣ, къ чѣму авторъ написалъ въ самомъ началь: «не лѣпо ли мы бѣшеть *старыми словесы?*» Не значить ли это, что онъ согласился написать стариннымъ прежніхъ времѣнь слогомъ, а не современнымъ себѣ? Слѣдовательно, онъ не современникъ вытѣй. Много у насъ п. Русскихъ пѣсень, писанныхъ стариннымъ слогомъ, о временахъ даже Владимиrowыхъ. Кто жъ отнесетъ ихъ къ тѣмъ временамъ? Сѣверное пѣснопѣніе древнѣе (ссылаясь на Скандинавскія Саги и Эдды), никогда не было такъ высокопарно, какъ Пѣсни Игорева. Это воображеніе Восточное, похожее на Арабскія и Татарскія пѣсни, а не на Греческія.»

Графъ С. П. Румянцевъ не вѣритъ Пѣс-

ии Игоревой, почтая ее подложпою, и основываясь на томъ, что въ ней встрѣчается имя *Солтапово*, появившееся гораздо позже XII вѣка, новое название народа *Венедицъ*, и мѣстоимѣніе *которой*, непріличное будто бы тому времени. Объ имени Солтапа и Венедицъ должно справиться, а въ доказательство, что въ древнихъ сочиненіяхъ встрѣчаются слова, совершенно похожія на новые, приводиль я Его Слѣдѣ. слово: *батогъ*, находящееся у Пестора по древнѣшему Лаврентьевскому списку. Къ числу прежніхъ сомнѣній о Пѣсни Игоревой, графъ приводить, что образъ Богоматери, привезенный Пирогопею въ 1160 году, перепесенъ былъ изъ Киева во Владимириѣ (какъ сказано въ примѣчаніи Издателей), то какъ Игорь Святославичъ, возвратившись въ 1185 году изъ пленя Половецкаго, могъ идти молиться въ Киевъ Богородицѣ Пирогошѣ? Самое рожденіе Игоря въ 1151 еще болѣе сіе занутываетъ.—Я не могши ничего припомнить, согласился вышло съ нимъ, но г. Карамзинъ сказаъ мнѣ, что все сомнѣніе графа произошло отъ смѣшанія двухъ различныхъ иконъ, Пирогошѣ и писанной Еванг. Лукою, коей перенесеніе изъ Киева должно, дѣйствительно, полагать въ 1160 году.

Я еще не спрашивался, но графъ С. П. Румянцовъ увѣрялъ меня, что походъ Игоря на Половцевъ описанъ пітически и у Татищева.

На стр. 3-й Пѣсни Игоревой видно что Боянъ жилъ во времена Ярослава, Мстислава и Романа Святославича, а на стр. 37, что онъ былъ современникомъ Всеслава. Что онъ былъ во времена Ярослава, также видно и на 41 страницѣ.

Есть слово сходное съ *Стрикусами* — *Стрикало*, тоже что *Стрекало*, *боѣтило*. Церк. Словарь, Алексѣева.

Преосвященный Евгений и архимандритъ Амвросій увѣдомили меня, что они не въ силахъ объяснить *семи словъ* Пѣсни Игоревой. Евгений совѣтуетъ справиться въ книгѣ: *SLOWNIK JĘZYKA POLSKIEGO PRZEZ SAMUELA BOGUMILA LINDE, w WARSZAWIE, w DRUKARNI PIAROW, 1807, въ 4.* Въ

сей книгѣ слова Польскія объясняны разными диалектами языка Славянскаго.

Въ одной лѣтописи Синодальной Библиотеки находится описание сраженія Дмитрія Донскаго съ Мамаемъ, сходное съ пѣснью, вами найденою, исключая того, что въ первой пропущены многія пітическія мѣста, находящіяся во второй.

Пѣснь Игорева имѣть много Малороссійскихъ выражений на прим. *помнишетъ, блѣщетъ, мужайтъся, на чиге ся ѣгодыти обратиша, свыгай и обыгай*. — Да-же: *шерз* значить на какомъ-то съверномъ языке *городъ*. *Харылъ*, на Китайскомъ языке значить *броня или война*.»

Изъ записокъ Р. Ф. Тимковскаго о Словѣ Игорева полка сохранились слѣдующія замѣтки:

«1814 года, Октября 21 дня, слышалъ я отъ К. Ф. Калайдовича:

1. Что И. М. Карамзинъ увѣрялъ его въ томъ, что хранящаяся у него *Вольнская Лѣтопись* имѣть великое сходство въ языке съ Пѣсни о походѣ Кн. Игоря, и что въ оной лѣтописи встрѣчаются слова: *харалужный и тлековина*.

2. Что, по мнѣнию И. М. Карамзина, *харалужный* значить *булатный*, а *тлековина* значить *ракосина*, отъ слова: *тлекомъ*, которое значить: *устрица*.

3. Что И. М. Карамзинъ увѣрялъ его, К. Ф. Калайдовича, что по сдѣланному имъ, И. М. Карамзинъ, сличено, оказалось, что Пѣснь о походѣ Кн. Игоря со всею точностью напечатана противъ подлинника, выключая слова: *вѣги Трояни*, вмѣсто которыхъ въ подлиннике стоятъ: *стѣги Трояни*. Касательно же поставленаго въ скобкѣ слова: *Олеага*, на стр. 6, то это учинено для большей ясности рѣчи.

4. Что городъ *Пльскъ* встрѣчается въ печатной *Книгѣ большаго гертежа*, сочиненной около времена Михаила Феодоровича; *Лулуутки* же есть мѣстечко въблизи Новагорода Великаго, и что упоминается тамъ монастырь *на Лулууткахъ*.

5. Что, по мнѣнию И. М. Карамзина, помянутая Пѣсня о походѣ Кн. Игоря сочинена въ княжениіи Новагородо-Сѣверскому.

6. Что слово: *орѣзма*, встрѣчается въ древніхъ граматахъ Архивскихъ.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩЪ.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩЪ ПРЕДѢДѢ ВСѢХЪ БЫЛО ОТЫСКАНО Р. Ф. ТИМКОВСКИМЪ, ВЪ СБОРНИКЪ, ПИСАННОМЪ ВЪ XVII ВѢКѣ; но нынѣ ИЗВѢСТНО УЖЕ ТАКИХЪ ВОСЕМЪ РАЗНЫХЪ СПИСКОВЪ. ВЪ ОДНИХЪ СПИСКАХЪ ОНО НАХОДИТСЯ ПОЛНОЕ, ВЪ ДРУГИХЪ СОКРАЩЕННОЕ.

ИСТОРИОГРАФЪ Н. М. КАРАМЗИНЪ ПОЛАГАЕТЪ, ЧТО СКАЗАНИЕ СОЧИНЕНО БЫЛО ВЪ ИСХОДѢ XV ВѢКА, РЯЗАНЦЕМЪ, ЕРЕЕМЪ СОФРОНИЕМЪ, ОСНОВЫВАЕСЬ НА ПОДПИСИ ОДНОЙ ТОЛСТОВСКОЙ РУКОПИСИ. СЪ ТАКИМЪ УСВОЕШЕМЪ ЭТО СКАЗАНИЕ ДОЛГО СЧИТАЛОСЬ ПРОИЗВЕДЕНИЕМЪ СОФРОНИЯ.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѣ БЫЛО ИЗВѢСТНО НАШИМЪ СТАРИКАМЪ СЪ XV ВѢКА. ОНИ ВПИСАЛИ ЕГО ВЪ СВОИ МАЛТОПИСИ, ИЗВѢСТНЫЕ ТЕПЕРЬ У НАСЪ ПОДЪ ПЛАВНАЯМИ: *Хлобниковской, Ипатьевской, Синодальной, Никоновской* списки, и въ свои сборники. СИЕ СКАЗАНИЕ У НАШИХЪ СТАРИКОВЪ ИМѢЛО СЛЕДУЮЩИЯ ЗАГЛАВИЯ:

1. *Въдай сіе повѣданіе и сказаіе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановиша Донскаго* — въ списѣ Тимковскаго.

2. *Исторія или поэпть о нашествії безбожнаго Царя Мамая съ безгисленными Аваряны* — въ списѣ Толстовскому.

3. *Сказаіе, како приходилъ на Русь Безбожный Царь Мамай на Великаго князя Дмитрия Ивановиша* — въ списѣ Толстовскому.

4. *Повѣсть зъло изрѣдная о безбожномъ Татарскомъ Мамай Царь, како хотылъ Российскую землю подъ свое иго подвѣсти* — въ списѣ Толстовскому.

СКАЗАНИЕ ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ: ВСТУПЛЕНИЕ СОЧИННИТЕЛЯ. РАСПОРЯЖЕНИЕ В. К. ДИМИТРИЯ КЪ БИТВѢ СЪ МАМАЕМЪ. ПОХОДЪ ВОЙСКА. СМУЩЕНИЕ ОЛЕГА И ОЛГЕРДА. ПЕХОДЪ МОСКОВСКОГО ВОЙСКА ЧРЕЗЪ ДОНЪ. ПРИГОТОВЛЕНИЕ КЪ БИТВѢ. ПРИМѢТЫ. БИТВА. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАЗСКАЗЪ СЕГО СКАЗАНИЯ НЕ ВСЕГДА ВЪРЕНЪ И ЧАСТО ОТСТУПАЕТЪ ОТЪ ИСТИНЫ; ИНОГДА СМЫШАНЪ СЪ РѢЧАМИ И МОЛНТВАМИ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ. Н. М. КАРАМЗИНЪ НАЗЫВАЕТЪ ЭТО СКАЗАНИЕ БАСНОСЛОВНЫМЪ, А И. М. СНЕГИРЕВЪ ВСѢ АНОХРОНИЗМЫ ПРИПИСЫВАЕТЪ ПОЗДНѢЙШИМЪ ПЕРЕПИСЧИКАМЪ.

СКАЗАНИЕ БЫЛО ДВА РАЗА НАПЕЧАТАНО. ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ БЫЛО ПОМЪЩЕНО ВЪ РУССКОМЪ ЗРНТЕЛѣ, № 14, И. М. СНЕГИРЕВЫМЪ. ОНО БЫЛО ВЫПОЛНЕНО ОТЧЕТЛИВО, ИЗДАНО СЪ ЗНАНИЕМЪ ДѢЛА, ПРИ СЛИЧЕНИИ СЪ РАЗНЫМИ СПИСКАМИ. ВТОРОЕ НАПЕЧАТАНО ОТДѢЛЬНО, БЕЗЪ ВСЯКАГО СЛИЧЕНИЯ СЪ ДРУГИМИ СПИСКАМИ.

СОЧИННИТЕЛЮ СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ БЫЛА ИЗВѢСТНА ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ. ЦѢЛЫЯ ФРАЗЫ, ОБОРОТЫ ВЫРАЖЕНИЙ, И САМОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ СКОПИРОВАНЫ СЪ ПѢСНИ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ. ПЛАЧЬ ЕВДОКИИ ВЪ СКАЗАНИИ И ПЛАЧЬ ЯРОСЛАВНЫ ВЪ ПѢСНИ УКАЗЫВАЮТЪ НА ЯВНОЕ ПОДРАЖАНІЕ.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

История Русской Литературы доселе еще не иметь полно го собрания Русскихъ народныхъ праздниковъ. Все доселе изданное состоитъ или изъ предварительныхъ приготовлений, или статей мѣлкихъ, жуг-
пальныхъ, мимолетныхъ замѣчаний. По какому-то странному стечению обстоятельствъ наши историки не касаются сего предмета въ истории Русского народа, Для нихъ, какъ будто они не существуютъ. Правда что История наша еще не иметь полныхъ источниковъ, трудовъ, очищенныхъ здравою критикою, необходимыхъ для описания народной жизни; но это еще не есть извинение. Русская археология до сихъ поръ состоить должною во многомъ предъ современными требованиями. Мы не имѣемъ: ни древней Русской Топографии, ни Грамматики Русскихъ областныхъ нарѣчий, ни Русской систематической Налеографии, ни полныхъ Русскихъ актовъ, ни одной порядочно изданной летописи, ни Русскихъ сказокъ, ни Русскихъ областныхъ словарей. Мы за все принимались, всему имѣемъ опыты, и для всего ровно ничего не сдѣлали. Мы видимъ что у насъ есть Русская история. И что же въ нихъ есть?

Русские народные праздники представляютъ самыя разительныя черты изъ старой Русской семейной жизни. Но это сокровище, сохраняемое народомъ въ продолжении многихъ вѣковъ, начало показываться въ нашей Литературѣ только въ XIX вѣкѣ. Мы не говоримъ о прежнихъ временахъ, когда на этотъ предметъ смотрѣли съ самой унизительной стороны. Народъ не внималъ ни чьимъ возгласамъ; онъ цѣнилъ свои праздники выше своихъ учителей, требовавшихъ ихъ уничтоженія. Начонецъ, явились люди, рѣшившіеся сократить народные праздники въ письменахъ. Число этихъ людей такъ немного, какъ немного и самыя описанія. Заслуги ихъ доселе

еще не оцѣнены, потому что мало обращаютъ вниманія на старую Русскую жизнь. Не удивляемся сemu: не мы одни первые принимаемся медленно за подобные труды.

До сихъ поръ еще видимъ невѣроятныя смыслы въ описанияхъ Русской семейной и общественной жизни. Несчастная наша Миѳология болѣе всего страдаетъ отъ этихъ незнаній. Въ нее входитъ и Демонология, никогда непринадлежавшая не только Миѳологии, по и самой Русской жизни. Ось ней только Русские говорятъ; она никогда не осуществлялась у Славяно-Руссовъ, какъ Миѳология. Къ Миѳологии причисляютъ и Народные Праздники, совершенно безъ вся-
каго основанія. Несчастная ошибка Гнѣзда, вѣрившаго безусловно Польскимъ записямъ, ввела и Русскихъ писателей въ отчаян-
ныя крайности. Ладо, Купало, и другіе уѣдѣли описывателей народныхъ празд-
никовъ въ вѣрованіи нѣбывалаго, Славяно-
Русскихъ боговъ — языческихъ. Никто не
хочеть справляться съ сказаниемъ Нестора,
а считаютъ необходимымъ указывать на
Цольскія записи, въ которыхъ встрѣчаемъ
повтореніе одного и того же — нѣбывалаго.
Къ несчастію нашему видимъ ссылки на
путешествія чужеземцевъ, вышіхъ въ
Русской земли. Мы, Русские, изучая свою
семейную жизнь, находимъ, что наши по-
селяне, жившіе всегда одинаково, въ неиз-
мѣнныхъ обычаяхъ и повѣріяхъ, сохрани-
ли нашу старую жизнь совершенно не въ
томъ видѣ, въ какомъ изображаютъ путе-
шественники-чужеземцы, незнавшіе ни на-
шего языка, ни нашихъ повѣріевъ, ни нашей
жизни. Они описывали только то, что имъ
пересказывали, и что они сами видѣли
мелькомъ. Мы знаемъ, какой строгой при-
смотрѣ имѣли Русские за привезжавшими
чужеземцами. Этого они и сами не скры-
ваютъ. Мы даже теперь видимъ, какъ чу-

жеземцы описывают насть, современниковъ; что же было за 900 и болѣе лѣтъ? Правда, что нашимъ археологамъ предстоитъ не-выполнимый трудъ — узнавать на мѣстѣ Русскую жизнь. Всего легче окружить себя книгами, и изъ нихъ выбирать сведѣнія о старой Русской жизни, нежели таскаться по селеніямъ, собирать повѣрья и обычай, подвергаться на каждомъ шагу тысячамъ непріятностей. Мы это говоримъ не въ обвиненіе нашихъ археологовъ; но лишь упоминаемъ о старой привычкѣ нашихъ писателей — пользоваться чужими источниками, очевидно нелѣпыми, перепечатывать сто разъ одно и то же, и выдавать за новое. Мы это доказываемъ самыемъ дѣломъ. Пересмотрите всѣ наши археологическія изслѣдованія: вѣдѣ видимъ списываніе, а своего ничего. Вотъ почему наша Литература до сихъ поръ мало имѣть самобытныхъ сочиненій для Русской Исторіи. Что же сказать о Русской народной Литературѣ, дѣйствительность которой еще не многие признаютъ: многіе-ли вѣрятъ, что она существуетъ на самомъ дѣлѣ?

Начнемъ свое обозрѣніе съ мѣлкихъ журнальныхъ статей, гдѣ впервые явились понятия о народныхъ праздникахъ.

Слова Русскѣй людей, возвѣщавшихъ важность Русскихъ народныхъ праздниковъ, раздались въ Московскихъ учебныхъ обществахъ. Въ Обществѣ Любителей Российской Словесности заговорили обѣ этомъ: *М. Н. Макаровъ, А. Г. Глаголевъ*. Но это было предвѣстіе великаго дѣла. Въ Обществѣ Исторіи и Древностей Российскихъ начались уже основательные приготовленія. Тамъ явились въ бесѣдахъ съ своими описаніями: *И. М. Снегиревъ, И. В. Васильевъ*. Программа Г. Снегирева о Русскихъ Народныхъ Праздникахъ съ начала возбуждила внимание любителей старой Русской жизни; но потомъ обѣ ней забыли. В. Б. Броневскій помѣстилъ поверхностное описание Народныхъ Праздниковъ въ Московскому Вѣстнику. На это описание явилось замѣчаніе, писанное въ письмѣ къ изданію Московскаго Вѣстника въ 1828 году. Къ этому же разряду мы должны причислить несолько другихъ журнальныхъ статей.

Въ XVIII части трудовъ Общества Лю-

бителей Российской Словесности было напечатана сочиненіе *М. Н. Макарова: О старинныхъ Русскихъ праздникахъ и обычаяхъ*. Здѣсь находятся слѣдующія описанія:

1. *Овцарь или овегій празднікъ*, совершаемый поселянами въ 9 день Октября. Описыватель говоритъ, что этотъ праздникъ отправляютъ пастухи, играютъ на рожкахъ, ходятъ съ поздравленіями по домамъ овцеводцевъ; приводить отрывокъ изъ пѣсни, напоминаетъ о посидѣлкахъ, и думаетъ, что эти посидѣлки есть торжество *невинности* — и только. Это было первое описание Русскаго Народнаго Праздника. Но узнали ли мы изъ него свой Русской Овцарь? Ожиданія остались впереди!

2. *Распутье, перекрестокъ, или платница*. Описыватель говоритъ здѣсь о дорогахъ, пролегающихъ вмѣстѣ крестъ на крестъ въ разныя стороны; разсказываетъ, что здѣсь ставили идоловъ, но какихъ? не сказываетъ. *Комаринскую дорогу*, обыкновенный путь Татарскихъ наѣговъ, называетъ: *священною, именитою, непрѣвѣтно* почему. Говорить, что на священныхъ дорогахъ, къ счастию никогда небывалыхъ, отыгались торжествомъ счастливыхъ встрѣтъ и пегальныхъ проводовъ. Приводить два отрывка изъ народныхъ пѣсень. Этимъ все и кончилось.

3. *Рѣка Донъ*. Рѣку Донъ описыватель, подобно Чулкову, Попову и Кайсарову, причисляетъ къ сонму боговъ Славянскихъ. Рассказываетъ по своему вылину народную Иванъ-Озеро, приводить несолько стиховъ изъ народной пѣсни: Донъ Ивановичъ, гдѣ вставляетъ небывалый стихъ: «Посмотрѣть на Ярилу!»

4. *Грѣгіишица, или день постъя грѣгіи*. Описыватель хотѣлъ изобразить народный праздникъ отправляемый въ 3 день Июня, при посвѣтѣ грѣгіи; но вместо этого приводить пять стиховъ изъ какой-то *гудной басни о Крупенигѣ*; думаетъ, что Русскіе забыли *поганное имя Нимбы, или богини покровительницы чистоты и курдловой ерпги*. Но у настѣ, Русскихъ, когда-жъ были Нимбы? Ни народъ, ни письменные памятники обѣ этомъ намъ ничего не говорятъ. Далѣе приводится *дѣла любопытныхъ содержаніе скратить сти-*

хотоврной сказки о Крупенигкѣ.

5. Баба Яга, или Девал баба и Фалл. Здесь встречается чудное описание: Баба Яга пожалована въ Русскую Беллону, Синилу, волшебницу, колдунью, ворожью. Говорить: «Русские Донъ-Кишоты просили у бабы — оракула совета и помощи». Думаетъ, что Московское урочище: «Кури ножки — не было ли жертвенникомъ, посвященнымъ въ гость нашей Русской Синиллы?» Это предположение самъ описыватель послѣ отвергъ въ Телескопѣ, говоря о Русскихъ сказкахъ. Онъ утверждаетъ, изъ какой-то народной сказки, что *идолъ Бабы Яги состоялъ изъ одной только большой трубы, положенной на большомъ высокомъ камнѣ, и находился на лѣстѣ старой Рязани*; потомъ стоялъ *при впаденіи потока Трубежа въ рѣку Оку, да гдѣ около берегослѣдъ Перелѣславль Залѣсскаго озера, а въ послѣдствіи на Трубежѣ Ма-горо-сийскаго Перелѣславля*. Откуда взято это невѣроятное мнѣніе? Мы надѣемся, что Г. Макаровъ со временемъ откажется и отъ этого предположенія: этого требуютъ Русскія сказки. Заключаетъ описание, также по своему, народной сказки о Фалѣ.

6. Пол-конь, или Полканъ. Это описание, разсказанное описывателемъ по своему, извлечено изъ народной сказки. Г. Макаровъ говоритъ: что *Полканъ* былъ *умной, красивой, богатырь сильной, могучей и великой наездникъ, обращенной колдуномъ въ гуловище*. Здесь много несправедливаго. Жаль очень, что онъ не помѣстилъ въполнѣ народную пѣсню о Полканѣ. Это было бы важное пріобрѣтеніе.

Объ Овсень, старинномъ Русскомъ празднике. Г. Макаровъ, описыватель этого праздника, помѣстилъ свое описание въ Вѣстникъ Европы 1826 года. Сіе описание состоитъ изъ приложения народной пѣсни, и догадки, что *Овсень не былъ ли праздникомъ окончанія жатвы, собранія плодовъ и прог.; словомъ, уже не онъ ли наша Церера?* Вотъ еще новой подарокъ нашей Славянно-Русской Миѳологии! Не уже ли намъ непремѣнно надобно переселить всѣхъ чужеземныхъ языческихъ боговъ въ свою Миѳологію. Мы скоро встрѣтимся съ пріоттипомъ этого описанія, изданнаго И.

В. Васильевымъ. Вотъ что выло сдѣлано Г. Макаровымъ для описанія Русскихъ народныхъ праздниковъ!

Послѣ сихъ приуготовительныхъ описаний, М. Н. Макаровимъ приступилъ къ полному изданію Русскихъ Преданій, въ 1838 году. Въ своемъ предисловіи онъ писалъ: «издавая одну книжку Русскихъ Преданій, можетъ быть, я скоро издашъ еще нѣсколько такихъ же книжекъ. Предупреждаю читателей, что все здѣсь собранное было напечатано въ трудахъ, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Обществѣ Любителей Российской Словесности и въ журналахъ: С. П. Бургскихъ Новостяхъ Русской Литературы, издан. А. Ф. Воейковымъ и В. И. Козловымъ, въ Вѣстнике Европы, ученомъ Журналь М. Т. Качеповскаго, въ Телескопѣ и въ другихъ.

«Нѣмцы весьма недавно издали свои преданія; другие Европейцы дѣлаютъ тоже. Наши преданія имѣютъ много общаго съ Германскими. Печатая нѣкоторыя изъ нихъ въ Московскомъ Наблюдателѣ 1837 года, я спрашивалъ: не могутъ ли они быть въ числѣ другихъ историческихъ доказательствъ одного и того же Европейскаго происхожденія Европейскихъ народовъ? Не могутъ ли?

«Въ этой книжкѣ преданія раздѣляются на самые древнія — языческія. Такими я считаю Русскія преданія: о Русланахъ, Лвшихъ, о Идолахъ Пинханѣ, Ярилѣ. Другія относятся уже ко временамъ нашей Христіанской Эры; но и тѣ все еще перемѣшаны съ чѣмъ-то языческимъ: вся основа въ нихъ — основа временъ темныхъ, времена непросвѣтленныхъ чистою птицію; они родились очень давно, какъ привычные, ни какъ не могли быть у насъ покинутыми.

«Повѣсти о провалахъ церквей, монастырей, городовъ и проч. принадлежать къ чѣму-то непамятному въ нашихъ земныхъ переворотахъ; но преданія о городцахъ и городищахъ, не указка ли въ странствованія по Русской землѣ первобытныхъ Славяно-Руссовъ?»

Въ сей первой книжкѣ помѣщены ровно 33 описанія: *Новый годъ у древніхъ Россіянъ, Баба Яга, Русланы, Льшие, Пинханѣ, Ярило, Полканъ, Донъ и Дунай*

рьки, Трубежъ, Проемный Кустъ, Боятырскія кости, Смоленскій лѣсъ, Тростниковая церковь, Поганое озеро подъ Суздалемъ, Осегій праздникъ, Пятница, Коломенскій прудокъ, городъ Дид-говъ, памятники о Кудеярѣ, золотая Лампада ез лѣсу, Гроба проклятыхъ, Лыстинцы въ рай, городъ Берендеевъ, Пронское било, Чертова городище, Грязиница, Свадебки—Ургище подъ Суздалемъ, Робъя гора, Вертузинъ городецъ, нагало Данкова, казакъ Ермаковъ, Ростиславецъ городокъ, болра—Покойники.

Во всѣхъ сихъ описанияхъ встрѣчаемъ очень много нового въ сравненіи съ прежними извѣстіями. Другие предметы совершенно обработаны иначе. Отъ иныхъ мнѣній М. Н. Макарова решительно отказывается. Такъ въ описаніи рѣки Трубежъ (стр. 80) говоритъ: «кой кто, сказывается, что при Трубежѣ поклонялись Бабѣ-Ягѣ.» О поклоненіи Бабѣ-Ягѣ на Трубежѣ было сказано самимъ М. Н. Макаровымъ въ XVIII части трудовъ Общества Любителей Российской Словесности, на стр. 123. Въ числѣ его новыхъ открытій мы нашли Славянский лѣсъ (стр. 12) въ Данковскомъ уѣзде.

А. Г. Глаголевъ, какъ членъ Общества, доставилъ свое описание: о характерѣ Русскихъ застольныхъ городовыхъ пѣсни, напечатанное въ трудахъ Общества Любителей Российской Словесности, въ XIX т. Описыватель, разсмотривая застольные и городовые пѣсни, упоминаетъ: *О Красной горкѣ, Семикѣ, Троицѣнѣ днѣ, Петровѣ днѣ, Колдѣ, Осени.*

П. В. Васильевъ доставилъ въ Общество Любителей Российской Словесности — описание Русского народнаго праздника: *Осень*

Г. Арцыбашевъ, извѣстный въ Русской Исторической Литературѣ, написалъ: *Взор на обыкновенныхъ Руссовъ*, напечатанное въ трудахъ Общ. Ист. и Древ. Рос. ч. 2, стр. 9. Здѣсь описаны: *Старинство построекъ, браки, обожжитѣ, нравы и упражненіе, духъ народный, одѣжда, пища, долы.*

Въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. № 24 помѣщена была статья Г-жи Черноцкой, переведенная съ Польского Гольбовигемъ: *остатки Славянской Миѳологии, сохра-*

нившіеся у Бѣло Русскихъ поселеній. Самое название, несоответствующее описаніи предметамъ, было дано по старому повѣрю — приписывать все древнее Славянской Миѳологии. Здѣсь описаны: *Купало, Радовица, Русалки, Доброхогій.*

В. Б. Броневскій, вызванный предложениемъ И. М. Снегирева, помѣстилъ свое описание въ Московскомъ Вѣстнике: *о народныхъ праздникахъ.* Г. Броневскій напинаетъ свое описание разговоромъ съ извѣщникомъ: *о коровѣ смерти*, потомъ — *о Красной горкѣ*, прибавляя только нѣсколько словъ къ описанію Снегирева о днѣ Св. Георгія, о недѣльѣ женѣ Мироносицѣ, *Русальной недѣльѣ, Семикѣ, Троицѣнѣ днѣ, о Купалѣ, Аграфенѣ Купальнице, о празднике Солнца, Бабѣ-лѣстѣ пѣтии, о камняхъ Баша и Башиха;* далѣе проводить нѣсколько пословицѣ и поговорокъ.

На это описание Г. Броневскаго было напечатано въ 1888 г. въ Московскомъ Вѣстнике письмо къ издателю отъ Тульского стирожиля — Археографа. Здѣсь встрѣчаемъ: дополненіе къ описанію коровѣ смерти, замѣчаніе на описаніе Красной горкѣ и Русальной недѣли, о Семикѣ и бракахъ Майскихъ, о Аграфенѣ Купальнице и Ивановѣ днѣ, о заговорахъ народныхъ, о Тульскихъ камняхъ и ясакахъ.

Совершенно въ другомъ видѣ являлись описания И. М. Снегирева. Труды сего почтеннаго Русскаго археолога столько утѣшительны для нашей Литературы, что мы читая ихъ, отыскиваемъ забытую жизнь Русскаго народа. Предпринимая полное описание Русскихъ Народныхъ Праздниковъ, онъ прежде всего описывалъ въ Московскомъ Вѣстнике (1827 года, въ № 3) программу. Вскорѣ послѣ сего появились въ периодическихъ изданіяхъ его отдѣльные описанія Народныхъ Праздниковъ. Искнисляемъ ихъ:

1. *Старинные народные Солтки и Калѣца.* Напечатано въ Вѣстнике Европы 1828 г. № 1.

2. *Русальная недѣлья.* Напечатано выла въ Вѣсти. Евр. 1827 г. № 8.

3. *Красная горка.* Напечатано была въ Моск. Вѣстн. 1827 г. ч. 5 стр. 114.

4. *О древнемъ и новомъ Семикѣ.* На-

ПЕЧАТАНО ВЫЛО ВЪ МОСКОВ. ВѢСТН. 1829 г.
ч. 5 стр. 164.

5. *Радуница, Радунецъ.* НАПЕЧАТАНО
было въ ВѢСТИ. ЕВР. 1827 г. № 8. стр. 105.

6. *Иванъ Купало.* НАПЕЧАТАНО было въ
АТЕНЕВ.

7. *О Скудельницахъ или Убогихъ до-
махъ въ Россіи.* НАПЕЧАТАНО было въ ТРУ-
ДАХЪ ОБЩ. ИСТ. И ДРЕВН. РОССІИ. ч. 3,
стр. 335.

Въ 1837 году почтенный И. М. СНЕГИРЕВЪ ПРИСТУПИЛЪ КЪ ПОЛНОМУ ИЗДАНИЮ СВОИХЪ СОВРАНІЙ О НАРОДНЫХЪ ПРАЗДНИКАХЪ. ПО ПРИНЯТОМУ ПЛАНУ, ОНЪ ВСЕ СВОЕ СОБРА-
НИЮ ИЗДАЛЪ ВЪ 4 КНИЖКАХЪ. ВЪ ПЕРВОЙ КНИЖКѢ ПОМѢЩЕНО: *Введеніе*, во второй: *Святки, Авсень, Масланица*; въ третьей: *Встрѣга весны, Красная горка, Радуница, Первое Апрѣля, Свистопляска, Юрьевъ день весенний, Первое Мая, Праздникъ Кукушка, Селикъ, Троицкъ день, Власовъ праздникъ, Вербная суббота, Убогіе домы, Вьюнишникъ*; въ четвертой: *Русалки и Русалія, Купало и Купальница, Ярило, Петровки, Баша и Башниха, Земледѣльческие праздники, Семенъ день, Осенняя родительская, Свадьбы*.

Въ его Введеніи изложено обзорыніе простонародныхъ праздниковъ и обрядовъ въ Россіи—*Великой, Малой, Бѣлой, Черной и Красной* (стр. 6). Обзорыніе начинается отъ Славяно-Русской Миѳологии [стр. 10].

«Великій К. Владиміргъ 1 въ язычествѣ своемъ, вмѣстѣ съ соединеніемъ разныхъ народцевъ, населявшихъ тогдашнюю Русь, соединилъ въ столичномъ градѣ своеемъ и сѣмь главныхъ божествъ, именно: Перуна, Волоса, Даждь-Бога, Стрибога, Хорса, Семаргла и Мокоша... Подъ влаги-
емъ Христианства, народъ, забывая наконе-
цъ своихъ главныхъ боговъ, припоминаль только второстепенныхъ и особенно Миѳы физические, кои имѣютъ предметомъ оли-
цетвореній явленія, и силы естества, или символы житейскихъ потребностей; каковы: Ярило, Купало, Ладъ, Чуръ, Авсень, или Таусень, Зничъ, Веснянки, Осенянки и Зимянки, Водяны или Водяны, Моряны, Огнаны, извѣстныя въ Карпато-Руссамъ, Вѣ-
тряны, также Русалки, Кикиморы, Ка-
рачуны, Яга-баба и Вѣдьмы. По мнѣнию на-
рода, въ лѣсахъ владычествовалъ Лѣшій,

Т. 1. К. 1.

въ поляхъ Полевой, въ домахъ дѣдушка Домовой, который бывалъ и Посткнемъ, а въ подпольяхъ Лизуномъ.»

Изъ этой основной идеи почтенный И. М. СНЕГИРЕВЪ выводитъ основаніе про-
стонародныхъ праздниковъ, раздѣляя ихъ по времени и мѣсту [стр. 91]. Въ первомъ случаѣ онъ раздѣляетъ праздники на *Древ-
ніе и новые*—одни образованные въ языче-
ствѣ и удержавшіеся до XVIII вѣка, дру-
гіе появившіеся съ XVIII вѣка. Далѣ
е слѣдуетъ раздѣленіе праздниковъ на *се-
сниніе, лѣтие, осеніе и зимніе*, а по
годовымъ временамъ на *подвижные и не-
подвижные*. Въ отношеніи обрядовъ неко-
торые праздники у него называются *объти-
ными*.

ПРЕДПОЛАГАЯ, что праздники и повѣria
легко могли быть заимствованы отъ дру-
гихъ народовъ, онъ раздѣляетъ ихъ на
отечественные и заимствованные. При-
такомъ взглѣдъ на праздники, И. М. СНЕ-
ГИРЕВЪ обращается къ изслѣдованию Гречес-
кихъ мифовъ съ Индѣйскими. По этому ро-
зысканію, нашъ Перунъ встрѣчается въ во-
гоученіи восточныхъ Индѣйцевъ, съ ука-
заніемъ на путешествіе по Индіи Соннера-
та [стр. 59]. Купало имѣть сходство съ
Индѣйскимъ *Копаломъ*. Перваго Мая есть
праздникъ Греческій, наши хороводы, игры,
родительскія, птицеволхование, литье воска
въ воду, колдованіе—заимствованы отъ
Грековъ. Греко-Римское влияніе на Россію,
по мнѣнию И. М. СНЕГИРЕВА, образовало
особенныя повѣria и обычаи—въ быту, въ
законахъ, въ календарь, и что такое вли-
ніе переходило къ намъ чрезъ Нѣмцевъ и
Литовцевъ. Самыя свадьбы наши, по его
мнѣнию, имѣютъ много Римскаго [стр. 71].

Влияние Скандинавской Миѳологии, по
его мнѣнию, паходитъ въ Перунъ, Волосъ.
Нанѣ Суженой будто явился изъ Скандинавіи. Въ Семицкомъ четвергѣ онъ видитъ пра-
зднество Тору, или Туровъ день [стр. 74].
23 Апрѣля—день Егорьевъ съ своими обря-
дами существовалъ въ Скандинавіи въ
празднествахъ Тору.

Влияние Германской Миѳологии И. М.
СНЕГИРЕВЪ допускаетъ въ обширномъ смы-
слѣ, и говоритъ, что Русь заморская при-
несла въ миръ Славянскій тузеній преда-
нія, поговорки и пословицы, кои у насъ

обрусли [стр. 78]. Поклонение въ горахъ, заповѣданныхъ рощахъ, дремучихъ лесахъ, благоговѣніе предъ огнемъ, водою, поклоненіе подъ дубомъ и липою, большими камнями сходствуютъ съ древними Нѣмецкими и Англо-Сакскими [стр. 80].

Влияние Финскихъ племенъ на нашу Миѳологию также допускаетъ И. М. Снегиревъ. Онъ находитъ у нихъ слѣды вѣрованія въ Перуна, Ивановскіе огни, Колдовства Кудесниковъ [стр. 89].

Влияние Литовской Миѳологии, по его мнѣнію, отражается болѣе всего въ нашихъ обрядахъ. Литовскій Перкунъ, Домовые, Злыдни, Постень, Мавки, благоговѣніе къ камнамъ, горамъ, рѣкамъ, рощамъ, Литовской календарь, Купайло, Зажинки, Поминки, Каліада, Свадьбы—весьма много имѣютъ сходнаго съ Славяно-Русскими повѣрьями.

Вѣрованія Чеховъ и Поляковъ, по основательному замѣчанію Бандтке, перепутаны съ Римскими Миѳами, и потому-то влияние ихъ на Славяно-Русскую Миѳологию подвержено большему сомнѣнію. Почтеннѣйший И. М. Снегиревъ, слѣдя указаніямъ Длугоніа, Мѣховскаго и Бѣльскаго, старается отыскать сходства въ Ивановской почѣ, Купалѣ, Бабьемъ лѣтѣ, Масляницѣ.

Послѣ такого обозрѣнія, почтеннѣйший И. М. Снегиревъ переходитъ къ разсмотрѣнію Славянскихъ Миѳографовъ [стр. 131]. Въ нихъ описаніяхъ онъ явно отличаетъ истинныя и мнимыя божества. Полагаетъ, что изъ Рюгена и Петра распространялись повѣрія на Югъ и Сѣверо-востокъ; въ Перунѣ видитъ общее божество Славянъ; въ Велесѣ находитъ сходство съ Скандинавскими Валнассами; приводитъ указанія пѣ Длугоніа и Бандтке, что Фетишизмъ господствовалъ въ Пруссии и Литве [стр. 137].

Изъ означения года и раздѣленія его на времена и мѣсяцы, онъ выводитъ раздѣленіе праздниковъ на весенне, лѣтніе, осенне и зимніе. Мѣстные праздники причисляютъ отдельнымъ Славянскимъ племенамъ. Отсюда опять переходить къ вторичному разсмотрѣнію народныхъ праздниковъ [стр. 139]: Коляды, Купало, Бабьева лѣта, Юрьева дна.

Въ названіяхъ Руси: Красной, Черной и Бѣлой онъ находитъ сходство съ Перуномъ, Черно-богомъ и Бѣль-богомъ, и полагаетъ,

что въ этой трехцвѣтной Руси остались въ-лѣ замѣтные слѣды Славянскаго язычества; что идея о Красномъ, Русомъ, Черномъ есть господствующая въ Славяно-Русскомъ мірѣ; что Красная Русь была главнымъ разсадникомъ Славяно-Русского богоученія и богослуженія, и откуда она распространялась на Западъ и Востокъ России. Эта идея привела почтенного изыскателя къ тому, что Владимиръ, собравши седмерицу богоевъ въ Киевѣ, долженъ былъ перевести ихъ изъ Красной Руси [стр. 153, 154].

Въ повѣрьяхъ, обычаяхъ и миѳахъ Черная Русь имѣетъ сходства съ преданіями Красно-Русскими и Волынскими. Бѣлая Русь совпадаетъ съ обычаями Польскими и Литовскими и есть одинаковые праздники съ Малороссийскими и Великороссийскими.

Остатки Украинской Миѳологии, онъ полагаетъ, сохранились въ миѳическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ, поговоркахъ и обычаяхъ. Въ Веснянкѣ видѣть Польскую Марану, Велико-Русскую Радунницу сращивается съ Гробами, въ Криницахъ видѣть Русалокъ.

Послѣ сего почтенный изыскатель обращается ко вторичному обозрѣнію Велико-Русскихъ праздниковъ общихъ и мѣстныхъ [стр. 177], а потомъ къ новому раздѣленію праздниковъ на городскіе и сельскіе. Въ сельскихъ полагаетъ [стр. 191] сосредоточик требицѣ, мольбицѣ, игрицѣ, и что погосты и городница составляли такое сосредоточіе. Времена сельскихъ празднествъ опредѣлялись лѣтними и зимними солнцестояніемъ, прилетаніемъ и отлетаніемъ птицъ, развертываніемъ и паденіемъ листьевъ, замерзаніемъ и вскрытиемъ рѣкъ, началомъ и концемъ полевыѣ работъ. Изъ этой категории возникли: праздники земледѣльческие и пастушеские.

Рождение, свадьба и смерть составили особенные народные праздники и обряды. Къ первому разряду принадлежать: родины, размываніе рукъ, опоясываніе, постриги и посажденіе на коня, именини; ко второму: рукобитье, посидѣлки, говоры, дѣвичники, вѣнчанье, княжай столъ, баня, поѣзды по роднымъ; къ третьему: похоронные поминки, третипы, девятиты, полкорочки, сорочини, полугодовщина, годовщина.

Вотъ обширная канва, по которой почтенный И. М. Снегиревъ рѣшился изслѣдоватъ наши народные праздники. Онъ первый обратился къ сравнительнымъ объясненіямъ, первый положилъ начало критическаго изслѣдованія Славянскихъ преданій. При такомъ обширномъ объемѣ онъ невольно увлекался мнѣніями другихъ и допускалъ тождество Мифологии и Демонологии. Въ его сравнительныхъ изслѣдованіяхъ Славянскихъ преданій видимъ неразработанные источники, материалы, ожидающие будущихъ дѣлателей. Будь это его Введение обработано систематически, оно было бы у насъ оврасцовыми сочиненіемъ, книгою справочною для изслѣдователей. Теперь обратимся мы къ его частнымъ описаніямъ.

Святки. Название и большая часть святочныхъ игръ, онъ полагаетъ, перешли на Сѣверъ съ Юга и Запада Россіи, и что самые Святки на Славянскихъ народчіяхъ означаютъ праздники. Обозрѣніе Святокъ онъ начинаетъ съ Малороссійской Коляды, и возводить отъ Римлянъ, сравниваетъ съ Скандинавскими Юльскими, праздникомъ Тора и Одина, сличаетъ, съ подобными Англійскими, Голландскими и Германскими праздниками. Велико-Русскія Святки, по его мнѣнію, состоятъ изъ славленія, наряженія, и загадыванія. Приводить изъ книгъ пѣсни, обряды, гаданья и выписываетъ загадки. Въ хожденіи по домамъ съ вертепомъ и звѣздою находить сходство съ Западною Календою. Славление по домамъ допускаетъ только со временемъ Алексія Михаиловича. Въ описание святокъ приводить празднованіе новолѣтія, установленное Петромъ Первымъ. Изъ всѣхъ его выводовъ о Святкахъ вышло то, что Коляда перешла на Сѣверъ Россіи съ Юга и Запада, что гаданья и переряживанья имѣютъ связь съ Демонологіе и Астрологіе, что предметъ святочныхъ мифовъ есть природа и жизнь. Въ дополненіе къ Святкамъ изыскатель приводить изъ печатныхъ книгъ пѣсни Колядскія, подвлюдныя, круговыя. Поздній отдѣлъ пѣсень, извѣштительно не имѣть никакой связи съ Святками и самъ изыскатель признаетъ, что онъ свадебный [стр. 102], хотя между ними находятся хороводы и плясовыя.

Авсень. Почтенный И. М. Снегиревъ приурочиваетъ Авсень къ Святкамъ, и говоритъ, что такъ называется канунъ новаго года, Васильевъ вечеръ, и что въ иныхъ мѣстахъ онъ же составляетъ и Коляду. Онъ Авсень считаетъ стариннымъ Зимледѣльскимъ праздникомъ, прообразовательнымъ обрядомъ обсѣванія, отчасти сходнымъ съ древнимъ обрядомъ осыпанія при бракосочетаніи молодыхъ. Къ описанію Авсепія присоединены пѣсни изъ печатныхъ книгъ. Сочиняя съ Колядою Талсень, онъ считаетъ его только мѣстнымъ народнымъ праздникомъ, и что это сочетаніе намекаетъ на соединеніе миѳовъ разнокультурныхъ народовъ на Руси. Такое предположеніе и доказательства не имѣютъ правдоподобія. Созвучие и сходство въ словахъ увлекали у насъ на Руси многихъ къ ошибкамъ. Въ числѣ Авсепевыхъ пѣсень мы опять подъ № 3 нашли пѣсню свадебную, а подъ № 4 не только не пѣсню, но причитываніе старушекъ въ дѣтскихъ играхъ.

Масляница. Масляницу пашъ археологъ называетъ годовымъ, разгульнымъ праздникомъ народа. Потомъ слѣдуетъ номенклатура по-Французски и по-Нѣмецки, сравненіе съ Вакханалиями (стр. 116) и нынѣшнимъ карнаваломъ. Далѣе приложены выписки (118) изъ величаго извѣстія о Московіи. Масляницу онъ раздѣляетъ на четыре части: встрѣча, разгуль, широкій четвергъ и прощанья. Обряды Германіи Католической, приводимые имъ, со всемъ не нужны для сравненія Русской Масляницы. Выпiska изъ Русской старины Корниловича о празднованіи Масляницы Петромъ I и мѣстные обряды по городамъ еще напоминаютъ, что нашъ археологъ говоритъ о Масляницѣ; но повѣрка этихъ мѣстныхъ обрядовъ въ Саксоніи Лаузице, Богеміи и Селезіи (стр. 130) затмняетъ только Русской быть, и указание на нихъ сдѣлано совсѣмъ некстати. И здѣсь опять, на Масляницѣ, явилось празднованіе Коляды! Это явная натяжка по любви моей иден археолога.

Встрѣча весны. Встрѣча весны составила у пашшего почтенного изыскателя осенний праздникъ, отдѣльный отъ Красной горки. Пачиная всегда свои изысканія номенклатурою, онъ прямо переходитъ отъ ней

къ допотопнымъ временамъ (стр. 2). Наконецъ на 19 стр. находитъ, что въ Смоленской губерніи капчути весну въ день Евдокеи, на Сороки, а въ Буйскомъ уѣздѣ въ великой четвертой, въ Тульской губерніи съ Фоминой недѣли. Изъ всего этого выходитъ, что праздникъ—Встрѣча весны—принадлежитъ къ Красной горки. Иначе и быть не могло.

Красная горка. Нашъ почтенный археологъ прямо говоритъ, что Красная горка есть одинъ изъ народныхъ праздниковъ Красной весны (стр. 18). Отсюда у него начинается разысканіе о горахъ и о словѣ красный, по которому выходитъ (стр. 24), что Красная горка значитъ красивое и увеселительное мѣстоположеніе. Игра Горѣлки также причислены у него къ Красной горки. Разысканія о пріѣзѣ пѣсенномъ Лада увлекло нашего археолога къ Литовской Миѳологии. Взглядъ на мѣстные обряды очень любопытенъ и заслуживаетъ предпочтеніе всѣмъ изысканіямъ, тутъ приводимымъ. Къ Красной горкѣ отнесено у него Славянѣ проса и игра Сходище. Мы въ этомъ не согласны съ изыскателемъ, потому, что обѣ эти игры повторяются во всѣ времена года. Мы видѣли ихъ даже въ Москвѣ зимою, на свадьбахъ, въ комнатахъ, и такія встрѣчи цѣпдались намъ и въ другихъ городахъ.

Радуница. Послѣ номенклатуры, археологъ нашъ называетъ Радуницу заупокойнымъ праздникомъ; его изысканія о мѣстности и древности Радуницы—показываютъ, что это не праздникъ народный, а просто обрядъ церковный.

Первое Апрѣля. Мы не понимаемъ, почему почтеннѣйший И. М. Снегиревъ Первое Апрѣля причислилъ къ Русскимъ народнымъ праздникамъ. Такого праздника нашъ народъ никогда не праздновалъ.

Семистоллакса. Воспоминаніе жителей Вятки о несчастномъ событии съ ихъ предками въ 1480 году—отправлять поминовеніемъ на могилахъ—подало поводъ нашему археологу составить народный праздникъ. Въ этомъ виноватъ г. Хитрово, доставившій Московскому историческому обществу описание сраженія Вятичей.

Юрьевъ день весенний. Послѣ почти всмѣрнаго обзора народовъ, почтеннѣйший

И. М. Снегиревъ переходитъ къ тому, что Егорьевъ день есть не только церковный, но и народный праздникъ, сопровождаемый у Грековъ, Скандинавовъ, Нѣмцы и Славянъ разными примѣтами, обрядами и весельями. На сѣверной Россіи, говоритъ онъ (стр. 74), въ этотъ день бываетъ первый всенародный праздникъ съ открытия весны; между простолюдинами онъ то же, что въ городахъ первое Мая.

Первое Мая. Первомайскій праздникъ, говоритъ намъ археологъ, у городскихъ жителей есть первое весеннее гуляніе за городомъ въ рощѣ. Даѣте: это гуляніе неизвѣстное въ сельскомъ быту на Руси, есть иностранное и новое. Послѣ этихъ словъ и мы не будемъ считать Первое Мая Русскимъ народнымъ праздникомъ.

Праздникъ Кукушкѣ. Вотъ еще новый праздникъ для нашего народа. Почтенный изыскатель увлекаясь вѣрованіями Римлянъ и Литовцевъ въ птицеводческое, придаетъ почти одинаковыя дѣйствія и нашимъ Кукушкамъ. Одинъ обрядъ изъ народнаго праздника Семика, совершаемаго въ Тульской губерніи, когда сходятся дѣвѣ кумы для кумованія, послужилъ нашему археологу къ составленію особеннаго народнаго праздника.

Семикъ. Нашъ почтенный археологъ Семикъ называетъ дѣвичимъ праздникомъ (стр. 29). Описаніе этого Семика не имѣть мѣстныхъ, самыхъ любопытныхъ и важныхъ для народности подробностей. Указаніе на празднованіе Черемисъ кажется совершенно лишнее (стр. 107), равно какъ и Нѣмецкіе обряды (стр. 110). Къ концу приложены изъ печатныхъ книгъ обрядные и хороводные пѣсни, подъ названіемъ Семицкихъ.

Троицкій день. Почтенный нашъ археологъ Троицкій день почитаетъ отдалѣнѣйшимъ народнымъ праздникомъ—отъ Семика. Между тѣмъ, какъ даѣте говорить, что исторически нельзя опредѣлить происхождѣнія Семика и Троицкихъ игръ (стр. 198). Въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что онъ хороводные игры и Семицкие обряды, отдалѣнѣйно взятые, почитаются за народный праздникъ. Все это вышло отъ того, что мѣстные обряды и обычаи, разбросанные по разнымъ городамъ и селеніямъ, имѣющія свои отличія, подали поводъ къ отдалѣнѣй-

идеямы; эти-то отдельные идеи, какъ осо-
бенные черты Русской народности подали
мысль нашему археологу считать ихъ за осо-
бенные празднества. Семикъ, Троицынъ
день и праздникъ Кукушекъ составляютъ
одно народное празднество: разность только
въ мѣстныхъ обрядахъ и хороводахъ.

Въ дополнительныхъ статьяхъ къ третьей
книжкѣ, мы находимъ: Власьевъ праздникъ,
Верную субботу, Убогие домуы и Выюниш-
никъ.

Описание Власьевыя праздника мы скорѣе
вы отнесли къ Славяно-Русской Миѳологии,
нежели къ народнымъ праздникамъ. Всѣ
предположенія, здѣсь приводимыя о опа-
хиваніи, Масляницѣ, о перенесеніи миѳа
заморскими выходцами на Югъ и Сѣверъ
России—ожидаютъ большихъ розысканій.

Верная суббота принадлежитъ исключи-
тельно Русской церковной истории. Самъ
археологъ описываетъ болѣе старинные цер-
ковные обряды.

Описание Скудельницъ или Убогихъ до-
мовъ также неправильно отнесено къ народ-
нымъ праздникамъ. Ямникъ, съ сараемъ на
верху, куда свозили умершихъ, часовня,
стоявшая близъ ямника, крестный ходъ,
совершаемый изъ ближайшей церкви къ
ямнику въ Семицкой четвергѣ—вотъ пред-
меты, совершенно чужды народныхъ уве-
селеній.

Выюнишникъ принадлежитъ къ весеннимъ
обрядамъ Красной горки. Мѣстное торжест-
во народа, начинающее за день до Красной
горки, въ одной Нижегородской губерніи,
въ Семеновскомъ уѣздѣ, не можетъ состав-
лять особынаго народнаго праздника.

Русалки и Русалія. Русалки, состав-
ляющія на Руси отдельный миѳ изъ Рус-
ской Демонологии, существа, олицетворяе-
мые въ понятіяхъ народа въ извѣстное вре-
мя года, не могутъ входить въ число на-
родныхъ праздниковъ. Овьихъ можно бы-
ло бы сказать только при описаніи Сла-
токъ и Семика. Въ это время миѳъ о Ру-
салкахъ проявляется въ съеврѣнныхъ голо-
вахъ; но чтобы Русской народѣ въ честь
Русалокъ отправлять особынное празднество
—этого никогда не бывало ни прежде,
ни нынѣ.

Купало и Купальница. Народное празд-
нество всего Славянскаго мира, извѣстное

подъ именемъ Купальскихъ огней, Суто-
токъ. Прежне наши Миѳографы считали
Купало за особынаго Славяно-Русскаго
бога. Нашъ археологъ находитъ начало
Купальскихъ огней у Іудеевъ, Индѣевъ
(стр. 23) Грековъ, Римлянъ, у Anglo-Саксовъ,
Нѣмцевъ, Датчанъ, Финновъ, Поляковъ,
Литовцовъ, ссылается на капитулярии Каг-
ла Великаго, по указанію Ренвала, находить
подобные обряды у Мальтийскихъ рыцарей.
Совсемъ Купальское празднество принад-
лежитъ исключительно у насъ Мало-Рус-
самъ, а у Велико-Руссовъ существуютъ
только народныи игры, зарываніе травъ,
доставаніе изъ дерева огня, изъ долинъ
корня травы Плакуна и Папоротникова
цвѣта. И все это у насъ, Велико-
Руссовъ, известно подъ именемъ Иванова
дни, а не Купалы. Ивановской огонь у насъ
былъ повсемѣстнымъ въ XVI столѣтии и
запрещался Стоглавымъ соборомъ. Нашъ
археологъ въ Купальницѣ отыскиваетъ идею
водопоклоненія а въ Купалье идею траво-
воловованія. Кажется, что это требуетъ
большихъ доказательствъ, и по всѣмъ, до-
сѣль извѣстнымъ фактамъ, ни мало не под-
тверждается. Приложенія имъ Купальскія
пѣсни служатъ явнымъ доказательствомъ.

Ярило. Особенное мѣстное празднество
народа, извѣстное въ старину и по Стогла-
ву подъ именемъ Наливокъ, было совер-
шаемо въ Тверской, Костромской, Владимир-
ской, Нижегородской, Рязанской и Там-
бовской губерніяхъ. Мы благодарны по-
чтеннѣйшему нашему археологу за собраніе
мѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ празднества
Ярилы. Замѣтимъ, что этотъ Ярило не везде
называется такъ. Въ Ярославлѣ его велича-
ютъ Солониною, въ Нерехтѣ Конюховою.

Петровки. Народное гулянье въ день
Петра и Павла повсемѣстно въ Россіи. Пе-
тровские хороводы, называемыя только по
времени ихъ отправленія, и игры—не соста-
вляютъ особынаго народнаго праздника. Но
нашъ археологъ составилъ изъ мѣстныхъ
празднствъ и увеселеній особынній празд-
никъ. Мы не вѣримъ, чтобы съ Петровками
сочинялись у простаго народа обряды и
обычаи, носящие па себѣ печать древнаго
быта и древнихъ повѣрь; не вѣримъ также
тому, чтобы этотъ праздникъ совершился
въ честь Солнца, боготворимаго подъ имен-

немъ Купало или Ладо (стр. 68). Начнемъ и кончимъ тѣмъ, что наши Славяно-Руссы не имѣли въ числѣ своихъ боговъ ни Купало, ни Ладо. Этого не говорить ни народъ, ни Несторъ.

Баша и Башиха. Уважение къ большимъ и малымъ камнямъ, какъ къ памятникамъ народнымъ, разъяно по Россіи во многихъ мѣстахъ. Но чтобы Баша и Башиха, такъ называемые два камня, находящіеся въ Тульской губерпіи, Одоевскомъ уѣздѣ, въ сель Башевѣ—составляли народный праздникъ—никогда не слыхано и не видано на Руси.

Землемѣрческіе праздники. Въ числѣ Землемѣрческихъ праздниковъ помѣщены: покосъ, жнива, опашка, замолотъ, помочь или толока. Въ легкихъ очеркахъ поченный археологъ представилъ сельские обряды, совершаляемые при сихъ празднествахъ. Празднество покоса, отправляемое въ нашихъ степныхъ губерпіяхъ ускользнуло изъ видовъ изыскателя. Вообще, все это отданіе не имѣютъ подробностей, даже нужныхъ для точнаго изображенія описываемыхъ предметовъ.

Семенъ день. Начало новаго лѣта, первый день Сентября предки наши называли Семенъ день. Здѣсь начиналось и Бабье лѣто. Первая недѣля новаго лѣта называлась Семинскою. Съ этимъ днемъ соединялось у нашихъ предковъ: встреча новаго лѣта, явки на судъ, начало бабьихъ работъ и заситки, братчины, похороны мухъ и хороводы. Почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ обратилъ все вниманіе на описание встречи новаго лѣта, какъ это изложено въ Требнику 1639, въ Чинѣ лѣтопровожденія, помѣщенному въ Древней Вѣнчалики (ч. VI), и въ одномъ Немецкомъ путешествіи. Оле-

рій также былъ свидѣтелемъ нашего новаго лѣта. Судный срокъ описанъ очень кратко.

Осенняя родительская. Въ числѣ по-миниальныx обрядовъ отправляемыхъ осенью известны: Дмитревская и Покровская субботы. Первая назначена В. К. Дмитриемъ Ивановичемъ Донскимъ, а вторая известна только въ одной Сибири. Не знаемъ и не вѣдаемъ, почему почтенный археологъ решилъ включить родительскія поминки въ числo народныхъ праздниковъ.

Саадьбы. Взглядъ краткой и почти вѣткой о Русскихъ народныхъ Свадьбахъ самаго изыскателя предшествуетъ описаниемъ двухъ свадебъ Костромской губерпіи, составленныхъ по запискамъ кн. Козловскаго и М. Я. Діева.

Таковъ обширный планъ описаній Русскихъ народныхъ праздниковъ, приводимый нынѣ въ исполненіе нашими первоклассными археологомъ. Богатство иностранныхъ источниковъ, пособія мѣстныхъ жителей и собственный наблюденія—были его основными материалами. Часто излишнее довѣріе къ иностраннымъ источникамъ, иногда слово-производство затемнили разысканія и отвлекали отъ настоящаго предмета. Чужія мѣстные наблюденія, принятія имъ за вѣрные источники, часто также грѣшатъ противъ достовѣрности; но все это такъ ничтожно предъ трудомъ его, что въ будущихъ изданіяхъ можетъ быть легко исправлено. Трудъ вѣковый, трудъ исполненный съ знаніемъ дѣла, поставляетъ заслуги поченнѣйшаго И. М. Снегирева выше всѣхъ предшественниковъ. Благодарность современниковъ, благодарность потомства будетъ лучшою наградою его заслугъ. Дѣло во славу родины, есть дѣло великой важности.

•**HYGEGALO HAPOLAA**

GRABA&AHIA

REBUTA BTOBZABU.

РУССКОЕ

НАРОДНОЕ ЧЕРНОЖИЖИЕ.

РУССКИЙ

НАРОДНЫЕ ИГРЫ.

РУССКИЙ

НАРОДНЫЕ ЗАРАДНЫЕ ИХ ПРЕДРЕДЫ.

РУССКИЙ

НАРОДНЫЕ ПРИСЛОВЬЯ.

РУССКОЕ
НАРОДНОЕ
ЧЕРНОЖИЖИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРЕДАНИЯ И СКАЗАНИЯ О РУССКОМЪ ЧЕРНОКНИЖИИ.

Народныя преданія; древнія Русскія сказанія; источники Русскихъ преданій.

СКАЗАНИЯ О КУДЕСНИЧЕСТВѦ.

Русскіе народныя заговоры:

Отъ недуговъ красной дѣвицы въ болѣзни полюбовнаго молодца.

Красной дѣвицы о сбереженіи въ дорогѣ полюбовнаго молодца.

Отъ тоски родимой матушки въ раздукѣ съ иными дитяткою.

Охотника на постановныхъ кѣляхъ для зайцовъ.

На путь дороженку.

На укрощеніе родимой матушки.

Наукрощеніе злобныхъ сердечъ.

На посаженіе пчелъ въ улей.

На утиханіе крови.

Отъ укушенія змѣи.

Отъ ужалѣнія козульки.

На отгипаніе черныхъ муріевъ.

Отъ червей.

Отъ зубной скорби.

Отъ пещалей и стрѣль.

Отъ ратныхъ орудій.

Отъ пуль свинцовыхъ, каменцыхъ.

На жеѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.

На карты.

Отъ осы.

Отъ запоя.

На остановленіе руды.

Отъ лихорадки.

Ратнаго человѣка, идущаго на войну.

На любовь красной дѣвицы.

Отъ порѣза.

Отъ недуговъ.

На покраденную вещь.

Оборотни.

Для любви.

Родимой матушки въ напоенной тоскѣ своей дитятки.

Красной дѣвицы отъ тоски.

На любовь красной дѣвицы.

На воду.

Островника на зеленую дуброву

Отъ лихаго человѣка.

Красной дѣвицы отъ педуги полюбовнаго молодца.

Охотника на утокъ, гусей, тетеревей,

На любовь.

Отъ черной немочи.

Отъ бѣшеной собаки.

Отъ родимца.

Молодушки отъ любой бѣды.

Красной дѣвицы отъ приворокъ.

Отъ колотья и болѣстей.

На изгнаніе съ островника вѣрѣй и гадовъ.

На подходъ.

На остуду между мужемъ и женой.

На удачную ловлю звѣрей.

На тоску доброму молодцу по красной дѣвицѣ.

Отъ грыжи.

На остуду между молодцомъ и дѣвицей.

СКАЗАНИЯ О ЧАРОДѦЙСТВѦ.

Прѣданія о народныхъ гареваніяхъ.

Чары на вѣтеръ.

— сѣдѣ.

для колѣкъ.

на лошадь.

— подтекъ.

надъ змѣю.

— лягушко.

— голубицкимъ сердечъ.

пемъ.

Чары надъ змѣями и лягушками.

Чародѣйскій травникъ.

Заклинательная пѣсня падь духами.

Чародѣйская пѣсня вѣдьмъ.

Шабашная пѣсня вѣдьмъ.

Пѣсня вѣдьмъ на роковомъ шабашѣ.

Чародѣйская солнцевыхъ дѣвъ.

СКАЗАНИЯ О ЗНАХАРСТВѦ.

Прѣданія знахарей и колдуносъ.

Пчельное дѣло.

Сбрызгивание,

Нерепохозъ.

Соняшница.

Открытие колдуна.

Стѣнь.

Съ глазъ.

Хлѣбизя завязка.

Зубы лечить.

Курпная сѣпота.

Морозъ.

Неразмѣнныи рубль.

Кость невидимка.

Свадебная поруха.

Вывѣдываніе жѣпы.

Размѣнныи колпакъ.

Вѣдьмопо селеніе.

Собачья старость.

СКАЗАНИЯ О ВОРОЖБѦ.

Народныи гаданія.

Гаданіе на картахъ.

Коффъ.

Псалтыръ.

Рѣшетъ.

Янцахъ.

Иглахъ.

Воскъ.

Свищъ.

Въ зеркалѣ.

Курицею.

Водогаданіе.

Святочныи гаданія.

Снотолкованія.

ПРЕДАНИЯ И СКАЗАНИЯ

о

РУССКОМЪ ЧЕРНОКНИЖІИ.

••• НАРОДНАЯ ПРЕДАНИЯ •••

Тайные сказания Русского народа всегда существовали въ одной семейной жизни, и никогда не были мышлениемъ общественнымъ, мышлениемъ всѣхъ сословий народа. Въка и события, измѣнявшія Русскую землю, обновляли людей вмѣстѣ съ ихъ понятиями; но въ этихъ обновленіяхъ не могли участвовать всѣ народныя сословія. Люди, близкіе къ престолу, люди, участвовавши въ службѣ Церкви, люди, исполнявшіе общественные должности по городамъ — болѣе всѣхъ обновлялись; люди промышленные участвовали въ обновленіи исполненіемъ только нуждъ, примыкали къ людямъ съ обновленными понятиями, но никогда не выходили пѣзъ границъ семейной жизни; люди сельскіе всегда и постоянно находились въ семейной жизни. Взглядите на ихъ занятія въ XIX вѣкѣ? Онѣ одни и тѣ же, какія были въ X, XII и XVIII вѣкахъ: тамъ и здѣсь земледѣліе, тамъ и здѣсь поѣзды. Люди, обновлявшіе свою жизнь, оставляли понятія и повѣрія, противныя образу ихъ дѣйствованія; люди, оставшіеся въ неизмѣнной жизни, никогда не измѣняли ни своихъ понятій, ни своихъ повѣрій. Вотъ отъ чего въ рассказахъ поселянъ мы доселе слышимъ были о старой Русской семейной жизни.

Преданія Русского народа вмѣщаютъ въ себѣ всѣ подробности тайныхъ сказаний, передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Наши письменные памятники намекаютъ о нихъ тогда, когда нужда заставляла указать народу на вредныя слѣдствія. Представляемъ здѣсь словесныя преданія Русского народа

Т. I. Ч. 2.

о тайныхъ сказаніяхъ Чернокнижія известнаго доселе нашимъ простолюдинамъ.

Словесныя преданія Русского народа говорятъ, что люди, посвятивши себя тайнымъ сказаніямъ Чернокнижія, отрѣкались отъ Бога, родныхъ и добра. Такъ понимали этихъ людей предки, такъ теперь думаютъ современники нашей сельской жизни. Встарину олицетворителій тайныхъ сказаний называли разными названіями. Однихъ величали: Кудесниками, Чародѣями, Вѣдунами, Колдунами; другихъ называли: Волхвами, Ворожеями, Знахарями, Доками. Но всѣ эти люди известны были подъ общимъ именемъ: Чернокнижниковъ. Мы не можемъ теперь обозначить этого отличія, какъ не можемъ сказать: въ чёмъ заключалось Чернокнижие нашихъ предковъ? Вероятно, что умственное образование сообщалось всѣмъ сословіямъ изгладило изъ народной памяти различіе этихъ олицетвореній. Но народъ доселе еще хранить въ памяти преданіе о Чернокнижии, доселе еще думаетъ о возможности его бытія.

Говоря о Чернокнижникахъ, наши поселяне утверждаютъ, что они научаются лихому дѣлу отъ Чертей и всю свою жизнь состоять въ ихъ зависимости. Заключая съ духомъ условіе на жизнь и душу, они получаютъ отъ нихъ Черную книгу, исписанную заговорами, чарами, обаяніями. Всякой Чернокнижникъ умирая, обязанъ передать эту книгу или родственникамъ, или друзьямъ. Во многихъ селеніяхъ есть повѣрія, неоспоримыя ни вѣками, ни людьми, повѣрь, что умершие Чернокнижники прихо-

дять въ полночь, одѣтые въ белые саваны, въ дома своихъ родственниковъ. Это бываетъ только съ тѣми, которые забываютъ передавать при смерти Черную книгу. Старики разсказываютъ еще, что полночные посытители шарять по всѣмъ мѣстамъ, садятся за столъ и съѣдаютъ все, пимъ предлагаемое. Другие же, напротивъ, уверяютъ, будто они, приходя къ дому, стучать въ двери и окна, истребляютъ всякой домашней скотъ, и, при пѣни посѣднѣхъ пѣтуховъ, исчезаютъ. Родственники, выведенны изъ терпѣнія, выкапываютъ Чернокнижниковъ, кладутъ ихъ во гробъничкомъ, подрѣзываютъ пятки, засыпаютъ землею, гдѣ въ это время Дока шепчетъ заговоры, а родственники вѣняютъ осиновой коль между плечами. Старики разсказываютъ, что когда-то одинъ удалий молодецъ вздумалъ почитать оставшуюся книгу послѣ Чародѣя. Во время чтенія явился къ нему Черти съ требованиемъ работы. Сначала онъ предлагалъ работы легкія, потомъ труднѣя; но Черти все являлись за новыми требованиями. Истомленный выдумками для отысканія работы, онъ не находилъ уже болѣе для пхъ занятія. Неотвѣзчивые черти задушили удалия молодца. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, никто не смѣеть приближаться къ Черной книгѣ. По увѣренію народа одни только Колдуны знаютъ, чѣмъ занимать чертей. Они посыпаютъ ихъ: вить веребки изъ воды и песку, перегонять тучи изъ одной земли въ другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить слоновъ, поддерживаяющихъ землю.

Народъ никогда не любилъ Чернокнижниковъ, какъ враговъ семейной жизни. Чародѣй бываетъ ли на свадѣвъ—онъ портить или жениха, или невѣstu, или гостей. Видѣть ли Кудесникъ дружную жизнь въ семействѣ—онъ портить мужа съ женою, отца съ сыномъ, мать съ дочерью. Поскорѣтъся ли Знахарь съ поселянкою—онъ присаживаетъ ей на носъ *кигу*. Обойдуть ли Колдуна приглашеніемъ на свадѣбу—онъ бросаетъ порчу на дорогу, гдѣ проѣзжаетъ пѣвѣдъ, и тогда свадѣба синвается съ толку. Испортить ли Вѣдунъ женщину—она даетъ собакою, мяучить кошкою, и когда

положить на нее запертыи замокъ, она выкликаетъ своихъ недоброжелателей.

Старушки говорятъ, что Порчи, произведенные Чернокнижниками, бываютъ: временные и вѣчные. Времянныи Порчи отговариваются въ деревняхъ Доками, вѣчныи же остаются до конца жизни. Молва пародная гласить, что Чародѣи могутъ испортить человѣка за тысячу и болѣе верстъ, выпуская изъ-за пазухи змѣю или ужа, которые зализаютъ въ чрево, и тогда канкуша чувствуетъ, что порча подкатывается подъ сердце и лежитъ, какъ пирогъ. Чернокнижникъ, не смотря на свою злость къ людямъ, никогда и никого самъ собою не портить. Все это дѣлается по ипросѣвъ людей враждующихъ, по неотвѣзчивости молодежи, желающихъ навести сухоту на красу дѣвичью и на молодечество. Любовь, выражаемая въ селахъ сухотой, сливть напущеніемъ. Въ этомъ случаѣ простолюдинъ, замѣтивши красоту дѣвичью съ сухотою, говорить: это не-спроста — здѣсь замѣшилась чертовщина. Отъ этого вошло въ пословицу въ сельскомъ быту говорить — при взглядѣ на непросыпнаго пьяницу, записнаго игрока: «это напущено». Кромѣ этого, Чернокнижникамъ приписываютъ: обмороchanье, Узорочанье, Облание.

Обмороchить, слово столь часто повторяемое въ Русскихъ пѣсахъ, выражаетъ собою полное могущество Чернокнижника. Ясно простодушнѣе поселянинъ: обмороchanье есть обманъ. Чародѣй, пѣлившиися какою нибудь вещью, уверяетъ хозяина, что въ ней водится нечистая сила. Какъ не повѣрить Чародѣю, знающему всю подонную, видящему въ землю на семь пядей! Простодушный со страхомъ вручаетъ вещь, а Чародѣй навсегда остается полнымъ ея владѣтелемъ. И это значить обмороchить. Такъ точно Цыгане успѣваютъ уверять поселянокъ, что въ ихъ коробахъ, наполненныхъ деньгами и вещами, завелись мертвые мыши. Въ такомъ случаѣ, избавляя отъ мышей, они избавляютъ ихъ отъ денегъ и вещей. И это значить то же—обмороchить. Въ народномъ разсказѣ сохранилось еще выражение, составленное изъ этого слова. Когда простолюдинъ уверяютъ о предметѣ про-

твъ его понятія, онъ говорить: «что ты меня морочишь?»

УЗОРОЧАНЬЕ есть снадобье, приготовляемое для порчи Чародѣями, слова, выговариваемыя Кудесниками. Наши поселяне такъ вѣрятъ въ Узорочанье, что ни какими доказательствами не можно ихъ переуверить. Дадутъ ли старухъ снадобья отъ лихорадки — она думаетъ, что Узорочанье испребляетъ ея болѣзнь. Привѣтъ ли ей записку къ ладанѣ — она уверена, что Узорочанье спасаетъ ее отъ всякаго колдовства.

ОБАЯНИЕ есть чудесная сила, истекающая изъ Кудесника, приводящая въ недвижимость, въ страхъ и трепетъ всякаго человѣка. Воры обаящемъ усыпляютъ хозяевъ, зажимаютъ рты собакамъ, смиряютъ свиней, утоляютъ ярость змѣй, усмиряютъ лошадей. Въ этомъ какъ-то нечаянно сошлись наши поселяне съ магнетизмомъ Месмера. Желательно знать: Обаяніе ли прежде существовало, или Магнетизмъ Месмера?

Рассказы Бывалыхъ людей о существованіи Черной книги исполнены странныхъ неизвѣстостей. Въ нихъ залогѣданныхъ разсказахъ мы слышимъ, что Черная книга хранилась на дне морскомъ, подъ горячимъ камнемъ Алатыремъ. Какой-то злой Чернокнижникъ, заключенный въ мѣдномъ городѣ, получилъ завѣтъ отъ старой ведьмы

отыскать книгу. Когда былъ разрушенъ мѣдный городъ, Чернокнижникъ, освободясь изъ пленя, опустился въ море и досталъ Черную книгу. Съ тѣхъ поръ эта книга гуляетъ по вѣлому свѣту. Было когда-то время, въ которое Черную книгу заклали въ стѣны Сухаревой башни. Доселе еще не было ни одного Чернокнижника, который бы могъ достать Черную книгу изъ стѣнъ Сухаревой башни. Говорятъ, что она связана страшнымъ проклятиемъ на десять тысячъ лѣтъ.

Говоря о Черной книгѣ, наши поселяне уверяютъ, что въ ней содержатся чертovskie нарожденія, писанные волшебными знаками. Но наши предки XVI столѣтія знали подробнѣе нась, современниковъ. Они къ Черной книгѣ причисляли: *Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Остромій, Зодій, Альманахъ, Зельздогетъ, Аристотелевы враты*. Мы ничего не можемъ сказать обѣ этихъ книгахъ, потому что ничего о нихъ не знаемъ.

Вѣтъ образчики народныхъ преданий изъ Русскаго Чернокнижія. Разматривая ихъ, каждый можетъ увѣдѣтъся, что онъ всегда существовали подъ покровительствомъ неизвѣстства. Скрытые въ семейной жизни, какъ заповѣданные тайны, сказанія переживали вѣка и людей, и, оставляемыя чудеснымъ вымысломъ, успѣли обольстить простодушныхъ сердца.

СТАРЫЯ ЗАПИСИ граматпыхъ людей, дошедшія до нашихъ временъ, уверяютъ насъ въ давности тайныхъ сказаний Русскаго Чернокнижія. Они, какъ вѣковые памятники, указываютъ намъ на времена и обстоятельства, среди которыхъ являлись люди съ предразсудками и заблужденіями. Прочитаемъ эти записи.

«Лѣта 6632 (1124) восташа Волсви лживіе въ Суздалѣ, извиваху старую чадь, бабы, по діаволю поученію и бѣсованію, яко си держать говіло и жито, и голодъ пу-

щаютъ, и въ матежъ великъ, и гладъ по всей странѣ той, яко же мужу своя жена дадти, да ю кормить себя челядніомъ.»

«Пріиде Волхвъ прельщенъ бѣсомъ, и пришедъ къ Киеву (въ 1071 г.) глаголаше сице: повѣдай людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру тещи на вспять, а землямъ прити на иная мѣста, яко стати Греческой земли на Русской, а Русской па Греческой, и прочимъ землямъ измѣнитися, его же невѣгласи послушаху, вѣрши же насыхахуся, глаголюще: бѣсъ товою играеть на пагубу

тебъ. Се же и бысть ему; во едину убо
нощь бысть безвѣсти. Быси во, подтожи,
на зло водятъ, по сему же смыются, вверг-
ши въ пропасть смертную, и научивши гла-
голати, яко се скажемъ въсвѣское науче-
ніе п дѣйство ^{1.}»

«Бывши во едину скудости въ Ростов-
ской области, востаса два Волхва отъ Яро-
славля, глаголюще: яко мы свѣты, кто
облие держитъ. И идоста по Волзѣ и при-
идоста въ иогость; ту лучшая жены пари-
чуше, глаголюще: яко ся жито держить,
а ся медь, а ся рѣбу, а ся скору. И при-
вожаху къ нимъ сестры свои, и матерь и
жена своя; они же въ мечѣ прорѣзоваша
нимъ за плечомъ, и вынимаста любо жито,
любо рѣбу, любо вѣлку. И убина многи
жены, именія ихъ отнимаху за ся; и при-
идоста на Бѣлоозеро; и въ у нихъ иныхъ
людей триста.

Случися прийти отъ Святослава даниемъ
юще Яну сыну Вышатину, и повѣдаша
ему Бѣлоозерцы, яко два Волхва пришли, и
ужа многихъ по Волзѣ и по Шексѣ по-
губили, и пришли еще смио. Янь же ис-
пытала, чи есть смерди; и увидѣвъ же Янь
яко князя его, и послала къ нимъ, иже окон-
чо его суть, и рече: выдайте Волхвовъ тѣхъ
семо, яко смердіевъ князя моего и моп; они
же сего не послушаша. Янь же самъ
пойде безъ оружія. И рѣша ему отроцы
его: не ходи безъ оружія: изсомотать тя.
Онъ же повелъ взять оружіе отрокомъ, бѣ-
ста во съ нимъ 12 отрокъ, и пойде съ ними
по лѣсу; они же сташа, испочинивши
противу. Яневи же идущу съ топоркомъ,
выступиша отъ нихъ три муша и придоша
къ Яневи, рекуще ему: видя, что идеши
на смерть, не ходи. Яневи же повелѣвшу
бити я, къ прочимъ же понде; они же су-
пушася на Яна, единъ же грѣшилъ топо-
ромъ. Янь же оборота топоръ и ударя ты-
льемъ, повелъ отрокомъ своимъ свечи ихъ;
они же вѣгоша въ лѣсъ; убина же ту по-
пина Янева. Янь же шедъ во градъ къ Бѣ-
лоозерцомъ, и рече имъ: аще не имете Вол-
хвовъ тѣхъ, не иду отъ васъ за лѣто. Бѣ-
лоозерцы же шедше, яша ихъ и приведеноша
нихъ къ Яневи. И рече имъ Янь: что ради
тако иогубиста человѣкъ? Онемъ же

рекиши: яко ти держать облие; да аще
истребимъ сихъ, да будеть гобина; и аще
хощеши, предъ тобою вымемъ жито, или
рыбу, или иное что. Янь же рече: по ис-
тинѣ лжа то есть: сотворпль есть Богъ че-
ловѣка отъ земли, составленъ костями и
жилами отъ крове и ивѣсть въ пемъ иначо
же, но токмо Богъ единъ вѣсть. Они же
глаголаста: вѣмы, како есть сотворенъ че-
ловѣкъ. Янь же рече: како? Они же рѣша: Богъ
мывся въ мовинцѣ, и вспотѣвъ отре-
ся вѣтхомъ и сверже съ небеси на землю;
и распредѣлъ сатана съ Богомъ, кому въ пемъ
свѣтъ чловѣка. И сотвори діаволъ че-
ловѣка, а Богъ душу въ онъ вложилъ;
тѣмъ же аще умретъ чловѣкъ, въ землю
идетъ тѣло, а душа къ Богу идетъ. И рече
имъ Янь: по истинѣ прельстнль есть
васъ вѣсь. Коему Богу вѣруете? И рѣша:
Антихристу. Онъ же рече имъ: то гдѣ есть?
Они же рекоша: сидитъ въ вездѣ. И рече
имъ Янь: то кѣ-то Богъ сидитъ въ безд-
нѣ? той есть вѣсь, а Богъ есть на небес-
сахъ, сидитъ на престолѣ славимый отъ
Ангель, иже предстоять ему со страхомъ,
не могуще наинъ звѣти, а сихъ ангель свер-
женъ бысть за гордость съ небеси, его же
вы глаголете Антихриста, и есть въ вездѣ,
яко же вы того глаголете, жади, егда
сидѣть Богъ съ небеси, сего Антихри-
ста емъ, свяжетъ узами, и посадитъ въ
огнѣ бѣнчимъ съ слугами его, пже къ не-
му вѣрюютъ; вамъ же и здѣ пріятн муга у
меня и по смерти тамо. Онемъ же глаго-
лющимъ: наинъ бози повѣдають—не може-
ши наинъ сдѣлать пичесо же. Онъ же рече
имъ: лжутъ вамъ бози ваши. Они же рѣша:
наинъ стати предъ Святославомъ въ Кіевѣ,
а ты наинъ не можеши сотворить ни чесо
же. Янь же повелъ бити ихъ и торгати
врады ихъ. Симъ же бенчимъ и потор-
ганнымъ, рече имъ Янь: что вамъ бози ваши
скажутъ? Онемъ же глаголющимъ: ста-
ти наинъ предъ Святославомъ. И повелъ
Янь клѣпъ вложити во уста ихъ, и привя-
зать ихъ ко упругу, и спустити предъ со-
вою въ лодынъ, а самъ за ними понде и
сташа на усть Шексны. И рече имъ Янь:
что вамъ бози ваши повѣдають? Они же
рѣша: тако молвять бози ваши — не быти
наинъ живымъ отъ тега. И рече имъ Янь:

ТО ВАМЪ ПРАВО ПОВѢДАЛИ. Они же рекоша: аще паю пустыни, много ти добра будетъ; аще ли насть погубиши, то многу печаль примиши и зло. Инь же рече: аще въесь пущу, то зло ми будетъ отъ Бога. И рече Инь къ повозникамъ: аще кто у въесь увиеть бысть отъ спахъ? Одни же рѣша: у меня мати; а другие рече: у меня сестра, у меня жена. Инь же рече имъ: мстите своихъ. Они понимше ихъ, биша и возвѣсиша ихъ на дубъ, отмѣстие примиши отъ Бога и о правдѣ. Инеши же идуши во свояси, въ другую-жъ почъ медвѣдъ взлѣзъ угрызъ ихъ, и тако погибша напущенiemъ бѣсовскимъ. Инемъ вѣдуще и глаголюще: а своя погибели не соудище; аще быста вѣдали, не бы пришли на мѣсто се, падъ же ятыма быти имъ; аще и ята быста, почто глагоста: не умрети пама, опому мыслящи убить я. По се есть бѣсовское наученіе; бѣси бо не вѣдають мысли человѣческия и тайны не свѣдуще; Богъ же единъ вѣсть помышленія человѣческия; бѣси бо не вѣдають ничто же; яго и се скажемъ о взорѣ ихъ, и о немощи и обмороченіи ихъ».

«Ключися икоему Повгородцу приидти въ Чудь, и прииде къ кудеснику, хотя волхвований отъ него. Онъ же, по обычю своему, хотя начати, и начать призывати вѣсы въ храмину свою. Повгородецъ же той сѣдѣ на порогѣ той храмини. Кудесникъ же лежаше, оцепенѣвъ и шире пимъ бѣсь. Кудесникъ же вставъ, рече Повгородцу: бози не смыслютъ приидти, и чо имаши на себѣ, его же боятся. Онъ же воспомяну на себѣ крестъ; и отшедъ, постави крестъ, кромѣ храмини той. Онъ же начать призывати онять вѣсы; вѣсы же, метавще имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть? По се же начать вопрошати его, его же поснѣти на себѣ креста. Онъ же рече: то есть знаменіе небеснаго Бога, его же наши бози боятся. Онъ же рече: то кацы суть бози ваши? да гдѣ живутъ? Онъ же рече: бози наши живутъ въ безднахъ, суть же образомъ черны, и крылаты и хвосты имуще; восходить же и подъ небо, слушающе нашихъ Боговъ, ваши-жъ Боги на небесахъ суть; да аще кто умретъ отъ нашихъ людей, то возиосимъ есть на небо;

аще ли кто отъ нашихъ людей умреть, то поснѣти есть къ нашимъ Богамъ въ бездну, яко же бо есть и грѣшицы во адѣ ждущи муки вѣчныя, а праведницы въ небесныхъ жилищахъ подворуются со ангелы. Сице бо есть бѣсовская сила и лѣпнота и немощь, тѣмъ же прельщають человѣки, велиюще имъ глаголати илдѣнія, являющеся имъ, несвершенныемъ вѣрою, во спѣ, пнемъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ научешемъ бѣсовскимъ. Наче же ими бѣсовская колдовщина бывають; изкони бо бѣсь ихъ прельсти, а жена мужа, такожде въ родѣхъ мнозѣхъ всѣ жены волхвуютъ чародѣйствомъ, и отравою и иными бѣсовскими бездами, но и мужи прельщены бывають нѣвѣрни отъ бѣсова, яко же се въ первые роды ²».

«Предиши бысть въ Полотскѣ, въ мечтѣ бывающе въ нощи, стоящие тутно по улицѣ, аки человѣцы рицуще бѣси. Аще кто вылязаше изъ хоромини, хотя видѣти, и узвѣлѣнь бывающе нѣвидимо отъ бѣсовой язвою, и съ того умираху, и не смылху излѣзти изъ хоромъ. И посемъ во днѣхъ пачаша являтися на конѣхъ и не въ ихъ видѣти самихъ, по коней ихъ видѣти коньти, и тако уязвляху люди Полотскія и ихъ область, тѣмъ бо и человѣцы глаголаху: яко на яву виютъ Полочаны».

Въ посланіяхъ Русскихъ Архипастырей находимъ ясныя доказательства о распространеніи въ простомъ народѣ тайныхъ сказаний. Приводимъ нѣкоторыя указанія:

Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ къ Новгородскому Архіепископу Иоанну, въ 1410 году, писалъ: «учите, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, и не узюють, и не примиолвиша, и где таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали ³».

Новгородский Архіепископъ Геннадій въ посланіи своемъ къ Инфонту, Епископу Сузdalскому, говорилъ: «Уже нынѣ нараугаются Христіанству: влажутъ кресты на вороны и на вороны... воронъ летаетъ, а крестъ на немъ вязанъ, деревянъ... а на воронѣ крестъ мѣдянъ. Да призваніи ко мнѣ попа, да діакона, а они крестлинину дали крестъ тѣльницѣ: дерево плакунѣ, да па

КРЕСТЬ ВЫРЪЗАНЪ СОРОНЪ... А ХРИСТИАННЪ ДЕЙ СЪ ТѢХЪ МѢСТЬ УЧАЛЬ СОХНУТИ, ДА ПЕ МНОГО БОЛЬМЪ, ДА УМЕРЪ⁴.

Въ граматѣ Мисапла, Митрополита Бѣлогородскаго и Обоянскаго, писанной въ 1673 году, къ Никодиму, архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря, сказано: «Да въ городѣхъ же и уѣздахъ мужескаго и женскаго полу бывають чародѣи и волхваниемъ своимъ и чародѣйствомъ многоихъ людей прельщаютъ. Многіе люди тѣхъ Волхвовъ и Чародѣевъ въ домъ къ себѣ, къ малымъ дѣтямъ и къ больнымъ младенцамъ призывають, а они всякое волхвование чинять, и отъ правовѣрия православныхъ Христіанъ отлучають⁵.

Въ Стоглавѣ, составленномъ Московскимъ Соборомъ 1551 года, написано: «Ивѣнъ не прямо тяжутся, и поклопавъ крестъ цѣляютъ, на поли боятся, и кровь проливають, и въ тѣ поры Волхвы и Чародѣйники отъ бѣсовскихъ научений пособие имъ творять, кудесы бываютъ, и во Аристотелевы Враты и въ Рафли смотрять, и по звѣздамъ и по ланитамъ глядяютъ и смотрять днѣй и часовъ... и на тѣ чарования надѣясь, поклеща и лебедникъ не мирияся, и крестъ цѣляютъ, и на поли боятся, и поклопавъ убивають... Злые ернис, кто знаетъ ихъ и держится... Рафли, Шестокрыль, Воронограй, Остромій, Зодѣй, Альманахъ, Звѣздочетын, Аристотель, Аристотелевы Враты и иныя коби бѣсоескія... тѣхъ всѣхъ егетическихъ книгъ у себя бы не держали и не чли... Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ рощи ходять и въ наливкахъ бѣсовскія потѣхи дѣять... Въ Великій Четвергъ по рану салому налять и кличутъ мертвыхъ; нѣкотори же невѣглasi попы въ В. Ч. соль предъ престолъ кладутъ и до четверга по велицѣ днѣ тамъ держать, и ту отдаютъ на врачеваніе людямъ и скотомъ... По селомъ и волостемъ ходять лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, нари и босы, и волосы отростися и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются С. Пятница и С. Анастасія, и зановѣдають въ среду и пятокъ ручаго дѣла не дѣлать

и женамъ не присти, и платья не мыти, и каменія не разжигати⁶.

Бѣ 1552 году, въ наказѣ, данномъ Бересневу и Тютину за точнымъ исполненіемъ правилъ Московскаго Собора 1551 года, сказано: «къ Волхвомъ бы и къ Чародѣемъ и къ Звѣздочетомъ волхвовать не ходили, и у полы бы (при судебныхъ поединкахъ) Чародѣи не были⁷.

Въ Исковской летописи, подъ годомъ 1570 о Докторѣ Епісеѣ Бомеліи, записано: «приглаша Пѣмцы къ Іоанну Нѣмчина, лютого Волхва, парцаемаго Епіселя, и бысть ему любимъ въ приближеніи и положи на Царя страхование... и копечивъ бысть отвѣль Царя отъ вѣры; на Русскихъ людей возложилъ Царю свирѣпство, а къ Пѣмцамъ на любовь преложи: понеже безвожни узнали своимъ гадальцемъ, что было имъ до конца разореннымъ выти; того ради такового злого еретика и приглаша къ нему: понеже Русские люди прелестныи и падки на волхвование⁸.

Въ книгѣ: *Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*, изданной въ Москвѣ 1647 года, сказано: «а на сказанныя идольскія иѣры и на вѣдомство не надѣваться, и отъ оружія, и отъ проколотія, и отъ стрѣльбы не заговариваться, которое все отъ діавола есть⁹.

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, лишась первой своей супруги Анастасіи, вѣрилъ, что она померла отъ чародѣйства. Такъ онъ обѣ этомъ говорилъ Литовскому посланнику Воропаю въ 1572 году¹⁰; такъ обѣ этомъ писалъ онъ и къ Курскому: «А съ женою меня вы по что разлучили¹¹». Курскій въ своей истории Князя Великаго Московскаго пишетъ: «тогда цареви жена умре: они (клаветники) же рѣша аки бы очаровали ея мужа. Царь же, буйства исполнившися, аbie имъ вѣру яль¹².» Клаветники Сильвестра и Адашева говорили Царю: «аще пропустиши къ себѣ на очи, очаруютъ тяя и дѣтей твоихъ... Худые люди и ничего негодные Чаровницы тяя Государя... держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ... а то творили они своимъ чаростыи, аки очи твои закрывающе¹³.» Въ 1572 году Царь

Іоаннъ IV Васильевичъ, испрашивая на Соборѣ разрешение на четвертый бракъ, говорилъ, что его первую супругу Анастасию извели злые люди чародействомъ, вторую отравили, третью испортили злому отравою.¹⁴

Князь Курескій, говоря о князѣ Василии Іоанновичѣ, записалъ: «Василий съ законопреступною женою, юною сущею, самъ старъ будучи, искалъ чаровника прелыхъ отовсюду, да помогутъ ему къ плодотвореню... О чаровникахъ же онъхъ такъ печащеся, посыпающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы, (еже есть Филия: сидѣть на великихъ горахъ, подиѣ Студенаго мора), и оттуда провожаху ихъ къ нему... Иже дерзаютъ непренебрѣніи приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ съпимъ мужей прелыхъ, чаровниковъ и бабъ, смыкали и шеитуней, и иными различными чары чарующихъ, общующе со дьяволомъ и призывающе его на помощь¹⁵. Рассказывая о Казанской осадѣ 1552 года, онъ вписалъ: «Вкратцѣ еще вспомянуть до стонть, яко Татары на войско Христианскіе чары творили и великую плююю на водили: яко скоро по облѣжанія града, егда солнце начнетъ восходить, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертищеся не благочини. Тогда аще востанетъ вѣтъ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ звло начинался, и будетъ такій дождь, и сухія мѣста въ болото обратятся и мокроты исполнятся; и сие точно было надъ войскомъ а по сторонамъ иѣсть, но точно по естеству аера случашеся¹⁶. Говоря о Московскомъ пожарѣ Царь вспоминалъ Курескому:

«наши пѣмѣники бояре наустнша скудожайшихъ умовъ народъ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская съ своими дѣтыми и съ людьми сердца человѣческая вынимали и таковыимъ Чародѣствомъ Москву попалили¹⁷.»

Царедворцы донесли на боярина Артамона Сергеевича Матвеева Царю Феодору Алексеевичу, что онъ съ Докторомъ Степаномъ читаетъ Черную книгу, и что Николай Спофарій обучаетъ его и сына Чернокнижю. Доносчиками были: кавалер Захарко и лекарь Берло. Онь этомъ Матвеевъ писалъ въ своей человѣтной 1677 года къ Царю: «Какъ будто я у себя въ домишкѣ, въ палатѣ, съ Степаномъ Докторомъ чит Черную книгу, и въ то де время, будто пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили намъ, мнъ, холопу твоему, и Доктору Степану, тѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у васъ въ извѣ третій человѣкъ... А та де Черная книга въ полдѣсть, а толщиною въ пальца три; а училь де будто по той книгѣ меня, холопа твоего, и сынишка моего, Андрюшку, Николай Спофарій¹⁸.» Въ послѣдствіи открылось, что бояринъ Матвеевъ читалъ лечевникъ, принятый доносчиками за Черную книгу. Въ царствование Михаила Феодоровича, говорить бояринъ Матвеевъ, на боярина Илью Даниловича Милославскаго было подкинуто письмо, въ которомъ сказано, что онъ у себя имѣть перстень волшебный думнаго дѣяка Ивана Граматина. При Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ бояринъ Семенъ Лукъяновичъ Стрѣшневъ былъ обвиненъ въ волшебствѣ и сосланъ на заточеніе, въ Вологду.

ИСТОЧНИКИ РУССКИХЪ ПРЕДАНІЙ.

Мы терпѣливо выслушали словесныя преданія, мы внимательно прочитали старыя записи граматныхъ людей¹⁹, и во всемъ этомъ мы извѣдѣли, что думаютъ теперь наши современники, что говорили наши предки о тайныхъ сказаніяхъ Русскаго Чер-

нокнижія. Теперь увѣднівшись во всемъ этомъ, какъ въ вываломъ, мы невольно спрашиваемъ самихъ себѣ: не уже ли это есть порожденіе думъ Русскаго народа? неужели все это создавалось въ Русской землѣ? Будемъ откровенны къ самимъ себѣ,

БУДЕМЪ СОЗНАТЕЛЬНЫ ПРЕДЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПРОСВѢЩЕНИЕМЪ ДЛЯ РАЗРѢШЕНИЯ СТОЛЬ ВАЖНОГО ВОПРОСА: Русский народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ сознаний; онъ только перенесъ ихъ изъ всеобщаго мироваго Чернокнижія въ свою семействную жизнь. Никогда па Русской землѣ не создавались тайныя сказанія; она, какъ часть всея земли, вмѣщала въ себѣ только людей, усвоившихъ себѣ мировыя мышленія. Въ этой идее убеждаетъ насъ внимательное изслѣдование всеобщаго мироваго Чернокнижія. Для достовѣрности сего предположенія, мы присовокупляемъ исторические факты, объясняющіе переножденіе тайныхъ мировыхъ сказаній въ Русское Чернокнижіе. Здѣсь открывается очевидное сходство.

Всеобщее мировое Чернокнижіе принадлежитъ первымъ тѣкамъ мірозданія, людямъ древней жизни. Основная идея для творенія тайныхъ сказаній выговорилъ впервые древній міръ, а его идеи усвоились всему человѣчеству. Древній міръ сосредоточивался весь па Востокѣ. Тамъ народы, создавая идеи для мноѣ, думы для тайныхъ сказаній, рассказы о бываломъ для повѣрій, олицетворяли ихъ видѣніями. Въ этихъ видѣніяхъ существовали выть Религіозный, Политический, Гражданскій. Семейная жизнь народовъ осуществлялась этими бытами. Міръ древній пришелъ, народовъ, составлявшихъ его бытие, мы не видимъ; но предъ пам'ять остались ихъ мноѣ, ихъ повѣрия, ихъ сказанія. Міръ новый своего ничего не создалъ; онъ, какъ усвоивленный наследникъ, какъ властелинъ отеческаго имущества, вступилъ въ распоряженіе наследственаго достоянія, пересоздалъ предметы, существовавшіе не въ духахъ его жизни, отвергъ понятія, противныя его мышленію; но принялъ основныя мысли, восхіщавшія его воображеніе, лѣстившія его славости.

Мноѣ, перенесенные въ новый міръ образовали Демонологію, столько разнообразную, столько разновидную, сколько разнолиціи были народы, сколько разновидны ихъ олицетворенія. Ни діами, ни годами, но вѣками усвоивались мноѣ древней жизни грядущимъ поколеніямъ. Каждый

народъ принималъ изъ нихъ только то, что могло жить въ его вѣрованіяхъ; каждый народъ въ свою очередь прибавлялъ къ пимъ: чего не доставало для его вѣрованія. Изъ этихъ усвоеній и дополненій составились, Мифологія и Символика. Мифология древнихъ людей оставалась предметами божественными, предметами олицетворенными по волѣ каждого человѣка. Символика отпечатлевалась знаменіями, которыхъ народъ не постигалъ, которыхъ народъ страшился. Предметы, выражаемые въ Символікѣ непостижимо по боязни, заключали въ себѣ понятія о природѣ. Изъ думъ древнаго міра составилось Чернокнижіе въ отдельныхъ видахъ Кудесничества, Чародейства, Знамарства, Ворожбы. Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ мы читаемъ опыты людей, изучавшихъ природу для добрыхъ и худыхъ дѣлъ.

Разсказы о бываломъ образовали повѣрья, неистощимыя до послѣдней возможности, удивительныя до непонятнаго ослѣпленія. Въ народныхъ повѣрьяхъ мы узнаемъ семействную жизнь со всѣми обрядами.

Тайныя сказанія древнаго міра осуществлялись людьми, рѣзменованными безчисленными названіями. Эти люди, какъ образователи, свои устанавляемыя таинства облекали чудеснымъ вымысломъ, находили покровителей и распространяли послѣдователей. Письмена Санскритскія утверждаютъ, что Индія есть отчизна тайныхъ сказаній, первоначальный идеалъ всѣхъ послѣдующихъ измѣненій. Избраные люди Египта и Персіи, посыпая Индію, изучали тамъ тайныя сказанія, и возвращаясь на свою родину, высказывали ихъ своимъ сородичамъ. Греція подслушала всѣ эти сказанія и передала Риму и за пимъ грядущимъ поколеніямъ.

Осмотрѣвая тайныя сказанія сихъ странъ, мы встрѣчаемъ въ каждой пзъ нихъ своихъ Образователей, свои Прорицалища, свои Чернокнижія, свои Гаданія.

Образователи тайныхъ сказаній въ древнемъ мірѣ существовали отдельными кастами, имѣвшими разныя названія. Таковы

были: Астрологи, Авгуры, Прогностики, Мистагоги, Сортилеги, Гаруспеки, Пиониссы.

АСТРОЛОГИ, ОБЛЕКАЕМЫЕ НАЗВАНИЯМИ ХАЛАЕВЪ, МАТЕМАТИКОВЪ, ВОЛХВОВЪ ПОЧИТАЮТСЯ СТАРЫШИНAMI ВЪ ОБРАЗОВАНИИ ЧЕРНОКНИЖИЯ. НАБЛЮДАЯ ТЕЧЕНИЕ ПЛАНЕТЪ И СОЗВѢЗДІЙ, ОНИ ПРЕДСКАЗЫВАЛИ РАЗНЫЯ СОБЫТИЯ ВЪ ГОСУДАРСТВАХЪ И ДОМАШНEMЪ БЫТУ. ЕФЕМЕРІДЫ — ТВОРЕНІЕ АСТРОЛОГОВЪ — ВМЪЩАЛО ВЪ СЕБѢ ОПИСАНІЯ ИЗВѢСТНЫХЪ НЕГЕМЕНЪ ВЪ НЕБЕСНЫХЪ СВѢТЛАХЪ. НЕЗАДОЛГО БЫЛО ПОВѢРІЕ, ЧТО ЗОРОАСТРЪ ПЕРСИДСКІЙ ПЕРВЫЙ НАЧЕРТАЛЪ ЧЕРНОКНИЖІЕ; НО ТЕПЕРЬ ОНО, СЪ ОТКРЫТИЕМЪ САНСКРИТСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ, УНИЧТОЖАЕТСЯ.

ВЪ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ ПЕРЕНИЛИ АСТРОЛОГИ ПРИ НАЧАЛѣ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА И РАСПЛОДИЛИ СВОИ ПОНЯТИЯ ВЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ТАКЪ ГЛУБОКО, ЧТО И ТЕПЕРЬ ВЪ СЕЛЕНІЯХЪ СУЩЕСТВУЮТЪ ТЕМНЫЕ НАМЕКИ О ВЛАІНІИ ПЛАПЕТЬ НА СУДЬБУ ЧЕЛОВѢКА. ВЪ 1584 ГОДУ ЛѢТОПИСЦЫ ЗАПИСАЛИ ДЛЯ НАСЪ, КАКЪ НАРОДЪ ВИДѢЛЪ ВЪ МОСКВѢ КОМЕТУ СЪ КРЕСТО-ОБРАЗНЫМЪ НЕБЕСНЫМЪ ЗНАМЕНИЕМЪ, МЕЖДУ ЦЕРКВАМИ ІОАННА ВЕЛИКАГО И БЛАГОВѢЩЕНІЯ. ЦАРЬ ІОАННЪ IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ, СМОТРЯ ПА ЭТУ КОМЕТУ, СКАЗАЛЪ: «ВОТЬ ЗНАМЕНІЕ МОЕЙ СМЕРТИ!» ПОСЛѢ СИХЪ СЛОВЪ ОНЪ ВЕДѢЛЪ СОБРАТЬ АСТРОЛОГОВЪ ПО РОССІИ И ЛАПЛАДІИ. ОНІ, СОБРАННЫЕ ТОГДА ВЪ МОСКВУ ЧИСЛОМЪ ДО 60, ПРЕДРЕКЛИ ИЗЪ ЯВЛЕНІЯ СЕЙ КОМЕТЫ ЦАРСКУЮ СМЕРТЬ²⁰.

ЭТА ЗАПИСЬ И СКАЗАНІЯ КУРБСКАГО О СОВѢЩАНІИ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА СЪ ВОЛХВАМИ ОТКРЫВАЮТЪ НАМЪ, ЧТО АСТРОЛОГИ ПРИХОДИЛИ КЪ НАШИМЪ ПРЕДКАМЪ ИЗЪ ЛАПЛАДІИ, И ЧТО ОНИ СВОИМИ ПРЕДСКАЗАНІЯМИ ВНУШАЛИ НАРОДУ БОЯЗНЬ ПРИ ПОЯВЛЕНИИ КОМЕТЪ, ДОСЕЛЪ ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЮЩІЮСЯ ЗАМѢТИМЪ ЗДѢСЬ, ЧТО И РУССКАЯ НАРОДНАЯ СИМВОЛІКА ЕСТЬ ПОРОДЖЕНІЕ АСТРОЛОГОВЪ.

АВГУРЫ, ПТИЦЕВОЛШЕСТВУЮЩІЕ, ПРЕДСКАЗЫВАЛИ БУДУЩЕЕ ИЗЪ ЯВЛЕНІЙ МОЛНІИ И ГРОМА, ИЗЪ КРИКА И ПОЛЕТА ПТИЦЪ, ИЗЪ КЛЕВАНІИ КУРАМИ ЗЕРЕНЪ. КРИКИ ВОРОНА, ВОРОНЫ, СОВЫ, ПРУТУКА БЫЛИ ПРЕДВѢСТИНИКАМИ ЕВДОСТВІЙ; ПОЛЕТЬ ОРЛА, КОРШУНА РѢШАТЬ ПОХОДЫ; КЛЕВАНІЕ ЗЕРЕНЪ КУРАМИ УПРАВЛЯЛО

ВОЕННЫМИ УСПѢХАМИ. АВГУРОЛОГІЯ ПЕРЕШЛА ВЪ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ СО МНОГИМИ ВІДОЗМІНЕНІЯМИ. ЕЩЕ И ТЕПЕРЬ ПОСЕЛЯНЕ БОЯТСЯ ВОРОНА И ВОРОНЫ, СТРАШАТСЯ ПТІНІЯ КУРИЦЫ; ЕЩЕ И ДОСЕЛЪ ВЪ СВЯТОЧНЫХЪ ГАДАНІЯХЪ СОХРАНЯЕТСЯ КЛЕВАНІЕ ЗЕРЕНЪ КУРИЦАМИ.

ПРОГНОСТИКИ РАЗСѢЛНІ БЫЛИ ВО ВСЕЙ ГРЕЦІИ, ОСОБЛИВО ВЪ ЭЛІНДѢ. ЕПІМЕПІДЪ КРІТСКІЙ, АВАРИСЪ СКІНЕСКІЙ, ЭМПЕДОКЛЪ АГРІГЕНТСКІЙ ТАМЪ БЫЛИ ЛУЧШИМИ ПРОГНОСТИКАМИ. ЕТИ ЛЮДИ ИЗВЛЕКАЛИ ГАДАНІЯ ИЗЪ ОБЫКНОВЕННИХЪ ЯВЛЕНІЙ ПРИРОДЫ. СПАСІСТІ ИЛИ НЕСЧАСТИЕ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНІ ОБЪЯСНЯЛОСЯ СНАМИ, ВОЗЗРІШЕМЪ ЖИВОТНЫХЪ, ЗВОНОВЪ ВЪ УШАХЪ, СУДОРОЖНИМЪ ДВІЖЕНІЕМЪ РІВНИЦЬ. МОЛІТВЫ И ОЧИЩЕНІЯ ПРОГНОСТИКОВЪ СОДЕРЖАЛИСЯ ВЪ КНИГАХЪ ОРФЕЯ П МУЗЕЯ.

УЧЕНІЕ ПРОГНОСТИКОВЪ ВИДІГЛОСЬ ВЪ РУССКУЮ СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ ИЗДРЕВЛІ, И ПРОДОЛЖАЕТСЯ ДОСЕЛЪ. ПРОСТОЛЮДІНЪ, ОБЪЯСНІЯ ПРИМѢТЫ ПО УЧЕНІЮ ПРОГНОСТИКОВЪ, И НЕ ПОМЫШЛЯЕТЪ, ЧТО ОНЪ ВѢРНЫЙ ИХЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬ.

МИСТАГОГИ, НАЧАЛЬНИКИ ЭЛЕВІНСКІХЪ ТАИНСТВЪ, ИЗЪЯСНЯЛИ АФІНІЛНАМЪ ТАИНСТВЕННЫЙ УЧЕНІЯ ВЪ СВЯТИЛИЩЕ ЦЕРЕРЫ, ПРИ ЯВЛЕНІИ СТРАШНЫХЪ ПРИЗРАКОВЪ.

ВІДВІДНА И ПРИЗРАКИ РУССКОГО СЕЛЯНИНА ПОСЛТЬ НА СЕБѢ ОТПЕЧАТОКЪ УЧЕНІЯ МІСТАГОГОВЪ. ЛЮДИ БЫВАЛИЕ, РАЗСКАЗЫВАЛА О ПРИЗРАКАХЪ, ВСЕГДА УПОМИНАЮТЬ ВМѢСТЪ О КАКОМЪ НІВУДЬ ТАИНСТВЕННОМЪ СКАЗАНІИ.

СОРТИЛЕГИ — ЛЮДИ ГАДАВШІЕ О СОБЫТИЯХЪ ПО ЖРЕБІЯМЪ, СОСТАВЛЯЛИ ОСОБЕННУЮ КАСТУ ЖРЕЦОВЪ ВЪ РИМѣ. ГАДАНІЯ СОРТИЛЕГОВЪ СОВЕРШАЛИСЯ ВЪ УРНАХЪ. ТАКЪ ОНИ НАПОЛНІЛИ УРНУ ВОДОЮ, КЛАЛИ ВЪ НЕЕ ДОЩЕЧКИ, ПСПИСАННІИ ЗНАКАМИ, И ПОТОМЪ ВЫНИМАЛИ ІХЪ, ПІЗЪЯСНЯЛИ ЗНАЧЕШЕ. ИНОГДА ЗАСТАВЛЯЛИ ВЫНИМАТЬ ЛОСКУТКИ БУМАГЪ, ИСПИСАННІЕ ОТВОРНЫМИ СТИХАМИ.

ГАДАНІЕ СОРТИЛЕГОВЪ ДОСЕЛЪ ПРОІЗВОДІТСЯ ВЪ РУССКОЙ ЗЕМЛІ. ПОСЕЛЯНИНЪ ПО ЖРЕБІЮ РѢШАТЬ СПОРНУЮ СЕМЕЙНУЮ ДІЛУ; ВЪ ДЕРЕВНІЯХЪ, НА МІРСКОЙ СХОДКѣ, ПО ЖРЕБІЮ ВЫБІРЯЮТЬ ВЪ РЕКРУТЫ; ТАКЪ ВЪ ГОРОДАХЪ РѢШАЛИ ПО ЖРЕБІЮ ЖЕНИХОВЪ ДЛЯ ДІВУ-

шекъ. Старожолы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали съ жребиями въ церковь Николы Голстунского.

ГАРУСПЕКИ, гадавши по жертвамъ, основывали свои предсказанія на внутренностяхъ животныхъ, особенно печени, отгадывали по пламени и дыму.

Ученіе Гаруспековъ мало известно Русскимъ Чародѣямъ; впрочемъ, уваженіе Кудесниковъ къ печени, вниманіе Знакарей къ дыму заставляетъ подозрѣвать, что и оно когда-то было въ Русской землѣ.

ПИФОНИССЫ—Фессалійскія волшебницы, образуя изъ себя особенную касту въ Фессаліи завораживали угрѣзіе скорпионовъ, производили бурю, привлекали луну на землю, останавливали солнце, оживляли умершихъ и изводили живыхъ во гробъ. Всему этому вѣрили во всей Греціи.

Русское Кудесничество и Чародѣйство состоялось изъ преданій Фессалійскихъ волшебницъ. Наши сельскія колдуны представляютъ изъ себя живой сколокъ съ этихъ волшебницъ.

ПРОРИЦАЛИЩА древняго міра изрекали людямъ будущее, предсказывали въ дѣлахъ успѣхи и неудачи. Таковы были: прорицалища Амона и Амфіара, оракулы Дельфійскій и Додонскій, Трофоніева пещера.

Прорицалище Юпитера Амона находилось въ Ливійскихъ степяхъ. Тамъ его капище, окруженнное со всѣхъ сторонъ нещадными степями, орошалось прозрачными водами источника солнца. Кумиръ, выпитый изъ мѣди, украшенный драгоцѣнными каменьями, выносили въ рощу, где отвѣчали вопрошающимъ не словами, а знаками. Владычество Амона продолжалось надъ страстями людей многие вѣки, но во время Страбона оно ослабѣвало, а при Платонѣ уже никто не вѣрилъ²¹.

Мы не въ состояніи решить труднаго вопроса: прорицалище Амона имѣло ли влияніе на Русскую семейную жизнь? Кажется, съ несомнѣнною вѣроятностію можно предполагать, что оно, лишаясь довѣрия къ вѣрованіямъ древней жизни, исчезло тогда, когда еще не начиндалась Русская общественная жизнь.

Прорицалище Амфіара находилось на границахъ Бютии и Аттики. Тамъ Амфіаръ являлся во снѣ и отвѣчалъ на вопросы.

Кто не замѣтить, что влияніе Амфіара достигло и Русской земли? Явлеши во снѣ суженаго-риженааго, указывающаго простодушной дѣвушкѣ на свою судьбу, носить на себѣ отпечатокъ вѣрованія Бютианъ.

Оракулъ Дельфійскій, учрежденный въ честь Аполлона Пиѳейскаго, находился въ Бютийскомъ городѣ Дельфахъ, въ средоточіи земли, какъ говоривали Греческіе историки. Въ Дельфахъ былъ храмъ съ истуканомъ, сдѣянный изъ лавровыхъ вѣтвей, Кастальскій источникъ, золотой треножникъ, поддерживаемый желѣзнымъ дракономъ. Пиѳей, возводимая жрецами на треножникъ, окружаемая одуряющими растѣніями, въ бѣшенствѣ, произносила слова вѣщательныя. Оракулъ Дельфійскій существовалъ двадцать вѣковъ и упалъ тогда, когда Христіанская Религія открыла народамъ небесныя истины.

Мы ни чего не можемъ сказать решительно о влияніи Дельфійскаго оракула на семейную жизнь Русскаго народа.

Додонскій оракулъ находился въ Эпирскомъ городѣ Додонѣ, при подошвѣ горы Томари. Тамъ, среди священной рощи, возвышался храмъ; тамъ былъ пророческий дубъ; тамъ находился источникъ минеральныхъ водъ. Три жрицы возвѣщали рѣшеніе Додонскаго оракула. Сидя близъ пророческаго дуба, они вслушивались въ шумъ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, выводили изъ сего отвѣты для гадающихъ; или приходили къ источнику, прислушиваться къ звукамъ, производимымъ журчаніемъ воды, и по нихъ разгадывали.

Понятіе Русскаго народа о шумѣ древесныхъ листьевъ, о журчаніи воды доселе сохраняется въ семейныхъ преданіяхъ съ особеннымъ уваженіемъ; но есть ли это влияніе Додонскаго оракула, решить трудно.

Трофоніева пещера находилась близъ Ливадіи. Въ храмѣ, построенному среди рощи, стоялъ истуканъ, въ видѣ Ескуланія. Въ мрачной пещерѣ, наполненной звѣрями и гадами, оглашаемой воплемъ и стономъ

мужей и женъ, сдавли жрецы для отвѣтъ приходящимъ.

Намъ не известно, было ли какое влияние на Русскую землю изъ повѣрій Трофониевыхъ пещеръ.

Чернокнижія древняго мира сохранились въ письменныхъ памятникахъ. Народъ, благовѣя къ пимъ, не смѣлъ читать ни одного тайного сказанія. Это право предоставлено было жрецамъ и людямъ избраннымъ, соображавшимся съ ними для решения судьбы и дѣлъ. Таковы были: Черная магія, Сивиллины книги, книги Орфея и Музея, Кабалистика.

Сказанія о Черной Магіи столь древни, что нѣтъ никакой возможности открыть ихъ первоначальное происхожденіе. Мы встрѣчаемъ Магиковъ въ началѣ всѣхъ исторій, и влияние ихъ продолжалось до распространенія умственного образованія. Говорятъ, что она существовала отъ начала мира и сохранена при потопѣ Хамомъ въ камнѣ. Сынъ Хамовъ, известный подъ названіемъ: у однихъ Мизраимъ, у другихъ Зороастра, у третьихъ Гермеса, по преданію своего отца, нашелъ послѣ потопа скрытую книгу его отцомъ. Книги этой теперь болѣе не существуетъ: она когда-то была погреблена небеснымъ огнемъ. Върваніе въ бытіе Черной Магіи существовало на Востокѣ въ тайныхъ сказаніяхъ. Средоточіе Магиковъ находилось въ Египтѣ. Фараоны, окруженные магиками, производили разныя ложныя чудеса. Изъ Египта перенесъ Магію въ Грецию Орфей, измѣнивши тайные сказанія въ Орги и Саббатство. Въ семейной жизни Русскаго народа Черная Магія известна подъ именемъ Чернокнижія. Напрасно мы будемъ вопрошать вѣка и людей о переселеніи тайныхъ сказаний въ наше отечество. Темные намеки нашихъ поселянъ о бытіи Чернокнижія состоять въ томъ, что она писана непонятными письменами, что когда-то была за-кладена въ Сухареву башню. Въ современной нашей жизни, мы едва встрѣчаемъ людей, бѣсѣдующихъ о предметахъ, заключающихся въ Чернокнижіи; но предки наши говорили обѣ этомъ яснѣ; они даже

знали многія названія этихъ сказаній. Такъ они исчислены въ Стоглавѣ.

КНИГИ СИВИЛЛЬ хранились въ рукахъ женщінъ—Сивилль, имѣвшихъ даръ прорицать и открывать волю боговъ. Въ древнемъ мірѣ всѣхъ Сивилль считалось 12. Исчисляемъ ихъ:

I. *Сивилла Персидская*, называвшаяся Самбетою, невѣсткою Ноевою, проочествовала двусмысленными стихами изъ своей книги.

II. *Сивилла Ливийская*, путешествовавшая въ Самосѣ и Дельфахъ, и, какъ говорятъ, упрекавшая людей въ идололоженіи.

III. *Сивилла Дельфийская* находившаяся въ Храмѣ Дельфийскомъ, и, по сказанію Диодора, первая получила имя Сивиллы. Ученые говорятъ, что Гомеръ извлекъ изъ прорицаній нѣкоторыя мысли.

IV. *Сивилла Эритрейская* предсказывала паденіе Троя, и, по утвержденію Евсевія и Св. Августина, ей были пзвѣстны книги Монселя.

V. *Сивилла Гиммерийская*.

VI. *Сивилла Самосская*.

VII. *Сивилла Кумская* по имени Деинфоба, знаменитѣйшая изъ всѣхъ, имѣла свое прибываніе въ Кумѣ. Говорятъ, что ея отцемъ былъ Апполоній, а мать Главка. Эта Сивилла продала часть своихъ книгъ Тарквинію Гордому. Въ Римѣ книги сохранились въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго, подъ землею, въ каменной урнѣ. Квиндецемвиры, жрецы, справлялись съ ними въ сомнительныхъ случаяхъ государства. Во времена сознанія Капитоліи, сгорѣли и Сивиллины книги. Послѣ этого отправляемы были послы по разнымъ мѣстамъ для собрания Сивиллиныхъ изрѣчений, которыхъ Августъ положилъ у подножія Апполона Палатинскаго.

VIII. *Сивилла Геллеспонтская* предсказывала во времена Солона и Креза.

IX. *Сивилла Фригийская* путешествовала съ своими предсказаніями въ Апкифъ и Галатіѣ.

X. Сиенілла Тибуринская или Альбюнейская была обожаема въ Тибурѣ.

XI. Сиенілла Энірская.

XII. Сиенілла Египетская.

Въ Русскомъ Чернокнижин никакого не находимъ понятия о книгахъ Сиеніллъ. Развѣ только то привѣтъ во вниманіе, что нашими колдуньями должно быть непремѣнно старухи безобразныя и страшныя. За то дошли до насъ Западныя сказанія о Сиеніллахъ ²².

КНИГИ ОРФЕЯ И МУЗЕЯ содержали въ себѣ заговоры, очищепія, приговоры для усыпленія змѣи. Орфей, изобрѣтатель Саббатства, учредитель Оргій и другихъ празднествъ Бахуса, по сказанію Цирцея, заимствовалъ таинственныя познанія въ Египтѣ. Лукіанъ и Аполлодоръ увѣряютъ, что книги Орфея состояли изъ гимновъ.

Русское Кудесничество, содержащее въ себѣ заговоры на всѣ возможные случаи, показываетъ какое-то сходство съ гимнами Орфея. Замѣтимъ, что заговоры нашихъ Кудесниковъ воспѣваютъ обѣ одной только семейной жизни.

КАВАЛИСТИКА. Знаніе созданное Евреями для открытия таинственного смысла, состояло въ искусствѣ разлагать слова и въ способѣ производить сими словами чудеса, произнося ихъ чудеснымъ образомъ.

Есть намѣки въ Чернокнижіи о присвоеніи кавалистического знанія Знахарямъ. Такъ мы видимъ въ рукахъ Знахаря пепо-нитныя слова отъ лихорадокъ, отъ укупенія вышеныхъ созакъ. Откуда явилась наша Тарабарская грамата?

ГАДАНІЯ древніаго міра, разсѣянныя по всѣмъ мѣстамъ, образовали изъ себѣ 12 отдельныхъ таинствъ. Влияние каждого изъ нихъ на семейную жизнь доселѣ еще отражается. Приступимъ къ описанію Гаданій:

АНТРОПОМАНТИЯ содержала въ себѣ таинственное прорицаніе будущаго по внутреннимъ частямъ тѣла человѣческаго. Римскіе Императоры, Элюгаваль и Іуліанъ, занимались симъ гаданіемъ.

Русский народъ никогда не касается до

внутреннихъ частей тѣла человѣческаго, но онъ судить только умершаго по наружному цвету и положенію тѣла. Человѣкъ, умерший въ судорогахъ и спазмахъ, клалъ нензгладимый порокъ на будущую участь своего семейства.

АЕРОМАНТИЯ объясняла будущія события изъ состоянія воздуха и разныхъ его явленій.

Въ Русской Символикѣ Аеромантія отражается ясно. Въ народѣ еще существуетъ понятіе о паденіи звѣздъ, доселѣ еще говорятъ, что каждая падающая звѣзда есть вѣрный признакъ смерти какого-нибудь человѣка. Въ нашихъ селеніяхъ вечернею порой старики разсказываютъ о вываломъ паденіи облаковъ на землю — въ видѣ киселя, о паденіи камней воздушныхъ. Не на этомъ ли мнѣніи основано уваженіе поселянъ къ камню: Башъ и Башиха, находящемуся въ Тульской губерніи, въ Одоевскомъ уѣзда ²³?

ГИДРОМАНТИЯ основывалась на предсказаніи будущаго по движению и цвету воды.

Въ Русскомъ Чернокнижіи это гаданіе существуетъ во всей своей силѣ. Наговорить на воду для открытия похитителя веци, вынѣкается въ необходимости всяко-му Знакарю.

ГОНТИЯ совершилась призываю-щимъ духовъ и вызываніемъ тѣни умершихъ изъ гробовъ.

Русское Чародѣйство содержитъ въ себѣ обряды вызыванія духовъ, и народъ вѣритъ, что каждый народный Чародѣй можетъ вызвать тѣнъ умершаго.

ДАКТИЛОМАНТИЯ. Гаданіе, произвѣдшееся посредствомъ кольца для узнанія враговъ. Кольцо, повѣшенное на ниткѣ, раскачивалось надъ круглымъ столомъ, кое-го края исписаны были буквами. Буква, на которой останавливалось кольцо, служила отвѣтомъ.

Дактиломантія перешла и въ Русское Чернокнижіе, только съ измѣненіемъ. Наші Чародѣи берутъ какое-то змѣйное кольцо, вѣшаютъ его на женскомъ волосѣ и

дожидаются, куда его будетъ качать вѣтеръ, куда кольцо будетъ болѣе дѣлать на-
клоненій, тамъ живетъ колдунъ, очаровав-
ший страдальца, о которому загадываютъ.

КАПНОМАНТИЯ. Гаданіе, извлекаемое
изъ жертвенного дыма, объяснялось жреца-
ми народу при начатии дѣлъ.

Въ Русской Символикѣ это гадающее осталось со многими измѣненіями. Наши посе-
ляне по дыму узнаютъ погоду и дымомъ
истребляютъ многія болѣзни рогатаго скота.

КАТОПТРОМАНТИЯ. Гадающее, произ-
водимое зеркаломъ разрѣшало окончаніе бо-
лѣзни.

Въ Русскомъ Чернокнижіи зеркалога-
даніе употребляется для многихъ случаевъ.
Наши поселяне и горожане гадаютъ въ
зеркаль обѣ суженомъ, о жизни и смерти
отсутствующаго.

КЕРОМАНТИЯ. Гаданіе воскомъ соста-
вляло добroe и худое предзнаменование.

Въ Русскихъ святочныхъ гаданіяхъ дѣ-
вушки льютъ воскъ въ воду для узнанія
своей судьбы.

КЛЕРОМАНТИЯ. Гаданіе, основанное
на метаніи шариковъ, рѣшало дѣла и на-
зывалось по жребию.

Гаданіе по жребию такъ усвоилось Рус-
ской семейной жизни, что народъ всегда
привѣгааетъ къ нему въ спорномъ дѣлѣ.

ЛЕКАНОМАНТИЯ. Гаданіе, произво-
дившееся надъ водою, рѣшало участъ лю-
дей. Гадатель кладъ въ сосудъ, наполнен-
ный водою, драгоценныя камни, тоненія золота
и серебряныя дощечки съ изобра-
женіемъ знаковъ, и читалъ заговоры. Изъ
воды выходилъ тихій звукъ подобный ши-
пѣнью змѣй. Этотъ звукъ рѣшалъ вопросъ.

Въ Русскомъ Чернокнижіи сохранились
многіе обряды гаданія надъ водою. Такъ
наши Знахари, кидая въ воду уголь: замѣ-
 чаютъ — кипятъ ли вода?

ЛИВАНОМАНТИЯ. Гаданіе, извлекаемое
изъ куренія благовонныхъ смолъ, за-
ключало въ себѣ рѣшеніе на благопріятныя
и худыя ожиданія.

Въ Русскихъ сувѣрныхъ повѣрьяхъ смолы замѣнились ладаномъ и народъ привѣ-
гаетъ къ этому гаданію въ болѣзняхъ.

МЕТЕОРОМАНТИЯ. Гаданіе произво-
дилось объясненіемъ воздушныхъ явлений,
особливо грома и молни.

Сѣды Метеоромантии сохранились въ
Русской Символикѣ съ присовокупленіемъ
разныхъ сказаний. Такъ, девица или жен-
щина, услышавши весною въ первый разъ
громъ, бѣжитъ къ водѣ для умыванія, пред-
полагая, что умываніе въ это время водою
можетъ придать лучшій цветъ ея лицу.
Такъ, поселянинъ изъ многократнаго появ-
ленія въ лѣтнєе время грома предполагаетъ,
что его домашній скотъ можетъ безопасно
бродить по лѣсамъ, не будучи изъязвленъ
змѣями.

МІОМАНТИЯ. Гаданіе, предсказываю-
щее будущее, основывалось на крикѣ и
прожорствѣ мышей и крысъ. Было время,
когда Римъ трепеталъ отъ крика сихъ жи-
вотныхъ.

Въ Русскихъ селеніяхъ появление мышей
всегда угрожаетъ бѣдствіямъ. Плате посе-
лянина, изгрызенное мышами, предвѣщаетъ
ему бѣду неминучую. При началѣ весны
мыши, бѣгающія по полямъ, наводятъ то-
ску на крестьянина о неурожаѣ.

НЕКРОМАНТИЯ производилась очаро-
ваніемъ труповъ для вызыванія духовъ.

Въ Русскомъ Чернокнижіи существуетъ
только одно повѣрье обѣ этомъ гаданій.
Наши Чародви, не смотря на свою дер-
зость, не смѣютъ прикасаться къ трупамъ
умершихъ людей.

ОНИХОМАНТИЯ составляла гаданіе по
ногтямъ. Гадатели натирали ногти маль-
чикамъ деревяннымъ масломъ и сажею, и
заставляли держать ихъ предъ солнцемъ.
Появившіяся изображенія разрѣшали га-
даніе.

Наши поселяне до сихъ поръ замѣчаютъ
обновы — бѣлые пятнушки, являющіяся
въ срединѣ и на краяхъ ногтей, судить по
цвѣту ногтей о жизни, здоровье и болѣзни
человѣка.

ООСКОПІЯ. РАЗГАДЫВАЛИ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ЯЙЦІ, ПО ЖЕЛАНИЮ БЕРЕМЕННЫХЪ ЖЕНЩИНЪ ДЛЯ УЗНАНИЯ, ЧТО РОДЯТЬ?

ВЪ РУССКОЙ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ЭТО ГАДАНИЕ ДОСЕДЪ СУЩЕСТВУЕТЪ. БЕРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА ВЫНИМАЕТЬ ИЗЪ-ПОДЪ НАСѢДКІ ЯЙЦО, РАЗБИВАЕТЬ, СМОТРИТЬ КАКОГО ПОЛА ЗАРОДЫШЪ, ТО-КОГО ЖЕ ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ И БУДУЩІЙ ДИТА.

ПСИХОМАНТИЯ. ГАДАНИЕ, ОСНОВАННОЕ НА ПРИЗЫВАНИИ ТВІНЕЙ УМЕРШИХЪ ЛЮДЕЙ, СОСТАВЛЯЛО ОДНО ТАИНСТВО СЪ ПЕКРОМАНТИЕЮ.

ТЕРАТОСКОПІЯ СОСТАВЛЯЛА ОСОБЕННЫЙ РОДЪ ГАДАНІЙ ИЗЪ ОБЪЯСНЕНИЯ НЕОБЫКНОВЕННЫХЪ ЯВЛЕНІЙ ВЪ ПРИРОДѢ.

ЭТО ГАДАНИЕ ВЗОШЛО СЪ ИЗМІНЕНІЯМИ ВЪ РУССКУЮ СИМВОЛИКУ. ТАКЪ ЖИВОТИЛЯ, РОДИВШІЯСЯ О ТРЕХЪ НОГАХЪ, ЖИВОТИЛЯ ДВУГЛАВЫЯ, НАВОДИЛИ УЖАСЬ НА ДУШУ ПРОСТОЛЮДИНА И БЫЛИ ИСТРЕВЛЯЕМЫ, КАКЪ ПОРОЖДЕНИЕ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ.

ТЕФРАНОМАНТИЯ. ГАДАНИЕ ЗОЛОТО РАЗРЫВАЛО ВОПРОСЫ ЖЕРТВОПРИНОСИТЕЛЕЙ.

ЗОЛА ВЪ РУССКОМЪ ЧЕРНОКНИЖІИ ИМѢТЬ ПОЧЕТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ПРЕДЪ ПРОЧИМИ ВЕЩЕСТВАМИ. ЧАРОДІЙ ВСЕГДА ИМѢТЬ ПРИ СЕБѢ ЗОЛУ ИЗЪ СЕМИ ПЕЧЕЙ И ПОСЫПАТЬ ЕЮ СЛѢДЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ, КОГДА СОВЕРШАЕТЬ ЧАРЫ. ТАКЪ, РАЗГНІВЛЕННЫЙ ПОСЕЛЯНИНЪ БРОСАЕТЬ НА ДВОРЪ СВОЕГО СОСѢДА ГОРСТЯМИ ЗОЛУ, СЪ НАМІВЕНІЕМЪ ИСТРЕВІТЬ ВСЕ РАСТУЩЕЕ НА ЕГО ЗЕМЛѢ.

ЭНОНТРОМАНТИЯ СОВЕРНІАЛАСЬ ГАДАНІЕМЪ ВЪ ЗЕРКАЛЪ. ФЕССАЛІЙСКІЕ ЧАРОДІЇ ЗАСТАВЛЯЛИ ПРИХОДЯЩИХЪ ЧИТАТЬ ОТВѢТЫ, ПИСАННЫЕ НА ЗЕРКАЛЪ КРОВІЮ, ОТРАЖАВШІЕСЯ НА ДРУГОМЪ ТВІЛѢ.

ВЪ РУССКИХЪ СВЯТОЧНЫХЪ ГАДАНІЯХЪ ЭНОНТРОМАНТИЯ ОСТАЛАСЬ ВЪ ИЗМІНЕННОМЪ ВІДЪ.

ВОТЬ ОЧЕВІДНІЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА О ПЕРЕСЕЛЕНІИ ТАЙНЫХЪ СКАЗАНІЙ ДРЕВНІГО МІРА ВЪ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ И О СОСТАВЛЕНІІ РУССКОГО ЧЕРНОКНИЖІЯ. МЫ СМѢЛО МОЖЕМЪ СКАЗАТЬ, ЧТО НА НАШІЙ РОДНОЙ ЗЕМЛѢ НІ ОДИНЪ РУССКОЙ ЧЕЛОВѢКЪ НЕ БЫЛЪ ПІЗОВРЪТАЛЕМЪ ТАЙНЫХЪ СКАЗАНІЙ. Люди бывалые изъ нанихъ предковъ въ чужихъ странахъ, и чужеземщица, приходившая на нашу родину, раз-

СКАЗЫВАЛИ ВЪ СЕМЕЙНЫХЪ БЕССДАХЪ О СУЩЕСТВОВАНІІ ЧЕРНОКНИЖІЯ ВЪ ЧУЖИХЪ ЗЕМЛЯХЪ. Эти разсказы, западая въ сердца простодушныхъ, переходили изъ рода въ родъ и клеймились съевѣремъ нашихъ предковъ. Такое мнѣніе, принимаемое нами за положительное основаніе, найдетъ свое подтверждение въ самомъ описаніи Чернокнижія.

Не смотря на то въ Русской жизни понятіе о тайныхъ сказаніяхъ представляется совершенно въ другомъ видѣ, нежели какъ мы встречаемъ у другихъ народовъ. Это такъ и должно быть. Общественное образование Русского народа, совершилось независимо отъ влиянія другихъ народовъ, по своимъ собственнымъ законамъ, выражалось въ умственной жизни двумя отдаленными знаменованиями: *попятіями общественными и семейными.*

Русскія общественные понятія всегда существовали на краеугольномъ основаніи Христіанскаго Православія. Епархи какъ настыри церкви и учители народа, Князья и Цари, какъ священные Властелины и блюстители народнаго благоденствія, были представителями общественныхъ понятій. Находясь въ рукахъ столь важныхъ лицъ, они всегда были цѣлы и невредимы, какъ была цѣла и невредима Русская жизнь. Отъ этого самого въ нашемъ отечествѣ никогда не было переворотовъ въ общественныхъ понятіяхъ, внесенныхъ сосѣдними народами. Все совершилось постепенно, въ теченіи многихъ вѣковъ, людьми являвшимися изъ среды своихъ соотечественниковъ. Славянинъ сближаясь на Сѣверѣ съ Скандинавомъ, быть только покоренъ его мечу, но не слову; платить ему дань своими избытками, но не хвалебными пѣснями; дать ему приютъ на своей землѣ, но не принять отъ него письменъ. Славянинъ, уклоняясь па Востокъ, сблизился съ Грекомъ; принялъ отъ него Вѣру, приютилъ Греческихъ прішельцевъ, учился у него, чего не доставало для его умственной жизни; по никогда не говорилъ его языкомъ, никогда не менѣлъ своихъ понятій общественныхъ на его понятія; онъ остался въ помнѣ смыслѣ Славяниномъ. Никогда не ходилъ онъ на За-

падъ. Люди Фряжские сами приходили въ его жилище, сами призывали его въ участники. Равнодушный къ Западу, онъ чуждался и словъ и дѣлъ Фряжскихъ. Ось Югъ онъ забылъ почти съ того самаго времени, какъ судьба бросила его изъ Индіи на землю сѣверной Европы, гдѣ онъ назвалъ себѧ Славяниномъ. Во всѣхъ переворотахъ соседнихъ странъ, онъ не былъ участникомъ. Въ этомъ-то самомъ заключалась ненарушимость Русскаго общественнаго понятия.

Русскія семейныя понятія существовали на своихъ отдельныхъ основаніяхъ, и пораждавшися въ семействахъ, никогда не сливалась съ общественными понятіями. Въ нихъ не было единства; они были столько различны, сколько тогда были различны границы Русской земли. На этихъ заповѣданныхъ чертахъ все измѣнялось отъ стечения чужеземныхъ мнѣній. Облекаясь Русскимъ словомъ въ гостепримныхъ семействахъ, эти мнѣнія переносились отъ одного селенія къ другому. Пришельцы и люди Бывалые были передавателеми чужеземныхъ мнѣній.

Пришельцами въ Русской старой жизни назывались всѣ чужеземцы, люди не Русской крови, люди не Русской Вѣры. Никогда добрая воля не загоняла пришельца на Русскую землю: нужда и корысть влекли его къ нашимъ предкамъ. Хлѣбосольство Русское давало прють вслкому пришельцу. Старѣшины семействъ, угощающая завѣзжаго человѣка, любили слушать его разсказы ось отдаленныхъ странахъ. Эти-то разсказы, передаваясь отъ отца къ сыну, усвоивались Русской жизни, когда они снисходили слабостямъ. Мы, люди XIX вѣка, не можемъ теперь изслѣдовать, что нравилось нашему предку, жившему въ X и XII столѣтияхъ, изъ разсказовъ чужеземныхъ. Но, принимая въ соображеніе тогдашнее умственное образование, дошедши до насъ письменные памятники и разсказы о бываломъ изъ древней жизни, мы смѣло можемъ сказать, что наши предки любили болѣе чудесное, поражавшее ихъ воображеніе, любили болѣе великое, поражавшее ихъ умъ, любили болѣе ужасное, оцѣнившее ихъ чувства. При всемъ томъ

пришлецъ былъ всегда чужимъ для Русскаго въ общественной жизни, и только одни простодушии принимали участіе въ его словахъ и дѣлахъ.

Людьми Бывалыми на Руси почитались сородичи нашихъ предковъ, люди, бывавшие въ чужихъ земляхъ, люди, пересмотрѣвши всѣ заморскія дивы, люди, услаждавши своими бесѣдами и старика и юношу. Рассказы бывалаго человѣка записывались въ кельяхъ отшельниковъ и читались въ семейныхъ бесѣдахъ. Таковы были наши Паломники и Ходебщики. Они — наставники въ дѣлахъ, врачи въ болѣзняхъ, соѣтники въ семейныхъ назначеніяхъ, болѣе всего имѣли влияніе на введеніе чужеземнаго въ семейныя понятія, нежели участія пришельца. За то люди бывалые никогда не выходили изъ круга семейства, никогда не были участниками въ обновленіяхъ общественной жизни.

Принимая въ соображеніе эти два источника чужеземныхъ внесений, мы понимаемъ какъ трудно было чужеземному мышленію въйти въ составъ общественнаго понятія, какъ трудно было ему усвоиться съ Русскою общественною жизнью. Но, не смотря на столько вѣковъ, современное просвѣщеніе рѣзкою чертою отличаетъ всѣ чужеземные понятія, заимствованныя нашими предками. Глядя съ этой точки на тайныя сказанія другихъ народовъ, мы убѣдились, что они перешли въ Русскую землю со многими измѣненіями, съ измѣненіями, возможными для Русской семейной жизни. На этихъ то измѣненіяхъ мы будемъ слѣдить остатки Русскаго Чернокнижія, и данными подробностями повѣрять идеи, допущенные нами при всеобщемъ взглядѣ на міровое Чернокнижіе.

Русское Чернокнижіе, сообразно народнымъ семейнымъ понятіямъ, мы раздѣляемъ на четыре сказанія, совершенно разнобразныя по излагаемымъ въ нихъ предметамъ. Въ первомъ сказаніи помѣщается *Куденигество*, во второмъ описывается *Чародѣйство*, въ третьемъ предлагаются *Знагарство*, въ четвертомъ представляетъ *Ворожба*.

Русское Кудесничество мы представляемъ такъ, какъ оно обращается въ устахъ народныхъ, безъ перемѣнъ понятій и словъ. Соблюдалъ это, мы сохранимъ, такъ сказать, словесность простолюдиновъ, ненизъянный глаголъ многихъ вѣковъ, гласъ людей отдаленныхъ и понятіями и повѣрьями отъ нашей жизни. Если съ одной стороны всѣ кудеснические заговоры есть совершенный вздоръ, созданный для обольщенія народа, то съ другой мы замѣчаемъ въ нихъ духъ поэзіи жившей въ пѣсняхъ и сказкахъ, усаждавшихъ нѣкогда нашихъ предковъ въ дни скорбные. Здѣсь сохранилась наша родная, Русская поэзія; здѣсь блюдятся наши поэмы и были; здѣсь читаемъ жизнь нашихъ предковъ.

Всѣ представляемые здѣсь заговоры подслушаны мною въ семейныхъ разговорахъ поселянъ Тульской губерніи, выписаны изъ тетрадки, писанной Польскими буквами и принадлежавшей нѣкогда Веневскому дѣду; нѣкоторые получены отъ Саратовскаго помѣщика, сбравшаго ихъ, по моей просьбѣ, изъ разсказовъ Волжскихъ рыбаковъ; а другие были присланы ко мнѣ изъ Тихвина отъ Г. Парихина.

Вслушиваясь въ заговоры, невольно спрашиваемъ себя: кто былъ творцемъ этой поэзіи? Неужели мы будемъ сомнѣваться, что этими напѣвами оглашалась наша родина, когда въ нихъ звукахъ слышенъ Русской духъ, когда въ нихъ говорить Русское сердце о старинѣ родной, о радости домашней, о вѣдѣ семейной, о любви дѣвичей красы, о зазнобѣ молодеческой? Здѣсь всѣ предметы взяты пѣзъ жизни семейной, чуждой общественныхъ отношеній, удаленной въ хижини и полѣ, сокровенной отъ взора искушущихъ людей. Слѣдовательно: здѣсь человѣкъ только пѣтъ самъ съ собою. Замѣчательно, что здѣсь пѣтъ ни одного чужеземнаго слова, ни одного выраженія: все говорить Русскій языкокъ и обѣ Русской жизни. Мы также не смѣемъ допустить здѣсь сомнѣнія, что эта поэзія не была до послѣдней степени подражательною; но совсѣмъ тѣмъ въ ней есть и самобытное; она воспѣвала по вдохновенію Русскаго сердца заповѣданныя тайны. Это мы готовы подтвердить наблюденіями.

Народная поэзія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ воспѣвала семейную жизнь. Русской народъ, пленяясь предметами, очаровавшими его единенную жизнь, воспѣвъ въ своихъ думахъ и тайны сказанія. Въ такомъ направленіи онъ незамѣтно склоняется къ другимъ народамъ. Для доказательства представляемъ образчики чужеземныхъ заговоровъ.

«LE MAGICIEN LEXILIS MENAIT FORT DURÉMENT LES PUISSANCES DES TÉNÉBRES, ET FAISAIT DRESSER LES CHEVEUX AUX ASSISTANS, QUAND IL HURLAIT SES EXECRABLES EVOCATIONS.

«DIVINITÉS FORMIDIABLES, S'ÉCRIAIT-IL, HÂTEZ VOUS D'ACCOURIR, ET CRAIGNEZ D'OFFENSER SES CHEVEUX GRIS ET CETTE VERGE, QUI VOUS FERAIT BIENTÔT REPENTIR DE VOS DÉLAIS... JE VOUS EN AVERTIS D'AVENCE, OBÉISSEZ PROMPTEMENT, AUTREMENT JE FAIS PÉNETRER LE JOUR DANS VOS SOMBRES DEMEURES, JE VOUS EN TIRE TOUTES L'UNE APRÈS L'AUTRE, JE VOUS DESTITUE DE TOUT POUVOIR, JE VOUS PURSUIS PAR LES BUCHIERS, JE VOUS CHASSE DES SÉPULCRES; ET JE NE PERMETTRAI PAS MÊME AUX DÉSERTS DE LA THÉBAÏDE DE VOUS RECELER DANS LEUR SOLITUDE. ET TOI, ARBITRE DES ENFERS, SI TU ME CRAINS COMMANDE À TES ESPRITS, COMMANDE À TES FURIES, COMMANDE À QUELQUES OMBRES D'ACCOURIR; POUSSÉ-LES HORS DES TES MANOIRS À COUPS DES SCORPIONS, ET NE PERMETTRE PAS QUI J'INTERROMPE LE SILENCE DES TIENS PAR DES MENACES PLUS HORRIBLES.»

ORAISON DU LOUP: VIENS, BÊTE À LAINE; C'EST L'AGNEAU DE L'HUMILITÉ; JE TE GARDE. C'EST L'AGNEAU DU REDEMPTEUR, QUI A JEUNÉ QUARANTE JOURS, SANS RÉBELLIONS, SANS AVOIR PRIS AUCUN REPAS DE L'ENNEMI, ET FUT TENTÉ EN VÉRITÉ. VA DROIT, BÊTE GRISE, A GRIS AGGRIPENCE, VA CHERCHER LA PROIE, LOUPS ET LOUVETEAUX; TU N'AS POINT À VENIR À CETTE VLANDE, QUI EST ICI. AU NOM DU PÈRE ET DU FILS ET DU SAINT-ESPRITS. AUSSI: VADE RETRO O SATANA!

• PRIÈRE DES BERGERS POUR PRÉSÉRVER
LES TROUPEAUX DE LA GALE, DE LA ROGNE
ET DE LA CLAVELÉE, TROUVÉE DANS UN MA-
NUSCRIT RARE ET PRÉCIEUX.

CE FUT PAR UN LUNDI AU MATIN QUE
LE SOLEIL PARUT, UN PASTOUREAU CHER-
CHANT SES TROUPEAUX, IL-DIT: MON TROU-
PEAU SERA SAIN ET JOLI, QUI ET SUJET À
MOI ²⁴.

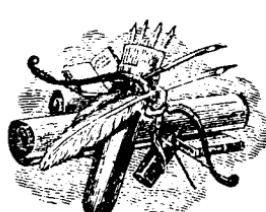
Русское Чародейство описывает Чары совершаемые въ селенияхъ. Прилагая по возможности объяснения этимъ затейливымъ вымысламъ, мы уверены, что простодушные люди поймутъ свое ослепление, хотя для нихъ обольстительное. Съ этого цѣллю избраны здѣсь только тѣ, которые более всѣхъ памятны. Люди, хотѣ сколько ринкавши въ народное суетѣрное понятіе, люди, знающіе довѣрѣнность поселеній къ чудесному, оправдаются цѣлью, избранную нами.

Русское Знахарство излагаетъ отъявленные обманы знахарей, по которымъ, по непонятному стечению обстоятельствъ, принимаются въ простомъ народѣ за спасительный дѣйствія. Мы часто слышимъ въ разсказахъ бывалыхъ людей, какъ въ старинѣ знахари вѣргали цѣлую селенія въ бѣдствія. Съ истиннымъ желаніемъ добра простодушнымъ людямъ, излагаемъ здѣсь обманы знахарей, бродящихъ изъ одного селенія въ другое, и живущихъ на счетъ ближняго.

Русская Ворожба представляетъ народные гаданія, распространяемыя записными гадательницами по городамъ и селеніямъ.

Многія изъ нихъ приносятъ оскорбление семейной жизни по своимъ посредствиямъ; другія же напротивъ — какъ *святогорыя гаданія* — составляютъ увеселительныя занятія. Здѣсь приподняты тѣ и другія — съ цѣллю разоблачить таинственный ожиданія простаго народа. Можетъ быть время и обстоятельства позглѣдять эти остатки суетъ, перешедшихъ къ нашимъ предкамъ изъ чужихъ странъ. Но, пока настанетъ это благодѣтельное время, пока явятся счастливыя обстоятельства — пускай простодушные напередъ ознакомятся съ ищточествомъ сельскихъ гаданий.

Во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ мы часто сохранили многія слова, подслушанныя въ сельскихъ разговорахъ, имѣющія совершенно другое значеніе въ современной нашей жизни. Мы даже сохранили названія разныхъ гаданий, хотя некоторые изъ нихъ съ первого взгляда, кажется, состоять изъ повтореній однаго и того же. Не думаемъ, чтобы настъ въ этомъ обвинять: сами предметы говорить о такой необходимости. Кроме сего почтаемъ обязанности предъувѣдомить почтенныхъ соотечественниковъ, что въ нашихъ Сказаніяхъ не все то помѣщено, что известно въ селеніи. Такъ одного мы не могли вмѣстить здѣсь по внутреннему нашему убѣждѣнію, какъ оскорбительного для современаго просвѣщенія; другое представлялось противнымъ нашей жизни и пашимъ отношеніямъ. Русская сельская жизнь неистощима въ своихъ разсказахъ: надоено много людей и много времени, чтобы вполнѣ представить ея домашній бытъ.

С К А З А Н И Я

о КУДЕСНИЧЕСТВЕ.

1. ЗАГОВОРЬ ОТЪ НЕДУГОВЪ КРАСНОЙ ДѢВИЦЫ ВЪ БОЛЬЗНИ ПОЛОВОВНАГО МОЛОДЦА,

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю зорю, темнымъ темпо; вставала я, такая-та, въ красную утреннюю зорю, светлымъ светло; умывалась свѣжею водою; утиралась бѣлымъ платомъ. Пошла я изъ дверей во двери, изъ воротъ въ вороты, и шла путемъ дорогого, сухимъ сухопутьемъ, ко Окиану морю, на свѣтъ островъ; отъ Окиана моря узрѣла и усмѣтрѣла, глядячи на востокъ краснаго солнышка, во чисто поле, а въ чистомъ полѣ узрѣла и усмѣтрѣла: стонть семибашенной домъ, а въ томъ семибашенномъ домѣ сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на золотомъ стуле, сидѣть, уговариваетъ недуги, на колѣнѣахъ держитъ серебряное блюдечко, а на блюдечкѣ лежать булатные ножички. Взошла я, раба такая-та, въ семибашенной домѣ, смирнѣмъ смирнѣхонько, головой поклонилась, сердцемъ покорилася, и заговорила:

Къ тебѣ я пришла, красная дѣвица, съ покорицемъ обѣ рабѣ такомъ-то, возьми ты, красная дѣвица, съ серебрянаго блюдечка булатные ножички въ правую руку, обрежь ты раба, такого-то, бѣлую мякоть, оципѣ кругомъ его и обери: скорби, недуги, уроки, призороки, затяни кровавыя раны чистою и вѣчною своею пеленою. Защи-ти его отъ всякаго человѣка: отъ бабы вѣдуньи, отъ дѣвки простоволосыя, отъ мужи-ка одноженца, отъ двоеженца и отъ троеженца, отъ черноволосаго, рыжеволосаго.

Возьми ты, красная дѣвица, въ правую ру-ку двѣнадцать ключей и замки двѣнад-цать замковъ, и опусти эти замки въ Оки-анъ море, подъ Алатырь камень. А въ во-дѣ бѣлая рыбница ходить, и она въ клю-чи подхватила и проглотила; а рыбаку бѣ-лый рыбицы не поимывать, а ключей изъ рыбицы не вынимывать, а замковъ не от-прыгивать. Не дужился бы недугъ у раба, такого-то, по сей день, по сей часъ. Какъ вечерняя и утренняя заря станеть потухать, такъ бы у моего друга милаго всѣмъ бы недугамъ потухать, и чтобы недугъ не дужился по сей часъ, по мое крѣпкое слово, по его вѣкѣ.

Заговариваю я, раба такая-та, своего полюбовнаго молодца — такого-то — отъ мужика колдуна, отъ ворона коркуна, отъ бабы колдуньи, отъ старца и старицы, отъ посхимника и посхиминицы. Отсылаю я отъ своего друга милаго всѣхъ по лѣсу ходить, и гольникъ братъ, по его вѣкѣ, и пока онъ живъ, никто бы его не обзоро-чилъ и не обпризорилъ.

2. ЗАГОВОРЬ КРАСНОЙ ДѢВИЦЫ О СВЕРЕ-ЖЕНИИ ВЪ ДОРОГѢ ПОЛОВОВНАГО МОЛОДЦА.

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю зорю, позднимъ по-здно; вставала я въ красную утреннюю зорю, ранымъ рано; умывалась ключевою водою изъ загорнаго студенца; утиралась бѣлымъ платомъ, родительскимъ. Пошла я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты, и вышла въ чистое поле. Въ чистомъ

полѣ охорошилась, на всѣ четыре стороны поклонилась, на горючъ камень Алатырь становилась, крѣпкимъ словомъ заговорилась, чистыми звѣздами обѣгалаась, темнымъ облакомъ покрылась.

Заговориваю я, раба таکая-та, своего полюбовнаго молодца — такого то — о сбереженіи въ дорожѣ: крѣпко на крѣпко, на вѣкъ, на всю жизнь.

Кто изъ лугу всю траву выщипитъ и выпьетъ, изъ моря всю воду выпьетъ и не взамкаеть, и тотъ бы мое слово не превозмогъ, мой заговоръ не разсторгъ. Кто изъ злыхъ людей его обзорочитъ и обпризорочитъ, и околдуетъ, и испортитъ, у нихъ вы тогда изъ лба глаза выворотило въ затылокъ; а моему полюбовному молодцу — такому-то — путь и дороженька, доброе здравіе на разлуку моей.

3. Заговоръ отъ тоски родимой матушки въ разлуку съ минымъ дитяткою.

Разрыдалась я родная, раба таکая-та, въ высокомъ тегемъ родительскомъ, съ красной утренней зори, во чисто поле глядючи, на закатъ ненагляднаго дитятки своего яснаго солнышка — такого-то. Досидѣла я до поздней вечерней зори, до сырой росы, въ тоскѣ, въ бѣдѣ. Не взмнилось мнѣ крушить себѧ, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Попала я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца. Стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призрачною, и возговорила зычнымъ голосомъ:

Заговориваю я своего ненагляднаго дитятку, такого-то, надъ чашею брачною, надъ свѣжею водою, надъ платомъ вѣнчальнымъ, надъ свѣчею обручальною. Умывъ я своего дитятку во чистое лицико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сакорныя, очи ясные, чело думное, лапиты красныя, освѣчаю свѣчою обручальною его становыи кафтанъ, его шапку соболинную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые,

его кудри русые, его лице молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, свѣтлѣ солнышка яснаго, мнѣ вѣшнаго днія, свѣтлѣ ключевой воды, бытѣ яраго воска, крѣпче камня горючаго Алатыря. Отвожу я отъ тебѧ: черта страшаго, отгоню вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ чужаго домоваго, отъ злаго водяного, отъ Вѣдьмы Кивеской, отъ злой сестры ея Муромской, отъ моргуны Русланки, отъ треклятаго Бабы-Лги, отъ летучаго змѣя огненнаго, отмакиваю отъ ворона вѣцаго, отъ вороны каркуны, заслоню отъ Кащея-Ядуна, отъ хитраго чернокнижника, отъ яраго Волхва, отъ слѣпаго Знахаря, отъ старухи вѣдуны. А будь ты, мое дитятко, монимъ словомъ крѣпкимъ — въ нощи и въ полуночи, въ часу и въ получаси, въ пути и дороженьки, во снѣ и на яву — укрыть отъ силы вражія, отъ нечистыхъ духовъ, сбереженіе отъ смерти напрасныя, отъ горя, отъ бѣды, сохраненіе водѣ отъ потопленія, укрыть въ огнь отъ сгорѣнія. А придетъ часъ твой смертный, и ты вспомянини, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ-соль роскошный, обернись на родину славную, ударъ ей челомъ седмерицды семи, распространись съ родными и кровными, принади къ сырой землѣ, и засни сномъ сладкимъ, непрбуднымъ.

А будь мое слово: смыте воды, выше горы, тяжелѣ золота, крѣпча горючаго камня Алатыря, могучъ богатыри. А кто вздумаетъ моего дитятку обмороочить и узорочить, и тому скрыться за горы Арапатскія, въ бездны преписподнія, въ смолу кипучую, въ жаръ палючий. А будуть его чары — ему не въ чары, мороочанье его не въ мороочанье, узорчанье его не въ узорчанье.

4. Заговоръ хотинка на постановныхъ клѣтахъ для зайцевъ.

Встаю я, рабъ такой-то, за свѣтло, умываюсь ни бѣло, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я изъ дверей въ двери,

изъ воротъ въ вороты, въ чисто поле, къ льсу дремучему, а изъ льса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встѣрѣчу двадцать сатанайловъ, двадцать дьяволицъ, двадцать лѣшихъ, двадцать полкановъ — всѣ пышіе, всѣ конные, всѣ черные, всѣ бѣлые, всѣ высокіе, всѣ низкіе, всѣ страшные, всѣ ровкіе: стали предо мною тѣ сатанайлы, тѣ дьяволицы, тѣ лѣши, тѣ полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы, сатанайлы, дьяволицы, лѣши и полканы — въ такой-то — остропъ, пригоните русаковъ и бѣлаковъ на мои ѣлѣвы поставные: сумеречные, вечерніе, ночные, утренніе и полуденные. Пригоните, остановите, и въ моихъ кѣвтахъ примишните.

5. Заговоръ на путь дороженьку.

Ѣду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ долинныя мѣста, по утреннѣмъ и вечернѣмъ зорямъ; умываюсь мѣдяною росою, утираюсь солнцемъ, облекаюсь облачами, опоясываюсь чистыми звѣздами.Ѣду я въ чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растеть Одолень трава. Одолень трава! Не я тебя поливаль, не я тебя породилъ; породила тебя мать сырь земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки. Одолень трава! Одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мысли. Отгони ты чародѣя, ябедника. Одолѣй трава! Одолѣй мнѣ горы высокія, долы низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и колоды.Ѣду я съ товою, Одолень трава, къ Окіанъ морю, къ рѣкѣ Йордану, а въ Окіанъ морѣ, въ рѣкѣ Йорданѣ лежить бѣль горючъ камень Алатырь. Какъ онъ крѣпко лежитъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поворотился, руки не подымались, а лежать бы имъ крѣпко, какъ лежитъ бѣль горючъ камень Алатырь. Спрячу я тебя, Одолень трава, у ретиваго сердца, во всѣмъ пути и во всей дороженьки.

6. Заговоръ на укрощеніе гнева родимой матушки

На великъ день я родился, тыномъ же-жѣзнымъ оградился и пошелъ я къ своей

родимой матушки. Загнѣвилась моя родимая родушка, ломала моп кости, счищала мое тѣло, топтала меня въ ногахъ, пила мою кровь. Солнце ясное, здѣзды свѣтлыя, небо чистое, море тихое, поля желтые — всѣ вы стоите тихо и смирино; такъ была бы тиха и смирина моя родимая матушка по вся дни, по вся часы, въ нощи и полуночи. Какъ пчела попоску носить, такъ бы родимая матушка плодила добрыя словеса за меня, своего роднаго сына. Какъ воскѣтать и горпть отъ лица огня, такъ бы горѣло и таило сердце моей родимой матушки. Какъ лебедь по лебедкѣ тоскуетъ, такъ бы моя родимая матушка тосковала по мнѣ, своему родному сыну. Какъ дверь къ косяку притворяется, такъ бы мои словеса къ родимой матушки притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и нощи, въ полдень и полночь.

7. Заговоръ на укрощеніе злобныхъ сердецъ.

Сажусь въ сани, крытыя бобрами и сололями и куницами. Какъ лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы между панами и попами, между миromъ и селомъ; такъ мой нарожденный сынъ былъ бы честенъ и величавъ между панами и попами, между миromъ и селомъ.Ѣду на гадинѣ, ужъ погоняеть, а самъ дюжъ, у пановъ и судьевъ полопъ дворъ свиней, и я тѣхъ свиней перезѣмъ. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Сью макъ. Разыдутся всѣ суды, а ты сидѣть, что меня тѣять. Меня не сѣдѣть; у меня медвѣжій ротъ, волчія губы, свиные зузы. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Кто мой макъ будеть подбирать, тотъ на меня будеть судъ давать, Спрячу я свой макъ въ жѣзную кадь, а бросшу кадь въ Окіанъ море. Окіанъ море не высыхаетъ, кади моей никто не вынимаетъ, и маку моего никто не подбираетъ. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Замыкаю зузы и губы злымъ сердцамъ, а ключи бросаю въ Окіанъ море, въ свою жѣзную кадь. Когда море высохнетъ, когда макъ изъ кади

поядьтъ, тогда мнъ не быватъ. Судъ су-
домъ, вѣкъ вѣкомъ!

8. Заговоръ на посаженіе пчелъ въ улей.

Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы
смирятся. Стану я на востокъ, противъ
дольней стороны, и слышу шумъ и гуль
пчелъ. Беру я пчелу роя, окарая, сажаю
въ улей. Не я тебя сажаю, сажаютъ тебя
бѣлые звѣзды, рогоногій мѣсяцъ, красное
солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ.
Ты пчела ройся у такого-то, на округъ сад-
ись. Замыкаю я тебя матка всѣ пути, до-
роги ключемъ, замкомъ; а бросаю свои
ключи въ Окіанъ море, подъ зеленый
кустъ; а въ зеленомъ кустѣ сидить матка,
всѣмъ маткамъ старшая, сидить и держ-
житъ семьдесятъ семь жалъ, а жалитъ не-
покорныхъ пчелъ. А будеть вы пчелы мо-
имъ словамъ не покоритесь, сошлю я васъ
въ Окіанъ море, подъ зеленой кустѣ, гдѣ
сидить матка, всѣмъ маткамъ старшая, и
будеть за ваше непокорище жалить васъ
матка въ семьдесятъ семь жалъ. Слово мое
крѣпко!

9. Заговоръ на утиханіе крови.

Два брата камецъ стѣкуть, двѣ сестры
въ оконшко глядять, двѣ свекрови въ воро-
тахъ стоятъ. Ты сеекоръ воротись, а ты
кровь утолись; ты сестра отворотись, а ты
кровь уймись; ты братъ смирись, а ты
кровь запрись. Братъ вѣжить, сестра кри-
чить, свекоръ ворчить. А будь мое слово
крѣпко на утиханіе крови у раба такого-
то по сей часъ, по сию минуту!

10. Заговоръ отъ укушенія змѣи.

Змѣя Македоница! за чѣмъ ты, всѣмъ
змѣямъ старшая и большая, дѣлаешь такія
изъяны, кусаешь добрыхъ людей. Собери
ты своихъ тетокъ и дядей, сестеръ и бра-
тьевъ, всѣхъ родныхъ и чужихъ, вынь
свое жало изъ грѣховнаго тѣла, у раба та-
кого-то; а если ты не вынешь своего жала,
то пашлю на тебя грозную тучу, каменьемъ
за рѣкою Болгою, стоитъ красная дѣвица,

тучи нигдѣ ты не укронишься: ни подъ зем-
лею, ни подъ межею, ни въ полѣ, ни подъ
колою, ни въ травѣ, ни въ сырыхъ во-
рахъ, ни въ темныхъ лѣсахъ, ни въ овра-
гахъ, ни въ ямахъ, ни въ дубахъ, ни въ
горахъ. Сниму я съ тебя двѣнадцать шкуръ
съ разными шкурами, сожгу самою тебѣ,
развѣю по чистому полю. Слово мое не
предѣдѣть ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ!

11. Заговоръ отъ ужаленія козульки.

На море на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ,
стоить дубъ ни нагъ, ни одѣтъ, подъ тѣмъ
дубомъ стонѣ липовый кустъ, подъ тѣмъ
липовымъ кустомъ лежитъ златой камень,
на томъ камнѣ лежитъ руно черное, на той
рунѣ лежитъ инорокая змія Гаррафена. Ты
змія Гаррафена возьми свое жало изъ раба
такого-то, отбери отъ него недуги. А коли
ты не возьмешь свое жало, не отберешь не-
дуговъ, ино я выну два ножа булатные,
отрѣжу я у зміи Гаррафены жало, положу
въ три сундука желѣзные, запру въ два
замка Нѣмецкіе. Ключъ небесный, зеинъ
замокъ. Съ этого часу, съ полудня, съ по-
лучасу, да будеть бездыханна всякая ко-
зулька, и ужаленія ея въ неужаленія. А
вы зміи и змѣици, ужи и ужицы, мѣдяни-
цы и сарачицы—бѣгите прочь отъ раба та-
кого-то по сей вѣкъ, по сей часъ. Слово
мое крѣпко!

12. Заговоръ на отгнаніе черныхъ муріевъ.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалын-
скимъ, посреди Окіанъ иоря, лежитъ ос-
тровъ Буянъ, на томъ островѣ Буянѣ сто-
нѣтъ дубъ, подъ тѣмъ дубомъ живутъ сѣдь-
мерицео семь старцовъ, ни скованыхъ, ни
связанныхъ. Приходиль къ нимъ старецъ,
приводиль къ нимъ тѣму темъ черныхъ
муріевъ. Возьмите вы старцы по три же-
лѣзныхъ рожна, колите, рубите черныхъ
муріевъ на семьдесятъ семь частей.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалын-
скимъ, посреди Окіанъ, дочеи лежитъ ос-
тровъ Буянъ, на тойки, свекрови и золовъ-

ЛТЬ ДОМЪ, А ВЪ ТОМЪ ДОМЪ СТОЯТЬ КАДИ ЖЕ-
ЛѢЗНЫЯ, А ВЪ ТВХЪ КАДАХЪ ЛЕЖАТЬ ТЕНЕТА
ШЕЛКОВЫЯ. ВЫ СТАРЦЫ, НИ СКОВАННЫЕ, НИ
СВЯЗАННЫЕ, СОВЕРИТЕ ЧЕРНЫХЪ МУРИЕВЪ ВЪ
КАДИ ЖЕЛѢЗНЫЯ, ВЪ ТЕНЕТА ШЕЛКОВЫЯ, ОТЪ
РАБА ТАКОГО-ТО.

ЗА МОРЕМЪ СИНИМЪ, ЗА МОРЕМЪ ХВАДЫН-
СКИМЪ, ПОСРЕДИ ОКІАНЪ МОЯ, ЛЕЖИТЬ ОС-
ТРОВЪ БУЛАНЪ, НА ТОМЪ ОСГРОВЪ БУЛАНЪ СП-
ДИТЬ ПТИЦА ГАГАНА, СЪ ЖЕЛѢЗНЫМЪ НОСОМЪ,
СЪ МѢДНЫМИ КОГТИМИ. ТЫ ПТИЦА ГАГАНА
СЛДЬ У ДОМА, ГДѢ СТОЯТЬ КАДИ ЖЕЛѢЗНЫЯ,
А ВЪ КАДАХЪ ЛЕЖАТЬ ЧЕРНЫЕ МУРИИ, ВЪ
ШЕЛКОВЫХЪ ТЕНЕТАХЪ; СИДИ ДРУЖНО И КРѢП-
КО, НИКОГО НЕ ПОДПУСКАЙ, ВСВХЪ ОТГОНЯЙ,
ВСВХЪ КУСАЙ. ЗАГОВАРИВАЮ Я СИМЪ ЗАГОВО-
РОМЪ РАБА ТАКОГО-ТО, ОТЪ ЧЕРНЫХЪ МУРИЕВЪ,
ПО СЕЙ ДЕНЬ, ПО СЕЙ ЧАСЬ, ПО ЕГО ВЪКЪ. А
БУДЬ МОЙ ЗАГОВОРЪ ДОЛОГЪ И КРѢПОКЪ. КТО
ЕГО НАРУШИТЬ, ТОГО ЧЕРНЫЕ МУРИИ СЪВДЯТЬ.
СЛОВО МОЕ КРѢПКО!

13. ЗАГОВОРЪ ОТЪ ЧЕРВЕЙ.

ТАРАРИНЪ, ТАРАРИНЪ, ЗЛОДѢЙСКОЙ ПОРОДЫ,
УРОДЪ ИЗЪ ВСВХЪ УРОДОВЪ! ЗА ЧВМЪ ТЫ, ТА-
ТАРИНЪ, СВЕШЬ ЧЕРВЕЙ У МОЕЙ ЛОШАДИ ИЗЪ
ТАКОГО-ТО МѢСТА? ЕСЛИ НЕ ВЫВЕДЕШЬ, ТО
ВЫРВУ ТЕБЯ СЪ КОРПЕМЪ, ЗАБРОШУ ЗА СИНИЮ
ДАЛЬ, ТЫ ЗАСОХНЕШЬ, КАКЪ ПОРОШИНКА.
ВСПОМНИШЬ ТЫ СВОЮ ОШИБКУ, ДА БУДЕТЬ
ПОЗДНО.

14. ЗАГОВОРЪ ОТЪ ЗУБНОЙ СКОРБИ.

ЗАРЯ ЗАРНИЦА, КРАСНАЯ ДВЕНИЦА, ПОЛУНО-
ШНИЦА, ВЪ ПОЛЪ ЗАЯЦЪ, НЪ МОРЪ КАМЕНЬ,
НА ДНЪ ЛИМАРЬ. ПОКРОЙ ТЫ, ЗАРНИЦА, МОИ
ЗУБЫ СКОРВНЫ СВОЕЮ ФАТОЮ ОТЪ ПРОКЛЯТА-
ГО ЛИМАРЯ; ЗА ТВОИМЪ ПОКРОВОМЪ УЦВЛѢ-
ЮТЬ МОИ ЗУБЫ. ВРАГЪ ЛИМАРЬ ОТКАЧНИСЬ
ОТЪ МЕНЯ; А ЕСЛИ ТЫ БУДЕШЬ ГРЫСТЬ МОН-
ЕВЛЫЕ ЗУБЫ, СОКРОЮ ТЕБЯ ВЪ БЕЗДНЫ ПРЕ-
ИСПОДНЯ. СЛОВО МОЕ КРѢПКО!

15. ЗАГОВОРЪ ОТЪ ЗУБНОЙ СКОРБИ.

МѢСЯЦЪ, ТЫ МѢГЦЪ, СЕРЕБРЯНЫЕ РОЖКИ,
ЗЛАТЫЯ Сойди ты мѢсяцъ,

ОБЛАКА. МОЯ СКОРБЬ НИ МАЛА, НИ ТЯЖКА,
ТВОЯ СИЛА МОГУЧА. МИСКОРБИ НЕ ПЕРЕПЕСТЬ,
А ТВОЕЙ СИЛЪ ПЕРЕПЕСТЬ. ВОТЬ ЗУБЪ, ВОТЬ
ДВА, ВОТЬ ТРИ: ВСЪ ТВОИ; ВОЗЬМИ МОЮ СКОРБЬ.
МѢСЯЦЪ, ТЫ МѢСЯЦЪ, СОКРОЙ ОТЪ МЕНЯ ЗУБ-
НУЮ СКОРБЬ!

16. ЗАГОВОРЪ ОТЪ ЗУБНОЙ СКОРБИ.

ИДУ Я НИ УЛИЦЕЮ, НИ ДОРОГОЮ, А ПО ПУ-
СТЫМЪ ПОРЕУЛКАМЪ, ПО ОВРАГАМЪ, ПО КАНА-
ЛАМЪ. НА ВСТРѢЧУ МИВЪ ЗАЯЦЪ. ЗАЯЦЪ, ТЫ
ЗАЯЦЪ: ГДѢ ТВОИ ЗУБЫ? ОГДАЙ МИВЪ СВОИ,
ВОЗЬМИ МОИ. ИДУ Я НИ ПУТЕМЪ, НИ ДОРОГОЮ,
А ТЕМНЫМЪ ЛВСОМЪ, СЫРЫМЪ БОРОМЪ. НА
ВСТРѢЧУ МИВЪ СВРЫЙ ВОЛКЪ. ВОЛКЪ, ТЫ СВ-
РОЙ ВОЛКЪ: ГДѢ ТВОИ ЗУБЫ? ВОТЬ ТЕБЪ МОИ
ЗУБЫ, ОТДАЙ МИВЪ СВОИ. ИДУ Я НИ ЗЕМЛЕЮ,
НИ ВОДОЮ, А ЧИСТЫМЪ ПОЛЕМЪ, ЦВЛТНЫМЪ
ЛУГОМЪ. НА ВСТРѢЧУ МИВЪ СТАРАЯ БАБА. СТА-
РАЯ ТЫ БАБА: ГДѢ ТВОИ ЗУБЫ? ВОЗЬМИ ТЫ
ВОЛЧЬИ ЗУБЫ, ОТДАЙ МИВЪ СВОИ ВЫПАЛЫЕ. ЗА-
ГОВАРИВАЮ Я ЗУБЫ КРѢПКО НА КРѢПКО У РА-
БА ТАКОГО-ТО, ПО СЕЙ ДЕНЬ, ПО СЕЙ ЧАСЬ, НА
ВЪКЪ ВЪКОМЪ!

17. ЗАГОВОРЪ ОТЪ ЗУБНОЙ СКОРБИ.

МАРѢА, МАРІЯ И ПЕЛАГЕЯ, ТРИ СЕСТРЫ ЛА-
ЗАРЕВЫ, ПОДИТЕ КЪ СВОЕМУ БРАТУ ЛАЗАРИЮ,
СПРОСИТЕ У СВОЕГО БРАТА ЛАЗАРИЯ: НЕ БОЛЯТЬ
ЛИ У ТЕБЯ ЗУБЫ? НЕ ЛОМЛЯТЬ ЛИ У ТЕБЯ КО-
СТИ? НІТЬ, СЕСТРИЦЫ! НЕ БОЛЯТЬ У МЕНЯ
ЗУБЫ, НЕ ЛОМЛЯТЬ У МЕНЯ КОСТИ. ЗАГОВАРИ-
ВАЮ Я РАБА ТАКОГО-ТО, ЧТОБЫ У НЕГО НЕ БО-
ЛЯЛИ КОСТИ, НЕ ЛОМИЛИ ЗУБЫ, ПО СЕЙ
ЧАСЬ, ПО СЕЙ ДЕНЬ, ПО ВСЮ ЖИЗНЬ. ЧУДА
ВОДЯНОЙ! ВОЗЬМИ ЗУБЪ ЛОМОВОЙ У РАБА ТА-
БА ТАКОГО-ТО. НЕ БОЛЯТЬ У РАБА ТАКОГО-ТО
ЗУБЫ; БОЛЯТЬ ЗУБЫ У КОШКИ, У СОБАКИ,
У ЛИСЦИЦЫ, У ВОЛКА, У ЗАЙЦА, У КРОТА, У
БЫКА, У КОРОВЫ, У СВИНЫ, У ЛОШАДИ, У
КОЗЛА, У БАРАНА, У ОВЦЫ, ПО ВСЯ ДНИ, ПО ВСЬ
ЧАСЫ, ПО ВСЮ ИХЪ ЖИЗНЬ, ЗЛЫМЪ МУЧЕНИЕМЪ
П СОКРУШЕНИЕМЪ.

18. ЗАГОВОРЪ ОТЪ ПІЩАЛЕЙ И СТРѢЛЬ.

ЗА ДОЛГИМИ ПОДЛІСКАМИ ОКІАНЪ МОРЕ
ГДА МОРЕ ВЫСОХНЕТЬ, КОГДА МАКЪ ИЗЪ КАДИ

ной, на томъ столѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стонть столѣ отъ земли до неба, отъ Востока до Запада, завѣщаетъ и заповѣдываетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: Желѣзу, Укладу, Булату красному и синему, стали, мѣдн, проволоки, свинцу, олову, срѣбуру, золоту, каменямъ, пиццалиямъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, большої завѣтъ:

Подите вы: Желѣзо, каменя и свинецъ въ свою мать землю отъ раба такого-то, а дерево къ берегу, а перья въ птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, сокройтесь отъ раба такого-то. А велить онъ: ножу, топору, рогатинѣ, книжалу, пиццалиямъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихимъ и смирнымъ. А велить онъ: не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу изъ пиццалии, а велить схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будеть мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платье и колпакъ крѣпчай панцыри и каски. Замыкаю свои слова замками, бросаю ключи подъ бѣлгорючъ камень Алатырь. А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои слова мѣтки.

19. Заговоръ отъ ратныхъ орудий.

Летѣль орѣль изъ-за Хвалынского моря, разбросаль кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинула громову стрѣлу во сырь землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы пыль, и какъ выходила грозная туча, и какъ проишвала сильной дождь, что имъ покорнилась и поклонилась селитра-порохъ, смирнымъ смирихонъ. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня, такого-то, и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было бы крѣпче бѣлого камня. И какъ отъ воды камни отпрыдываются, и пузыри вскаиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудий придали мимо меня стрѣлы и порохъ-селитру. Слово мое крѣпко?

20. Заговоръ отъ пуль свинцовыхъ, мѣдныхъ, каменихъ.

Въ высокомъ терему, въ понизовскомъ, за рѣкою Болгою, стонть красная девица,

стонть покрашается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Во правой руку держить пули свинцовые, во лѣвой мѣдные, а въ ногахъ каменные. Ты, красная девица, отбери ружья: Турукія, Татарскія, Нѣмецкія, Черкаскія, Русскія, Мордовскія, всякихъ языковъ и супостатовъ; заколоти ты своею, невидимою силою ружья вражія. Будутъ ли стрѣлять изъ ружья, п ихъ пули были бы не въ пули; а пошли бы эти пули во сырь землю, во чисто поле. А быль бы я на войнѣ цѣль и нѣредимъ, и мой конь быль бы цѣль и нѣредимъ; а была бы моя одѣжда крѣпче панцыри. Замыкаю свои приговорныя слова замкомъ, и ключъ кидаю въ Окіанъ море, подъ горючъ камень Алатырь. И какъ морю не высыхать, камня не видать, ключей не доставать, такъ меня пулями не убивать, до моего живота, по конецъ вѣка.

21. Заговоръ на Желѣзо, Укладъ, Сталь, мѣдь.

Мать сырь земля, ты мать всякому Желѣзу, а ты Желѣзо поди во свою матерь землю, а ты дерево поди во свою матерь дерево, а вы перья подите во свою матерь птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты рыба поплыви въ морь, а мнѣ бы, рабу такому-то, было бы просторно по всей земль. Желѣзо, Укладъ, Сталь, мѣдь на меня не ходите, воротитесь ушьми и боками. Какъ мятелница не можетъ прямъ летѣть, и ко всякому дереву близко приставать, такъ вы всѣмъ вами ни мочю ни прямъ, ни тяжело падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и моему коню. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ бы Желѣзо, Укладъ, Сталь и мѣдь вертѣлись бы кругомъ меня, а въ меня не попадали. А тѣло бы мое выло отъ васъ не окровавлено, душа не осквернена. А будеть мой приговоръ крѣпокъ и доложъ!

22. Заговоръ на карты.

Тридцать шесть картъ, сестры и браты кумы и кумовья, сваты и сваты, дяди и тетки, отцы и матери, дочери и подчерицы, сыновья и пасынки, свекрови и золовы.

ки, тести и тещи, зяты и свояки: заловки и невестки, все вы черные, все вы белые, все красные, скажите мнъ всю сущую правду: что я думаю? что буду думать? Скажите, не утайте, по всей справедливости, какъ вы говорили дочерямъ Иродовыимъ, на брачномъ пиру, во почетномъ столу. А будетъ не скажите вы сущей правды, не взыщите моей бѣды, ино вамъ не жить воле на бѣломъ свѣтѣ; а размычу я васъ по чистому полю, по зеленымъ дубровамъ, по крутымъ берегамъ, по синимъ морямъ. А будетъ вы скажите сущую правду, ино вамъ будетъ житье привольное, раздольное. Заговариваю я, рана такая-та, на карты на вывѣдываніе своей думы, на спознаніе дѣлъ чужихъ. Слово мое крѣпко!

23. Заговоръ отъ осы.

Оса мать всѣмъ осамъ, ты мнъ не мать. Осатки дѣтки, всѣмъ дѣтамъ дѣтки, вы мнъ не дѣти. Беру я Закрученъ траву, сушу на сыромъ бору, жгу въ зеленомъ лугу. Осатки летите на дымъ; оса бѣги въ сырой боръ. Слово замокъ, ключъ языка!

24. Заговоръ отъ зацоя.

Ты небо слышишь, ты небо видишь, что я хочу дѣлать надъ тѣломъ раба, такого-то. Тѣло Маерена, печень тезе. Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную; а въ моей чашѣ вода изъ загорнаго студенца. Мѣсяцъ ты красный, сойди въ мою кѣть; а въ моей кѣти ни дна, ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой дворъ; а на моемъ дворѣ ни людей, ни звѣрей. Звѣзды, уймите раба такого-то отъ вина; мѣсяцъ, отврати раба такого-то отъ вина; солнышко, усмири раба такого-то отъ вина. Слово мое крѣпко!

25. Заговоръ на остановление руды.

Тхалъ человѣкъ старъ, конь подъ нимъ карь, по ристанямъ, по дорогамъ, по притоннымъ мѣстамъ. Ты мать руда жильная, жильная, тѣлесная, остановись, назадъ воротись. Старъ человѣкъ тебя запираетъ, на покой согрѣваетъ. Какъ коню его воды не

стало, такъ бы тебя руда мать не бывало. Слово мое крѣпко!

26. Заговоръ на остановление руды.

На морѣ на Окианѣ, на островѣ на Буйнѣ стонть дубъ ии нагъ, ии одѣть. Подъ дубомъ сидѣть тридевять три дѣвицы, колять камку иглами булатными. Вы дѣвицы красныя: гнется ли вашъ булатъ? Нѣтъ! Нашъ булатъ не гнется. Ты руда уймись, остановись, прекратись. Слово мое крѣпко!

27. Заговоръ на остановление руды.

Летить воронъ безъ крылъ, безъ ногъ, садится воронъ къ рабу такому-то на голову и на плечо. Воронъ сидѣть, посиживаетъ, рану потачиваетъ. Ты воронъ рану не клюй, ты руда изъ раны не бѣги. Идѣть старецъ, всѣмъ ставецъ, несеть печать. Ты старецъ остановись, ты воронъ не каркай, ты руда не капни. Крови не хаживать, тѣлу не баливать. Пухъ земля, одна семья. Будь по моему!

28. Заговоръ отъ лихорадки.

На горахъ Афонскихъ стонть дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ сидѣть тридевять старцевъ съ старцемъ Пафнитиемъ. Науть къ нимъ двѣнадесять дѣвицъ простоловосыхъ, простопоясыхъ. И рече старецъ Пафнитій, съ тремянацать старцами: кто синъ къ намъ идоша? И рече ему двѣнадесять дѣвицъ: есмь мы Царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнитій своимъ старцамъ: зломите по три прута, тѣмъ стапемъ ихъ бити по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Взмолишаась двѣнадесять дѣвъ къ тридевять старцамъ съ старцемъ Пафнитиемъ. И не почто же бысть ихъ мольба. И начаша пхъ старцы бити, глаголя: Ой вы еси двѣнадесять дѣвицы! Будьте вы тресуницы, водяницы, разслабленныя, и живите на водѣ студеница, въ мірѣ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте. Повѣгоша двѣнадесять дѣвицъ къ водѣ студеница, тресуницами, водяницами, разслабленными.

Заговариваю я раба, такого-то, отъ изушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадцать дѣвицъ въ тарь-тарары! отыните отъ раба, такого-то, въ лѣса темные, на дре-ва сухія ²³.

29. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Бду на гору высокую, далекую, по облакамъ, по водамъ а на горѣ высокой стоять теремъ боярской, а во теремѣ боярскомъ сидѣть забнова, красная дѣвица. Ты дѣвица, забнова молодеческая, иду за тебя во рать на супостатовъ монкъ, враговъ злодѣевъ. Вынь ты, дѣвица, отеческой мечь-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовской; отомкни ты, дѣвица, шлемъ богатырской; отопри ты, дѣвица, коня ворона. Минь мечь-кладенецъ будь другомъ, минь панцырь дѣдовской будь роднымъ братомъ, минь шлемъ богатырской будь вѣнцомъ обручальнымъ, минь конь вороной будь удалимъ молодцомъ. Выди ты, дѣвица, во чисто поле, а во чистомъ полѣ стоять рать могучая, а въ рати оружий нѣть смѣты. Закрой ты, дѣвица, меня своей фатой: отъ спины вражей, отъ пищали, отъ стрѣль, отъ борца, отъ кулачного бойца, отъ ратоворца, отъ дерева Русскаго и заморскаго: отъ дубу, отъ вязу, отъ клену, отъ ясеня, отъ ели, отъ рябины, отъ полѣна длиниаго, недлиниаго, четвертиниаго, отъ липы, отъ жимолоси, отъ ивы, отъ сосны, отъ яблони, отъ курносіи, отъ орѣшни, отъ можжевельнику, отъ стѣна, отъ соломы, отъ кости, отъ жеіѣза, отъ уклада, отъ стали, отъ мѣди красной, зеленої, проволоки, отъ серебра, отъ золота, отъ птичьяго пера, отъ невѣрныхъ людей: Нагайскихъ, Нѣмецкихъ, Мордвы, Татаръ, Банкирцевъ, Калмыковъ, Гулянцовъ, Бухарцовъ, Кобытей, Бовуловъ, Бумигцовъ, Турчениновъ, Якутовъ, Лунасовъ, Черемисовъ, Витяковъ, Алановъ, Китайскіхъ людей.

Вы дерева отъ меня раба, такого-то, воротитесь, вы жеіѣзо и мѣдь и сталь и злато отлетайте, вы люди не вѣрные отвѣгайте. А буде я ворочусь по живу и по здорову, ипо буду красна дѣвица тобою похвалити-

Т. I. Ч. 2.

ся, своею молодеческою поступью выказыватися. Твоя фата крѣпка, какъ камень горючъ Алатыръ; моя молодеческая поступь сильна, какъ вода мельничная. Духъ духомъ, всѣхъ никомъ, нѣть никого, лодинъ, по живу, по здорову.

30. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Выкатило красное солнышко изъ-за моря Хвалынского, восходилъ мѣсяцъ изъ-подъ синя неба, собирались облака изъ далека, собирались сизы птицы во градѣ каменный, а въ томъ градѣ каменномъ породила меня мать родная, раба такого-то, а рожая, приговаривала: будь ты, мое читатко, цѣль невредимъ: отъ пушекъ, пищалей, стрѣль, борцовъ, кулачныхъ бойцовъ; бойцамъ тебя не требовать, ратнымъ оружиемъ не побиватъ, рогатиною и копиемъ не колотъ, топоромъ и бердышемъ не сѣчь, обухомъ тебя бить не убить, ножемъ не уязвить, старожилымъ людямъ въ сманѣ не вводить, молодымъ парнямъ ни чѣмъ не вредить; а быть тебѣ передъ ними соколомъ, а имъ дроздами; а будь твое тѣло крѣпче камня, рубаха крѣпче жеіѣза, грудь крѣпче камня Алатыря; а будь ты: въ домѣ добрымъ отцомъ, во полѣ молодцомъ, во рати удальцомъ, въ миру на любованѣ, во дѣвичемъ терему на покращеніѣ, на брачномъ пиру безъ малаго ухищренья, съ отцемъ съ матерью во миру, съ женою во ладу, съ дѣтьми во согласіи.

Заговариваю я свой заговоръ материнъ запоѣвданіемъ; а быть ему во всемъ, какъ тамъ указано, во вѣки пенауплимо. Рать могучая, мое сердце ретиво, мой заговоръ всему превозмогъ.

31. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый лугъ, во зеленомъ лугу есть зеля могучия, а въ нихъ сила видима, невидимая. Срываю три былинки бѣлые, черные, красные. Красную былинку метать буду за Окіанъ море, на остронъ па Буянъ, подъ мечъ-кладенецъ; черную былинку покачу

ПОДЪ ЧЕРНАГО ВОРОНА, ТОГО ВОРОНА, ЧТО СВИЛЬ-
ГИВЪДО НА СЕМИ ДУБАХЪ, А ВО ГНѢЗДѢ ЛЕ-
ЖИТЬ УЗДЕЧКА БРАННАЯ, СЪ КОНИ БОГАТЫРСКАГО;
БЪЛУЮ БЫЛИНКУ ЗАТКНУ ЗА ПОЯСЪ УЗОРЧАТЫЙ,
А ВЪ ПОЯСЪ УЗОРЧАТОМЪ ЗАВИТЬ, ЗАШИТЬ
КОЛЧАНЪ СЪ КАЛЕНОЙ СТРѢЛОЙ, СЪ ДѢДОВСКОЙ,
ТАТАРСКОЙ. КРАСНАЯ БЫЛИНКА ПРИТАЩИТЬ
МИНЬ МЕЧЬ-КЛАДЕНЕЦЬ, ЧЕГНАЯ БЫЛИНКА ДО-
СТАНЕТЬ УЗДЕЧКУ БРАННУЮ, БЪЛАЯ БЫЛИНКА
ОТКРОЕТЬ КОЛЧАНЪ СЪ КАЛЕНОЙ СТРѢЛОЙ. СЪ
ТѢМЪ МЕЧЕМЪ ОТОБЬЮ СИЛУ ЧУЖЕЗЕМНУЮ, СЪ
ТОЙ УЗДЕЧКОЮ ОБРАТАЮ КОПЯ ЯРАГО, СЪ ТѢМЪ
КОЛЧАНОМЪ СО КАЛЕНОЙ СТРѢЛОЙ РАЗОБЬЮ ВРА-
ГА СУПОСТАТА.

ЗАГОВАРИВАЮ Я РАТНАГО ЧЕЛОВѢКА, ТАКОГО-
ТО, НА ВОЙНУ СИМЪ ЗАГОВОРОМЪ. МОЙ ЗАГОВОРЪ
КРѢПОКЪ, КАКЪ КАМЕНЬ АЛАТЫРЪ.

32. ЗАГОВОРЪ РАТНАГО ЧЕЛОВѢКА, ИДУ- ЩАГО НА ВОЙНУ.

ПОДЪ МОРЕМЪ ПОДЪ ХВАЛЫНСКИМЪ СТОНТЬ
МѢДНОЙ ДОМЪ, А ВЪ ТОМЪ МѢДНОМЪ ДОМЪ ЗА-
КОВАНЪ ЗМѢЙ ОГНЕННЫЙ, А ПОДЪ ЗМѢЙМЪ ОГ-
НЕННЫМЪ ЛЕЖИТЬ СЕМИПУДОВОЙ КЛЮЧЪ ОТЪ
КНЯЖЕВА ТЕРЕМА, ВОЛОДИМЕРОВА, А ВО КНЯ-
ЖОМЪ ТЕРЕМЪ, ВОЛОДИМЕРОВОМЪ, СОКРЫТА
СБРУЮ БОГАТЫРСКАЯ, БОГАТЫРЕЙ ПОУГОРОД-
СКИХЪ, СОРАТНИКОВЪ МОЛОДЕЧЕСКИХЪ.

По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ плыветь лебедь княжая, со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватяю. Ты лебедь полети къ морю Хвалынскому, заклюй змѣя огненнаго, достань ключъ семипудовой, что ключъ отъ княжева терема Володимерова. Не монь крылья долетать до моря Хвалынского, не монь ногамъ дотащить ключъ семипудовой. Есть на морѣ на Окианѣ, на островѣ па Буйнѣ воронъ, всѣмъ воронамъ старшій братъ; онъ долетитъ до моря Хвалынского, заклюетъ змѣя огненнаго, притащить ключъ семипудовой; а воронъ посаженъ злой Вѣдьмою Киевскою.

Во лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору стоять избушка, ни щитая, ни крытая, а въ избушкѣ живеть злая Вѣдьма Киевская.

Пойду-ль я во лѣсъ стоячий, во боръ дре-
мучий, взойду-ль я въ избушку къ злой
Вѣдьмою Киевской. Ты, злая Вѣдьма Киев-
ская: вели своему ворону слетать подъ мо-
ре Хвалынское, въ мѣдной домъ, закле-
вать змѣя огненнаго, достать семипудовой
ключъ. Заупримпласъ, закорачилась злая
Вѣдьма Киевская о своеемъ воронѣ. Не моеї
старости бродить до моря Окиана, до остро-
ва до Буйна, до чернаго ворона. Прикажи
ты моимъ словомъ заповѣдѣмъ достать
ворону тотъ семипудовой ключъ. Разбиль
воронъ мѣдной домъ, заклевавъ змѣя огнен-
наго, досталь семипудовой ключъ.

Отпираю я тѣмъ ключемъ княжой те-
ремъ, Володимеровъ, достаю сбрую бoga-
тырскую, богатырей Ноугородскихъ, сорат-
никовъ молодеческихъ. Во той сбруи не
убьеть меня ни пицаль, ни стрѣлы, ни
бойцы, ни борцы, ни Татарская, ни Ка-
занская рать.

ЗАГОВАРИВАЮ Я РАБА, ТАКОГО-ТО, РАТНАГО
ЧЕЛОВѢКА, ИДУЩАГО НА ВОЙНУ, СИМЪ МОИМЪ
КРѢПКИМЪ ЗАГОВОРОМЪ. ЧУРЬ СЛОВУ КОНЕЦЪ,
МОЕМУ ДѢЛУ ВѢНЕЦЪ!

33. ЗАГОВОРЪ РАТНАГО ЧЕЛОВѢКА, ИДУЩА- ГО НА ВОЙНУ.

На морѣ на Окианѣ, на островѣ на Буй-
нѣ сидить добрый молодецъ, во неволѣ за-
точенъ. Къ тебѣ я прихожу, добрый моло-
децъ, съ покорищемъ. Выдаютъ меня род-
ные братья во княжую рать, одинокого, не-
женатаго, а во княжей рати мнѣ по добру
не жити. Заговори меня своимъ молодече-
скимъ словомъ. Радъ бы стоять во поле за
тебя, горькаго сиротину, да крѣпка моя
неволя, да горька моя истома. Заговориваю
я тебѣ раба, такого-то, идти на войну во
всемъ по тому, какъ заповѣдалъ мнѣ
родной отецъ. А будешь ты ратнымъ че-
ловѣкомъ, ино будь сбереженъ: отъ топора,
отъ бердыши, отъ пицали, отъ Татарскія
пинки, отъ краснаго булата, отъ борца, еди-
ноборца, отъ бойца врага-супостата, отъ
всей поганой Татарской силы, отъ Казан-
ской рати, отъ Литовскихъ богатырей, отъ
черныхъ Божихъ людей, отъ бабъихъ за-

по мое крѣпкое слово. А быль бы мой по-любовный молодецъ бѣль и хорошъ; а мнѣ бы его не было во всѣмъ сѣтѣ; а привѣтнѣе бы его не было и во теремѣ кляжемъ; а залучнѣе бы его не было во всей околице; а любилъ бы онъ меня отъ рода до вѣка, по всю мою жизньь. Слово мое крѣпко.

49. Заговоръ охотника на утокъ, гусей, тетеревей.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на зеленой осокѣ сидѣть птица, всѣмъ птицамъ старшай и большая, а держитъ она грамату неписанную, и велитъ она всѣмъ птицамъ слетатися на такія-та озера и болота, и велитъ всѣмъ птицамъ сидѣть отъ утра до вечера, отъ утренней до вечернѣй зари, отъ ночи до полуночи. Заговариваю я, разъ такой-то, утокъ, гусей, тетеревей, всякую птицу вѣдомую и невѣдомую сидѣть несходно по мой приходъ, по мое крѣпкое слово, во вѣки ненарушишо.

50. Заговоръ на любовь.

На морѣ на Окіанѣ есть бѣль горючъ камень Алатырь, никѣмъ неизвѣдомой, подъ тѣмъ камнемъ скрыта сила могучая, и силы нѣть конца. Выпускаю я силу могучу на такую-то красную дѣвицу; сажаю я силу могучу во всѣ составы, полусоставы, во всѣ кости и полукости, во всѣ жилы и полужилы, въ елъ очи ясны, въ ея щеки румяны, въ ея бѣлу грудь, въ ея ретиво сердце, въ утробу, въ ея руки и ноги. Будь ты, сила могучая, въ такой-то красной дѣвицѣ неисходно; а жги ты, сила могучая, ея кровь горючую, ея сердце кипучее на любовь къ такому то полюбовному молодцу. А была бы красная дѣвица, такая-та, во всемъ послушна полюбовному молодцу, такому-то, по всю его жизньь. Ни чѣмъ бы красная дѣвица не могла отговориться ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ человѣкъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое крѣпко, какъ бѣль горючъ камень Алатырь. Кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выпишишь, и тому мой заговоръ не превозмочь, силу могучу не увлечь.

51. Заговоръ отъ черной немочи.

Летить птица за моря, бѣжать звѣрь за лѣса, бѣжать дерево въ дерево, мать земли въ свою мать землю, желѣзо въ свою мать руду, такъ бы черная немочь бѣжала въ свою мать тарь-тарары, во тьму кромечную, а бѣжала въ назадъ не ворочающи, а быль бы такой-то человѣкъ живъ и здоровъ. А буде ты, черная немочь, мопимъ рѣчамъ покорища не дашь, велю тебя птица за моря учестъ, звѣрю въ лѣсъ затащить, мать землѣ въ свою мать во сырь землю заложить, желѣзу въ свою мать руду заковать, и будеть тебѣ горе велико, а таковъ-то человѣкъ живъ и здоровъ. Замыкаю свои словеса словомъ великимъ, имъ же замыкается всѣ недуги, съ полу-недугами, всѣ болѣсти съ полуболѣстями, всѣ хворобы съ полухворобами, всѣ корчи съ полукорчами; а замыкаю я мое слово велико на такого-то человѣка отъ черной немочи, по сей день, по сей часъ, по всю его жизнъ.

52. Заговоръ отъ бѣшеной собаки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоять домъ, а въ томъ домѣ сидѣть старица, а держить она жало. Ты старица возьми свое жало и приди къ рабу, такому-то, вынь изъ раба, такого-то, жало смертное. Заговариваю раны болючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу и въ затылкѣ, на бровяхъ, и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакѣ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой, сидите и во вѣки не сходите.

53. Заговоръ отъ родимца.

На морѣ на Окіанѣ, посредь моря Бѣлаго стоять мѣдной столѣть, отъ земли до неба, отъ востока до запада, а во томъ мѣдномъ столѣть закладена мѣдяница отъ болѣстей и хворостей. Посылаю я раба, такого-то, въ тѣстъ мѣдной столѣть, что на морѣ на Окіанѣ, и заповѣдаю ему мопимъ словомъ заповѣданнымъ закласть родимецъ во тѣстъ мѣдной столѣть. А быль бы съ того заповѣданія такой-то цвѣтъ и невредимъ, и отъ родимца избавленъ, по сей часъ, по всю жизньь.

54. Заговоръ молодушки отъ лютой бѣды.

Выхожу я во новы стѣни дубовыя, на широкъ дворъ зaborчатой, гляжу я по всѣмъ по дорогамъ и перепутьямъ, вижу я отъ земли до неба звѣзды ясныя. Вы, дороженьки и перепутьцы задержите моего мужа, такого-то; вы, звѣзды ясныя затемните свой свѣтловаркой свѣтъ, чтобы безъ вѣшаго свѣтушки не было ни ходу, ни проходу. Насылаю я на свекра лютаго тоску со кручиной, сонъ со дремотою, забытье со безнамятыю; а быль бы онъ и глухъ и нѣмъ по мою лютую бѣду. Насылаю я на свекровь злойливую печаль со вѣлою, сонъ со дремотою; а была бы она слѣпа и нѣма по мою лютую бѣду.

55. Заговоръ красной дѣвицы отъ призорокъ.

Посреди Окіанъ моря выходила туча грозная съ буйными вѣтрами, что вѣтрами съ-верными, подымалась мятель со снѣгами, нагонялиась волны на высокъ теремъ, налетали орлы черны на широкъ долъ, выходила красная дѣвица къ загорному студенцу, во тоскѣ, во кручинѣ, садилася красная дѣвица вокругъ студенца, а сама говорила таковы рѣчи: Гой ты, туча грозная, со буйными вѣтрами! умчи ты, туча грозная, тоску со печалью отъ красной дѣвицы, рабы такой-то, на Окіанъ море, застели ей путь и дороженьку мятелью со снѣгами, прикрой призороки вѣлострыми волнами, приставь въ сторожи черныхъ орловъ. Умываю я красную дѣвицу, такую-то, изъ загорнаго студенца ключевой водой; стигаю я съ красной дѣвицы, такой-то, всѣ узороки съ призороками; отмакиваю я отъ красной дѣвицы, такой-то, зловѣщихъ вороновъ съ воронихами, съ ворончатами; отгоняю я отъ красной дѣвицы, такой-то, ея заклятаго врага, что того врага, что заронилъ призороки въ ея тѣло вѣлое, въ ея сердце ретивое, что того врага, что затмилъ очи ясны, что того врага, что порудилъ красоту дѣвицы, что того врага, что сгубилъ семью почетную, что отнялъ дочь отъ матери, что сокрушилъ отца безвременемъ дочеринимъ.

Заговариваю мон заповѣдныя слова симъ монъ крѣпкимъ заговоромъ на отгнавие призороковъ отъ рабы такой-то, по сей день, по сей часъ, по ея жизнѣ. А буде заговоръ ни чѣмъ не порушимъ: ни водою, ни землею, ни огнемъ, ни леромъ, ни словомъ, ни духомъ; а быть ему во всемъ потому, какъ уряжено мною. А буде кто покусится порудить мой заговоръ, и то ему провалиться въ бездны пренсподнія, въ яму угольную, а красной дѣвицы, такой-то, быть по добру, по здорову.

56. Заговоръ отъ колотья и болѣстей.

Заговариваю у рабѣ, такой-то, колотье и болѣсти симъ монъ крѣпкимъ заговоромъ; и заповѣдаю вамъ колотье и болѣсти таскаться по миру отъ востока до запада, отъ озера до болота, отъ горы до долы, отъ моря до моря, отъ избы до терема, отъ лѣса до перелѣсъя, отъ стара до мала человѣка, отъ звѣри до гада, отъ города до пригородовъ, отъ села до погоста, отъ деревни до стана, отъ звѣзды до мѣсяца; а къ востоку до запада не доходить, а въ озерѣ со болотомъ утонуть, а съ долы на гору не вѣсть, отъ моря до моря не перебродить, и въ лѣсу съ перелѣсъемъ зацѣпиться, а отъ старца до мала человѣка быть побиту, и отъ звѣри до гада быть заѣдену, отъ города до пригородовъ быть изгнану, отъ села до погоста быть по одаль, отъ деревни до стана быть за каналомъ, отъ звѣзды до мѣсяца не досѣть. Мон слова велики, мой заговоръ крѣпокъ. Кто же отъ человѣкъ порушить мон слова, кто задумаетъ рассторгнуть мой заговоръ, и тому не бывать, а быть вовсемъ по моему.

57. Заговоръ на изгнаніе съ островніка звѣрей и гадовъ.

Хожу я по заливу утренней росой, собираю я травы зельные, варю травы зельные во мѣдяной росѣ, поливаю травами зельными со водою по всѣмъ кустамъ, по всѣмъ полямъ, по всѣмъ межамъ. Вы, звѣри лютые, выходите, вы гады выбѣгайте, вы, педобрые люди, отѣгайтесь. Во моемъ островнікѣ звѣримъ не живать, гадамъ не бывать, недобрымъ людямъ не захаживать,

а быть бы мнѣ большимъ набольшимъ; а звѣры бы въ моемъ островѣкѣ меня слушались, а гады бы съ моего островнка прочно отебѣгали бы. Мое крѣпкое слово да будѣть всему превозмогъ. Какъ могучи травы зеленныя, такъ бы могучей того быль мой заговоръ подъ молоду, подъ исходу, подъ перекрой, по восходу и по закату солнца; подъ поясъ Сажара и Кучекра, подъ Замежуя, подъ Отвори ворота, подъ Наскоча, подъ Зеленца, подъ звѣзды ясныя и темныя со всѣми звѣздами и полузвѣздами.

58. Заговоръ на подходъ.

Стану я рабъ, такой-то, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я въ чистое поле, стану на вѣтокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. *Акиры и Оры*, и како идуть цары, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ православные роды, и не думаютъ зла и лиха, такожде и на меня раба, такого-то, не думали бы зла и лиха какъ цары, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и всѣ вѣльможи, и всѣ православные роды, возрадуются и возвеселятся, такожде меня раба, такого-то, увидѣли бы цары, царицы, короли королицы, князи, княгини и всѣ православные роды христіанскіе, возвеселились; и какъ не видѣть матери отлученнаго днія многія лета, а увидѣть возвеселятся и возрадуются звѣю весело и радостно такожде меня, раба такого то, увидѣвъ, возрадовались бы и возвеселились цары, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ вѣльможи и всѣ православные роды христіанскіе. Какъ не можно пебесныя колесницы превратить, такожде бы меня и моихъ словъ, не могли-бъ превратить, во вѣки вѣковъ 27.

59. Заговоръ отъ скорой доспѣшки.

Сяду я, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей во двери, пѣзъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ чистомъ полѣ три дороги. Я пойду въ правую дорогу, въ правую дорогу къ Колоню со восточную сторону, къ Океанъ морю. Въ Океанъ морѣ есть Алатырь камень, па томъ камень стонть человѣкъ; онъ стрѣляеть по чисту полю, а упираеть всякия боли. Прошу я, рабъ та-

кой-то, не стрѣлять по чистому полю, а стрѣлять раба, такого-то, отъ скорой болѣзни, отъ доспѣшки, отъ осудища, отъ отъ чернаго волоса, отъѣллаго волоса, отъ русаго волоса, отъ темнаго волоса, и отъ всякихъ нечистыхъ взглѣда. Пойду, зайду я рабъ, такой-то, въ домъ къ красной дѣвице, у ней топится свѣча восковая, за темъяномъ, за ладономъ, за кутьей. По прошу я у красной дѣвицы здоровья отъ доспѣшки, отъ вѣшней, полувшелей, отъ лѣтней, полулятней, отъ осенней, полуосенней, отъ зимней, полузимней, отъ земляной доспѣшки, водяной доспѣшки, вѣтряной доспѣшки, отъ стрѣчника и порѣчника.

60. Заговоръ на отстуду между мужемъ и женою.

Стану я, не благословясь, пойду не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дымнымъ окномъ да подвальнымъ бревномъ, положу шапку подъ пяту, подъ пяту, не на сырь землю, не на сырь землю да въ черной чоботѣ; а въ томъ чоботу повѣгу я въ темной лѣсѣ, на болыши озирющо, въ томъ озирющѣ плыть челнице, въ томъ челнице, сидѣть чортъ съ чертицѣ; швырну я съ подъ пяты шапку въ чertiца. Что ты чertiца, сидишъ въ чelнїцѣ, съ своей чertiцѣ? Сидишъ ты чertiце прочно лицемъ отъ своей чertiцѣ; поди ты, чertiце къ людямъ въ пепелицѣ, посели чertiце свою чertiцу такому-то въ избѣцѣ, а въ той избѣцѣ, ие какъ ты, чertiце, со своей чertiцѣ живуть людѣща мирно, любовно, другъ друга любить, чужихъ не невидѣть.—Ты чertiце вели чertiцѣ, чтобы она чertiца, разспустила волосища; какъ жила она съ тобой въ чelнїцѣ, такъ живѣлъ бы такой-то со своей женой въ избѣцѣ. Что тебѣ она не навидѣла. Не походя, не поступя, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по тѣлу неугожество, не могла бы ему ни въ чѣмъ угодить и опротивила бы ему своей красотой, омерзела бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ отступить отъ тебѣ, какъ легко достать шапку изъ озерицѣ; тебѣ чertiцу хранить шапку въ озерицѣ, отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злаго колдуна.

Чтобы не могли ее ни рыбы съесть, ни рыбакъ достать, ни злой колдунъ отколдовать, на миръ и на ладъ. И вместо рукописи кровной отдаю тебе я слону.

61. Заговоръ на удачную ловлю звѣрей.

Стану я, рабъ такой то, благословясь в перекрестись, чистой водой умоюсь, шитымъ бранымъ полотеничкомъ утрусь, пойду изъ избы, со отцомъ прощусь, съ матерью благословлюсь. Пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ стѣни, изъ стѣнъ на крылечко, съ крылечка по лѣсницѣ въ чистое поле, въ твердые заводы, въ восточную сторону, во темные лѣса, подъ ясную зорю, подъ красное солнце, подъ светлый мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды! Иской зорей одѣнусь, краснымъ солнцемъ опояшусь, частыми звѣздами опотычусь; пойду я, рабъ такой-то, со своимъ жѣлѣзнымъ кляпцомъ въ тѣмные лѣса, въ восточную сторону, въ чистое поле, а въ томъ чистомъ полѣ лежить бѣлъ горючъ камень, стану я, рабъ такой-то, къ востоку лицемъ, къ западу хребтомъ, на всѣ четыри стороны поклонюсь. Пособите и помогите вы мнѣ, рабу такому-то, за охотою ходити, бѣлыхъ и сѣрыхъ зайцю ловити; куницъ, и лисцъ, и сѣрыхъ волковъ, дорогихъ звѣрей рысей загоняти и залучати, чтобы бѣжалл по своей ступи и по своей тропѣ, безопасно, на сторону не отмывались и взадъ не ворочались. И сохрани меня, раба такого-то, съ моимъ жѣлѣзнымъ кляпцомъ отъ урока и призора, отъ стрѣшника и поперещника, отъ колдуна, и отъ вѣдуна, и отъ повѣтра, отъ двоезубыхъ и троезубыхъ, отъ двоеженыхъ и троеженыхъ, отъ кривыхъ и сѣлпыхъ, отъ русоволосыхъ и бѣловолосыхъ, и черноволосыхъ, и отъ пустоволосыхъ, отъ дѣвки и отъ парня, чтобы имъ меня не испорчивать. Поставьте около меня три тына, тынъ жѣлѣзной, а другой мѣдной, третей булатной; замки замкнитесь, отнеситесь ключи и замки; чтобы эти ключи лежали тамъ безопасно, какъ ели къ хвоя, такъ къ кляпцамъ жѣлѣзо! А мнѣ, рабу такому-то, скокъ крѣпокъ и жестокъ! Въ синемъ морѣ синий камень, въ черномъ морѣ черной камень, въ бѣломъ морѣ бѣлой камень. Сей мой заговоръ.

62. Заговоръ на тоску добромъ молодцѣ по красной девицѣ.

Стану я, раба такая-та, благословясь, пойду, перекрестись, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, выйду въ чистое поле, въ подвосточную сторону, въ подвосточную сторону стоять изба, среди избы лежить доска, подъ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго света дожидается! Бѣлый светъ красно солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу такую-то, дожидался, радовался и веселился, не могъ вы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни есть; ни на утренней зорѣ, ни на вечерней; какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ матери, безъ материна молока, безъ материна чрева, не можетъ жить, такъ бы рабъ, такой-то, безъ рабы, такой-то, не могъ бы жить, не быть, ни пить, ни есть, ни на утренней зорѣ, ни на вечерней, ни въ обѣденѣ, ни въ полдень, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ; ни въ день при солнце, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, вѣдайся тоска въ грудь, въ сердце, во весь животъ рабу, такому-то, разростись и разродись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ kostямъ ноетой и сухотой по рабѣ, такой-то.

63. Заговоръ отъ грыжи.

Стану я рабъ, такой-то, благословясь, пойду, перекрестись, изъ дверей въ двери, изъ ворот въ ворота, въ чисто поле, въ подвосточную сторону, къ морю къ Оклену, въ морѣ Окленѣ лежитъ Алатырь камень, на томъ камѣ Алатырь стоять домъ. Попрошу, я рабъ, такой то, здоровья, обѣ такой-то болѣзни, обѣ паличномъ мясѣ, отъ грызоты, отъ болеты, отъ ломоты. Бѣжитъ рѣка огненная, чрезъ огненную рѣку калиновой мостъ, по тому калинову мосту идетъ старъ матеръ человѣкъ; несетъ въ рукахъ золотое блюдечко, серебрено перышко, мажетъ у раба, такого-то, семдесять жиль, семдесять костей, семдесять суставовъ; зеваетъ съ раба, такого-то, семдесять болѣзней. Не боли, и не ломи, и не отрыгай, и не откидывай, и ни на копцѣ, ни на вѣткѣ никогда.

64. ЗАГОВОРЬ НА ОСТУДУ МЕЖДУ МОЛОДЦОМЪ И ДѢВИЦЕЙ.

Какъ мать быстра рѣка Волга течеть какъ пески со песками споласкиваются, какъ кусты со кустами сбиваются, такъ бы рабъ, такой-то, не водился съ рабой, такой-то, ни въ плоть, ни въ любовь, ни въ юность, ни яростъ; какъ въ темной темни-

цѣ и въ клевнищѣ, есть нѣжить простоволоса, и долговолоса, и глаза выпучивши; такъ бы раба, такая-та, казалася рабу, такому-то, простоволосой и долговолосой, и глаза выпучивши; какъ у кошки съ собакой, у собаки съ россомахой, такъ бы у раба, такого-то, съ рабой, такой-то, не было согласия ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ паводокъ. Слово мое крѣпко.

ПРИМѢЧАНИЯ.

1. Старыя записки взяты изъ лѣтоп. Рост. и Кениг. Рук. листъ 103, 105, 106.
2. Это единственный разсказъ, открывавшій сѣдды Русской Мифологии. Вѣрованіе Скандинавовъ живо отражается въ Кудесникахъ Ростовскихъ.
3. Ворожба Чудского Кудесника указываетъ прямо на Финское происхожденіе. См. Вѣст. Евр. 1828 г. № 13, стр. 1.
4. Ист. Гос. Рос. Кар. т. V, прим. 252.
5. Тамъ же, т. VI, прим. 324.
6. Русск. Вивлію. И. И. Полеваго т. 1. стр. 29.
7. Въ Царскихъ предложеніяхъ, для решенія которыхъ составленъ былъ Стоглавый Соборъ, были вопросы: 22 о колдованіи и гаданіи, 24 объ Ивановѣ девѣ, 25 о кличѣ на Радунецѣ, 26 о Четверговой соли, 27 о ворожбѣ въ понедѣльникъ послѣ Петрова поста.
8. Издатели Закоповъ В. К. Ион. В. и Судебника помѣстили этотъ наказъ, подъ именемъ *выписки* 1552 г. на стр. 113.
9. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, прим. 268.
10. Моск. Телегр. 1833 г. ч. 52, стр. 311.
11. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 216.
12. Сказ. Курб. ч. 11, стр. 112.
13. Сказ. Курб. т. 1, стр. 101.
14. Сказ. Курб. т. 1, стр. 102.
15. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 194.
16. Сказ. Курб. т. 1, стр. 133.
17. Сказ. Курб. т. 1, стр. 33.
18. Сказ. кн. Курб. т. II, стр. 53.
19. Ист. о Зат. Бояр. Матв. стр. 11, 161, 162.
20. Очень многаго о Чернокнижіи мы не помѣстили здѣсь; однѣ свѣдѣнія оставлены нами потому, что еще будемъ объ нихъ говорить, а о другихъ не говоримъ за излишествомъ.
21. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 328.
22. Смотри въ концѣ книги дополненіе № 1.
23. Смотри въ концѣ книги дополненіе № 2.
24. LE MAGICIEN LEXILIS, QUI FLORISSAIT A TUNIS, ÉTAIT FORT MAUVAIS PRISONNIER. V: CHRONIQUES ET CONTES DE MOUCHENBERG. ANCIENNE CHRONIQUE DE LA OGRE. JAQUES MEYER. CARDAN DANS SES CONTES.
25. Понятія Русскаго народа о Лихорадкахъ заимствованы отъ Павликіана. Православної Церквию были преданы проклятию: *Вопросы къ Богородицѣ о недузѣ Естественномъ, еже именуется трясавица*. См. Иоанна, Экз. Бухарскаго, изд. *Калайдовігенъ*.—стр. 210.
26. Этотъ заговоръ выписанъ изъ комедіи: *Чародѣйство, или дѣдъ обманувшийся колдунъ*, стр. 51 *Москвѣ 1831 года*.
27. Послѣдніе семь заговоровъ были сообщены г. Парихиниымъ.

С К А З А Н И Я

о

ЧАРОДЬЙСТВЕ.

1. ЧАРЫ НА ВЪТЕРЬ.

Чары на вътерь известны были въ Русскомъ Чернокнижии еще въ XVI столѣтии. Курбскій, участникъ славы Царя Иоанна IV Васильевича, описывая Казанскую битву, говоритъ, что Казанские Татары, желая очаровать Русскую рать, навѣвали вътеры съ своей стѣны. Люди, незнакомые съ Русской семеиной жизнью, до сихъ поръ обвиняютъ Курбского за это извѣстіе. Чѣбы увѣриться — дѣйствительно ли существуютъ чары на вътерь, стонть только заговорить съ первымъ Русскимъ селяниномъ, и сотни примѣровъ будутъ предъ глазами. Въ селяхъ говорятъ, что какой-то пчельникъ научилъ Чародѣевъ такому ремеслу, когда отропившіяся пчелы улетали къ сосѣдямъ; но, разсматривая примѣненія чаровъ на вътерь къ разнымъ случаямъ, видно, что они были занесены къ намъ съ чужой стороны. Кажется, безъ всякаго сомнѣнія, можно предполагать, что чары на вътерь изобрѣтены Казанскими Чародѣями.

Чары на вътерь составляютъ жестокую месть въ оскорблѣніи. Желая отомстить своему врагу, поселяне отправляются къ Чародѣю, разсказываютъ свою обиду, просять его почаровать на вътерь. Чародѣй, получивши подарки: вино, деньги, холстину, спрашиваетъ: «Въ какой сторонѣ живеть твой супостатъ?» — «Вотъ въ этой-то сторонѣ, говорить обиженній, живеть мой супостатъ!» — Выходить вмѣстѣ на дорогу и оба смотрятъ: есть ли туда попутный вътерь? Если есть вътерь, тогда пристаютъ къ совершенню обряда. Обиженній поселянинъ береть съ дороги снѣгъ

или пыль, смотря по времени года, и отдаетъ съ поклономъ Чародѣю. Этотъ принявши пыль, бросаетъ на вътерь, приговаривая проклятие:

«Кулла, Кулла! Ослви такого-то, черные, вороные, голубые, карие, бѣлые, красные очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы. Умори его скорѣе змы мѣдяницы!»

Проговоривши проклятие, Чародѣй глубоко задумывается, потомъ разсказывается: видъ, примѣты, мѣсто—куда долетѣли его чары; увѣрлеть, какъ корчило этого человѣка; какъ онъ лишился зрѣнія; какъ раздувался своею утробою; какъ началь чахнуть; какъ теперь томится недугомъ смертнымъ.

Поселяне увѣждены, что если ихъ врагъ попадется подъ проклятие Чародѣя, то онъ непремѣнно будетъ жертвою чарований. Но, какъ этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ, то всегда утѣшаютъ себя тѣмъ, что на эти чары попался посторонній человѣкъ, сходный лицемъ и всѣми примѣтами съ его врагомъ. Вѣроятно, что извиненія высказываются папередъ самими чародѣями, въ оправданіе своего обмана. Довѣренность и настроенное воображеніе къ чудесамъ составляютъ основу всячаго чарованія. Знавши простоту поселянъ, ихъ довѣренность ко всему чудесному, мы не должны удивляться, что они позволяютъ себѣ обманывать Чародѣямъ. Мнѣ извѣстны многія усиля, предпринимаемыя для истребленія сего обмана, но къ сожалѣнію, увеличивши еще болѣе довѣренность простодушныхъ въ дѣй-

ствительности этихъ чаръ. Кажется, что все это происходит отъ того, что благодетельные помощники не знаютъ: какъ вооружиться противъ этого зла? Справедливое удовлетворение обиды, внимание къ бѣдству — могутъ навсегда истребить вѣрованіе въ чары на вѣтеръ. Русской поселянинъ тихъ и спокойнъ, добръ отъ природы, понятливъ до послѣдней возможности. Случись съ нимъ бѣдство, онъ лишается этихъ наследственныхъ доблестей, и тогда-то предается съ полною довѣренностью въ распоряженіе обманщиковъ.

2. ЧАРЫ НА СЛѢДЪ.

Чары на слѣдъ употребляются едва ли не во всѣхъ селеніяхъ. Вѣрованіе поселянъ такъ къ нимъ безгранично, что никто не можетъ ихъ разувѣрить. Человѣкъ, подвергшись этому чарованию, считается отъ всѣхъ погибшимъ, недоступнымъ ко всяко-му исцѣленію. Трудно рѣшить: когда забрело на Русскую землю это чарование? Что оно не Русское созданіе, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Люди, занимающіеся этимъ ремесломъ, суть: Цыгане, Литовцы, Татары, Молдаваны, сельские Русские коповалы, бродящіе по Русскимъ селеніямъ съ предложениемъ услугъ, всегда остающихся въ накладъ простодушными поселянами. *Справившай бывалаго* — Русское повѣrie — со-ставляетъ причину всѣхъ сельскихъ бѣдствій. Разспрашивая бывалаго о чужезем-ныхъ диковинкахъ, поселяне всегда ста-раются выпытывать, всѣми возможными средствами, овь отвращеніи бѣдствій. И здѣсь-то бывалый, какъ опытный обман-щикъ, научаетъ глупостямъ всякаго рода.

Чары на слѣдъ есть ничто другое, какъ обыкновенная болѣзнь, известная въ медицинѣ подъ именемъ: *Старгескаго увѣр-нія* — MARASMUS. Человѣкъ сохнетъ, терпеть съ каждою минутою жизненныхъ от-правлений, лишается умственныхъ способ-ностей, и въ истощеніи постепенному, медленномъ, умираетъ. Поселяне, непонимающіе свойства болѣзней, приписываютъ это болѣзненное состояніе чарамъ па слѣдъ.

Въ селеніяхъ чары на слѣдъ употребля-ются: въ любовныхъ циркяхъ, во раз-

молвкѣ сосѣдей, въ явной, непримиримой враждѣ. Въ первыхъ двухъ случаѣахъ будто они нагоняютъ только вѣчную тоску, отвращеніе отъ занятій, и неизбѣжную смерть; въ послѣднемъ же случаѣ, кромѣ тоски, изсушаютъ человѣка до послѣдней воз-можности, и доводятъ не рѣдко до само-убийства. Вотъ основное вѣрованіе посе-лянъ въ чарование.

Поселяне, предпринимающіе совершать чары па слѣдъ, стараются подмѣтить слѣдъ проходящаго человѣка, своего непримиримаго врага. Замѣтивши слѣдъ, они закры-ваютъ его, чтобы посторонние не истреби-ли. Чародѣи считаютъ тѣ только лучшими слѣдами, которые были напечатаны: на пескѣ, пыли, грязи, росѣ, снѣгѣ, и въ осо-бенности тѣ, на которыхъ есть волосы животныхъ и людей. Это условіе, кажет-ся, выдумано, по необходимости, для оправданія обмана. Призванный Чародѣй такъ искусно отдѣляетъ слѣдъ, что онъ пред-ставляетъ какъ бы слѣпокъ со ступенями. Для этого они употребляютъ широкій по-жѣкъ, какъ говорятъ они же, окровавлен-ный вихрь. Надъ снятыймъ слѣпкомъ чи-таютъ тайно заговоры. Когда обиженный требуетъ только нанесенія тоски, тогда Чародѣи прячутъ слѣдъ или подъ матицу, или подъ князекъ; когда же обиженный требуетъ смертнаго отмщенія, тогда онъ, въ глухую полночь, скижаетъ слѣдъ въ бани.

Зло, совершенное Чародѣями надъ под-вергшимся этому чарованию, можетъ быть и уничтожено. Замѣтивши тоску, поселяне призываютъ или *Доку*, или *Вѣдуну*, или *Знагаря*, и просятъ его, съ подарками, избавить больнаго отъ недуга. Дока, рѣ-шившійся помочь, прежде всего осматри-ваетъ матицу, потомъ князекъ, пересчиты-ваетъ волосы. Поселяне слѣпо вѣрятъ, что докамъ изѣбѣтъ: сколько у каждого человѣка есть волосъ, и что вылезающіе волосы всегда падаютъ подъ слѣдъ. Если они найдутъ слѣдъ и замѣтятъ въ немъ волосы, тогда обѣщаютъ избавленіе. Когда же обѣ-щающіе не сбываются, тогда уверяютъ, что замѣченные ими въ слѣдѣ волосы, вѣроят-но, принадлежали другому. Это условіе есть

ПРИГОТОВЛЕННОЕ ОПРАВДАНИЕ ДЛЯ НЕУДАЧИ. ДОКА ВЫНОСИТЬ НАЙДЕНИЙ СЛЪДЪ НА УЛИЦУ И БРОСАЕТЬ НА ДОРОГУ, ПО НАПРАВЛЕНИЮ ВЪТРА. ЭТИМЪ САМЫМЪ СГНОЯЕТСЯ ТОСКА. КОГДА ДОКА НЕ ОТЫЩЕТЬ СЛЪДЪ, ТОГДА ПРЕДЛАГАЕТЬ БОЛЬНОМУ СЖЕЧЬ ВЪЛЬЕ ПОДЪ БЛАГОВѢЩЕНІЕ, УВЪРЯЯ, ЧТО ТОЛЬКО ЭТО СРЕДСТВО ИЗБАВИТЬ ЕГО ОТЪ НЕДУГА.

БСЯКОЙ БЛАГОМЫСЛЯЩІЙ ЧЕЛОВѢКЪ, КОНЕЧНО, БУДЕТЬ СОЖАЛѢТЬ О ЗАБЛУЖДЕНИИ ПОСЕЛЯНЪ, И БЕЗЪ СОМІНІЯ, ПОЖЕЛАЕТЬ ИСТРЕБЛЕНИЯ ЭТОГО ПОВѢРІЯ. ЧТО ЧАРЫ НА СЛЪДЪ ЕСТЬ ОБМАНЪ, ВЪ ЭТОМЪ НѢТЪ СОМІНІЯ. КІО, КРОМЪ ПОМѢЩИКОВЪ, И ПРИХОДСКИХЪ СВЯЩЕНИКОВЪ, МОЖЕТЬ ИСТРЕБИТЬ ЭТО ЗЛО? НА НИХЪ ОСНОВЫВАЕТСЯ НАДЕЖДА ВЪ ИСПОЛНЕНИИ ОБЩАГО ЖЕЛАЛІЯ!

3. ЧАРЫ ДЛЯ КОЛЪКЪ.

Чары для колъкъ должны обращать особенное внимание помѣщиковъ по своему злоупотреблению въ семейной жизни. Простолюдинъ рѣшительно вѣрить, что колъки, люди, обезображеніе разными болѣзнями, суть пещастланцы, очарованные Доками, въ дунами. Можно ли придумать нехѣпѣ сего заблужденія? Русской поселянинъ, при взглядѣ на колъкъ, сожалѣть обѣихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшится, предполагая въ нихъ тѣлѣ присутствіе *негистой силы*. Не льзя обвинять поселянинна за это послѣднее предположеніе: достовѣрныя извѣстія обѣй изуродованіи людей могутъ приводить вслѣдъ въ содроганіе. Давно ли исчезли въ современной нашей городской жизни толпы слѣпыхъ, подводы съ изуродованными людьми? До сихъ поръ еще скитаются они по селеніямъ, до сихъ поръ еще проказы ихъ существуютъ. Не говоря о явномъ изуродованіи людей, совершающіи слѣпыми и колъками, для благопіднаго собирания милостыни, чары для колъкъ дѣйствительно находятся въ Русскомъ Чернокнижіи. Чтобы увѣрить себя, что они занесены въ нашу родину съ чужой стороны, разсмотримъ совершение самаго обряда. Это только одно можетъ доказать, что Русской поселянинъ не былъ ихъ изобрѣтателемъ.

Чародѣи, для совершенія своего обряда, берутъ землю съ свѣжей могилы, вынимаютъ золу изъ семи печей, собираютъ соль изъ семи изѣбъ. Все это смѣшиваютъ вмѣстѣ, или зашиваютъ въ онучѣ, или въ чулкѣ, или кладутъ въ лапти вмѣсто подстилки. Безъ всякаго сомнѣнія, что участникомъ такого обряда долженъ быть кто нибудь изъ семейныхъ, или близкихъ людей. Тотъ, кому обрѣчено это снадобье лишается употребленія ноги. Въ этомъ заключается совершение чаровъ для колъкъ.

Объяснить это чародѣйство можно очень просто. Земля, взятая съ свѣжей могилы, всегда заключаетъ въ себѣ или частицы селитренныя, или известковыя, но въ смѣшаніи съ золою и солью образуетъ такой химическій составъ, который легко можетъ поглощать въ себя испаренія и сообщать ихъ другимъ тѣламъ. Такой составъ, сообщенный съ ногою, весьма скоро поглощаетъ ножную испарину, и будучи растворимъ его, оживляетъ, такъ сказать, свою сыротину соприкоснувшись части. Если при этомъ обратимъ внимание на способность человѣческой организаціи всасывать влажность, то легко увѣримся, что составъ Чародѣевъ для колъкъ основанъ на всасываніи испареній, и, что въ сїдствіе этого неизбѣжно долженъ образоваться: *искусственный ревматизмъ*. Простолюдинъ, не понимая законовъ природы, не вѣруя въ ревматизмы, всегда будетъ увѣрять, что то дѣлаютъ злостные мертвѣцы, ненавидящіе живущихъ людей, за то, что они, будто бы на перекорь судьбы, остаются въ замынѣ ихъ наслаждаться мирскими удовольствіями.

Военные врачи, въ мирное время, должны обращать особенное внимание на ревматизмы. Солдаты, желая избавиться отъ службы, добровольно подвергаются чарамъ для колъкъ.

Невозможно допустить чтобы Русский поселянинъ, чуждый химическихъ свѣдѣній, могъ быть изобрѣтателемъ искусственнаго ревматизма — или чаровъ для колъкъ. Если есть изъ Русскихъ, занимающихся этимъ промысломъ, то, вѣроятно, что они испо-

ПРИЮТЬ ЭТО ПО ПРЕДАНИЮ, БЕЗЪ ВСЯКАГО ПОНЯТИЯ О ЗАКОНАХЪ ХИМИЧЕСКОГО СОЕДИНЕНИЯ, БЕЗЪ ЗНАНИЙ О ДѢЙСТВІИ ВЕЩЕСТВЪ НА ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ ТѢЛО. ПОСЛѣ СЕГО МЫ СМѢЮ МОЖЕМЪ ОКАЗАТЬ: ЧАРЫ ДЛЯ ЛОШАДѢ ЕСТЬ ИЗОБРѢТЕНИЕ ЧУЖЕЗЕМНОЕ, ЗАНЕСЕННОЕ ВЪ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ. ДОСЕЛѢ ЕЩЕ ОСТАЮТСЯ ТЕМНЫЯ ПОНЯТИЯ О КЛИКУШАХЪ, КОТОРЫХЪ ВСЕГДА ВЫДАЮТЬ ЗА ВЪСНУЮЩИХСЯ. Но и это есть БОЛЬЗНЬ: *искусственная Петерика*. КРОВОГОНІТЕЛЬНЫЯ СРЕДСТВА, НАРУШАЯ ОТПРАВЛЕНИЕ ЖЕНСКИХЪ ОРГАНОВЪ, ВОЗВЫШАЯ РАЗДРАЖЕНИЕ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ, ОБРАЗУЮТЪ ТАКОЕ ИСКУССТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ *Перваго Электригества*, что врачи ни какъ не могутъ подвести БОЛЬЗНІИ ЭТОГО РОДА ПОДЪ ОБЫКНОВЕННЫЕ ЗАКОНЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ БОЛЬЗНІЙ. ЗАМѢТИМЪ ЕЩЕ ВАЖНОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО: МПОГІЕ ИЗЪ ПОСЕЛЯНЪ ОБЛАДАЮТЬ ОСОБЕННЫМЪ ЗНАНИЕМЪ ДѢЙСТВІЯ ВЕЩЕСТВЪ НА ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ ОРГАНІЗМЪ, ЗНАНИЕМЪ НЕДОСТУПНЫМЪ ДЛЯ ВРАЧЕЙ. Это-то ЗНАНИЕ ОБЛЕЧЕНОЕ РАЗНЫМИ ТАИНСТВАМИ, ОБРІДАМИ, ОБМАНАМИ ВСЕГДА УПОТРЕБЛЯЕТСЯ ИМИ ВО ЗЛО. Отъ сего ПРОИШЛО ОБРАЗОВАНИЕ МНОГИХЪ ИСКУССТВЕННЫХЪ БОЛЬЗНІЙ.

4. ЧАРЫ НА ЛОШАДЬ

Чары на лошадь, сопровождаемыя глупымъ вѣрованіемъ въ миценіе мертвцевъ, націи для себя приютъ въ сельской жизни. За достовѣрное можно принять, что основателями сего чародѣйства были Цыганы, люди, посвятившіе всю свою жизнь на обманы, особенно при продажѣ лошадей. Кучера, покровители этого обмана, являются вмѣстѣ и исполнителями чародѣйствъ на лошадь.

Чтобы совершилъ надъ лошадьми чары, поселяне, по совѣту Чародѣевъ, вытаскиваютъ изъ гробовъ гвозди, бросаютъ ихъ въ конюшни, и тамъ, где это будетъ сдѣлано, лошади лишаются ногъ.

Въ этомъ чародѣйствѣ еще болѣе видно ослѣпленіе черни. Гвоздь, хотя бы онъ былъ взятъ прямо изъ кузницы, легко можетъ вонзиться въ ногу животнаго, и тѣмъ лишить его употребленія ноги. Обманщики

прикрыли это зло таинственнымъ повѣріемъ, основаннымъ на миценіи мертвцевъ.

Пастухи изъ ненависти къ владѣльцамъ домашнихъ животныхъ, вѣпваютъ въ ноги лошадей, коровъ, овецъ деревянные гвозди, сдѣланные изъ осколковъ гробовыхъ досокъ. Отъ этой жестокой операции нервное животное хромаетъ, получаетъ раны и умираетъ. Обманщикъ утверждійши простолюдина повѣріемъ, что покойникъ, приходя noctу вытаскивать гвоздь, ломаетъ ноги животнымъ, доставляетъ всѣ способы для зла. Отклоняя отъ себя постыдное дѣйствіе, простолюдинъ воображаетъ, что причиною сдѣланаго зла вываютъ посторонние люди.

Конечно, никто не будетъ считать этотъ поступокъ за чародѣйство; но онъ существуетъ въ сельской жизни, и столько причиняетъ вреда, какъ и самая опустошительная болѣзнь. Поселянинъ самъ собою, не решается на эти чары безъ содѣйствія Чародѣя.

5. ЧАРЫ НА ПОДТЕКЪ.

Чары на подтекъ принадлежать болѣкъ домашнимъ бѣдствіямъ, нежели къ чудесамъ, неизѣяснимымъ ни законами природы, ни понимаемымъ разсудкомъ. Въ селахъ есть повѣріе, что такимъ чарованиемъ обладаютъ мѣльники.

Мѣльникъ Русской для своего заведенія бываетъ вмѣстѣ и механикомъ и гидравликомъ. Плотина для мѣльничаго пруда есть верхъ его искусства, предметъ зависти сосѣдей, и вмѣстѣ укоризна для соперниковъ по ремеслу. Люди ненавистные придумали разрушать плотины, устроившіеся въ теченіе многихъ лѣтъ. Чародѣи явились съ своими услугами и образовали чары на подтекъ, содергимыя въ большой тайнѣ. Призванные злобными мѣльникомъ, они бросаютъ въ прудъ змѣиное молоко. Поселянинъ вѣритъ, что это такъ, какъ уверяетъ его Знахарь своего дѣла. Но змѣиное молоко Чародѣя есть — *живая ртуть*. Кромѣ змѣинаго молока, Чародѣи совѣтуютъ

ЮГЪ БРОСАТЬ ВЪ ОСМЫНОМЪ МѢШКЪ ЗОЛУ ПО ЗАРЯМЪ ВЕЧЕРНIMЪ И УТРЕНИМЪ, УВѢРЯЯ, ЧТО ЗОЛА ВЫГОНЯТЬ ИЗЪ ПРУДА ВОДЯНаго Дѣдуни-ку. ЧЕРНЬ САПО ВЪРНТЬ И ВЪ ЗОРИ И ВЪ ВОДЯНаго.

Могутъ ли Чародѣи разрушить этими средствами плотину, рѣшить невозможно; но, что это зло, въ этомъ нѣть сомнѣнія. Облекая его миѳами и чудесными разсказами о выходѣ Водянаго изъ воды—обманщики обольстили простодушныя сердца поселянъ, часто недоступныя къ состраданию.

6. Чары надъ змѣю.

Чары надъ змѣю изобрѣтены любовными необходимостями. Простодушныя кажутся всегда возможными преклонить человѣческое сердце къ любви неизвѣдѣю. Недовольствуясь одними заговорами, они прибегали къ чарованию, и Знахары явились предъ ними съ чарами. Востокъ древней жизни, изобрѣтатель чарований, гаси гостиницъ любовные чары по всему свѣту. Невѣжество людей принесло съ восторгомъ обольщѣніе старой жизни, украшеніе восторженными разсказами, роскошною жизнью. Русская земля получила всѣ любовные чарованія отъ Грековъ, съ первыхъ дней спонсіенія съ этимъ народомъ.

Главное основаніе чаровъ надъ змѣю заключается въ суетѣніи вѣрованіи въ нечистую силу. Обманщики успѣли вну-шить народу, что сопротивление противъ нечистой силы есть явная вражда, всегда сопровождаемая человѣческими несчастія-ми. Не понимая, что источники всѣхъ се-мейныхъ несчастій заключаются въ соб-ственной порочной жизни, люди приписы-ли ихъ духамъ. Простодушная девушка, увѣренная коварно старухою, что она об-ворожена, что чары совершены надъ нею для любви такого-то, вѣрить безпрекословно и предается въ руки обманщиковъ. Не-удивительно, что отъ этого вѣрованія, пич-точный затѣи Знахарей, содѣлились до-ступными для семейной жизни.

Чародѣи, призванные для совершения ча-

ровъ надъ змѣю, пручаютъ деревянную рагульку, могущую, по пѣвѣ увѣренію, укро-шать змѣй, и отсыпаютъ въ лѣсъ искать змѣю. Когда нападутъ на это животное, должно рагулькою придавать его къ землѣ. Въ это время надобно стараться продѣть сквозь змѣиные глаза иголку съ ниткою, и говорить:

«Змѣя, змѣя! какъ тебѣ жалко своихъ глазъ, такъ чтобы раба, такая-то, любила меня и жалла.»

Потомъ, когда бываетъ вмѣстѣ съ любопытнымъ предметомъ, должно продѣть этою иглою съ ниткою платье такъ, чтобы это-го никто не замѣтилъ. Въ прогнившемъ же случаѣ чары остаются пичточными. Когда это будетъ приведено въ исполненіе, тогда начинается любовь, и продолжается дото-ль, пока будетъ находиться нитка въ платьѣ.

Кромѣ этого, влюбленный долженъ взять съ собою змѣю, выпоти-ти изъ нея сало и сдѣлать свѣчу, которую носить съ собою. Если онъ будетъ замѣтать оклажденіе въ любви, тогда должно зажечь змѣиную свѣчу и любовь снова возгорится. Когда же вся сгорѣть свѣча—тогда любовь на вѣки про-стынетъ.

Чары надъ змѣю совершаются во многихъ Русскихъ селеніяхъ, хранятся съ боль-шою тайною и покупаются дорогого цѣною.

7. Чары надъ лягушкою.

Чары надъ лягушкою принадлежать къ любовнымъ чарованиемъ и занесены въ Русскую землю съ Востока. Приворотить сердце девушки казалось нашимъ пред-камъ дѣломъ сверхъ-естественнымъ, выхо-дящимъ изъ круга семейной жизни, недо-ступнымъ для ихъ разумѣнія. При такихъ ограниченныхъ понятіяхъ легко было об-манщикамъ усвоить себѣ власть надъ про-стодушными сердцами.

Влюбленный, желая обладать красой, дѣ-вичьей, всегда прибегаетъ къ Знахарю за

соптами — пособить своей тоскѣ. Знатья приказываетъ ему выходить утренними зарями къ озерамъ и ловить лягушекъ парныхъ. Если онъ успѣть схватить парныхъ лягушекъ, то долженъ положить ихъ въ приодырвленный кувшинъ, и бѣжать неоглядываясь, до первой муравьиной кочки, и тамъ его зарыть. Послѣ этого онъ долженъ бѣжать, также не оглядываясь, до своего дома. Если онъ обернется или будетъ прислушиваться къ шуму, визгу, крику — то пачистая сила можетъ его окружить. Народъ думаетъ, что пачистая сила по неволѣ должна сообщать чарование kostямъ парныхъ лягушекъ, но если неопытный будетъ оглядываться, то она жестоко мстить за невольное отторжение силы чародѣйства. Поселяне говорятъ, что очень рѣдко случается, чтобы кто либо устоялъ противъ искушений и сберегъ такую заповѣдь. Притомъ часто случается, что посторонние люди, научаемы пачистою силою, крадутъ кости парныхъ лягушекъ. Влюблѣнныи идѣть на третій день къ муравьиной кочки, раскапываютъ и находить *вилку* и *круглекъ*. Эти орудія дѣлаютъ чудеса въ любви. Если хочешь кого заставить по неволѣ любить себя, то стоитъ только зацѣпить дѣвушку этимъ крошкомъ — и желаніе увѣнчано. Если же дѣвушка становится въ тѣгость — то стоитъ только оттолкнуть вилкою — и она на всю жизнь остается равнодушною къ самой горячей любви.

Для благомыслиящеаго человека чары надъ лягушкою есть совершенной вздоръ; но поселянинъ не только безусловно вѣрить этому, но и съ болѣею готовностю обращается къ нимъ. Очевидно, что это само по себѣ безвредно, но оно гибельно для длительности сельской. Часто простолюдинъ по цѣлымъ годамъ вынуждѣнъ занять этою одною мыслью, забывая свои обязанности.

8. Чары надъ голубинымъ сердцемъ.

Чары надъ голубинымъ сердцемъ равнѣ утѣшнютъ и молодымъ и старымъ. Молодые люди вѣрятъ, что голубиное сердце есть вѣчная дорога къ любви, старые же

полагаютъ, что съ такимъ сердцемъ можно привлечь къ себѣ расположение отъ всѣхъ людей и на всю жизнь. Рассматривая благоговѣйное уваженіе нашихъ поселянъ къ голубямъ, невозможно было бы и думать, что изъ нихъ составляется чарование. Грееки и Римляне прибегали въ своихъ надобностяхъ къ голубямъ. Не есть ли это чужеземный подарокъ нашимъ поселянамъ? Альбертъ въ своемъ сочиненіи о таинствахъ — сказалъ: *Si tecum naueris cor columnis, omnes te ament*. Слѣдовательно это повѣдіе занесено на Русскую землю съ Запада.

Русскіе поселяне, для совершенія чаровъ падъ голубинымъ сердцемъ, выбираютъ голубей вѣлыхъ, преимущественно голубя и голубку. Разрѣзывая внутренности, они вынимаютъ сердца, обмываютъ въ водѣ и по томъ засушиваютъ въ печи. Эти сердца, высушенные и завязанные въ холстину, поселяне и поселянки носятъ близъ своего сердца. Въ этомъ заключается весь обрядъ чарований. Въ деревняхъ онъ почитается непропицаемою тайною, и переходить отъ отца къ сыну. Тѣ, которые не рѣшаются сами совершить обрядъ, изъ уваженія къ голубямъ, подкупаютъ людей бывалыхъ — цыгапъ, конваловъ и старушекъ лечекъ.

Голубиное сердце, принимаемое за чародѣйство, входитъ въ составъ леченія. Старушки лечейки толкуютъ голубиное сухое сердце, даютъ пить по утреннимъ и вечернимъ зарямъ дѣтямъ, страждущимъ зѣмы недугами — корчами. Поселяне вѣрятъ, что отъ этого уничтожаются злые недуги.

Злобные старушки и отвратительные старухи, изъ ненависти къ супружеской любви молодыхъ людей, похищаютъ очарованія голубиняя сердца, сжигаютъ въ банѣ, съ намѣреніемъ расторгнуть мужа и жену. Но дальновидныи поселянки придумали и противъ этого зла средство: они, въ свою очередь, крадутъ рубашки этихъ людей, жгутъ ихъ, а пепель кладутъ подъ порогъ, на попирание всѣмъ проходящимъ людямъ.

9. ЧАРЫ НАДЪ ЗМѢЯМИ И ЛЯГУШКАМИ.

Въ Русскихъ селеніяхъ почитаютъ за достовѣрное—возможность нереселенія змѣй и лягушекъ не только въ дворы, дома, житницы—но и въ живыхъ людей. Казалось, что это мнѣніе, какъ вѣдорное, не заслуживаетъ и упоминанія; но, какъ оно дѣствительно существуетъ и притомъ въ превратномъ видѣ, и какъ есть самое величайшее зло въ сельской жизни, то здѣсь упоминается изъ одной необходимости, въ предосторожность простодушнаго поселянамъ.

Чары надъ змѣями и лягушками составляютъ самое отчаянное чарование въ Русскомъ Чернокнижіи. Разгнѣванный поселянинъ, ожесточенный до послѣдней возможности, лишенный всѣхъ средствъ къ отмщению, привѣгааетъ съ просьбою къ Чародѣю: совершить чары надъ змѣями и лягушками. Это значитъ, что Чародѣй долженъ напустить змѣй и лягушекъ въ дворъ его врага. Уговорившись за дорогую цѣну, Чародѣй исправляетъ просьбу селянина.

Чародѣи совершаютъ этотъ обрядъ слѣдующимъ образомъ: берутъ змѣй и лягушекъ, засушиваютъ въ печи, потомъ толкнуть въ мелкій порошокъ и хранить въ сухомъ мѣстѣ. Когда выываетъ кому нужно напустить этихъ животныхъ, они завязываютъ порошокъ въ холстину и кладутъ въ навозъ. По прошествии извѣстнаго имъ времени, вынимаютъ холстину, въ которой, по ихъ увѣрѣнію, изъ каждой пылинки образуется новое животное. Такихъ-то, едва образовавшихся животныхъ, Чародѣи разбрасываютъ по дворамъ, где они размножаются до послѣдней возможности.

Къ несчастію человѣчества, есть такие жестокіе люди, которые рѣшаются поить этимъ порошкомъ своихъ враговъ. Противъ сего зла поселяне употребляютъ свѣжую малину и землянику. Несчастные страдальцы кладутъ вкругъ себя ягоды этихъ растѣній, и животные, гнѣздящіяся въ нихъ, будто выползаютъ.

Обнародуя это зло съ истиннымъ желаніемъ его уничтоженія, мы увѣрены, что сострадательная сердца обратить все свое стараніе къ его искорененію. Этого требуетъ отъ всѣхъ человѣчество.

10. ЧАРОДѢЙСКИЙ ТРАВНИКЪ.

Вѣрованіе поселянъ въ травы бываетъ чрезвычайно разнообразное. Кромѣ благодѣтельнаго ихъ вліянія, уничтожающаго болѣзни, состоянія человѣческаго тѣла, они допускаютъ, что въ травахъ скрываются нечистая сила, вѣдомая только Чародѣямъ. Пересчитываемъ лицъ замѣчательныхъ травъ изъ Чародѣйскаго травника.

1. ТРАВА КОЛЮКА.

Трава колюка собирается Чародѣями въ Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится въ коровьихъ пузиряхъ и раздается по особенному расположению птицамъ охотникамъ. Поселяне думаютъ, что ружье, окуренное этой травою, можетъ стрѣлять и ни одна птица не ускользнетъ отъ его выстрѣла, и что такое ружье нельзя уже заговорить Кудеснику ни какимъ заговоромъ.

2. АДАМОНА ГОЛОВА.

Трава Адамова голова находится въ большемъ уваженіи у поселянъ. Чародѣи собираютъ ее въ Ивановъ день и хранятъ скрыто до великаго Четверга. По народному понятію чародѣйская сила Адамовой головы простирается только на днѣхъ утокъ. Охотники, получившие эту траву изъ рукъ записнаго Чародѣя, окуриваютъ всѣ снаряды, употребляемые ими при ловѣ утокъ—въ Великій Четвертокъ.

3. ТРАВА ПРИКРЫШЪ.

Трава Прикрышъ собирается Чародѣями въ Великоденской мясоѣдѣ, отъ 15 Августа до 1 Октября. Люди, свѣдущіе въ чарованихъ, употребляютъ эту траву противъ свадебныхъ паговоровъ. Когда невѣсту привезутъ изъ церкви въ жениховъ домъ, тогда Знахарь забѣгаєтъ впередъ, кладетъ

Гула, гуала, на, да, даффа !
 Сагана !
 Шиха, эханъ, рова !
 Чухъ, чухъ !
 Крыда, эханъ, сюха !
 Чухъ, чухъ, чухъ !
 Гутцъ !

15. Песня Въдьмъ на Роковомъ шабаш.

Вотъ еще странное смѣщеніе звуковъ, сходное съ выговоромъ Цыганъ! Пользуясь этою пѣснию, наши старухи-колдуны думаютъ, что обладаютъ несметными богатствомъ, что эта пѣсня въ состояніи сей часъ обогатить того, кто только можетъ пропѣть ее. Замѣчательно, что эти старухи всегда бываютъ совершенно нищими, хотя находятся въ состояніи пѣть по сту разъ на день.

Шикалу, Ликалу !
 Шагадамъ, Магадамъ, Викадамъ.
 Невазгинъ, доюлазгинъ, Фиказгинъ.
 Бейхамапшъ, Гейлулашанинъ, Эламашинъ.
 Ликалу!
 Шио, шио, дани, — ба, ба, баинъ, ю.
 Шио, шио, петоин — ба, ба, згинъ, ю.
 Шио, шио, баля, ли, ба, ба, дамъ ю.
 О вилла, вилла, дамъ, юхала !
 Гирла, наура, юхала !
 Карабша, гултай, юхала !
 Захива, ванилши, схабатай, янаха.
 Захива, гирий, гирий, добила, янаха.
 Захива, вилюхомай, вилюхомай, янаха.

Мяу! згинъ згинъ!
 Галишъ! згинъ, згинъ!
 У — у — у! згинъ, згинъ!
 Бя, — бая! згинъ, згинъ!
 Кво — кво! згинъ, згинъ!
 Бду, бду! згинъ, згинъ!
 Карра! згинъ, згинъ;
 Тили, тили! згинъ, згинъ!
 Хпивъ, чиръ! згинъ, згинъ!
 Жу, жу! згинъ, згинъ!
 Згинъ, згинъ, згинъ!

16. Чародѣйская пѣсня Русалокъ.

Поселяне, приписывая Русалкамъ обая-

тельную силу надъ молодыми людьми, скрываютъ за тайну Чародѣйскую пѣсню Русалокъ, приводящую въ усыпление. Звукъ словъ этой пѣсни совершенно не понятель, не говоря уже о значеніи. До сихъ поръ еще люди, знающие всюю поэзию, не умѣютъ пользоваться этою пѣснию.

Шида, винза, каланда, многама!
 Нйда, пйда, якутамиа, батама!
 Нуффаша, зипзама, охуто, ми!
 Копоцо, коноцамъ, копоцама!
 Ябадала, викгаза, мейда!
 Io, ia, o — io, ia цокъ! io, ia, паццо! io,
 ia, пиниццо!
 Зоокатама, зоосцома, никамъ, никамъ,
 шолда!
 Пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ!

Пинцо, пинцо, пинцо, дынза!
 Шоно, пинцо, пинцо, дынза!
 Шоно, чиходамъ, викгаза, мейда!
 Бодопо, хондыремо, боцопо, галемо!
 Руахадо, рындо, рындо, галемо !
 Io, ia, o! io, ia, цокъ! io ia цокъ! io,
 ia цокъ!
 Ниппуда, болтамо, гплтовека, шолда!
 Коффудамо, шиграфо, сюхалемо, шолда!
 Шоно, шоно, шоно!
 Пинцо, пинцо, пинцо!

17. Чародѣйская пѣсня Солнцевыхъ дѣвъ.

Чародѣйская пѣсня солнцевыхъ дѣвъ, по сказанию Чародѣвъ, поется при брачной жизни огненнаго змѣя съ девушкою. Смѣщеніе Русскихъ словъ со звуками совершенно неизвѣстными, заставляетъ думать, что она передѣвлана Русскими на свой ладъ.

«Во всемъ домѣ — гилло магаль — сидѣла Солнцева дѣва. Не теремъ златой — шингафа — искала дѣва; не богатырь могучъ изъ Ноугорода подлеталъ; подлеталъ огненный змѣй. — Лицъ лицъ зауцца калануда. | А броня не мѣдяна, не злата; а ширники на нѣмъ не жемчужены; а шлемъ на нѣмъ не изъ краснаго уклада; а камена стрѣла

НЕ ИЗЪ ДѢДОВСКАГО ЛАРЦА — ПИЦАПО ФУКАДА-
ЛНМО КОРОНТАЛЛА КАНАФО. — ПОЛКАНЬ, ПОЛ-
КАНЬ! РАЗБЕЙ ТЫ ОГНЕННОГО ЗМѢЯ; ТЫ СОБЛЮ-
ДИ ДѢВИЧЬЮ КРАСУ СОЛНЦЕВОЙ ДѢВЫ — ВИ-
ХАДИМА ГИЛЛО МОГАЛЬ ДИРАФЪ. — ИЗЪ-ЗА
ХВАЛЫНСКАГО МОРЯ ЛЕТЪВЪ ОГНЕННЫЙ ЗМѢЙ
ПО СИНЕМУ НЕБУ, ВО ДАЛЬНОЮ ДЕРЕВУШКУ,
ВО ТЕРЕМЪ КЪ ДѢВЕВЪ. МОГУЧЬ БОГАТЫРЬ —
ШИЯЛЛА ШИБУЛДА КОЧИЛЛА БАРАЙЧИХО ДОЙ-
ЦОФО КИРАЙХА ДИНА. — Во МЛННОВОМЪ СА-
ДУ КАМКА ВОЛЖСКАЯ, а на КАМКѣ ДѢВА МЕРТ-

ВАЛ, со живой водой, со лютой свекровью,
со злымъ свекромъ. Убить огненной змѣй,
разсыпаны перья по Хвальинскому морю, по
сырому бору Муромскому, по мѣдяной рост,
по утренней зарѣ. — Яниха шойдега бирах
видо. — А наѣхаль злой Татаринъ, и узяль
во полонъ Солнцеву дѣву, во золотую орду,
ко лютому Мамаю, ко вѣхристу басурманско-
му, ко проклятому бархадѣю. — Уахама
широфо. *

С К А З А Н И Я

о

ЗНАХАРЬСТВЪ.

1. ПЧЕЛЬНОЕ ДѢЛО.

ПЧЕЛЬНОЕ ДѢЛО ВЪ СЕЛЕНИЯХЪ ПОЧИТАЕТСЯ САМЫМЪ ТАИНСТВЕННЫМЪ, ВАЖНЫМЪ И, СВЕРХЪ ТОГО, НЕ ДЛЯ ВСѢХЪ ДОСТУПНЫМЪ ЗАНЯТИЕМЪ. Люди зажиточные, хозяйствственные, имѣющіе до ста и болѣе ульевъ, всегда, по народной молвѣ, состоятъ въ дружественной связи съ нечистою силою. Мнѣши поселянъ о пчельномъ дѣлѣ столь разнообразны, что одни избираютъ для него покровителями св. Угодниковъ, другие обрѣкаютъ Водяного Дѣдушка. Пчельники, приверженцы этого послѣдняго мнѣнія, называютъ въ селеніяхъ: *Вѣдунами*, *Лѣтами*, *Знахарями*. Каждый изъ нихъ имѣтъ свои собственные понятія, пріобрѣтаемыя по преданию отъ другихъ, и каждый, въ свою очередь, совершає надъ пчелами свои проказы.

Вѣдупы думаютъ, что пчелы первоначально образовались въ болотахъ, подъ рукою Водяного Дѣдушки. Матка, какъ первородъ этихъ пчелъ, была выкуплена злымъ Чародѣемъ за тридцать головъ Знажарскихъ и передана въ улей одного Вѣдуна, по повелѣнію нечистой силы. Эта Вѣдунъ, изъ ненависти къ людямъ, научилъ матку жалить людей, а матка обучила своему ремеслу всѣхъ пчелъ. Когда пчельникъ Вѣдунъ устроиваетъ гдѣ нибудь пасику, тогда, для хозяйственнаго благо-дѣствія и медового обилия, обрекаетъ Водяного Дѣдушка самый лучшій улей. Между Вѣдунами до сихъ поръ еще не решено: оставлять ли этотъ обреченный улей на пасику, или бросать его въ трясинное мѣсто въ болото? Если, котоые оставляютъ об-

реченный улей на пасику, то Дѣдъ охраняетъ только заведеніе; если же потопить въ болотѣ этотъ улей, то онъ не только доставляетъ всѣ возможныя средства къ размноженію пчелъ, но еще заставляетъ пчелъ летать на чужую пасику для похищенія меда.

Знажари полагаютъ, что всѣ пчелы первоначально отрѣлились отъ лошади, затѣженной Водянымъ Дѣдушкою и брошенной въ болото. Когда рыболовы опустили невода въ это болото, то, вместо рыбъ, вытащили улей съ пчелами. Отъ этого улья развелись пчелы по всему свѣту. Жаленіе пчелъ началось съ того времени, они полагаютъ, какъ одинъ изъ этихъ рыболововъ хотѣлъ украдь матку. Когда уже преступникъ открылся въ свою похищеніи, то Знажари, для исцѣленія опухоли и боли, рѣшили между собою, что похититель долженъ сѣсть матку. За это открытие отъ ужаленія пчелъ, Водяной Дѣдушка передалъ навсегда пчелъ въ руки Знажарей. Получивъ въ свое покровительство пчелъ, они изобрѣли разныя способы для охраненія ихъ. Пересчитываемъ:

Для размноженія пчелъ Знажари совѣтуютъ поселянамъ: когда ударять къ утруни на Великъ день, быть на колокольни, и, послѣ первого удара, отломить кусокъ мѣди отъ колокола. Эта кусокъ мѣди приносить на пасику и кладутъ въ сердовой улей.

Варять растенія Дурманъ съ Тысячалиственникомъ, брызгають плетень, деревья, строенія, съ цѣллю истревитьсосѣднихъ

ПЧЕЛЬ И ОТУЧИТЬ СВОИХЪ ОТЪ ПОЛЕТА НА ЧУЖОЙ ДВОРЪ.

ВО ВРЕМЯ РОЕНИЯ ПЧЕЛЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ПРИГОТОВЛЯЮТ УЛЬЯ, ОКУРЕННЫЕ ЕЛОВОЮ КУРУШКОЮ, ВЫТЕРТЫЕ ЖГУЧЕЙ КРАПИВОЮ, УКРАШЕННЫЕ РАЗНЫМИ *ПРИНОСКАМИ*, ПОЛУЧАЕМЫМИ ОТЪ ПРОХОДЯЩИХЪ БЫВАЛЫХЪ ЛЮДЕЙ, СТАВЯТЬ ВЪ РЯДЫ, НА ЮГЪ, ВОСТОКЪ, ЗАПАДЪ—ТАКЪ, ЧТОБЫ ПЧЕЛЫ ПРЯМО ВЫЛЕТАЛИ НА ВОСТОКЪ. РАСПОЛОЖЕНИЕ УЛЬЕВЪ ПЧЕЛЬНИКИ СЧИТАЮТ ВАЖНЫМЪ ДВОМЪ, И ПОТОМУ, КОГДА ЖЕЛАЮТ КОМУ ПОКАЗАТЬ СВОЕ ЗАВЕДЕНИЕ, ИЗМѢНЯЮТЪ ЕГО. ЭТО ДВАЛЯЕТСЯ БОЛЬШЕЮ ЧАСТЬЮ ИЗЪ ПОДОЗРѢНІЯ И НЕДОВѢРЧИВОСТИ. ПОДОЗРѢНІЕ ОСНОВЫВАЕТСЯ НА ТОМЪ, ЧТО МОГУТЬ УСТРОИТЬ ПОДОБНЫМЪ ОБРАЗОМЪ ТАКОЕ ЖЕ ЗАВЕДЕНИЕ; А ОТЪ ЭТОГО ОПАСАЮТСЯ УПАДКА НА ЦѢНЫ. ОПАСНОСТЬ ЗИЖДЕТСЯ НА СТРАННОМЪ ИМѢНИ: БУДТО БЫ ПЧЕЛЬНИКЪ—ЗНАХАРЬ МОЖЕТЬ ДАТЬ ПРИКАЗАНІЕ СВОИМЪ ПЧЕЛАМЪ ВЫТАСКАТЬ МЕДЬ.

ДЛЯ УСЫПЛЕНИЯ ЧУЖИХЪ ПЧЕЛЬ ЗНАХАРЪ СБИРАЮТ МАКОВЫЯ ГОЛОВКИ И ВАРЯТЬ ИХЪ ВЪ КОЗЬЕМЪ МОЛОКЪ. ЭТО МОЛОКО, ВОСОСАННОЕ НАЛЕТНОЮ ПЧЕЛОЮ, МОЖЕТЬ ПРИЧУТАТЬ ЧУЖИХЪ ПЧЕЛЬ КЪ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ.

ДѢДЫ-ПЧЕЛЬНИКИ ВЪ СЕЛЕШАХЪ ПОЧИТАЮТСЯ НЕСВѢДУЩИМИ ВЪ СНОШЕНИЯХЪ СЪ НЕЧИСТОЮ СИДОЮ: ЭТО ПРОСТО КАРАУЛЬЩИКИ. Но простолюдинъ УВАЖАЕТЬ И БОИТСЯ ОСКОРБИТЬ ДѢДА-ПЧЕЛЬНИКА; ОНЪ ЗНАЕТЬ, ЧТО ОСКОРБЛЕНИЕ ВСЕГДА ВЕДЕТЬ КЪ РАЗРУШЕНИЮ ХОЗЯЙСТВА. ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ДѢДА-ПЧЕЛЬНИКА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВЪ ПРЕДПОЧТЕНИИ ВОДИТЬ ПЧЕЛЬ ПО ЛѢСАМЪ.

2. СБРЫЗГИВАНИЕ.

Сбрызгивание принадлежит къ важному роду лечения ЗНАХАРЕЙ. Наши простолюдины такъ въ него вѣрятъ, что, по ихъ понятію, *сбрызгиваниемъ* можно исцѣлить самый опасный недугъ. Чтобы получить этотъ даръ, поселяне прибѣгаютъ къ ЗНАХАРЯМЪ СЪ ПРОСЬБОЮ: ПЕРЕДАТЬ ИМЪ НАГОВОРЫ НАДЪ ВОДОЮ. Откровенность ЗНАХАРЕЙ ПРИОБРѢТАЕСЯ ХЛѢБОМЪ, ОВСОМЪ, ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ. ПЕРЕДАЧА НАГОВОРОВЪ СОПРОВОЖДАЕТСЯ СМѢШНЫМИ ОБРѢДАМИ. Приведемъ ихъ здѣсь.

ПОСЕЛЯНИНЪ, ЖЕЛАЮЩИЙ ПОЛУЧИТЬ ПРАВО ОТЪ ЗНАХАРА НА СБРЫЗГИВАНИЕ, ДОЛЖЕНЪ ТРИ ВЕЧЕРА ПАРИТЬСЯ ВЪ БАНѢ, ТРИ ДНЯ ГОВѢТЬ, ТРИ ДНЯ ХОДИТЬ ПО УЛИЦѢ СЪ ОТКРЫТОУ ГОЛОВОЮ, А ПОСЛѢДИЕ ТРИ ДНЯ ПОСЫЩАТЬ ЗНАХАРА. ВЪ ПУСТОЙ ИЗБѢ ЗНАХАРЬ СТАВИТЬ МИСУ СЪ ВОДОЮ, ПО УГЛАМЪ КЛАДЕТЬ СОЛЬ. ПОСЕЛЯНИНЪ, ПРИШЕДШИ КЪ НЕМУ ЗА ПЕРЕДАЧЕЮ, ДОЛЖЕНЪ ЛИЗАТЬ ЯЗЫКОМЪ РАСКЛАДЕННЫЙ ПО УГЛАМЪ СОЛЬ, ЗОЛУ, УГОЛЬ, И, ПРИ КАЖДОМЪ ГЛОТКѢ, ПРИХЛЕБЫВАТЬ ИЗЪ МИСЫ ВОДУ. ВЪ ЭТО ВРЕМЯ ЗНАХАРЬ ЧИТАЕТЬ ПРО СЕБЯ НАГОВОРЫ. На третій день вручается поселянину громовая стрѣла и передаются словесно наговоры. Вотъ одинъ изъ наговоровъ:

«Соль солена, зола горька, уголь черенъ. Нашепчите, наговорите мою воду въ мись для такого-то дѣла. Ты соль улади, ты зола огорчи, ты уголь очерни. Моя соль крѣпка, моя зола горька, мой уголь черенъ. Кто выпьетъ мою воду, отпадутъ всѣ недуги; кто съѣсть мою соль, отъ того откачнутся всѣ болѣсти; кто полежить мою золу, отъ того отѣбутъ лихія болѣсти; кто сотретъ зубами уголь, отъ того отлетятъ узорки со всѣми призороками.»

ПОСЕЛЯНИНЪ, НАУЧЕННЫЙ СБРЫЗГИВАНИЮ, ПРИНИМАЕТСЯ ЛЕЧИТЬ ВСѢ БОЛѢЗНИ. Когда старушка придетъ къ нему съ просьбою помочь отъ недуга ея внучки, онъ прежде всего торгуется, потомъ береть кнутъ, какъ принадлежность ЗНАХАРА, и идеть въ домъ больной. При входѣ его, всѣ встаютъ съ почтеніемъ, сажаютъ его въ передній уголъ, и начинается угощеніе. Молчаливость на вопросы, закаченные глаза подъ лобъ, ма-
ханіе кнутомъ, голова подпертая локтемъ, суть вѣрныя ручательства въ его званіи. Въ полномъ разгуль, онъ просить показать больную, и, какая бы то ни была съ нею болѣзнь, решать однімъ названіемъ: *недугъ*. Это слово понятно поселянамъ. Требуетъ въ ковшъ воды, читаетъ про себя наговоры, потомъ сбрызгиваетъ больную и тѣмъ оканчивается все дѣло. Уходя, онъ даетъ приказаніе на порогъ, прислонясь къ притолкѣ, пить осталную воду позарямы.

Болѣзни, лѣчимыя ЗНАХАРЯМИ, суть сѣ-

дующая: *Лихоманки* — лихорадки, *Лихти болести* — судорги, *Родимец*, *Колотье*, *Потрепиха* — ревматизмъ тѣльный, *Зазноба молодежеская*, *Тоска наносная*, *Ушибы* — падучая болѣзнь, *Чернота немогъ*, *Узороки*, *Призороки*. Всѣ эти болѣзни именуются у Знахарей, какъ выше сказано, однимъ именемъ: *нечуевъ*.

3. ПЕРЕПОЛОГЪ.

Переполохъ, по значенію Знахарей, есть отгадъ всякаго испуга, совершеннаго добромъ и зломъ. Наши поселяне думаютъ, что испугъ всегда случается отъ людской ненависти: но не зная, кто бываетъ причиной испуга, прибегаютъ къ Знахарямъ. Знахарь непремѣнно долженъ одолѣть ненавистника, хотя бы онъ былъ за тридесять земель, въ тридесятомъ царствѣ. На то онъ и Знахарь. Да ему ли въ трудномъ положеніи оставаться? Всѣ Знахари говорятъ условно, высказываютъ иносказательно однѣ примѣты, и всегда стараются показать на убыль. При томъ, прежде нежели произнести *отгадъ*, высигаиваютъ наперѣдъ у приходящаго о всѣхъ домашнѣхъ обстоятельствахъ. Изъ этихъ разсказовъ они извлекаютъ для себя все нужное.

Знахарь, призванный въ домъ для совершенія Переполоха, требуетъ: миску воды, олова и Боголѣпенскую свѣчу, а когда испуганные бываютъ еще жепатыми и обручальной свѣчью, если эта осoba не будетъ одобрѣвшая. Надѣя обручальною свѣчкою расплывиваетъ олово, выливаетъ его въ воду. Какъ скоро начнутъ отдѣляться изъ воды пары, онъ говоритъ окружающимъ: «Смотрите; — вотъ бѣжитъ нечистая сила!» Простодушные поселяне, незнающіе законовъ физическихъ, слѣпо вѣрятъ въ разсказы Знахаря. Послѣ того начинается отгадъ. Показывая на фигуру остывшаго олова, при тусклой свѣчѣ, говорить: «вотъ кто испугалъ вашего больнаго!» Потомъ подводить больнаго смотрѣть на примѣты. Призванный на смотръ долженъ непремѣнно согласиться съ разсказомъ Знахаря, хотя бы онъ ровно ничего не видѣлъ и не примѣчалъ. Послѣ этого подходить смотрѣть, по одному, всѣ домашніе, съ под-

твержденіемъ словъ о разсказѣ Знахаря. Поселяне стараются отыскывать по этимъ примѣтамъ ненавистника. Если они его отыщутъ, то испугъ съ больнаго спадѣть, какъ вода съ гуся; въ противномъ же случаѣ больной, долженъ страдать во всю свою жизнь такимъ недугомъ.

Переполохъ, кромѣ явнаго обмана Знахарей, оставляетъ ужасный послѣдствіе. Семейства, отыскавшая ненавистнаго, заводятъ раздоры непримиримые, вражду вѣчную и мстительную. Одно уже семейное несчастіе заставляетъ желать истребленія Переполоха по селамъ.

4. СОНИШНИЦА.

Сонишинца, какъ врачеваніе, составляетъ въ рукахъ Знахарей важное лекарство въ брюшныхъ болѣзняхъ. Въ дѣйствительности Сонишинцы поселяне твердо увѣрены, несмотря на мученія, притерпеваемыя отъ ней больными.

Призванный Знахарь къ совершенію Сонишинцы, требуетъ: миску, въ которую бы взошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску съ водою ставить больной на животъ; пеньку зажигаетъ. Какъ скоро загорится пенька, опь обматываетъ ею больную. Часто случается, что больная послѣ того остается обожженою въ разныхъ мѣстахъ. Рани, полученная отъ обжога, Знахари приписываютъ выхожденію болѣзни изъ тѣла. Пеньку послѣ сего кладеть въ кружку, а кружку ставить въ миску. Въ это время начинаются наговоры, между тѣмъ, какъ больная волить отъ болѣзни, а окружающіе считаютъ волю страдальцы удалениемъ нечистой силы изъ больной. Прочитавши наговоры, Знахарь даетъ больной пить воду и удаляется.

Выздоровѣть ли больная или пѣть, Знахарю все равно; онъ получить плату, наградить увѣреніемъ и скроется. Всѣ вѣда лежитъ на больной. Если она не выздоравливаетъ, Знахарь говоритъ, что на нее напущенъ послѣ Сонишинцы новый недугъ. Его опять приглашаютъ; онъ снова приступаетъ къ обряду и снова получаетъ деньги.

5. Открытие колдуна.

СУЕВЪРНЫЕ ПОСЕЛЯНЕ ПОДАГЮТЪ, ЧТО КОЛДУПЪ ЕСТЬ СУЩЕСТВО ОТРЕКШЕЕСЯ ОТЪ ЛЮДЕЙ, БОГА И СРОДНИВШЕЕСЯ СЪ НЕЧИСТОЮ СИЛОЮ ИА ПАГУБУ ЛЮДЕЙ. Но, какъ колдуны скрываютъ свое искусство и только вредятъ тайно, то простолюдины рѣшились открыть своихъ губителей. Знахари предложили средства для узнанія.

ПОСЕЛЯНИНЪ, ПОДОЗРЪВАВ СВОЕГО СОСЬДА ВЪ КОЛДОВСТВѢ, ПРИХОДИТЬ КЪ ЗНАХАРЮ ЗА СОВѢТАМИ. Большая часть людей, впадающихъ въ это подозрѣніе, бываютъ семейные, имѣющіе больныхъ дочерей и сыновей. Знахарь, договорившись за большую цѣпу, совѣтуетъ ему дожидаться 25 Марта. Въ роковой день онъ долженъ, послѣ утреши, сѣсть на лошадь, какую нежалѣ, лицемъ къ хвосту,ѣздить по селенію, не оборачиваясь назадъ. Когда выѣдетъ за оконицу, то долженъ смотрѣть на трубы. Въ это время нечистая сила провѣтряваетъ колдуновъ, висящихъ па воздухѣ внизъ головой. Если поселянинъ обратится назадъ, то нечистая сила разрываетъ лошадь на части, а онъ самъ остается или вѣчно сумасшедшімъ, или умираетъ отъ страха. Но, какъ посѣянинъ отвѣтитъ на это, то онъ не рѣшается на такую поѣзду, и просить поѣздить за себя Знахара. Знахарь долго отговаривается, потому торгуется за поѣзду, и получивши подарки, обещаетъ открыть злого колдуна. Жребій открытия всегда падаетъ на того, кого подозрѣваютъ поселянинъ, хотя Знахарь никогда и не думалъѣздить по селу за открытиемъ колдуна.

ОТКРЫТИЕ КОЛДУНА ПОЧИТАЕТСЯ ВЕРХОМЪ ИСКУССТВА ЗНАХАРЯ, И ПОСЕЛЯНЕ, РАЗСКАЗЫВАЯ О ЕГО МОГУЩЕСТВѢ, ГОВОРЯТЪ: «ОНЪ ТАКЪ СИЛЕНЪ, ЧТО УЗНАЕТЪ ВСѢ МЫСЛИ, И ВЫСКАЖЕТЬ ВСѢ ДѢЛА ТВОИ, ОТЦОВЫ, ДѢДОВЫ.» Къ счастію человѣчества, что наши Знахари бываютъ люди безграматные, закоренѣлые въ предразсудкахъ, люди помышленные на свое мѣсто, столько ипчтожномъ и обманчивомъ для нихъ и всѣхъ другихъ.

С. Стѣнь.

ПРОСТОЛЮДИНЪ, НЕ ПОНЯМАЯ ЗАКОНОВЪ ПРОИСХОДЕНІЯ БОЛѢЗНІЙ, ЗАКОНОВЪ, ОСНОВАННЫХЪ НА ТОЧНОМЪ ПОЗНАНІИ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВѢКА, ПОЧИТАЕТЪ ВСѢ БОЛѢЗНИ, СОПРОВОЖДАЕМЫЕ УЖАСНЫМИ СТРАДАНІЯМИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬЮ, ЖЕРТВОЮ ЗЛЫХЪ ЛЮДЕЙ, ЗАВІСЛІВЪХЪ КЪ ЕГО БЛАГОСОСТОЯНІЮ. *Изпурителная сухотка дѣтей* — TABES, *дѣтская гадость* — ATROPHIA INFANTUM называютъ въ селахъ — Стѣнь. Не привыглъ съ довѣренностю къ врачеbнымъ средствамъ, болѣе надежнымъ, они находятъ утѣшеніе въ тайнахъ, имъ непонятныхъ, въ чудесномъ вѣрованіи, вовсе для нихъ непостижимомъ, и отъ нихъ ожидаютъ избавленія отъ бѣдъ семейныхъ, отъ горестей сердечныхъ, близкихъ его простой и кроткой душѣ. Бродяще обманщики, успѣвшіе овладѣть воображеніемъ пашныхъ поселянъ, жестоко играютъ сельскими простодушемъ, и не мучаютъ людей, къ нимъ довѣренныхъ, но варварски ихъ терзаютъ. Надобно видѣть каждому это жалкое состояніе, чтобы оцѣнить вполнѣ семейныя бѣдствія, проникнувшія отъ разныхъ толковъ Знахарей, Кудесниковъ, Вѣдуновъ, Ворожей, Чародѣевъ. Напрасно въ городахъ думаютъ, что поселяне не лечатся, что однимъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ услаждаютъ семейныя болѣзни. Бродячій Знахарь укажетъ имъ средство, увѣритъ въ его возможности и оно переходить изъ рода въ родъ, какъ зло потомственное. Въ средствѣ, предложенномъ ему за тайну отъ Знахаря, онъ не разбираетъ: вредно ли оно? полезно ли оно? Для его ограниченного познанія довольно, что есть возможность.

Въ селахъ дитя, страдающее Стѣнью, почтается уже не жильцомъ земнымъ, когда благоразумный отецъ прибегаетъ только съ теплою мольбою къ Царю Царей о помилованіи. Растерзанное сердце матерей страдальческимъ томлѣшемъ, воображеніе, напитанное ложными чудесами, заставляетъ цѣлые семейства искать отрады въ суетѣ, умолять объ исцѣленіи Знахарей. Призванный Знахарь, какъ Дока, какъ знающій всю подноготную, берется за вра-

ЧЕВАНИЕ. Большое дитя, по его совету, песьуть въ лѣсъ, ищутъ раздвоенного дерева, кладутъ его въ этотъ промежутокъ на трое, или мене сутокъ, сорочку вѣшаютъ на дерево, потомъ вынимаютъ его и ходятъ трижды девять кругомъ дерева. Послѣ этого приносятъ домой, купаютъ въ водѣ собранной изъ девяти рѣкъ или колодцевъ, обсыпаютъ золотомъ, собранного изъ семи печей, кладутъ на печь. Если дитя послѣ сего засыпаетъ, то это вѣрный признакъ испытания, а если оно кричитъ, то должно умереть. Часто случается, что дитя умираетъ въ лѣсу, оставленное обнаженнымъ на открытомъ воздухѣ, или испускаетъ дыханіе подъ обливаниемъ холодной воды. Советъ Знахаря, это явное убийство, починается въ деревняхъ благодѣяніемъ.

7. Съ глазу.

Востокъ древней жизни, отживая свое бытие, передалъ народамъ вмѣстѣ съ мифами и разныя заблужденія. Народное повѣріе: будто взглядъ человѣка лихаго, злобнаго, хитраго, сообщаєтъ болѣзни, будто въ глазахъ этихъ людей заключается ядъ, перешло въ Русскую землю съ Востока, по преданию, отъ другихъ народовъ. На Руси это повѣріе называно: *Съ глазу*. Наши престолюдины не имѣютъ еще понятия о глагонѣ Месмеризмѣ.

Въ деревняхъ всякое первоначальное образование болѣзни почитается *порождениемъ съ глаза*. Нѣть недуга, которой бы непропаходилъ отъ этого зла. Знахари выдумали противъ всего средства, употребляемыя въ сельской и городской жизни, и ихъ средства, по большей части приводятся въ дѣйствие пожилыми людьми, старухами, сѣдѣющими образомъ:

БЕРУТЬ: воды непитой, неотведенной ни кѣмъ, вынимаютъ изъ печи три угля, достаютъ четверговой соли. Все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, потомъ плоютъ три раза въ сторону. Послѣ сего нечаянно сѣрыгидаютъ злобнаго три раза, даютъ три раза хлебнуть, вытираютъ грудь противъ сердца; заставляютъ рубашкою обтирать лицо, а остальную

воду выливаютъ подъ притолоку. Нѣкоторые къ такому составу прибавляютъ клочекъ моху, вынутый пѣзъ угла, другие читаютъ надъ водою молитвы. Этимъ оканчивается лечение съ глазу.

8. Хлѣбная завязка.

Хлѣбная завязка почитается грозящимъ вѣдѣствиемъ хозяину той поляны, где она будетъ замѣчена. Народъ думаетъ, что это сдѣлано злыми людьми на сокрушение всѣго семейства и родни.

Для отвращенія вѣдѣствий отъ хлѣбной завязки, Знахари велятъ хозяевамъ полѣвать изъ хлѣба то мѣсто, где почиваются свиньи, положить на телѣту, запречь неизженою лошадь и скакать къ полю во весь скокъ. Если поклажа упадетъ съ телѣти, то это недобрый признакъ. Пріѣхавши въ поле, надоено накрыть хлѣбную завязку сюю поклажею, не касаясь рукою. Прикосновеніе рукою предвѣщаетъ худой сбѣтъ будущаго хлѣба. Потомъ должно вѣхать домой, не оглядываясь назадъ, а иначе нечистая сила свернеть на сторону голову. Послѣ этого запрягаютъ вѣжалую лошадь, кладутъ лошадинный набоѣзъ и тѣтутъ къ полу. Такою поклажею обсыпаютъ кругомъ всю завязку.

Знахари, заставляя совершать такой обрядъ, увѣряютъ поселянъ, что отъ этого вѣдѣ, замышляемыя злыми людьми, обращаются на ихъ головы. Часто случается, что поселяне пѣзъ ненависти къ своему сосѣду, подкупаютъ Знахаря сдѣлать завязку. Въ такомъ случаѣ онъ пользуется отъ обвихъ сторонъ.

9. Зубы лечить.

Вѣрованіе *объ симпатіи* такъ усилилось въ сельской и городской жизни, что все особенное подчиняютъ этому значенію. Симпатія, по народному понятію, есть таинственная сила, могущая невидимо совершать дѣла, по волѣ людей. Къ числу симпатическихъ средствъ народъ принялъ, отъ Знахарей, лечение зубъ прикосновеніемъ пальца. Обманщики, прикрывая себѣ

симпатиями, обмазывают палец наркотическими мазями, извѣстными имъ однимъ, а простодушные вѣрятъ ихъ разсказамъ, хотя и не видятъ пользы.

Леченье зубъ прикосновенiemъ пальца будто зависить отъ таинственного обряда. Знахари ловятъ для сего звѣрка *Крота* и умерщвляютъ его указательнымъ пальцемъ правой руки, безъ всякихъ орудій, приговаривая шепотомъ слѣдующій наговоръ:

«Кротикъ, ты кротикъ! Я пальцемъ своимъ изъ тебя всю кровь испускаю, и имъ больные зубы излечаю.»

Когда призываютъ Знахарей лечить зубы, они этотъ указательный палецъ кладутъ на больные зубы и читаютъ шепотомъ приведенный наговоръ. Послѣ сего заставляютъ полоскать ротъ по утру и въ вечеру кислымъ уксусомъ. Вѣроятно, что здѣсь дѣйствуютъ наркотическая вещества въ соединеніи съ уксусомъ притупленіемъ возвысившейся раздражительности, а не палецъ, умертвивший крота.

10. Куриная слѣпота.

Болезнь, поражающая поселянъ, работающихъ передъ огнемъ, или на солнцѣ, или передъ водою, названа Знахарями: *Куриною слѣпотою*. Для обольщенія поселянъ, они создали повѣрье: будто Куриная слѣпота есть напущение злыхъ людей, что она соскальзываетъ ножемъ, которымъ разрѣзываютъ старыхъ курицъ, и что эту слѣпоту злодти пускаютъ по вѣтру, кому хотѣть отомстить. Такое заблужденіе легко объяснить: органическо-динамическая вліянія природы, непонятная простолюдинамъ, производить *Ногнную слѣпоту* — *Немералоптамъ*, болезнь переименованную Знахарями въ *Куриною*.

Люди, страждущіе Куриною слѣпотою, по совѣту Знахарей, выходятъ въ лавку, нагибаются надъ дегтярною кадушкою, и говорятъ шепотомъ наговоръ:

«Деготь, деготь! Возьми отъ меня Куриную слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазушки.»

Народъ думаетъ, что деготь доводится съ родни куриной слѣпотѣ, и только изъ жалости береть онъ въ свое призрѣніе бродягу-слѣпоту. Послѣ сего больной долженъ идти на перекрестокъ, сѣсть на дорогу и искать что нибудь. Если его кто изъ приходящихъ будетъ спрашивать, то онъ долженъ сказать: «что найду, то тебѣ отдашь.» Потомъ утираетъ рукою глаза и махаетъ въ проходящаго. Отъ исполненія этого обряда, исчезаетъ Куриная слѣпота.

11. Морозъ.

Въ деревняхъ думаютъ, что неурожай льна, овса и канопли происходить отъ мороза. Морозъ же олицетворяютъ слѣдующимъ повѣріемъ:

Въ Русской народной Символикѣ принято за основаніе, что Морозъ происходит отъ выходженія злыхъ духовъ. Зимою, когда устанавливаются болѣе морозы, злымъ духамъ становится тѣсное житѣ. Въ это время они вылетаютъ на бѣлый свѣтъ, вѣгаютъ по полямъ и дуютъ себѣ въ кулакъ. Отъ такой прогулки морозъ сдавливаетъ сиѣгомъ жито, отъ пятокъ духовъ отдается трескъ, и отъ подутія въ кулакъ бываетъ или вѣтеръ съ мятелью, или иной садится на дерево. Для отвращенія сего зла, Знахари выдумали проклятие на Морозъ, съ совершеніемъ обряда.

Подъ Великъ день, поселяне, наученные Знахарями, приступаютъ къ заклятию Мороза. Старикъ семейства беретъ ложку овсянаго киселя, взлезаетъ съ нимъ на печь, просовываетъ голову въ волковое окно, и тамъ говоритъ:

Морозъ, морозъ! Приходи кисель есть.
Морозъ, морозъ! Не бей нашъ овесь.
Ленъ да канапи, въ землю вкопоти.

Окончивъ эти слова, онъ обворачивается въ избу, и старшая изъ женщинъ въ домѣ, окачиваетъ его водою, въ то самое время, когда онъ слезаетъ съ печи. Старушки уверяютъ, что проклятие, высказанное старикомъ на ленъ и канапи, замираетъ на его устахъ отъ воды. Морозъ же удовольство-

ванный киселемъ, не убиваетъ ни льна, ни каноли, ни овса.

12. НЕРАЗМЪННЫЙ РУБЛЬ.

Обманщики, живущие на счетъ ближняго, въ деревняхъ понимаются съ другой стороны. Народъ думаетъ, что они получаютъ все съ избыткомъ, не трудясь, отъ нечистой силы, которая вручаетъ имъ на траты *неразмънныи рубль*. Прельщаясь такою разгульного жизнью, простодушные прибегаютъ къ Знахарямъ для приобрѣтения рубля. Кажется, что и наши поселяне, въ свою очередь, ищутъ философскаго камня.

Искатель неразмъннаго рубля идетъ на базаръ, не говоря ни съ кѣмъ и не оглядываясь назадъ и покупаетъ тамъ гусака, съ первого запроса, безъ всякихъ торга. Принесши его домой, онъ такъ сдавливаетъ ему шею, что гусакъ задыхается, кладеть шеочищенаго въ печь, и жарить до полуночи. Въ 12 часовъ ночи вынимаетъ изъ печи и идеть съ нимъ на развалину дорожную. Тамъ онъ долженъ говорить: «Купите у меня гусака, дайте за него рубль серебряной.» Въ это время нечистая сила является въ видѣ покупателей, съ предложеніемъ разной цѣны. Искатель долженъ быть твердъ, а иначе его задавить нечистая сила. Когда же является покупатель за серебряный рубль, то онъ долженъ ему продавать. Получившій желаемый рубль, долженъ идти прямо домой, не оглядываясь, и ни съ кѣмъ не говоритъ. Въ это время нечистая сила, желая возвратить рубль, кричить за нимъ въ слѣдъ: «ты обманулъ насъ! твой гусакъ мертвый! За чѣмъ же оторвала ему голову, уверяя, что онъ живой?» Искатель не долженъ слушать такихъ разсказовъ; онъ обязанъ скрѣпѣтъ отъ нечистой силы. Если онъ обернется, или будетъ говорить съ нею, то рубль исчезаетъ изъ его рукъ, а онъ самъ очутится въ болотѣ по горло. Когда же возвратится цѣльный въ домъ, тогда этотъ рубль будетъ его продовольствовать всю жизнь. Знахари советуютъ такимъ обладателямъ никогда не брать сдачи при покупкѣ вещей; а иначе рубль

погибнетъ. Когда они покупаютъ, то будто нечистая сила взлезаетъ въ купца и даетъ сдачи, хотя бы не следовало ничего. Только этотъ рубль никогда не заживается долго: рано или поздно нечистая сила обольстить обладателя, и тогда вместо рубля открывается черепокъ глиняной. Въ другой же разъ неразмънныи рубль не дается въ руки.

Здѣсь Знахари совершаютъ явный обманъ надъ поселянами. Часто этотъ неразмѣнныи рубль уводить со двора лошадь или корову къ дворамъ обманщиковъ: Знахари безъ этого подарка не открываютъ способа приобрѣтения.

13. Кость невидимка.

Кость невидимка содѣлываетъ своего хозяина всюду невидимымъ, хотя бы за нимъ смотрѣли во сто глазъ. Кому не привится быть невидимымъ? Чего бы ревнивый мужъ въ городѣ пожалѣлъ для отысканія такой кости? Чего бы не дать влюблѣнной и охотникѣ до всякихъ свиданій съ любезнымъ предметомъ — за кость невидимку? Это, или что нибудь другое заставило нашихъ поселянъ отыскивать невидимку. Безъ чудесъ и здѣсь не обошлось! Знахари составили обряды, наговоры, видѣнія.

Кость невидимка, по разсказу Знахарей, заключается въ черной кошкѣ. Искатели сего тайного открытия крадутъ кошекъ въ сосѣднихъ деревняхъ и избираютъ изъ нихъ такую, въ которой бы не было ни одного благо волоска: вся шесть должна быть черная. Въ этомъ поселянѣ наши очень затрудняются. Другому во всю жизнь не придется отыскать однощерстной кошки, а если и придется, то Знахарь уже найдетъ худыя примѣты. Въ такомъ случаѣ онъ береть къ себѣ кошку, обѣщаетъ выщипать бѣлую шерсть, и держать до тѣхъ поръ, пока выростетъ новая. Само собою разумѣется, что это все дѣлается изъ подарковъ, что та же кошка возвращается обратно, и что хоть сто разъ варя — въ кошкѣ не отыщется кости невидимки. Искатель всегда остается виноватымъ, а Знахарь правымъ. Кошка, признанная Знахаремъ за однощер-

стпю, варится въ чугунномъ котль, по полуночамъ, до тѣхъ поръ, пока истаютъ всѣ кости, кромѣ одной. Оставшаяся кость есть невидимка. Но, какъ вареніе продолжается многія ночи, то искатели теряютъ терпѣніе, а особенно если Знахарь вѣдомъ предстаетъ изъ себя нечистую силу. Между тѣмъ есть и такие, которые съ болѣшимъ терпѣніемъ просиживаютъ ночей по двадцати, но кости невидимки не остается. Въ такомъ случаѣ все таки остается виновнымъ искатель; онъ или бранить въ это время нечистую силу, или опоздать прийти одною минутою, или не досидѣть сколько нибудь, или вѣремнѣль, или вспомнилъ о семѣнѣ своей, или не такъ прочиталъ наговоры, или вѣдомъ утаить что нибудь отъ Знахаря, или торгуясь съ Знахаремъ пожалѣть барана, овцу, гуся. За все это нечистая сила крадетъ у искателя, какъ недостойнаго — кость невидимку. Въ другой разъ невозможно вѣварить изъ одноперстной кошки такой кости. Кому на руку написано достать, тотъ и съ перваго разу достанетъ; а кому нѣтъ, тотъ хоть сто кошекъ вѣвари, все будетъ ничего, говорятъ Знахари.

Искатели всегда остаются въ разореніи отъ кости невидимки и съ надеждою, укрѣпленіемъ Знахаремъ, приступаютъ къ другимъ исканіямъ. Съ этою увѣренностью они проводятъ цѣлую жизнь, оставляя всѣ прежнія хозяйственныя занятія.

14. Свадебная поруха.

Нигдѣ торжество Знахарей такъ не прославляется, какъ въ сельскихъ свадьбахъ. Благополучная семѣйная жизнь, вѣчные раздоры, болѣзни первыхъ годовъ, домашнія бѣды — все зависятъ отъ Знахарей. Поселянинъ, затѣвавъ свадьбу, особенно зажиточный, пдеть къ Знахарю съ болѣшими подарками, съ поклонами, съ просьбами — защищить его молодыхъ отъ свадебной порухи. Здѣсь-то Знахарь высказываетъ все свое могущество; здѣсь-то ровкій поселянинъ, устрашенній до посѣдней возможноти, дѣлаетъ *несгетные посулы* за сна-сеніе своего семейства. Знахарь въ сель-

ской свадьбѣ есть первый гость: его зовутъ на пирушку прежде всѣхъ; ему принадлежитъ первая чарка зеленаго вина; ему пекутъ первый пирогъ; ему отсылаютъ первыя подарки; его все боятся; при немъ все покойны. Удивительно ли, что послѣ этого всѣ свадебныя проказы Знахарей обольщаютъ воображеніе поселянъ, когда ему присвоены такія преимущества въ сельской жизни.

Свадебная поруха состоить въ соблюденіи многихъ обрядовъ для будущаго благополучія кнізя и кнігіни. Такъ величаются въ деревнѣ этими именами новобрачныхъ. Знахарь осматриваетъ всѣ углы, притолоки, пороги, читаетъ наговоры, поить наговорною водою, дуетъ на скатерти, вѣтить кругомъ столъ, обметаетъ потолокъ, оскаливаетъ ворен, кладетъ ключъ подъ порогъ, выгоняетъ черныхъ собакъ со двора, осматриваетъ метлы, сжигаетъ голики, окуриваетъ баню, пересчитываетъ плиты въ печи, сбрызгиваетъ кушанья, вяжетъ снопы спальни, вѣдѣть въ лѣсъ за бунзю, и вручаетъ свату вѣтку девятивербаго стручка. Эта вѣтка есть верхъ искусства. Если ее будуть держать за пазухой поперемѣнно то сватъ, то сваха, то всѣ умысли враговъ обратятся ни во что. Если повѣдѣть поѣздъ, забыть лошади отъ злобнаго наговора, то стоять только маѣтъ этою вѣткою и все будетъ спокойно. Случись бѣда на пирушкѣ, развлѣжись кушакъ у молодаго, оторвись супонь у лошади, все исправить эта одна вѣтка. На третій день Знахарь береть свата съ собою въ баню, и здѣсь происходитъ расчетъ въ посулахъ. Если получить все уговорное, тогда эту вѣтку сжигаютъ. Такимъ оканчивается обрядъ свадебной порухи.

15. Выѣдываніе жены.

Знахари присвоили себѣ право выѣдывать семѣйныя тайны. Къ числу важныхъ открытій принадлежитъ: *выѣдываніе жены*. Кажется, можно утверждительно сказать, что отъ этого происходитъ особенная приверженность сельскихъ женщинъ къ

Знахарямъ. Привожу здѣсь два способа вытѣшиванія, замѣчательные только по особенной хитрости Знахарей.

Старухи-свекрови всегда бываютъ нерасположены къ невѣсткамъ, а особенно если находятся въ семье старыхъ, незамужнія девицы. Внушая всегда сыновьямъ о строгомъ содержании женъ, они прибегаютъ за откровенными советами къ Знахарямъ: попытать жену въ вѣрности. Для этого употребляютъ траву *Кануперъ*, имѣющую свойство усыплять женщинъ подъ вечеръ, по传说ѣ Знахарей. Свекровь тотчасъ открываетъ какой нибудь недугъ въ своей невѣсткѣ. Не послушаться свекрови, отвергать присутствие недуга, есть смертельная обида въ сельской жизни. Вечеромъ варятъ Кануперъ, недужную кладутъ на печь. Свекровь съ зажженою лучиною пробуетъ свою невѣстку по пяткамъ—спитъ ли она? Мужъ обязанъ молчать. Если спитъ, то свекровь начинаетъ шептать на ухо, выпрашивая разные способы былое и небылое. Мужъ такпхъ распросовъ не обязанъ слушать. После этого идутъ ночью къ Знахарю, и свекровь во усыпаше мужа, разсказываетъ, что отвѣчала ей сонная жена. Знахарь, залобренный напередъ отъ свекрови, разсказываетъ по водѣ примѣты обольстителя. Съ этого времени начинается *семейная разладница*.

Въ старину Русскіе бояре содержали обширную дворню, среди которыхъ всегда затѣвались раздоры, занимавшіе собою большую часть жизни дворовыхъ людей. Частыя отлучки мужей, по барскому приказу, наводили подозрѣнія на женъ. Таскаясь по догоамъ, они вытѣшивали отъ бывалыхъ людей разные способы къ открытию вѣрности своихъ женъ. Бывалые люди всегда сопутствуютъ: мыться въ банѣ, потомъ вспотѣть на полку, и послѣ обтереть все тѣло полотенцемъ. Когда же приѣдетъ домой, то потное полотенце положить тайно отъ жены подъ подушку. Едва жена засыпаетъ, уже мужъ слышитъ, какъ она, сонная, разсказываетъ про свою жизнь. Воображеніе, напередъ настроенное, порождаетъ такія подозрѣнія, о которыхъ женщина никогда и

не воображаетъ. Утромъ мужъ пдѣть къ Знахарю для распросовъ о примѣтахъ обольстителя. Къ счастью своему логадливый жены напередъ провѣдываютъ Знахарей съ поклонами и подарками. Знахарь решаетъ по большинству подарковъ.

16. РАЗМЫШЛЕНІЙ КОЛПАКЪ.

Въ деревняхъ есть тайное повѣріе, что злые духи научаютъ людей Чернокнижію. Эту страшную тайну поселяне узнаютъ изъ вечернихъ разсказовъ Знахарей, вѣрить ей и передаютъ потомству. Въ сельскихъ разсказахъ всегда приводятся примѣры, случившіеся съ разными людьми при ~~на~~ученіи Чернокнижію. Здѣсь приводимъ для любопытства одинъ сельской разсказъ, записаній слово въ слово.

«Въ нашей деревнѣ жилъ одинъ удалой малой. Собой не великъ, а прыти въ немъ было возовъ на десять. Ужъ коли вздумаетъ, бывало, потешиться, то вся деревня стопомъ стонеть. Живаль не трудясь, а хлѣбецъ вѣлой вѣдѣть; за то одежда на немъ была болѣно не мудра. Онъ былъ вѣсъ съ руки. Пропадетъ ли корова, лошадка, всѣ идутъ къ нему. Просватуютъ ли кого, онъ первый гость. Загрустуетъ ли кто, посыпаютъ къ нему на утвѣху. Одна бѣда съ вимъ была: попался въ некрутчину. Да и тутъ откашлялся. Наѣтъ мѣръ болѣно на него зубы грызъ. Дѣлать въ огласку никто не посмѣть; отъ того-то онъ и жилъ припѣвающи. На святкахъ онъ пропалъ безъ вѣсти. Тутъ-то заговорили старинки. Одинъ изъ нихъ зналъ, какъ онъ спознался съ нечистою силою. Дѣло, виши какъ было.

«Въ деревнѣ зимовали солдаты. Онъ былъ и имъ подъ руку. Солдаты, видиши, научили его, какъ спознаться съ нечистою силою. Повели его на островъ, а лѣсникъ, шелъ за ними издали, не въ домекъ имъ. Ходили, ходили по лѣсу и напали на козюлку. Долго шептали на ней, окаянны; потомъ сорвали ей голову. Лѣсникъ то былъ не промахъ: залѣзъ на дубъ, да и давай посматривать на ипхъ. Вогъ, какъ сорвали голову, да набили въ нее гороху,

ДАВАЙ ЗАРЫВАТЬ ВЪ ЗЕМЛЮ, ДАВАЙ КЛАСТЬ ПРИМЪТЫ. Лѣсникъ сеѣвъ давай запримѣтать. Проша зима. Выросъ горохъ. Нашъ малой похаживаетъ себѣ въ лѣсъ, да любуется себѣ горохомъ. А лѣсникъ все за нимъ примиѳаетъ. Вотъ зацвѣлъ горохъ. Удалый нашъ пришелъ полюбоваться. Какъ замѣтилъ цвѣтъ, и ну кривляться кругомъ. Кривлялся, кривлялся, да и давай вырывать горохъ съ корнемъ. Какъ выдернула, ну свинать кольцо изъ травы. Вотъ онъ, видишь, себѣ и пошелъ въ стадо. Лѣсникъ выскочилъ изъ дупла, да и себѣ свинъ кольцо. Вотъ какъ удалой пришелъ въ стадо, прищуривъ лѣвой глазъ, а правымъ ну смотрѣть въ кольцо. Лѣсникъ себѣ тоже дѣлаетъ. Виши, какъ саранча подлетѣла къ удалому нечистая сила. Все были въ шапкахъ, а одинъ въ красномъ колпакѣ. Все подобрались молодецъ къ молодцу. Лѣсникъ было и струсилъ; да спасибо у него въ головѣ закачено было. Подбѣжалъ въ красномъ колпакѣ, и долго спорилъ съ удалымъ. Чуть было дѣло не дошло до драки. Бѣ красномъ колпакѣ заплясалъ себѣ трепака. Удалой тутъ-то вскочилъ на цыпочки, подкрался, тяпъ да ляпъ, и согрѣвъ красной колпакъ. Какъ взмолился онъ, какъ началъ просить свой колпакъ. Удалой ни гугу. Стоять да и только. Вотъ и давай твердить о посланыхъ. Удалой запросилъ черную книжку, что заперта на Сухаревой башни. Долго отивкался онъ отъ мыны; однако поскакалъ за лѣсъ. Удалой похаживаетъ себѣ, да любуется колпакомъ. Видно жаль стало, а промѣнять его болѣо нужно. Вотъ идеть весь избитой. Видишь, нечистая-та сила долго не впускала его на башню. А онъ пробрался сквозь щелочку; хоть поздоралъ себѣ морду, да за то досталь. Видно, безъ колпака тошное житье. Давай колпакъ, а тотъ давай себѣ требовать книжку. Маяли, маяли другъ друга, да и размѣялись. Нечистая сила скрылась съ колпакомъ размѣяннымъ; а нашъ удалой зажилъ съ черною книжкою. Съ тѣхъ-то поръ онъ овладѣлъ нечистою силою, хитрилъ по своему надъ православными, да и пропалъ безъ вѣсти. Лѣсникъ-то было себѣ задумалъ; ань не тутъ-то было. Ни-

чего не выждалъ: только у него во дворѣ вся скотина перевѣлась.

17. Вѣдьмино селеніе.

Въ деревняхъ вѣрять какому-то особынсму предчувствію, по которому поселяне будто бы узнаютъ о пребываніи среди ихъ Вѣдьмы. Люди, сидѣщіе въ примѣтахъ, люди, умѣющіе все разтолковать, придумали признаки, указывающіе прямо не на людей, а на землю. По этимъ признакамъ владѣтель земли или самъ имѣетъ сообщеніе съ духами, или его жена есть Вѣдьма. Такіе признаки, по утвержденію Знахарей, суть слѣдующіе:

Въ лѣтнєе время, поселяне выходя на работу, часто замѣчаютъ на лугахъ или зеленые или желтые круги. Увидѣвшіи это, они прежде всего узнаютъ, чѣмъ это поле? Много ли изломалось на немъ кось? Потомъ распускаютъ молву, что круги появілись недавно, а прежде ихъ не было; что самъ хозяинъ, если онъ старикъ, поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ; что старшая женщина въ семействѣ его покумилась съ Вѣдьмами; что Вѣдьмы собираются сюда каждую ночь плясать. Но какъ мужчины всегда скоро избавляются отъ парѣканій, то вся вина падаетъ на женщины. Слѣдствіемъ такого подозрѣнія вываютъ вообще: отчужденіе, ненависть, мщеніе, худые толки, пересуды. Такая новость для Знахарей есть золотой кладъ. Людей, пристгающихъ къ нимъ за совѣтами, они предостерегаютъ отъ бѣда, ихъ ожидающихъ, уверяя, что они сами видѣли, какъ ихъ новая Вѣдьма хочетъ позвестить всю деревню. Распѣсская такие слухи, Знахаринъ каждый вечеръ принимаютъ посѣтителей съ поклонами, съ подарками и просыбою защитить ихъ отъ Вѣдьмы. Знахарь, собравши со всей деревни приносы, идеть въ поле, скапываетъ круги съ землею, и тѣмъ дѣло оканчивается.

Сожалѣя обѣ этомъ заблужденіи поселянъ, мы смыло ихъ увѣрлемъ, что эти круги суть обыкновенныя явленія въ природѣ, и л. исходить по опредѣленнымъ фи-

ЗИЧЕСКИМЪ ЗАКОНАМЪ. ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ ВЪ ЛѢТНЕЕ ВРЕМЯ ПОЯВЛЯЮТСЯ БЕЛЕНЫЕ КРУГИ, НИФТЬ ПОДЗЕМНЫЕ ИСТОЧНИКИ. ОТЪ ОДѢЛЕНИЯ ВЛАЖНОСТИ, ЗЕМЛЯ ВСЕГДА ПОКРЫВАЕТСЯ ЗЕЛЕНОЮ ТРАВОЮ, СОВЕРШЕННО ОТЛИЧНОЮ ОТЪ БЛѢЗКИХЪ МѢСТЬ. УТРОМЪ, ЕЩЕ ДО ВОСХОДА СОЛНЕЧНОГО, ПАРЫ ОДѢЛЯЮТСЯ ОТЪ ВЛАЖНОЙ ЗЕМЛИ, СГУЩАЮТСЯ, ОСТАВЛЯЮТЪ ПОСЛѢ СЕБЯ НА ТРАВѢ КРУГИ; ПО ПРИ ВОСХОДѢ СОЛНЕЧНОМЪ, КОГДА ЛУЧИ ИЗРѢЖЛЮТЪ АТМОСФЕРУ, ОНИ ИЗЧЕЗАЮТЪ. ЭТО-ТО ДѢЙСТВІЕ ПРИРОДЫ ЗНАХАРІ ВЫСТАВЛЯЮТЪ ЗА ПЛЯСКУ ВѢДЬМЪ. ЖЕЛТЫЕ КРУГИ, ТАКЖЕ ПОЯВЛЯЮЩІЕСЯ ЛѢТОМЪ, ВЪ УТРЕНИЕ ВРЕМЯ, ПРОИСХОДЯТЪ ОТЪ ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ МѢДЛНОЙ РОСЫ. ЭТА РОСА, ПРИЗНАВАЕМАЯ ЗА ЯДОВИТУЮ, СКОПЛЯЕТСЯ НА ДРЕВЕСНЫХЪ ЛИСТЬЯХЪ ВЪ ВИДѢ КЛЕЙКОЙ И СМОЛІСТОЙ МАТЕРИИ, И ПО СВОЕЙ ТЯЖЕСТИ, СТЕКАЯ, ОБРАЗУЕТЪ ОКОЛО СЕБЯ КРУГЪ, СООБРАЗНОЙ ВЫСОТЫ. ВСѢ ПОСЕЛЯЩЕ ЗНАЮТЪ, ЧТО ВЪ ПРИРОДѢ СУЩЕСТВУЕТЪ МѢДЛНАЯ РОСА, ПО НИКОГДА НЕ ОБРАЩАЮТЪ ВНИМАНИЕ, КАКЪ ОНА СТЕКАЕТЪ СЪ ДЕРЕВЪ ПА ЗЕМЛЮ; ИНАЧЕ ОНИ, ВЪРОЯТНО, НЕ ГРѢШАЛИСЬ БЫ ОСКОРЕЛЯТЬ СВОЕГО БЛИЖННГО.

18. СОБАЧЬЯ СТАРОСТЬ.

СОБАЧЬЯ СТАРОСТЬ ВУДТО НАПАДАЕТЪ ВЪ ДЕРЕВНЯХЪ НА ДѢТЕЙ ОДНОГОДОКЪ, ПРЕДЪ ПРОРВЪЗЫВАНІЕМЪ ЗУБОВЪ, ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ, ЛѢТОМЪ. СТАРУШКИ-ЛЕЧЕЙКИ, ЗАМѢТИВШИ БОЛЬНОЕ ДИТИ, ОБЪЯВЛЯЮТЪ, ЧТО ДИТИ, НЕ ДОЖИВА ВЪКУ, УМРЕТЬ; ЧТО КЪ НЕМУ ПРИКОНЧУЛАСЬ ЗЛАЯ БОЛѢТЬ — СОБАЧЬЯ СТАРОСТЬ. НЕСЧАСТНЫЕ РОДИТЕЛИ ВѢРЯТЬ ЭТОМУ ВЗДОРУ И ПРОСЯТЬ ЛЕЧЕЙКУ ИЗБАВИТЬ ОТЪ БОЛѢСТИ. КЪ НАЗНАЧЕННОМУ ДНЮ ОТЫСКИВАЮТЪ МАЛЕНЬКУЮ СОБАЧКУ, ОДНОЛѢТКУ, БВЛЮШЕРСТНЮЮ; ТОПЯТЬ КЪ НОЧИ ПЕЧЬ *ЖАРКО НА ЖАРКО*, И СЪ ПРНІЕМЪ ПЕРВЫХЪ ПВТУХОВЪ ПРИСТУПАЮТЪ КЪ ДФЛУ. ЛЕЧЕЙКА СВЯЗЫВАЕТЪ СОБАКЪ НОГИ, И КЛАДЕТЬ ВЪ ТОПЛЕНУЮ ПЕЧЬ, ПОТОМЪ ПРИПНМАЕТЬ ВЪЗ ПОЛЫ ОТЪ МАТЕРИ БОЛЬНОЕ ДИТИ, И КЛАДЕТЬ РЯДОМЪ СЪ СОБАКОЮ. ПОСЛѢ ЭТОГО НАЧИНАЕТЬ ПАРИТЬ ДИТИ И СОБАКУ. РОДИТЕЛИ УВѢРЕНЫ, ЧТО ЧВМЪ БОЛЬШЕЕ ДИТИ КРИЧИТЬ, ТВМЪ СКОРѢЕ СЪ НЕГО СХОДИТЬ БОЛѢСТЬ. ПАРЕНІЕ КОНЧИЛОСЬ. ДИТИ ПЕРЕДАЕТСЯ МАТЕРИ ТАКЖЕ НА ПОЛУ, ПОЛУВОЛНОЕ, ПОЛУИЗМУЧЕННОЕ, И ПЕРВДКО УМПРАЮЩЕ. СОБАКУ ВСЕГДА СТАРАЮТСЯ ВЪ ЭТУ ЖЕ НОЧЬ УТОПИТЬ.

С К А З А Н И Я

о

В О Р О Ж Е Б ы.

1. Гадание на картахъ.

Ворожить на картахъ такъ усилилось въ городской жизни, что сдѣвалось особенною принадлежностию людей, посвятившихъ такому занятію всю свою жизнь. Въ селахъ ворожба сего рода известна волѣ въ разговорахъ, нежели на самомъ дѣлѣ. Тамъ занимаются болѣе дворовые люди, затѣзжие изъ городовъ, по привычкѣ; но поселяне не вѣрятъ этой ворожбѣ. Здѣсь нѣть чудеснаго, увлекательнаго для ихъ воображенія; здѣсь нѣть олицетворенія, могущаго потрясти ихъ духъ; здѣсь разсказы не проникаютъ ихъ грубую жизнь такими утонченными страстями, какъ это бываетъ въ городской жизни. Слѣдовательно: ворожба на картахъ родилась въ городахъ.

Приступая къ открытию гаданія на картахъ, мы не намѣрены входить въ объясненіе разныхъ способовъ, употребляемыхъ гадателями. Это суть предметы условные, всегда измѣняемые по волѣ людей, и разнообразные до безконечности. Мы только скажемъ здѣсь о главномъ характерѣ гаданія картахъ.

Гаданіе на картахъ присвоили себѣ женщины, записавшія гадательницы, люди, имѣющіе связь со всѣми дворовыми людьми, съ торговками, посѣщающими многіе дома, съ разнощиками, обхаживающими ежедневно большую часть города. Сосредоточивая себѣ всегда въ эту сферу, они ежедневно собираются отъ нихъ свѣдѣнія о домашней жизни городскихъ людей. Толпа людей, посѣщающихъ дома гадательницъ, всегда бываетъ известна ворожеямъ. Соображаясь съ получаемыми свѣдѣніями, они напередъ знаютъ: кто и за чѣмъ пришелъ? что должно сказать каждому? Всѣ посѣтители вѣрятъ имъ на слово, не требуя ни какихъ

доказательствъ. За то всѣ отвѣты ворожеекъ бывають двусмысленны. Главная основанія гаданія на картахъ сосредоточиваются на слѣдующихъ наблюденіяхъ:

1. Люди, посѣщающіе ворожеекъ, по большей части, бывають влюбленные, люди, имѣющіе въ виду надежду и отчаяніе. Такимъ людямъ ворожейки, смотря по щедрости, всегда предсказываютъ отгадь благопріятный. Люди отчаянны въ своей любви, разгоряченны, несвязны въ разговорахъ, сами говорятъ о себѣ ворожейкамъ въ худую сторону.

2. Второй отрядъ людей, посѣщающихъ ворожеекъ, состоитъ изъ мужчинъ и женщинъ, лишенныхъ собственности разными образами. Какъ не узнать этихъ людей! Томность, горесть, отчаяніе, минутная надежда, выражаемая улыбкою при добромъ для нихъ разсказѣ, нетерпѣливость, безпрерывные разговоры объ однихъ себѣ, удаление отъ людей веселыхъ, отчужденіе отъ любопытныхъ предметовъ, всегда указываютъ ворожейкамъ: за чѣмъ лвились къ нимъ люди, носящіе на себѣ отпечатокъ своихъ несчастій!

3. Третій отрядъ людей состоитъ изъ особъ, желающихъ знать: какимъ образомъ улучшить свои домашнія обстоятельства? Одежда, непредвѣщающая большаго достатка; разговоры о трудностяхъ домашней жизни; распросы о должностяхъ легкихъ, покойныхъ, выгодныхъ; разныя предприятия, невольно высказываемыя; радость и отчаяніе, безпрерывно смѣняемыя при раскидываніи картъ — вотъ вѣрные указатели для ворожеекъ.

На этихъ-то признакахъ и на собираемыхъ свѣдѣніяхъ совершаются гаданія на

КАРТАХЪ. Удачное открытие ворожейки всюду разносится и притомъ всегда въ увличенномъ видѣ; неудача же скрывается отъ стыда и слабости. Страсти вездѣ берутъ перевѣтъ; но въ картахъ еще болѣе видно ихъ владычество. Люди, обманутые ворожейками не сколько разъ, не картамъ приписываютъ свои неудачи, но всегда постороннимъ обстоятельствамъ, и при первомъ слухѣ о новой, чудесной ворожейкѣ, толпами вѣрутъ въ покой обманщицы и вѣрятъ въ карты.

Довѣренность къ картамъ, проиская отъ страстей и худаго направления духа, можетъ быть только истреблена однимъ истиннымъ, вѣрнымъ образованіемъ ума и удалениемъ страстей. Всѣ предприятия для этого будутъ тщетны, если люди будутъ чуждаться умственнаго образованія.

2. Гаданіе на кофѣ.

Гаданіе на кофѣ образовалось въ городахъ и изъ нихъ еще не перешло въ селенія. Довѣренность къ такому роду ворожбы гораздо сильнѣе, нежели къ картамъ; отъ того то люди какъ-то неохотно приступаютъ къ гаданію на кофѣ; одно отчаяніе, рѣдко крайность отваживаются на это. Повѣrie, что гаданіе на кофѣ всегда сбывается, отклоняетъ многихъ отъ такой ворожбы.

Главныя основанія ворожбы на кофѣ также основаны на знаніи семеиныхъ дѣлъ и страстей. Кофейницы, какъ записныя ворожейки, должны быть женщины пожилыхъ лѣтъ, говорливыя, расторопныя, и часто пьяные, по Русскому народному повѣрию, пьющими отъ ума.

Кофейницы свою ворожбу производятъ открыто, одною густотою варенаго кофея. Принимая къ себѣ посѣтителей, они эту густоту кладутъ въ чайную чашку, накрываютъ чайнымъ блюдечкомъ; лотомъ опрокидываютъ чашку вверхъ для того, чтобы кофейная густота пристала къ стѣнкамъ чашки. За симъ снимаютъ блюдечко, чашку ставить поодаль на столъ, на блюдечко наливаютъ воды; взявшіи чашку за дно, опускаютъ на блюдечко, погружая

треократно, при произношении словъ: *вѣрность, дружба и согласіе*. Послѣ этого поднимаютъ чашечку и начинается гаданіе, сообразно тѣнямъ и знакамъ отражающимъся на кофейной густотѣ. Тѣни и знаки, какъ примѣты условные, изъясняются слѣдующимъ образомъ:

Тѣнь гелевѣка имѣть два значенія: влюбленнымъ предсказывается свиданіе, лишеннымъ имущества вѣчную пропажу.

Тѣни зданій всегда предсказываются: богатымъ счастливыя предвѣщанія, бѣднымъ худыя ожиданія, щедрымъ нечаянное обогащеніе.

Тѣни земель и растеній предсказываютъ: вѣчные раздоры, худыя замыслы, разрывъ любовныхъ связей, неудачи въ дѣлахъ, худыя обороты, тоску, грусть.

Тѣни животныхъ предсказываютъ: опасность отъ злыхъ людей, неблагоприятную дорогу, огорчительныя письма, известія о разстройствѣ имѣній, опасность за друзей и влюбленныхъ.

3. Гаданіе на псалтырь.

Гаданіе на псалтырь принадлежитъ вмѣстѣ сельской и городской жизни. Люди бояться гаданій этого рода, страшася ихъ сбывчивости; но при всемъ томъ ворожба эта производится явно, съ совершениемъ какихъ-то молитвъ.

Записныхъ гадателей на псалтырь рѣдко встрѣчаемъ. Этими занимаются по большей части домашніе люди, своего рода, старушки, знающія всю подноготную. Присутствія къ ворожбѣ, они берутъ ключъ, пущутъ записочки, требуютъ псалтырь. Записочки вкладываютъ въ псалтырь, ключъ винтовымъ концемъ вкладываютъ также въ псалтырь, а круговой конецъ связываютъ веревочко съ псалтыремъ. Потомъ заставляютъ посторонняго человѣка держать на указательномъ пальцѣ ключъ съ псалтыремъ. Послѣ этого ворожея читаетъ тайно какой то псаломъ. Если въ это время завертится псалтырь на пальцѣ, то означаетъ хороший признакъ и гаданіе выдается удовлетворительное. Если псалтырь не вѣртится,

то это худой признакъ, гаданіе, необъщающее хорошаго.

Основаніе этой ворожбы заключается въ соблюдении равновѣсія. Малѣйшая неосторожность служитъ въ пользу обманщицъ. Такой родъ гаданія производится еще другимъ образомъ: открываютъ по произволу псалтыри и заставляютъ приходящихъ читать. Послѣ каждого чтенія начинается толкованіе. Всякой благородной человѣкѣ можетъ на передъ представить: какое выдается толкованіе. Обманщицы, сообразяясь съ обстоятельствами, прискиваютъ такие псалмы, какіе ближе къ обстоятельствамъ жизни приходящаго человѣка.

Сей способъ гаданія перешелъ къ намъ съ Запада. Шмидтъ, въ своей исторіи о Германцахъ, упоминая о соборѣ Епископа Бургарда, приводитъ вопросные пункты о гаданіи на псалтырѣ. Слѣдовательно: это гаданіе не принадлежитъ собственно Русской жизни; но оно передѣлано на свой ладъ, по подобію другихъ гаданий.

4. Гаданіе на рѣшетѣ.

Гаданіе на рѣшетѣ существуетъ болѣе въ деревняхъ, нежели въ городахъ. Доступное всѣмъ возрастамъ и состояніямъ, оно принимается съ болѣею довѣренностю при пропажѣ домашнѣхъ вещей и животныхъ. Дворовые люди въ селеніяхъ почитаются самыми искусными въ гаданіи на рѣшетѣ. Замѣчательно здѣсь особенное исключение: сельскихъ девушки отлучаются отъ рѣшета; его непремѣнно должна совершать замужняя женщина.

Основное положеніе гаданія на рѣшетѣ состоѣть въ соблюдении равновѣсія. Чѣмъ болѣе попытокъ дѣлается, тѣмъ рѣшето скорѣе теряетъ равновѣсіе. Ворожѣки, для увеличенія обмана, прежде съвѣтъ этимъ рѣшетомъ спѣгъ, потомъ вытрясаютъ его при лунномъ сѣрѣ. Такое рѣшето, по разсказамъ поселянъ, имѣть болѣе дѣйствія.

Способъ гаданія на рѣшетѣ совершаются двоякимъ образомъ. Берутъ рѣшето, утверждаютъ его на указательномъ пальцѣ, вытягиваютъ руку въ сторону, и потомъ на-

чипаютъ причитывать имена тѣхъ людей, на кого падаетъ подозрѣніе. Если при чьемъ имени посвѣтитель и ворожея замѣтятъ, что рѣшето повернулось, тотъ почитается воромъ.

Второй способъ гаданія совершается иначе: На верху рѣшета привязываются пожницы. Приглашаютъ въ свидѣтели двухъ посторонніхъ человѣкъ. Эти свидѣтели ставятъ концы пожницъ на своихъ средніхъ пальцахъ. Въ это время ворожея начинаетъ причитывать: «Бѣлый укралъ? Черный укралъ? Рыжий укралъ? Свѣдѣй укралъ? Свѣтлорусый укралъ? Темнорусый укралъ?» При каждомъ вопросѣ замѣчаютъ: не завѣтѣлось ли рѣшето? Если рѣшето завѣтѣлось при вопросѣ: «Бѣлый укралъ?» — то похититель есть бѣлый человѣкъ. Послѣ чего начинается толкованіе, что этотъ бѣлый имѣть такія та пріимѣты. Само собою разумѣется, что описание пріимѣтъ дѣлается со словъ приходящихъ, или производится собразно обстоятельствамъ и времени.

5. Гаданіе на яицахъ.

Гаданіе на яицахъ принадлежитъ въ сельской жизни однѣмъ дѣвицамъ; но въ городахъ оно имѣть разныя пріпаровеленія. Такимъ производствомъ почти всегда занимаются бродящія старухи, а изъ домашнѣхъ яицкі. Толкованія старухъ и илникъ принимаются за сущую правду.

Приступая къ гаданію, старухи берутъ теплую воду въ стаканъ и распускаютъ въ немъ яичной бѣлокъ. При выпусканіи эта вода отражаются различными *фигурами*. Потомъ-то фигурамъ начинается гаданіе.

Фигура, выражавшая церковь предвѣщаетъ: дѣвушкѣ скорою свадьбу, пожилой смерть.

Фигура, отражающая корабль съ парусами предвѣщаетъ: замужней женщинѣ скорое прибытие мужа, дѣвушкѣ отдачу замужъ на чужую сторону, молодому мужчины отдаленное путешествіе.

Если бѣлокъ вдругъ опустится на дно стакана, то это угрожаѣтъ опаснымъ бѣд-

ствиемъ, смертию, пожаромъ, въчпою незамужнею жизнью.

Объяснение сего гадания основывается на простомъ химическомъ законѣ, на соединении двухъ разнородныхъ веществъ. Люди, неслыхавшие объ этомъ законѣ, вѣрятъ безусловно въ толкованіе ворожеекъ.

6. Гаданіе на иглахъ.

Гаданіе на иглахъ такъ обыкновенно въ кругу дѣвичьей жизни, что если какая дѣвушка не попросить объ этомъ ворожееку, то всегда поносится отъ своихъ подругъ. Кто знакомъ съ сельскими воспитаніемъ, кто знаетъ съ какими предразсудками воспитываются эти дѣвицы, тотъ легко пойметъ происхожденіе гаданія на иглахъ.

Сельскія дѣвушки, решаясь гадать на иглахъ, просятъ или ворожеекъ, или наинекъ; сами же гадать не должны: правда не сбывается. Ворожейки берутъ две иглы, натираютъ саломъ, опускаютъ ихъ въ стаканъ съ водою. Если иглы потонутъ, то это худой признакъ; если они сошлись вмѣстѣ, то это предвещаютъ скорое вступленіе въ замужество; если они разошлись одна противъ другой, то это означаютъ, что есть препятствія къ свадьбѣ со стороны недоброжелателей; если они разошлись въ разные стороны, то это предсказываютъ вѣчную незамужнюю жизнь. Всякое явленіе сопровождается намеками на извѣстныхъ жениховъ, и при каждомъ разѣ выпытываются отъ дѣвушекъ семейныя тайны и передаются ихъ женихамъ.

7. Гаданіе на воскѣ.

Гаданіе на воскѣ употребляется сельскими и городскими дѣвушками во время святочныхъ вечеровъ, по совету наинекъ и ворожеекъ. Желая узнать своего суженаго въ глаза, отчаянныя дѣвушки это гаданіе совершаютъ въ банѣ, въ полуночные часы. Явленіе на лбу суженаго совершается по милости усмѣшливыхъ илюшекъ. Расторопный суженый, подкупая наинекъ, съ вечера переселяется въ баню и дожидается прихода суженой. Когда же суженая хочетъ гадать, онъ предстаетъ къней, бру-

чаетъ кольцо и скрывается. Дѣвушка отъ испуга ахаетъ, падаетъ въ обморокъ, а послѣ подсыпаются свахи, женихъ является на смотрины и дѣло слаживается безъ дальнѣхъ хлопотъ.

Гаданіе на воскѣ, производимое въ присутствіи многихъ въ домѣ, совершается съѣдующимъ образомъ: растапливаютъ воскѣ и вливаютъ его въ стаканъ съ холодною водою. Въ это время опытная наинекъ начинаютъ давать предсказанія по отражающимся фигурамъ. Знакомымъ и тороватымъ дѣвушкамъ предсказываютъ все хорошее, благоприятное; напротивъ того бѣднымъ, незнатнымъ, отгадываютъ все худое, оскорбительное. Часто между дѣвушками заводятся интриги. Изъ ненависти къ своей подругѣ подкупаютъ ворожейку, которая высказываетъ нелѣпости разнаго рода. Отъ этого иногда происходятъ вѣчные семейные раздоры.

8. Гаданіе на свинцѣ.

Гаданіе на свинцѣ принадлежитъ къ святочнымъ тайнамъ, производится въ городахъ и селахъ, подъ рукою наинекъ. Въ этомъ гаданіи участвуютъ только дѣвицы, перенесшія всѣ прочіе роды гаданій. Общее народное замѣчаніе для этого гаданія есть: скрытность отъ отца и матери, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уединенность для занятія.

Ворожен растапливаютъ свинецъ, вливаятъ его въ холодную воду и дѣлаютъ свои наблюдательныя замѣчанія. На какую сторону будутъ отдаваться пары, на той стоянѣть быть дѣвицѣ замужемъ. Если свинецъ будетъ представлять церковь, то это означаетъ скорую свадьбу; если будетъ поклоняться гробу, то это предвещаетъ скорую смерть.

9. Гаданіе въ зеркаль.

Самое действительное *гаданіе въ зеркаль* совершается на дворѣ при лунномъ сияніи, во время святочныхъ вечеровъ. Впрочемъ, по необходимости, совершается и въ домѣ, а притомъ во всякое время. Лучшее время для этого гаданія признаетъ

ся полночь, при тускломъ комнатномъ свѣтѣ, при всеобщемъ молчаніи.

Гаданіе въ зеркаль не принадлежитъ къ кругу изобрѣтений Русскихъ ворожеекъ; оно перешло въ наше отечество изъ другихъ земель. Суевѣрные Греки, получившие это завѣщаніе отъ древней Восточной жизни, существовали его своими таинствами, принаравливали къ разнымъ обстоятельствамъ, и потомъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, передали его разнымъ народамъ. Какъ чудесный вымыселъ, какъ обольстительное обояніе, оно пережило вѣка, нравилось всѣмъ народамъ, измѣнялось по прихоти каждого ворожеи. Наконецъ довелось участвовать въ немъ и Русской жизни.

Наши ворожеи, сбираясь гадать въ зеркаль, избираютъ уединенную комнату, берутъ два зеркала, одно большое, другое поменьше. Ровно въ 12 часовъ ночи начинается гаданіе. Большое зеркало ставятъ на столъ, противъ него маленькое; гадательница садится предъ зеркаломъ, оставленномъ свѣчами. Всѣ окружающие наблюдаютъ глубокое молчаніе, сидя въ сторонѣ; одна только гадательница смотритъ въ зеркало. Въ это время въ большечь зеркаль начинаютъ показываться одно за другимъ 12 зеркалъ. Какъ скоро будутъ *паведенцы зеркала*, то въ послѣднемъ изъ нихъ отражается загадываемый предметъ. Но, какъ явление не всегда показывается, то начинаятъ другія наводить. Вѣрный признакъ наведенія есть тусклость зеркала, которое протираютъ полотенцемъ. Наши ворожеи думаютъ, что суженый, вызванный по неволѣ этимъ гаданіемъ, приходитъ въ гадательную комнату и смотритъ въ зеркало чрезъ плечо своей суженой. Суженая, водная и смѣлая, всегда разсматриваетъ всѣ черты лица, платье и другія его пріимѣты. Когда она кончить свой обзоръ, тогда кричить: «Чуръ сего мѣста!» При этомъ чураніи привидѣніе вдругъ исчезаетъ. Старушки утверждаютъ, что если суженая не зачураетъ привидѣніе, тогда оно садится за столъ, вынимаетъ изъ кармана что-нибудь, кладетъ на столъ. Догадливыя гадательницы въ роковой мигъ начинаютъ чуратъ; привидѣніе исчезаетъ, а оставленная

на столѣ вещь остается въ елъ пользу. Послѣдствія оправдываютъ ожиданіе ворожеекъ: оставленная вещь будто всегда похищается у женщина, въ то самое время, когда его суженая наводить зеркала. Самое важное обстоятельство въ этомъ гаданіи есть слова: «Суженой, ряженой! Покажись миз въ зеркаль» и мысль объ немъ до появления двѣнадцатаго зеркала.

Почти всеобщая увѣренность въ дѣйствительность сего гаданія, заслуживаетъ сожалѣніе о заблужденіи людей, доступныхъ этому вѣрованію. Установка зеркаль, отражающихъ мелькающія тѣни присутствующихъ людей при гаданіи, сообразно законамъ Оптики; разгорячаемое воображеніе, устремляемое на извѣстный предметъ; вѣра въ дѣйствительность сего гаданія, подтверждаемая разсказами старухъ; воспитаніе, неочищенное отъ предразсудковъ, служить основными началами этой ворожбы. Истинное образование ума, непреложная вѣра въ Бога, усиленія людей благомыслиющихъ, можетъ быть, со временемъ, избавлять нашихъ соотечественниковъ отъ льваго заблужденія.

10. Гаданіе курицею.

Гаданіе герною курицею принадлежитъ вѣкамъ всеобщаго Европейскаго суевѣрія, когда слова людей виновныхъ не имѣли вѣрности въ судѣ, когда пустыя испытания винили праваго, оправдывали виновнаго, когда дерзкий преступникъ, одаренный физическю силу, съ мечемъ въ руки защищалъ свою правоту. Когда это гаданіе зашло въ Русскую землю, доказать не возможно. Наши ворожеи употребляютъ его для открытия похитителей.

Въ семействѣ, гдѣ случилось похищеніе, всегда подозрѣваютъ многихъ, особенно въ деревняхъ. Тамъ правыхъ и виноватыхъ сбираютъ вечеромъ въ одну избу, тушить огонь, и впускаютъ курицу, осыпанную сажею. Курица, обходя правыхъ, прикасается къ нимъ; но подходя къ вору будто кричить, бѣжитъ прочь и не поднѣскать его къ себѣ. Въ этомъ случаѣ всѣ правые, по необходимости, окрашиваются сажею; одинъ только похититель не удо-

стоинвается этой почести. Потомъ вносятъ огонь и смотрятъ: кто окрашень сажею, и кто пытъ? Если есть человѣкъ, свободный отъ этого, то онъ признается виноватымъ.

Этотъ способъ, открывавшій похитителя въ деревняхъ, всѣмъ извѣстенъ. Виновный, зная сѣдѣствія, не ужели не захочеть оправдать себя? Онъ, способный на всѣ роды хищенія, не ужели будетъ равнодушенъ къ курицѣ? не ужели побоится ея прикосновенія, особенно поселянинъ, грубый и безстрашный? Минъ извѣстенъ случай, гдѣ производилось открытие похитителя такимъ гаданіемъ. У одного крестьянина были сведены лошади. Подозрѣніе пало на живущаго работника. Прибѣгли къ гаданію курицею. Всѣ собранные были окрашены сажею; одинъ только четырехъ-лѣтній мальчикъ былъ пощаженъ курицею. Истинный похититель — работникъ былъ избавленъ отъ подозрѣнія; а мальчика вся деревня признавала виновнымъ дотолѣ, пока открылось, чрезъ восемь мѣсяціевъ, что работникъ былъ похитителемъ. Между тѣмъ явное открытие не могло облагородить поселянъ въ ослѣпленіи своего поступка. Такъ сильно дѣйствуютъ предразсудки надъ грубыми поселянами и такъ могутъ быть иногда вредны ихъ повѣрія.

11. Водогаданіе.

Водогаданіе въ Русской семѣйной жизни присвоили себѣ ворожейки, женщины, распоряжающія всѣми домашними сплетнями. Суевѣрные люди, допускающіе всѣ возможные вздоры, находятъ, утѣшеніе въ бесѣдахъ въ ворожейками, сами поддерживаютъ ихъ ремесло. Записная ворожейки, выдавая Водогаданіе какъ дѣйствительное средство для отгадыванія семѣйныхъ тайнъ, всегда говорятъ, что онъ научитъ и этому отъ страшнаго колдуна, и могутъ вѣрно все отгадывать на водѣ, чтобы имъ не предлагали. Въ званіе Водогадательницъ всегда вступаютъ женщины, ни къ чему не способные, по большей части вольноотпущенныя, солдатки и особенный классъ «кумушекъ», извѣстныхъ на Руси своею расторопности въ свадебныхъ и похоронныхъ дѣлахъ. Въ деревняхъ говорятъ, что это

ремесло на роду не приходитъ, а только передается. За передачею женщины прибегаютъ къ Знажарю, или старой колдунье. Знажарь требуетъ пословъ: штофъ вина, скатерь, девѣ рубашки, кушакъ, и полотенцо. Это все заранѣе приносится, потому что требование Знажаря известно всему селенію. Знажарь становится будущую Водогадательницу къ загѣткѣ, накрываетъ лицо полотенцемъ, ставить на столъ мису съ водою, садится на лавкѣ и дуетъ на воду; потомъ снимаетъ полотенцо съ Водогадательницы. Наговоренная вода выливается подъ верею, а въ мису вливается вино. Знажарь накрываетъ мису скатертью, приказываетъ, чтобы она явилась: «во саму утреннюю зорю». Водогадательница является пе съ пустыми руками, а съ двумя штофами вина. Здѣсь уже Знажарь научаетъ водогадательницу всѣмъ премудростямъ.

Русскія Водогадательницы всегда избираютъ одинъ день въ недѣлю: четвергъ, а другія предпочитаютъ понедѣльникъ. Вероятно, что это предпочтение ведется по преданию, безъ всяаго отчета. Русскіе люди Водогаданіе распространяютъ на многіе виды; но его, по большей части, употребляютъ для открытия похитителей, въ нашихъ степныхъ селеніяхъ.

Тамъ, гдѣ случилось похищеніе, собираютъ подозрительныхъ людей, призываютъ граматнаго, пишутъ имъ каждого на особыхъ лоскуткахъ, ставятъ на столъ огромную чашку съ водою. Ворожея беретъ записки и бросаетъ по одной въ воду. Чья пмянная бумажка выпрыгнетъ изъ воды, тотъ признается виноватымъ. Большая часть поселянъ не довѣряетъ вполнѣ этому гаданію; другие считаютъ его тогда только дѣйствительнымъ, когда производятъ на студенцѣ, означенномъ какимънибудь важнымъ событиемъ.

Неосновательность такого гаданія представляется такъ очевиднымъ, что самое поверхностьное знаніе физическихъ законовъ объясняетъ его. Если бумажка будетъ брошена угломъ въ воду, то удобно можетъ скользить по поверхности, точно также, какъ скользить камень, брошенный въ реку угломъ.

12. ГАДАНИЕ НА БОБАХЪ.

Гаданіе на бобахъ принадлежитъ записнымъ городскимъ гадательницамъ. Въ селахъ записываются этимъ болѣе дворовые люди, а особенно клюнницы, няньки и экономки, *по болѣ и по нѣвѣ барской*. Олицетворяя бобы частями человѣческаго тѣла, они разрѣшаютъ вопросы, предлагаляемыя боярами, боярышнями и боярчатами, всегда въ благую пользу. Городскія же гадательницы соображаются въ этомъ случаѣ съ собранными свѣдѣніями и лицами, къ нимъ приходящими. Замѣчательно, что въ гаданіи на бобахъ ворожеи всегда отвѣчаютъ одними мнѣніями. Постоянство гаданія заставляетъ думать, что вѣты, излагаемые ими, изучаются по преданию.

Ворожейки для этого гаданія берутъ *сорокъ одинъ бобъ* и раздѣляютъ ихъ, безъ счету, на *три линии*. Берутъ первую часть въ одну руку, а другою начинаятъ отсчитывать по четыре бобинки, откладывая ихъ въ сторону, до тѣхъ поръ, пока въ руку будеть оставаться три, два или одинъ бобъ. Этотъ остатокъ кладутъ въ *первую линію*, подъ первой части. Потомъ берутъ третью часть, отсчитываютъ также, остатокъ кладутъ въ *первую линію*, подъ третьей части. Послѣ того составляютъ *вторую линію* изъ бобовъ, отлагаемыхъ въ сторону, также въ три подарка. *Третья линія* составляется безъ счету въ три порядка, изъ бобовъ, оставшихся отъ первой и второй линіи. Такимъ образомъ устроивши три линіи, въ каждой по три порядка, приступаютъ къ отгаду на бобахъ.

Второй порядокъ въ первой линіи Ворожеи называются: *головою*, третій въ этой же линіи *рукою*, второй порядокъ во второй линіи *сердцемъ*, третій порядокъ въ третьей линіи *ногою на походѣ*.

Голова предвѣщаетъ: мысли, веселости, быстроту, состояніе ученое; *рука* предзначаетъ: багатство, бѣдность; *сердце* говорить: печаль или радость; *ноги на походѣ* означаютъ: прѣѣздъ и отправку въ путешествіе, получение, посыпку, исполненіе желанія.

Ровное число бобовъ въ порядкахъ означаетъ препятствіе къ исполненію всѣхъ желаній. Ворожеи въ этомъ случаѣ говорятъ: «Голова печальна, сердце грустно, рука пуста, ноги въ остановкѣ.» Неровное число бобовъ — *негатѣвъ* въ порядкѣ предвѣщаетъ все доброе, хорошее, благопріятное. Ворожеи тогда говорятъ: «Голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на покодѣ.

Въ этомъ заключается все таинство гаданія на бобахъ; ворожеи такъ разнообразятъ его, что посвѣтители всегда измѣняютъ свои памѣренія. То говорятъ, что ваши желанія въ этотъ день не могутъ быть разгаданы отъ возмущенія духа, то желанія высказываются не отъ сердца, то они не по мысли. Все это они разгадываниемъ подтверждаютъ, и оканчивается темъ, что только могутъ сказать ворожеи.

13. Святочные гаданія.

Никогда Русская семейная жизнь не живеть въ такомъ раздольи, какъ на Святахъ. Здѣсь всѣ возрасты принимаютъ участіе въ веселіи, особенно женскій полъ. Молодые люди среди игръ и веселій выбираютъ для себя суженыхъ; старики рассказываютъ про старину; старушки подтверждаютъ разными опытами достовѣрность гаданій. И все это совершаются вечерами, въ полномъ собраниіи многихъ семействъ. Женщины позыватки оходять дома съ приглашеніемъ, где есть девушки, въ семейство зажиточное, где лежитъ наглядное дитятко, краса девичья, зазноба молодечская.

Вся важность Святочныхъ вечеровъ заключается въ гаданіяхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Отыскивать первоначальное появление этихъ гадашъ, нѣть никакой возможности. Преданія нашихъ предковъ, письменныя и словесныя, ничего не говорять обѣ этомъ. Было бы очень несправедливо, если бы мы приписали ихъ существование временамъ не-Христіанскімъ Русскаго народа, какъ доселѣ давлагутъ съ предметами, не впощь объяснимыемъ. Мы останемся при одномъ мнѣніи, что Святочные гаданія усвоились Русской жизни

въ продолжении многихъ вѣковъ, при по-
стоянномъ или временномъ сношении на-
шихъ предковъ съ состояніемъ народами.
Если бы была возможность тщательно пре-
следовать отдаленный новѣрія по погранич-
нымъ мѣстамъ въ разныхъ вѣкахъ, потомъ
следить ихъ распространение по внутрен-
нимъ городамъ, тогда бы мы могли съ то-
чностью означить: изъ какой страны, изъ
какого города, отъ какого народа перешли
къ намъ съеврѣнія новѣрія, гдѣ они были
приняты, гдѣ нѣтъ, гдѣ исчезли, гдѣ и
доселе существуютъ. Мысль едва испол-
нилась, едва возможная въ своемъ осуще-
ствленіи; но, какъ вѣроятная, она проин-
текаетъ изъ действительного вытія мнѣовъ
древней восточной жизни, столь рѣдко пе-
реживавшихъ свои періоды, столь явно пе-
реходившихъ отъ одного народа къ другому.
Мы знаемъ быть Велико-Руссовъ, мы пости-
гаемъ быть Мало-Руссовъ, мы вѣримъ от-
даленное существованіе быта Бѣло-Руссовъ;
не можемъ ли мы смѣло сказать, что они от-
дѣльны одинъ отъ другаго? Ихъ разнообраз-
ные проявленія заставляютъ думать: будто
они никогда не сливались одинъ съ дру-
гими, будто никогда жизнь Велико-Русская
не селася на поляхъ Мало-Русскихъ, если
бы Исторія не указывала намъ на по-
степенные возрассты торо и другаго, если
бы не говорили намъ дѣла, что каждый
изъ нихъ осуществлялъ свою данную мысль
при содѣствіи другаго. Отъ чего мнѣовъ,
новѣрія, семейныя сказанія Бѣло-Руссии от-
личаются отъ мнѣовъ, новѣріевъ, семейныхъ
сказаний Велико-Руссии? Отъ чего Мало-Руссъ
вѣрить въ новѣріе, едва известное Вели-
ко-Руссу, о которомъ совершенно не знаетъ
Бѣло-Руссъ? Въ чёмъ заключается основная
причина переселенія мнѣовъ отъ одного
народа къ другому? Отъ чего происходить
ихъ усвоеніе той или другой общественной
жизни? Подробное обозрѣніе общественной и
семейной жизни рѣшительно оправдываетъ
предположеніе о переходѣ новѣрій въ Рус-
скую жизнь въ продолжении многихъ вѣковъ
и отъ многихъ народовъ.

Самтогній гаданій, совершаемый досе-
ль въ Русской семействной жизни, производ-
ится вечерами, съ 25 Декабря по 5 Ина-
ря, и притомъ въ разное время. Такъ одни

совершаются вечеромъ, другія въ полночь,
а третьи приготавляются ко сну.

Вечернія гаданія обыкновенно начинают-
ся съ той минуты, какъ скоро освѣщаются
огнемъ комнаты. Исчислемъ здѣсь неко-
торыя изъ нихъ.

Собравшись всѣ вмѣстѣ, въ одинъ домъ,
дѣвицы выходить на улицу: здѣсь каждая изъ
нихъ должна спрашивать о имени первого,
встрѣтившагося ей человѣка. Онъ вѣрить, что
такимъ именемъ будетъ называться ихъ су-
женій. Это самое окликаніе производится
подъ Новый годъ; дѣвишки тогда выхо-
дятъ па перекрестокъ съ пирогомъ.

Ходять слушать подъ окны чужихъ до-
мовъ, и внимая газговору веселому или
скучному, предрѣкаютъ себѣ такую же
жизнь въ замужствѣ.

Ходять въ темнотѣ въ дровяной сарай,
берутъ полно изъ полѣнницы, и потомъ
въ покояхъ смотрѣть: если оно гладкое,
то мужъ будетъ хороши; а если кому по-
падется суковатое, особенно съ трещинами,
то онъ будетъ дурной и сердитой.

Выводить изъ конюшни лошадей чрезъ
оглоблю. Если, которая зацѣпить оглоблю
ногами, то мужъ будетъ сердитой; если же
перескочить чрезъ нее, то мужъ будетъ ти-
хий и смиренный.

Подходить къ анбарамъ: если услышать
пересыпку хлѣба, то уверяютъ себѣ, что
ихъ замужняя жизнь будетъ достаточная.

Слушаютъ подъ церковнымъ замкомъ:
если подслушаютъ пѣніе: «Со святыми у-
покой», то это предвѣщаетъ смерть; если
услышать что нибудь свадебное, то озна-
чаетъ, что въ томъ же году выдуть замужъ.

Снимаютъ съ настѣни курь и приносятъ
въ ту горницу, гдѣ заранѣе приготовлено
въ трехъ мѣстахъ: вода, хлѣбъ, кольцы
золотыя, серебряные, мѣдные. Если чья
курица будетъ пить воду, то мужъ будетъ
пьянница; если будетъ есть хлѣбъ, то мужъ
будетъ бѣднякъ; если возьметъ кольцо зо-
лотое, то мужъ будетъ богачъ; если сере-
бряное, то мужъ будетъ ни богатъ ни бѣ-
день; если же сдвинеть съ мѣста мѣдное,
то будетъ нищий.

Пересчитываютъ въ лѣсницахъ балысы,

ГОВОРЯ: «ВДОВЕЦЬ, МОЛОДЕЦЬ», И ДОХОДЯ ДО ПОСЛДНЕЙ, СМОТРЯТЬ: НА КАКОМЪ СЛОВЪ ОСТАНОВИЛСЯ, ТО ТАКОЙ БУДЕТЬ И МУЖЪ.

ВЫХОДЯТЬ КЪ ЗАБОРУ И ГОВОРЯТЬ: «ЗАЛАЙ, ЗАЛАЙ СОБАЧЕНЬКА, ЗАЛАЙ СТРИЛЬКОЙ ВОЛЧЕКЪ.» ВЪ КОТОРОЙ СТОРОНѣ УСЛЫШИТЬ ДВУШКА ЛАЙ, ВЪ ТОЙ СТОРОНѣ БУДЕТЬ ЖИТЬ ЗАМУЖЕМЪ. ЕСЛИ ЛАЙ РАЗДАЕТСЯ БЛИЗЬ ДОМА, ТО ЭТО ПОКАЗЫВАЕТЪ, ЧТО ОТДАДУТЬ ЗАМУЖЪ НЕ ВЪ ДАЛЬНЮЮ СТОРОНУ; ЕСЛИ ЖЕ ЛАЙ БУДЕТЬ ТИХІЙ, ЕДВА СЛЫШНИЙ, ТО БУДЕТЬ ВЫДАНА ЗАМУЖЪ НА ЧУЖУЮ СТОРОНУ.

БРОСАЮТЬ БАШМАКИ ЧРЕЗЪ ВОРОТА НА УЛИЦУ, ПОТОМЪ ВЫХОДЯТЬ САМИ НА УЛИЦУ И СМОТРЯТЬ: ВЪ КОТОРУЮ СТОРОНУ ОНЪ ОБРАЩЕНЬНОСКОМЪ, ТАМЪ И БЫТЬ ЗАМУЖЕМЪ. ХУДОЙ ПРИЗРАКЪ ДЛЯ ДВУШКИ, КОГДА ЕЯ БАШМАКЪ ЛЕЖИТЬ ОБРАЩЕННЫЙ КЪ ДОМАШНИМЪ ВОРОТАМЪ: ВЪ ЭТОТЪ ГОДЪ НЕ БЫТЬ ЕЙ ЗАМУЖЕМЪ.

ХОДЯТЬ СМОТРѢТЬ ВЪ ОКНЫ СОСТДЕЙ ВО ВРЕМЯ УЖИНА. ЕСЛИ ЗАМѢТЬТЬ СИДЯЩИХЪ ЗА СТОЛОМЪ СЪ ГОЛОВАМИ, ТО ПРЕДВѢЩАЮТЬ СЕБѢ, ЧТО БУДУЩІЕ РОДНЫЕ ВСЪ БУДУТЬ ЖИВЫ; ЕСЛИ ЖЕ ВИДЯТЬ БЕЗЪ ГОЛОВЪ, ТО ДУМАЮТЬ, ЧТО ОНИ СКОРО ВСЪ ВЫМРУТЬ.

ПОСЛЪ ПОДВЛОНДНХЪ ПѢСНЕЙ ВЫНОСТЬ ВОДУ НА ДВОРЪ, И КАЖДАЯ ИЗЪ ДВУШЕКЪ, ОТЛИВА НѢСКОЛЬКО ЭТОЙ ВОДЫ ПОДЪ ВЕРЕЮ, БЕРЕТЬ ВЪ ГОРСТЬ СНѢГУ. ПРИХОДЯ ВЪ ПОКОЙ, СМОТРЯТЬ: КАКОГО ЦВѢТА СНѢГЪ, ТО ТАКОВЪ БУДЕТЬ И СУЖЕНЫЙ.

ПОЛУНОЧНЫЯ ГАДАНІЯ ВСЕГДА НАЧИНАЮТСЯ ПОСЛЪ УЖИНА, СЪ 12 ЧАСА ПОЧИ. ВЪ НИХЪ УЧАСТВУЮТЪ ВЗРОСЛЫЕ ДВУШКИ, ВЪ ПРИСУСТСТВІИ ОПЫТНЫХЪ СТАРУШЕКЪ. ИСЧИСЛЯЕМЪ ЭТИ ГАДАНІЯ.

ГАДАЮЩІЯ ДВУШКИ САДЯТСЯ У ОКОНЪ, ВЫГОВАРИВАЯ КАЖДАЯ: «СУЖЕНЫЙ РЯЖЕНЫЙ! ПОЗЖАЙ МИМО ОКНА.» ЕСЛИ КОТОРАЯ УСЛЫШИТЬ ПОВѢЗДЪ СЪ КРИКОМЪ, СЪ СВИСТОМЪ, ТО ПРЕДВѢЩАЕТЪ СЕБѢ ЖИЗНЬ ВЕСЕЛУЮ И ХОРОШУЮ; А КОГДА ПОВѢЗДЪ БУДЕТЬ ТИХОЙ, ТО ОБРѢКАЕТЪ СЕБѢ ЗАМУЖНИЮ ЖИЗНЬ ВЪ ВДНОСТИ.

ВЫВѢШИВАЮТЬ ЗА ОКНО КЛЮЧИ, ЩЕТКУ. КТО ИЗЪ ПРОХОДЯЩИХЪ ИХЪ ПОШЕВИЛНТЬ, СПРАШИВАЮТЪ ЕГО: «КАКЪ ЗВАТЬ?» ДУМАЮТЬ, ЧТО ЭТИМЪ ИМЕНЕМЪ БУДЕТЬ НАЗЫВАТЬСЯ СУЖЕНЫЙ.

БЕРУТЬ СКОРЛУПЫ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ, РВѢЖУТЬ ВОСКОВЫЯ СВѢЧИ НА МАЛЕНЬКИЕ КУСОЧКИ, ВСТАВЛЯЮТЬ ВЪ СКОРЛУПЫ, ПУСКАЮТЬ ПЛАВАТЬ ВЪ ЧАШКУ, НАПОЛНЕННУЮ ВОДОЮ. ПОТОМЪ КАЖДАЯ ИЗЪ ДВУШЕКЪ ЗАЖИГАЕТЬ СВѢЧКИ СВОЕЙ СКОРЛУПЫ. ЗДЕСЬ ЗАМѢЧАЮТЬ: КОТОРАЯ ПОТОНЕТЬ, ТА УМРЕТЬ НЕ ЗАМУЖЕНО; У КОТОРОЙ СКОРЛУПЕ СГРЯТЬ СВѢЧКИ, ТА ПРЕЖДЕ ВСѢХЪ ВЫДЕТЬ ЗАМУЖЪ; А У КОТОРОЙ БУДЕТЬ ГОРЬТЬ ДОЛГЕ ВСѢХЪ, ТОЙ НЕ БЫВАТЬ ЗАМУЖЕМЪ.

ОТЧАЛННАЯ ДВУШКА НАКРЫВАЕТЬ ВЪ ПУСТОЙ КОМНАТѢ СТОЛЬ СКАТЕРТЬЮ, КЛАДЕТЬ ПРИГОРЬ, КРОМЪ НОЖА И ВИЛКИ, И ГОВОРЬТЬ: «СУЖЕНЫЙ, РЯЖЕНЫЙ! ПРИДИ КО МНѢ ПОУЖИНАТЬ.» ВСЪ ОКРУЖАЮЩІЕ ВЫХОДЯТЬ ВЪ БЛИЖНІЕ ПОКОИ, А ОНА, ОСТАВШИСЬ ОДНА, ЗАПИРАЕТЬ ДВЕРИ, ОКНЫ, САДИТЬСЯ ЗА СТОЛЬ СЪ ОЖИДАНІЕМЪ СУЖЕНАГО. ПРИЗНАКИ ПРИЕЛИЧНІЯ СУЖЕНАГО СУТЬ СЛѢДУЮЩІЕ: ВЪТРЪ ЖУЖЖИТЬ ПОДЪ ОКНАМИ, СЪ СВИСТОМЪ; УДАРЫ ВЪ ОКНЫ, ВЪ ДВЕРЬ; СМРАДНЫЙ ЗАПАХЪ. ПОТОМЪ ЯВЛЯЕТСЯ СУЖЕНЫЙ. ДВУШКА ДОЛЖНА СПАДЬТЬ НА СВОЕМЪ МѢСТѢ, МОЛЧАТЬ НА ВСЪ ВОПРОСЫ, ЗАМѢЧАТЬ ЧЕРТЫ ЛИЦА И ПЛАТЬЕ. СУЖЕНЫЙ САДИТЬСЯ ЗА СТОЛЬ, НАЧИНАТЬ ГОВОРЬТИ. ДВУШКА ВМѢСТО ОТВѢТА СПРАШИВАЕТЬ: «КАКЪ ЗВАТЬ?» СУЖЕНОЙ СКАЗЫВАЕТЬ ИМЯ, ВЫНИМАЕТЬ ЧТО НИБУДЬ ИЗЪ КАРМАНА. ВЪ ЭТОТЪ МИНГЪ ДВУШКА ДОЛЖНА ГОВОРЬТИ: ЧУРЬ МОЕГО МѢСТА! ЧУРЬ МОЕЙ ЗАГАДКИ!» СУЖЕНОЙ ИСЧЕЗАЕТЬ, ОСТАВЛЯЯ НА СТОЛЬ ВЕЧЪ, ИМЬ ПРИНЕСЕННУЮ. ЕСЛИ ОНА СРОБЪЕТЬ И НЕ ЗАЧУРАЕТЬСЯ, ТО СУЖЕНОЙ ПРОИЗВОДИТЬ РАЗПЯТЫЕ ПРОКАЗЫ.

ДВУШКИ ВЫХОДЯТЬ НА ДВОРЪ, БЕРУТЬ СКАТЕРТЬ ЗА КРАЛ, СТАРУШКА ВСЫПАТЬ СНѢГЪ. РАСКАЧИВАЯ СКАТЕРТЬ, ПРИГОВАРИВАЮТЬ: «ПОЛЮ, ПОЛЮ БВІЛ СНѢГЪ СРЕДІ ПОЛЯ. ЗАЛАЙ, ЗАЛАЙ СОБАЧЕНЬКА; ДОЗНАЙ, ДОЗНАЙ СУЖЕНЫЙ!» ВЪ ЭТО ВРЕМЯ КАЖДАЯ ДВУШКА ПРИСЛУШИВАЕТСЯ, КАКЪ ЛАЯТЬ СОБАКИ. ХРИПЛЫЙ ЛАЙ ОЗНАЧАЕТЬ СУЖЕНАГО СТАРИКА, ЗВОНКОЙ МОЛОДАГО, ТОЛСТОЙ ВДОВЦА.

ДВАЮТЬ СЪ ВЕЧЕРА ИЗЪ ВОСКУ СТАДО ЛЕБЕДЕЙ ПО ЧИСЛУ ДВУНЦЪ. ЛЕБЕДКУ ОКРАШИВАЮТЬ РУМИНАМИ, А ЛЕБЕДЬ ОСТАЕТСЯ БЕЛЫМЪ. ГАДАЛЬЩИЦЫ ВЫБИРАЮТЪ ДЛЯ СЕБѢ ЛЕБЕДА СЪ ЛЕБЕДКОЮ, ОПУСКАЮТЬ ВЪ ЧАШКУ СЪ ВО-

дою и накрывают платкомъ. Предъ тѣмъ временемъ, какъ ложится спать, смотрѣть: какъ плаваетъ лебедь съ лебедкою? Если плаваютъ вмѣстѣ, то замужняя жизнь будетъ согласная; если разошлись порознь, то будетъ вражда.

Самая отчаянная и пожилая девушки выходятъ въ лунную ночь на реку послушать въ прорубь. Плююшки стелить воловью шкуру. Девушки садятся слушать и смотрѣть въ воду. Которая выдѣтъ въ этотъ годъ замужъ, та увидитъ своего суженаго въ водѣ, точно въ такомъ нарядѣ, въ какомъ онъ придется на говорѣ; которой же сидѣть въ девкахъ, та только услышитъ одинъ стукъ изъ воды.

Наливаютъ съ вечера вѣрюмку воды, опускаютъ ко ѳцу и выставляютъ на морозъ. Предъ сномъ плююшки приносить рюмку и смотрѣть сколько бугорковъ, столько рожится сыновъ, а сколько ямокъ, столько дочекъ.

Плююшки съ вечера обсыпаютъ золой башмаки и прячутъ подъ кровати, будто скрыто отъ девушки, между тѣмъ какъ каждая напередъ договаривается обѣ этомъ. Девушки встаютъ и смотрѣть: на чьихъ башмакахъ будетъ больше золы, тѣмъ предрекается большое богатство.

Берутъ вечеромъ, въ потьмахъ, съ кудели пряжу, пачесываютъ на гребень и спускаютъ за окно. Предъ сномъ смотрѣть: какие волосы на гребнѣ, такие будуть и у суженаго.

Гаданія на сонъ совершаются девушкими по указанію старушекъ, и, для большой дѣйствительности, людьми посторонними.

Сгираютъ изъ прутниковъ мостики, кладутъ подъ подушку. Девушка ложась спать говорить: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведеть меня чрезъ мостъ.» Суженый является во снѣ и переводить за руку чрезъ мостъ.

Кладутъ подъ подушку гребенку, говоря: «Суженый, ряженый! Причеси мнѣ голову.» Суженой является во снѣ и чешетъ голову.

Берутъ наперстокъ соли, наперстокъ воды, смѣшиваютъ и Ѱдятъ. Ложась спать, девушка говорить: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ пить мнѣ иодастъ.» Суженой является во снѣ и подаетъ пить.

Кладутъ подъ подушку четыре короля и говорить: «Кто мои суженой, кто мой ряженой, тотъ приснись мнѣ во снѣ.» Суженой снится во снѣ, въ видѣ какого ипуть короля.

14. Снотолкованія.

Пѣть женщины, пѣть девушки въ нашихъ городахъ и селеніяхъ, которыя вы не вѣрили снамъ. Въ старину бывало, со всякимъ сномъ хаживали женщины къ ворожейкамъ. И тогда Русские сны можно было назвать по справедливости чудными снами. Все, что не увидѣть во снѣ, все сбывалось на яву. И какъ такимъ снамъ не вѣрить! Пынъ уже со всѣмъ не то. Увидѣть ли что во снѣ, сей часъ наводять справку съ Московскимъ оракуломъ, чуднымъ оракуломъ. Въ немъ объяснены всѣ сновидѣшія. Не отъ того-то наши современные сны никогда не сбываются.

Наші старушки различали сны по времени ихъ появления. У нихъ сны бывали: *вечерніе, полуночные, утренніе*. Вечерний сонъ не имѣть ни какой важности; ему мало вѣрили; обѣ немъ даже не ворожили. Сонъ полуночный почитался важнымъ; обѣ немъ-то заботились болѣе всего; онъ-то и привлекалъ женщинъ къ ворожейкамъ. Сонъ утренній былъ особенно принадлежностью *молодыхъ*, мужа съ женою, на первомъ году ихъ бракосочетанія. Этимъ сномъ только забавлялись старики, когда *молодая* начнетъ, бывало, разсказывать своимъ роднымъ. Сонъ девушки уважался только во время святочныхъ ночей.

Разгадываніемъ Русскихъ сновъ промышляли кумушки, старыя плюшки, сестрѣки старухи, живущіе въ одиночествѣ и особенный классъ людей — лечейки, женщины бродящія съ узелками травъ по улицамъ въ селахъ и городахъ, а по субботамъ исправлявшіе званіе акушерокъ въ банихъ. Сны разгадывались всегда по образу жизни людей и подаркамъ. Богатымъ всегда спались сны хорошие, а бѣдные, что ни увидѣть, все окончпалось бѣдою. Мы приводимъ здѣсь городскіе сны, записанные слово въ слово съ объясненіями ворожеекъ.

Сонъ молодой, богатой Русской женщины. «Вотъ какъ теперь, вижу гору высокую. Гора та не то, что наши горы земляные; не то что мой Парамонъ Филимонъчъ дѣлалъ для Мити прошлую зимою; гора была вся хрустальная; на горѣ стоялъ Теремъ. Да какой же Теремъ-то? Весь золотой, весь горитъ, какъ солнышко, весь полонъ людей. Вотъ и думаю: идти ли мнѣ во Теремъ? Пойду же, когда такъ придумалось. Иду по дорожкѣ, а гора растеть выше, Теремъ выше того. Былась, былась, а все стою на одномъ мѣстѣ. Придумала снова, какъ дѣлу быть. Не пойду, когда такъ! Сказала и сѣдала. Вдругъ вижу — и что же? Съ горы идетъ мой Парамонъ Филимонъчъ. Я бы было его и не узнала. Да и какъ было узнать? Видишь, опь былъ молодецъ молодцемъ; кафтанъ на немъ золотой парчи, шапка чернаго бобра; кудри русыя разѣбываются по плечамъ ключевой волной. А идеть то онъ не по сырой землѣ, а по ковру узорчату. Какъ подошелъ ко мнѣ, да и раскланился, да и взялъ за руку. Я-де тебя давно жду, молвилъ онъ. Какъ пошли мы, гора стала опускаться, Теремъ сталь растворяться, весь народъ покланяется. Тутъ-то я проснулась.»

Разгадываніе сна молодой, богатой женщины. «Ахъ, ты моя Доротая голубушка! — Ду какой же сонъ твой славной. Видно кому счастіе на роду написано, тому и наяву и во снѣ сладкое житѣе. Гора-то твоя хрустальная, то богачество твоего Парамона Филимоныча. Коли ты вздумаешь, взглѣдаешь сочтитать его, то выростѣть выше нашей поповой горы. Что Теремъ-то золотой, то торгъ Парамона Филимоныча. А что народъ во Теремѣ, то товары золотой во торгу Парамона Филимоныча. А что твой Парамонъ Филимонъчъ молодецъ молодцемъ, во кафтанѣ золотой парчи, то утѣха твоя, то молодости твоей прикраса. Что золотъ Теремъ растворяется, что народъ покланяется, то богачество расширяется, то дороги товары сбываются. А все-то сонъ твой, любовь да согласие съ Парамономъ Филимонъчъ.»

Сонъ старой, богатой женщины. «Живу, будто я, какъ было прежде, съ своимъ Агафономъ Карпичемъ, на первомъ году, во любви, во согласии. Домъ нашъ полныъ полонъ; семья-то все красная и почетная. Гостей-то, гостей-то, что и Боже упаси! Въ какихъ нарядахъ ужъ не было! Были молодыя молодушки, были пожилыя въ мою пору, были и старыя старушки. Ни одной-то не было красной девушки. Ужъ мой ли Агафонъ Карпичъ не сидѣть, не ходить, а все гостей подчѣть; ужъ и я ли молода за столомъ не сижу, а все гостей подчѣю. Вдругъ на дворѣ стемнуло, и во покояхъ тожъ. Не вижу гостей и своего Агафона Карпича. Осталась одна однечочка. Тошнѣмъ тошно стало мнѣ въ одночество. Вдругъ солнышко засияло на дворѣ. Гляжу — ужъ въ зеленомъ саду, вокругъ меня, калина съ малиной, да розовой кустъ. Тутъ я и проснулась. Ко добру ли, къ радости мой сонъ, ума не приложу.»

Разгадываніе сна старой богатой женщины. «Къ добру и къ радости твой доброй сонъ, золотая моя голубушка. А видѣла-то ты все старое житѣе, когда здравствовалъ твой Агафонъ Карпичъ. Что семья-то красная, то твоя почетная родня. Что молодыя молодушки, твои замужнія дочки; что пожилыя, въ твою пору, то родимыя сестрицы твои; что старыя старушки, то твои сватыши; что не было ни одной красной девушки, то ты одна во дому. А что на дворѣ затемнѣлось и во покояхъ тожъ, то твое вдовство, золотая моя голубушка. Ужъ какъ солнышко взошло, то на радость твоя, во твоемъ одночество. А зелень твой садъ, то красная семья, то радость твоя. Калина съ малиной, то твой сынъ со невѣсткой, то утѣха твоя. Ужъ какъ розовой кустъ, то все внучки твои, то прилука твоя. Хорошъ твой сонъ, и не всмѣ на роду написано таково счастіе. Много радостей было во твоей жизни, а еще больше будетъ ихъ. Береги свой кустъ, покой калину съ малиной. Счастіе твое при тебѣ.»